

История Санкт-Петербургской духовной академии Иларион Алексеевич Чистович

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Григорию, митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому
Высокопреосвященнейший Владыко
Милостивейший Архипастырь!

Блаженной памяти Государь Император Александр первый, рассмотрев доклад Комиссии духовных училищ об окончании первого курса С.-Петербургской Духовной Академии, изволил выразить уверенность, что «этот вертоград наук даст в свое время плоды обильные, поскольку принял семена благие и расцвел под непосредственным влиянием искусных зрителей».

Высокопреосвященнейший Владыко! Через два года совершится пятидесятилетие этого благонасажденного и благонапоенного вертограда. Плоды его перед нашими глазами. Он возрастил многих достойных пастырей Церкви, верных слуг Престолу и отечеству, полезных делателей на всех путях и степенях общественного служения. Возьмем ли крайние пределы нашего отечества – Архангельск, Тифлис, Иркутск и Варшаву, мы повсюду видим воспитанников здешней Духовной Академии, в звании наставников и начальников духовных училищ, в сане священническом и монашеском, на самых высших степенях церковной иерархии. И за пределами отечества значительное число их проходит служение при Русских миссиях и посольствах в знатнейших городах Европы и Азии, одушевляясь такой же ревностью ко благу святой Церкви и пользам отечества, какой проникнуты отечественные пастыри.

Но венец похвалы для С.-Петербургской Духовной Академии – это Ты, наш Архипастырь! Академия высоко ценит память лет, которые Ты провел в ней в качестве ее воспитанника и которые, потом, посвятил ей в качестве наставника и начальника ее, прошел в одном месте воспитания все степени начальственной власти. Среди трудов академического служения Ты первый из летораслей этого духовного вертограда, по благословению Божию и избранию Державной Власти, воспринял жребий Святительского служения и наконец, по той же воле Вышнего Охранителя Церкви Своей и Распорядителя судеб человеческих, изреченной устами Державного Александра II, Ты воззван к высшему служению в звании Первостоятеля священного Собора Российской Церкви.

В чувстве благодарности перед Богом исповедуя волю Его, так благоволившую о Тебе, наш Архипастырь, дерзаю надеяться, что История С.-Петербургской Духовной Академии, обновляя память попечений Церкви и Благочестивейших Государей об этом Духовном вертограде и память Твоих многочисленных и разнообразных трудов на пользу его, не будет недостойным приношением Твоему священному Имени.

Приими его, как малый плод, приносимый от великого усердия к Тебе одного из наставников той же Академии, которая имела счастье видеть Тебя своим воспитанником, наставником и начальником, и которая, наконец, имеет счастье зреть и приветствовать Тебя своим высоким Покровителем.

С. Петербургской Духовной Академии
экстраординарный профессор
Иларион Чистович.

История Санкт-Петербургской Духовной академии

Начало грамотности и просвещения на севере России восходит к первым векам русского государства. В 1030 году великий князь Ярослав Владимирович основал училище в Новгороде при епископской кафедре; а достоверная история сохранила память о мужах, которые, по желанию общей пользы и по собственной любви к образованию, поддерживали и распространяли просвещение в здешнем крае. Такими мужах, в первое время русской Церкви, были два первые новгородские епископа Иоаким и Лука, по прозванию Жидята, и некто Ефрем, учительствовавший в Новгороде по благословению епископа Иоакима. В XII веке Нифонт, епископ из иноков печерских, ревностный защитник неприкосновенности церковного предания, написал церковные правила в виде приложения общих законоположений Церкви к частным случаям жизни и нуждам совести своих пасомых, по просьбе любознательного Кирика, бывшего иноком в одном из монастырей новгородских. В XIII и XIV столетиях, когда над прочими русскими княжествами тяготело иго монгольское, север России сохранил свою самостоятельность; но только в Новгороде, богатом торговлей, имели довольно средств заниматься просвещением. Архиепископ Моисей, книжный и учительный муж, содержал на свой счет писцов, которые, по выбору его, переписывали книги¹. Между тем невежество остального севера открывало свободный вход заблуждениям, суевериям и тому подобным явлениям. Новгородская область, обнимавшая нынешние губернии Новгородскую, С. Петербургскую, Олонецкую, Архангельскую и Финскую Карелию, населена была по крайней мере наполовину поколениями чудского племени, которое было особенно склонно к суеверию и передавало его своим легковерным и необразованным соседям – Русским: это было причиной многих печальных событий в истории Новгородской епархии, особенно в первые века русской Церкви. Нигде суеверие не было так сильно, и нигде так открыто не восставало против христианства, как в Новгородской области; и если в городах и селениях, ближайших к Новгороду, восстания его были скоро подавляемы ревностью пастырей, то в областях отдаленных, как например в Карелии, оно пользовалось свободой и безопасностью. С другой стороны, северный русский край, открытый, по причине торговых сношений с западною Европой, для чуждых влияний иноверий и неправомыслия, часто был возмущаем восстаниями против порядков церковных и власти иерархической. Все это видели и понимали пастыри Новгородской церкви и заботились о распространении просвещения, по крайней мере, в духовенстве; но ревность и усилия отдельных, хотя и правительственных, лиц что могли сделать при общем невнимании к их воззваниям? Просвещенный пастырь Новгородский Геннадий, управлявший епархией в то время, когда там усилилась ересь жидовствующих, с скорбью жаловался на необразованность своего клира и просил Великого Князя об учреждении училищ. «Силы моей нет», писал он, ставить неучей в церковные степени»². Но он не устоял против невежества, которое восстало на него вместе с неправославием и скончался в заключении в стенах Чудова монастыря. Другой, не менее деятельный и образованный пастырь, архиепископ Макарий, бывший в последствии Московским митрополитом, содержал при себе ученых людей, которые занимались переводом сочинений с иностранных языков на русский и имел усердие посвятить 12 лет собранию всех духовно-нравственных сочинений на русском языке, известных в его время и составлению из них Четьих-Миней. Конечно и в сословии низшего духовенства, прежде и после этого времени, было не мало людей грамотных, которые любили упражняться в чтении и переписке духовных книг, как свидетельствуют об этом большие собрания книг духовного содержания при церквях и монастырях Новгородской области; между ними были составители летописей и жизнеописаний русских подвижников, которые прославились в этой стране и причислены Церковью к лику Святых: но таких лиц было не много и образованность их была не на высокой степени. На Стоглавом соборе 1551 г. вспоминали как о давно прошедшем времени, когда между прочими городами в великом Новгороде было училище и там «грамоте, писать, петь и чести учили»³. Иоанн IV Васильевич, может быть, по предложению Собора, намеревался учредить в Новгороде училище⁴, но не привел своего намерения в исполнение. Уже в 1706 году преосвященный Иов, митрополит Новгородский призвал в Новгород Лихудов к открыл в своем доме школу для обучения детей славянскому и греческому языкам. Вот те немногие сведения о состоянии просвещения и училищ на севере России до XVIII столетия!

Санкт-Петербургский край, до основания в нем столичного города Российской империи, по церковным и гражданским делам был подчинен Новгороду. Каково же было состояние здешнего духовенства, когда оно не имело никаких средств к образованию в течение нескольких столетий? До нас дошло очень немного сведений, относящихся к церковной истории этого края, но по ним уже можно судить, что на месте архиепископа Геннадия всякий просвещенный пастырь проникся бы неподдельной скорбью, смотря на духовное состояние христиан этой страны и их пастырей. Такое положение вещей само собою должно было измениться к лучшему после того, как Император Петр Великий обратил особое внимание на состояние духовенства вообще и, в частности, духовенства новооснованной им столицы государства.

Общие правительственные меры к распространению образования в духовенстве и учреждение школы в С.-Петербурге при Александровском монастыре

Высочайшими указами 1714 и 1716 годов повелено было учредить при архиерейских домах и в знатных монастырях цифирные школы и обучать в них цифири и геометрии протопопских, поповских, дьяконских и причетнических детей. Но постановлениями Регламента цифирные школы были отменены, а вместо их повелено «всякому епископу иметь в доме или при доме своем школу для детей священнических и прочих, в надежду священства определенных⁵ и соединить с ними цифирные школы, где они были открыты⁶.

О выборе учителей в эти школы постановлено было, чтобы «каждому архиерею при своем доме иметь учителей» умных и честных, которые в книжном чтении были бы «остры и разумны, и правоглаголение добре произносить и ударение, просодию и препинание строчное беспогрешно соблюдать знали и других научить были довольны и могли бы оных учить не только чисто, ясно и точно по книгам читать, но и разуметь; а наипаче тцались так им буквари в твердую память положить, дабы изустно читать могли.» Епископам предоставлено было приглашать таких учителей, откуда кто возможет, и обеспечить их со стороны средств к жизни. В тех местах, где, до учреждения архиерейских школ, были уже школы цифирные, учителя продолжали получать жалованье из Адмиралтейств-коллегии, которой подчинены были все цифирные школы; но там, где они вновь открыты, само местное начальство обязывалось доставлять учителям содержание и жалованье⁷.

Круг преподавания ограничивался первоначальными предметами обучения. «Понеже совершеннейших учений богословского и философского, также и нужнейших языков искусства, еще за скудостью довольных к этому учителей преподавать невозможно» – сказано в Высочайшем именном указе 31 мая 1722г.; – «того ради учить ныне в архиерейских школах церковнических детей, в надежду священства определенных, по недавно изданным первого отроков учения книжцам, букварями именуемым.... также и грамматик славянских, которые недавно в московской типографии напечатаны»⁸.

В это-то время усиления мер к распространению образования в духовном сословии основано училище в С.-Петербурге при Александровском монастыре. История его имеет пять периодов.

Первый – от основания училища под именем Славенской школы до переименования его Славено-греко-латинской семинарией (1721–1725).

Второй – от переименования Славенской школы Славено-греко-латинской семинарией до преобразования ее по образцу главных народных училищ и переименования Главной семинарией (1725–1788).

Третий обнимает историю Главной семинарии до переименования ее Академией, по примеру киевской и московской академий (1788–1797).

Четвертый – история Академии до преобразования духовных училищ (1797–1809) и наконец –

Пятый – историю С. Петербургской Духовной Академии со времени образования ее по новому плану в 1809 г. до настоящего времени.

В первый период Александровская школа имеет вид низшего, приходского или приготовительного училища и притом более народного, нежели специального; во второй приобретает характер специального учреждения, назначенного для образования священнослужительских детей к церковным степеням; круг наук и внешний состав семинарии постепенно увеличиваются, но средства остаются по прежнему скудными; в третий период Александровская семинария возвышается над семинариями ближайших епархий в качестве главной, в параллель с главными народными училищами и с целью приготовления в ней учителей для прочих семинарий: таким образом мало по малу начинает очерчиваться С.-Петербургский духовно-учебный округ; в четвертом периоде Александровская семинария переименована академией; круг наук дополнен некоторыми новыми предметами; прежние получили большую полноту; в преподавании усвоен метод народных училищ; средства академии увеличены; окружные семинарии приведены в более тесную зависимость от академии; наконец в пятом периоде академия, вместе с прочими духовными училищами, преобразована по всем

частям и получила характер высшего духовно-учебного заведения – на одной линии с университетами и специальными академиями.

Период I. Александроневская славенская школа 1721–1725

Вследствие Высочайшего повеления, указом преосвященного Феодосия, архиепископа Велико-новгородского и архимандрита Александроневского монастыря, от 11 июля 1721 года предписано было: «учредить в общую пользу при Александроневском монастыре, для обучения юных детей чтению и писанию, Словенскую школу, в которой как того монастыря служительских детей, так и сирот, не имеющих родителей и своего пропитания и посторонних, кто кого отдать похочет, принимая от 5 до 13 лет, учить словенского чтения и писания по новопечатным букварям..... И содержать ту школу из обыкновенных того монастыря доходов.» В то же время приказано было: «для содержания при Невском монастыре в учении словено-российской грамматики школьников убрать при канцелярии светлицу, со всем, как надлежит.» Репортом от 4 ноября монастырская канцелярия доносила преосвященному Феодосию, что вышеписанная светлица убрана совсем, как можно школьников учить.

Первые воспитанники Славенской школы были из всех сословий, но большей частью служительские дети из монастырских вотчин, дьяческие, подъяческие, посадские и монастырские келейники. Церковнических детей до 1725 г. было очень немного. Для приема и выпуска воспитанников не было определенных сроков: поступали в разные времена и продолжали учение столько времени, во сколько кто успевал пройти все хитрости грамоты и цифири. Впрочем, главный начальник школы, преосвященный Феодосий, наблюдал, чтобы без указа не окончившие грамматики и необучившиеся арифметике и несвидетельствованные им самим из школы не выходили и ни в какие службы не определялись. Отцов обязывали не брать из школы детей до совершенного обучения их. Сироты получали от монастыря пищу и одежду; прочие состояли на содержании своих отцов, которые платили за них в монастырь по три четверти ржи и по три рубля денег в год.

Предметы обучения

В Александроневской школе учились азбуке, письму, арифметике, псалтири, грамматике и толкованию евангельских блаженств. Духовным регламентом уже было предположено издать необходимые по этим предметам учебники: скоро такие руководства были приготовлены и напечатаны. Нуждам школы по этой части служила монастырская типография, учрежденная в 1720 г. ближайшим образом для печатания сочинений духовного содержания и узаконений духовного ведомства⁹. Первой напечатанной здесь книгой был Букварь или начальное учение отрокам; после печатались проповеди Гавриила Бужинского¹⁰, Феофана Прокоповича¹¹, Пращица, нижегородского епископа Питирима¹², Духовный регламент, Формы о возношении Высочайшего имени на ектениях, Устав келейный монахам Александроневского монастыря, Служба на 30 августа, составленная Гавриилом Бужинским¹³, Феатрон, соч. Страттемана, пер. Бужинского и проч. Здесь же несколько раз было предпринимается издание Библии полной и по частям. Когда, по повелению Императора Петра Великого, в 1717–1721 г. напечатана была Библия на голландском языке, Новый Завет в Гаге и Ветхий в Амстердаме: то в издании Ветхого и Нового Завета на каждой странице против голландского текста оставлена была белая половина страницы для славянского текста. Но припечатание его к Ветхому Завету не состоялось; только Новый Завет был напечатан славянским текстом на белых страницах голландской Библии, и это произведено, по Высочайшему повелению, в типографии Александроневского монастыря¹⁴. В 1727 г., по указу св. Синода от 31 окт., Александроневская типография закрыта, но в 1730 г. снова открыта для печатания славянской Библии, которое начинаемо было два раза, но ни в один раз не приведено к окончанию¹⁵; а несколько экземпляров Нового Завета, отдельно напечатанного (в 1736–1739г., двумя изданиями), хотя выпущено было в продажу в 1745 г., однако же и его выпуск скоро остановлен¹⁶: не известно, какие были причины запрещения этого выпуска. В 1739 г. напечатано Православное исповедание веры, соч. Петра Могилы двумя заводами: одно в-8, с киноварью, другое в-4 без киновари; в 1740 г. Святцы–киевской азбукой; в 1751 г. здесь же на станках московской синодальной типографии напечатано первое издание новоисправленной славянской Библии¹⁷.

Новопечатные буквари разосланы были по всем епархиям в таком числе экземпляров, сколько было церквей в епархии и сколько, кроме того, нужно было для воспитанников архиерейских школ. По грамматике руководства были славянские грамматики Максимовская и Мелетиевская¹⁸; по греческому и латинскому языкам–Трехязычный лексикон, составленный справщиком московской типографии Ф. Поликарповым; по закону Божию составленное Феофаном Прокоповичем и несколько раз печатанное в Александроневском монастыре особое руководство под названием «Христовы о блаженствах проповеди толкование». По объему и внутренней связи мыслей, сочинение это можно назвать нравоучительным богословием, расположенным в порядке евангельских блаженств.

Порядок учения

Учение начиналось азбукой, толкованием десятословия и молитвы Господней; а потом, с разрешения канцелярии монастыря, восходило к грамматике, арифметике и чистописанию. В свободное время воспитанники обучались, по силе Духовного регламента, игре на мусикийских инструментах и живописи, для чего приглашаемы были особые мастера из города.

Первым учителем грамматики был вызванный из новгородской архиерейской школы поддьяк Иродгон Тихонов, словенскую грамматику учением скончавший. Жалованья ему полагалось деньгами по 30 рублей в год и по 15 четвертей хлеба. Но когда число воспитанников увеличилось и одному учителю стало трудно управляться со всеми, то преосв. Феодосий в августе 1723 г. вызвал из новгородской школы другого учителя Андрея Тишина, который помогал Тихонову по должности наставника, обучая, кроме того, желающих и греческому языку. Канцелярия монастыря возложила на него обязанность, сверх занятий по школе, обучать орфографии подъячих невской канцелярии. Вместе с ними келейный иеромонах Вениамин обучал старших школьников арифметике.

Число воспитанников, содержание и размещение их

В 1721 году при первом образовании школы собрано было в нее 26 человек; из них 17 были на своем, а остальные 9 на монастырском содержании; в 1722 г. это число возросло до 53, в 1723 г. до 62: из них на монастырское содержание принято уже 45 человек; в 1725 г. всех было 82 человека. Между ними церковнослужительских детей было весьма немного; большая часть – дети канцелярских чиновников и монастырских служителей; двое дворянских детей – Певцовы, несколько купеческих и иноземцев: один араб, присланный от Высочайшего Двора, один индеец и один калмык. Последний прислан был в 1724 году, при указе св. Синода, для обучения правильному книгочтению, нравственности и закону Божию, дабы впоследствии мог быть священнослужителем для желающих принять святое крещение из калмыцкого народа. – При переименовании Александроневской школы семинарией, с назначением ее собственно для детей священно и церковнослужительских, большая часть школьников – менее способные к книжному учению – определены к разным монастырским службам; 26 человек отобраны в семинарию и не многие перешли в другие школы – здешнюю немецкую и новгородскую при тамошних монастырях.

Надзор за учителями в частных домах и школах

В 1722 г. преосв. Феодосий, архиепископ Новгородский, предложил св. Синоду, что «в С.-Петербурге люди духовного и мирского чинов обучают детей с.-петербургских жителей словесной грамоте, которая в детском возрасте требует от учащего весьма правильно грамматичного от фундамента к чтению и письму научением вкоренения. А они учащие все ли такового находятся искусства, о том св. правительствующему Синоду не известно. Чего ради надлежит быть им под присмотром и ведением учителя, обретающегося при Троицком Александроневском монастыре, Иродиона Тихонова». Вследствие этого предложения св. Синод возложил на Тихонова поручение проэкзаменовывать всех учителей со стороны их познаний и способностей к учительству и представить в св. Синод ведомость с отметкой, кому можно позволить обучение детей и кого следует отстранить. Приходским священникам поручено было сыскать всех таких учителей и объявить им указ св. Синода. По исследованию оказалось, что учителями в частных школах и домах были архиерейские певчие, дьячки, дети их и дворовые служители; тем из них, которые оказались годными к учительской должности, т. е. знающими грамматику и правописание, Тихонов, по поручению св. Синода, дал инструкции, каким порядком обучать детей чтению и письму, а неспособным запрещено принимать на себя учительское звание¹⁹.

Период II. Александроневская славено-греко-латинская семинария 1726–1788

После Новгородского архиепископа Феодосия архимандритом Александроневского монастыря определен советник св. Синода Петр Смелич, родом Серб, бывший архимандритом московского Симоновского монастыря. По Высочайшему повелению Императрицы Екатерины I Алексеевны, объявленному в летнем доме Ее Величества 10 ноября 1725 года, он ввел в Александроневской школе преподавание греческого и латинского языков и переименовал ее Славено-греко-латинской семинарией, с ближайшим назначением образовать достойных служителей св. Церкви. Монастырь обязался содержать на своем коште пятьдесят воспитанников, которые частью собраны вновь из священно и церковнослужительских детей, частью отобраны из наличных учеников, а остальным предоставлена свобода избрать род жизни или оставаться в семинарии на своем содержании

Для преподавания греческого и латинского языков, по Высочайшему повелению, определен в 1726 году Афанасий Сяда, родом Грек из Кефалонии. С 1720 г. он служил при кавалерии в обер-аудиторском чине; потом по слабости здоровья переменил службу, перешел из военной коллегии в синодальное ведомство и определен учителем греческого языка в московское типографское училище, на место Софрония Лихуда, с жалованьем по 200 руб. в год (1722 г. 9 мая). В это время прибыл в Россию голштинский герцог Христиан Август и изъявил желание осмотреть патриаршую ризницу и библиотеку. Св. Синод по этому поводу поручил своему ассессору, игумену Афанасию Кондоиди, привести в порядок библиотеку, а Сяде—описать греческие рукописи. В следующем году описание было окончено и Сяда удостоился получить за него Высочайшее благоволение Государя Императора Петра I-го и от св. Синода 50 рублей в награждение²⁰. Между тем в 1725 г. греческая школа переведена в Московскую академию и учителем на место Сяды определен типографский справщик Алексей Барсов. Сяда остался было без места, но вскоре, именно 10 ноября того же года, Высочайшим изустным указом Императрицы Екатерины I Алексеевны был определен в Александроневскую школу «для обучения младых отроков на еллинском и латинском диалектах», с обязательством содержать в школе учение, по своему званию, как надлежит доброму и доверенному человеку, на 3 года. Начальство монастыря поручило ему управление школой, и так как он был уже известен своими учеными и библиографическими трудами, то ему поручено было, сверх занятий по школе, привести в порядок и описать монастырскую библиотеку и пополнить ее книгами, какие он найдет полезными для учебного заведения. Неизвестно, в какой мере он исполнил последнее поручение; по крайней мере, описания Александроневской монастырской библиотеки им не сделано. Прослуживши, по условию, три года, с 20 января 1726 г. по январь 1729 года, Сяда оставил семинарию, но перед отправлением в отечество предложил монастырю купить для библиотеки собранные им в бытность в России около 90 книг на греческом, латинском, французском и немецком языках, которые и куплены за 60 рублей²¹. Годовое жалованье Сяде состояло из 400 руб. деньгами, 10 сажень дров и одной вари пива в 7 четвертей. По Высочайшему повелению куплен был для него особый дом, в котором он и жил с семейством.

В то же время, как на класс греческого и латинского языков определен Сяда, для преподавания арифметики и геометрии, по прошению архимандрита Петра, прислан из инженерной роты директором ее генералом от фортификации Декулоном воспитанник Иван Соснин. Вместе с должностью наставника он исправлял, по поручению монастырского начальства, должность префекта школы. Жалованья ему полагалось по 60 р. в год. Но в 1729 г. и он оставил семинарию, прослужив 3 года.

Размещение воспитанников

Обученные ими священнослужительские дети распределены по епархии; а из подъяческих детей, трое молодых пищиков—Афанасий Никитин, Ефим Фадеев и Филат Филатов, по обучении арифметике, геометрии, плангеометрии и стереометрии, определены к монастырскому архитектору для обучения гражданской архитектуре на монастырском содержании. Остальные, в надежде скорого приискания учителей, оставлены до времени в монастыре под ведением канцелярии: «понеже ныне семинария»—сказано в определении канцелярии об оставшихся без назначения семинаристах — «учителями для обучения детей потребных наук еще не удовлетворена, и доколе удовлетворена будет, обучаться им — Артемону Волкову, Ивану Голубцову, Василью Жегачеву, Петру Лодейщикову, Михаилу Симонову, Ефиму Конюхову, Степану Брызгалову, Семену Глову, Федору Трифонову и Петрову — твердейшего и лучшего письма и приказных дел в Невской канцелярии за добрым надсмотрением, и в церковь Божию в воскресные, праздничные и прочие торжественные дни для чтения и пения, а в семинарию, где повсегда иметь трапезу и ночлег, по вся дни для учета арифметики и пения с первого часа по полудни ходить и обучаться им до вечера неотменно.»

По поводу просьбы Петрова об увольнении его от монастыря, канцелярия ответствовала: увольнение ему Петрову от монастыря не чинить, ибо воспитан он и учен чтению и пению и письму и арифметике монастырским коштом, за что надлежит ему монастырю отслуживать.

Школа оставалась без учителей до 1733 года. Семинаристы занимались канцелярскими и другими монастырскими делами, протверживая, под руководством подъячих, старые уроки грамматики и арифметики. Между тем, в 1732 г., по Высочайшему повелению составлен был в св. Синоде доклад о содержании Александроневского монастыря с находящейся при нем семинарией и подан в Кабинет Ее Императорского Величества для утверждения. Штат семинарии в отношении к числу воспитанников оставлен прежним; но на содержание ее положена определенная сумма деньгами из монастырских доходов и определенное количество хлеба. Для обучения положено быть при семинарии трем учителям — греческого, латинского и русского языков.

Штат монастыря не был утвержден Императрицей. Св. Синод, по словесному указу Ее Императорского Величества, сделал распоряжения о возобновлении только школы на основании, показанном в штате. Духовное начальство, по силе Высочайшего повеления, должно было озаботиться собранием детей священно и церковно-служительских в школу и приисканием им наставников. Для этого здешнее духовное правление в 1733 г. составило подробную ведомость всех священнических, диаконских и пономарских детей С.-Петербургской губернии, от 7 до 18 лет, которые подлежат определению в школу. В эту ведомость включено 79 человек. Синодским указом от 10 сентября предписано было отобрать их у отцов и доставить в семинарию. Отцы являлись с детьми в монастырь неохотно, так что, по синодским указам, духовное правление не раз должно было возобновлять свои требования. Многих, записанных в ведомость, трудно было отыскать, потому что они поопределились, кто—пономарями при церквах, кто — писцами в окружных конторах и присутственных местах. Сбор шел медленно: в марте 1736 г. явившихся было только 19 человек, а неявившихся — 60. К полугоду доставлены еще 24 человека, но, по освидетельствовании их, только трое оказались удобными к учению.

Насчет учителей архимандрит Петр представлял св. Синоду, что можно найти хороших наставников в Киевской академии. Вследствие этого св. Синод поручил Киевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому избрать и выслать в Невскую семинарию четырех учителей. Между тем, до времени учителем латинского языка и смотрителем семинарии определен иностранец Адам Селлий.

Этот благородный муж, послуживший духовному образованию в нашем отечестве и известный своими учеными трудами для российской истории, был родом датчанин из шлезвигского города Тондера и по первоначально принятому им исповеданию— лютеранин. Славный богослов своего времени Франциск Буддей, которого Селлий слушал в Иенском университете, своими уроками заронил в его душу сомнение в истине лютеранского учения; с того времени вопрос веры сделался для него живым вопросом. Селлий тогда же хотел заняться ученым исследованием оснований лютеранского учения, но обстоятельства отвлекли его от занятий этим предметом. Около 1722 г. он прибыл в С.-Петербург и сначала занимался здесь

преподаванием – был учителем в с.-петербургской школе, заведенной Феофаном Прокоповичем на Карповском подворье, потом в Москве при гимназии, а после возвращения в С.-Петербург жил при Академии Наук. Отсюда архимандрит Петр пригласил его в Александроневскую семинарию, поручив ему (в июле 1734 г.) преподавание латинского языка и управление школой. В 1737 г. Селлий выбыл из семинарии и определился секретарем при графе Лестоке; но склонность к ученым трудам заставила его переменить место. Он снова поселился в Александроневском монастыре и преданся изучению русской истории–церковной и гражданской. Незадолго перед своей смертью он исполнил свое давнее желание–усыновил себя православной Церкви, приняв имя Николая; в 1745 г. марта 27-го пострижен в монашество и назван Никодимом²²; а в 1746 г. скончался и погребен в Александроневском монастыре. Памятником ученых и литературных трудов его остались многие сочинения по разным предметам, потому что он обладал большой ученостью; некоторые из них, преимущественно относящиеся к истории российской Церкви, доселе не потеряли своей цены²³.

В то время, как Селлий обучал воспитанников Александроневской семинарии латинскому языку, под его руководством старшие воспитанники этой же семинарии обучали младших своих совоспитанников первоначальным предметам: русскому чтению и письму, арифметике и пению; а сами в то же время обучались толкованию латинских авторов и живописи.

Набор воспитанников из разных состояний, даже самых низких, не мог быть полезным для юношей, приготовляющихся па служение Церкви. Служительские дети, вступая в школу, вносили в нее свои грубые привычки и допускали шалости, часто несовместимые с возрастом и неизвинительные. Селлий не раз должен был прибегать к самым строгим мерам для наказания или исправления виновных и отвращения зла от их сверстников. Один из подобных воспитанников, Степан Брызгалов, три недели по лености притворялся больным: «но я его – пишет Селлий – служительским хлебом и розгами в прежнее здоровье привел». Брызгалов простер свои шалости еще далее: «он – продолжает Селлий в своем донесении архимандриту лавры – «публично людям, в здешней слободе живущим, доношение на меня показал: что я его неверно учил, что он у меня позабыл больше, нежели научился, что я его братским хлебом не кормил и пр. Того ради укрепляю я ему теперь получше ученые вещи плетьюми, дабы он их не позабыл». Понятно, что основание этой укоризны на Селлия было в его иностранном происхождении и вероисповедании.

Но строгий с грубыми, ленивыми и непокорными учениками, Селлий был кроток с лучшими воспитанниками по прилежанию и благонавию. «Прилежнейших и послушнейших учеников–говорит он, заключая означенное донесение – якоже моих братий возлюблю и им какой-нибудь пользы сыщу».

Вначале 1736 года архимандрит Петр посвящен в епископа Белгородского. Из Киевской академии, неизвестно почему, не прислали наставников. Поэтому, преемник Петра, архимандрит Стефан Калиновский, переведенный в настоятели Александроневского монастыря из ректоров Московской академии, должен был вновь озаботиться приисканием наставников. Выбор его пал на обучавшихся у него студентов Московской академии Григория Феодоровича Кременецкого и Андрея Степановича Зертис-Каменского, которые дали прочное устройство Александроневской семинарии. Оба они, до поступления в Московскую академию, обучались в Киевской²⁴, а Зертис-Каменский, кроме того, и в Львовской академии, славившейся своим порядком и ученостью. Следовательно, они были, как нельзя лучше, приготовлены для образования новоучреждавшейся семинарии и усвоения ей всего хорошего, что они видели в лучших училищах того времени. С 1-го апреля 1736 г. они вступили в отправление своих должностей. В этом же году, при увольнении из школы прежних воспитанников, набраны новые – большей частью из детей священно- и церковно-служительских.

Кременецкий и Зертис-Каменский решились в обучении следовать определенному порядку: производить обучение тому или другому предмету в известный срок, начиная с простейшего и постепенно возводя учеников к высшему образованию. Когда одни обучились чтению, письму и пению, их начинали обучать латинской и греческой грамматикам, переводам и арифметике; на место их в низший класс поступали новые воспитанники и когда эти последние оканчивали первоначальные предметы, их переводили в следующий класс, а тех еще в высший. Кременецкий и Каменский переходили из одного класса в другой вместе с воспитанниками и к 1740 г. довели их до риторики. В 1740 г. 29 мая, когда Императрица Елизавета Петровна изустным указом соизволила потребовать из Невского монастыря известие о семинарии–на

каком основании она учреждена, сколько должно быть семинаристов по штату и сколько их на лицо, каких людей дети, каким наукам обучаются и на какой счет содержатся: то означенные наставники доносили Ее Величеству, что «семинаристов на лицо 85 человек; а семинаристы эти при нас с 1736 года обучаться начали и сейчас обучаются – одни по-русски читать, писать и петь, другие – латинской и греческой грамматике, переводам и арифметике, третьи – пиитике, риторике, географии и истории и имеют потом поступить к некоторым началам еврейского языка, также философии и богословия. Понеже тые наипаче диалекты и науки приличны духовному чину и удобнейший способ подают к достодолжному исполнению звания их»²⁵. В низших классах, под руководством Гавриила и Амвросия, обучали воспитанников чтению, письму и начаткам латинского диалекта – старшие воспитанники этой же школы.

В каком объеме и каким порядком преподавались в семинарии науки после Гавриила и Амвросия, можем судить только по самым ограниченным сведениям об этом времени, рассеянным там и здесь в официальных памятниках и частных сочинениях. Из описания семинарии, сделанного в 1775 году бывшим воспитанником Киевской академии В. Рубаном²⁶, видно, что в классе богословском преподаваемы были: богословие догматическое, нравственное, сравнительное или обличительное (богосл. полемика) и истолковательное (библ. герменевтика); в философском – логика, психология, метафизика и нравственная философия; в риторике – красноречие и поэзия. Из прочих наук преподаваемы были: общая история, география, арифметика и геометрия и языки: еврейский, греческий, латинский, французский и немецкий.

Высочайшим указом 27 августа 1784 г., данным св. Синоду, повелено было усилить в духовных семинариях преподавание греческого языка, как в рассуждении того, что книги священные и учителей православной греко-российской Церкви на нем писаны, так и потому, что знание этого языка многим другим наукам способствует. Знающим греческий язык повелено отдавать, при определении воспитанников на убылые места, предпочтение перед теми, кто ему не учился²⁷.

Способ преподавания наук в духовных училищах определен был следующими правилами Духовного регламента: «определенным и добрым учителям приказать, чтобы они сперва сказывали ученикам своим вкратце, но ясно, какая сила есть настоящего учения, грамматики, например, риторики, логики и прочая; и чего хочет достигнуть через то или другое учение, чтоб ученики видели берег, к которому плывут, и лучшую бы охоту возымели и познавали бы повседневную прибыль свою, також и недостатки. В частности, о преподавании богословия: чел бы учитель богословский Священное Писание и учился бы правил, как прямую истую знать силу и толк Писаний, и вся бы догматы укреплял свидетельством Писаний. А в помощь того дела чел бы прилежно святых Отец книги, да таковых Отец, которые писали о догматах, за нужду распръ в Церкви случившихся, с подвигом на противные ереси.... К тому же зело полезны деяния и разговоры вселенских и поместных Соборов. И от таковых учителей при Священном Писании не тщетное будет учение богословское. А хотя и может богословский учитель и от новейших иноверных учителей помощи искать: но должен не учиться от них и полагаться на их сказки, но только руководство их принимать, как они от Писания и от древних учителей доводов употребляют, наипаче в догматах, в которых с нами иноверцы согласны суть; а, однако доводам их нелегко верить, но посмотреть, есть ли таковое в Писании или в книгах отеческих слово, и тую ли имеет силу, в какой они приемлют. Многажды бо лгут господа оные и чего не бывало приводят»²⁸.

Число и порядок классов были следующие: 1) инфима или информатория, 2) фара, 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) поэзия, 6) риторика, 7) философия и 8) богословие. Судя по тому, как распределены были учебные предметы в этих классах, можно сказать, что первые четыре класса – инфима, фара, грамматика и синтаксима – соответствовали приходским и уездным классам теперешних наших духовных училищ, а последние четыре – семинарским классам.

Упражнение воспитанников в сказывании проповедей; диспуты и высочайшее посещение их императрицей Елизаветой Петровной

«Во вторник, четверг и субботу – продолжает Рубан, описывая здешнюю семинарию – всех классов ученики ходят к литургии, а 2, 3 и 4 часы обучаются нотному пению. Чтобы благопристойную в юношеские сердца влить способность к проповеданию слова Божия, ученики богословия, чередуясь с учителями, каждое воскресенье говорят при Его Преосвященстве (а иногда и без него) проповеди. В школе каждый месяц отправляются диспуты. А ученики философии и риторики в каждую субботу в 7 часов пополудни в семинарской зале, при собрании всех воспитанников и наставников, в присутствии ректора, префекта и других посторонних слушателей науколюбивых, читают русские и латинские речи с кафедры, а пииты – стихотворения наизусть; притом, чтобы и застенчивость не овладела сердцами юношей, и чтобы яснее можно было видеть успехи, ученики низших классов экзерцитуются при том же собрании. Два ученика синтаксиса и грамматики, выйдя на середину того же зала, говорят разговоры на русском и латинском, а другие иногда на греческом, французском и немецком диалектах. После них еще два ученика информатории выходят на те же места и читают наизусть катехизис и сокращенную св. историю. Выслушав эти перемены, ректор пересматривает всех классов журналы или замечательные листы, потом читает, если можно, каждого ученика, а особливо учеников риторики, пиитики и диалектов недельные упражнения, кто сколько и как успел; причем каждому особо отдается похвала или противное тому. Наконец всем говорится краткая речь о надобности или пользе наук, о союзе наук с добродетелью и что всякая наука красна только добродетелью, или о другом чем, служащем к одобрению прилежных и возбуждению сонливых – тем и оканчивается собрание. Продолжение этого порядка, говорит Губан, столько полезно, что юноши, впрочем, простейшего и сельского воспитания, в краткое время, без всякого телесного наказания, снискивают то, чего в долгое прежде время получить было невозможно».

Императрица Елизавета Петровна, бывшая еще Великою Княжною, посещая Невский монастырь, всегда достаивала приглашать к себе наставников семинарии иеромонахов Гавриила и Амвросия²⁹.

В 1743 г., когда Она после коронации изволила прибыть из Москвы в С.-Петербург и 1-го июля посетила Невский монастырь: то воспитанники семинарии, по распоряжению преосв. Никодима, епископа С.-Петербургского, встречали Ее у монастырских ворот в особо приготовленных на этот случай красных епанчах, с венками на голове и лавровыми ветвями в руках и таким же порядком сопровождали при Ее отшествии из монастыря. При этом Императрица соизволила повелеть, что как будут в Александроневской семинарии диспуты, то не править их без Высочайшего Ее Императорского Величества присутствия. Но так как скоро последовало окончание философского курса и, по обыкновению, были приготовлены для диспутов темы философического содержания: то Императрица удостоила их Своим Высочайшим посещением, прибыв вместе с Наследником престола, Великим Князем Петром Федоровичем³⁰. Темы эти или, как в старину называли их, конклюзии сообщаются для любопытства в особом приложении³¹.

Особые труды наставников: I. Преподавание Закона Божия православным воспитанникам немецкого училища св. Петра

В 1763 г. 10 июля Императрица Екатерина II Алексеевна повелела св. Синоду назначить ученого иеромонаха в гимназию, учрежденную при лютеранской кирхе, для обучения православных воспитанников закону Божию. Св. Синод на первый раз назначил к этой должности ученого иеромонаха из братства здешнего монастыря Иеремию. В жалованье ему назначено 250 р. в год, из сумм Коллегии экономии, положенных на Духовный департамент. В 1764 г. Иеремия умер и на его место определен семинарский префект, иеромонах Арсений Верещагин, с оставлением в прежней должности. С тех пор это место занимало было почти исключительно здешними ректорами и префектами.

II. Проповедничество и катехизис

Ректоры и префекты семинарии, равно и наставники, состоявшие в духовном чине, составляли и говорили проповеди как по собственному желанию, так и по назначению от епархиальной власти. В 1746 г., когда св. Синод сделал запрос Александроневскому монастырю, почему нет в нем особого проповедника, то здешняя канцелярия отвечала, что на жалованье проповеднику не положено особой суммы: но в Господские праздники, высокоторжественные и викториальные дни проповеди сказывают самоохотно здешней семинарии ректор и префект без награждения из монастырской казны³². Особенными случаями к сказыванию проповедей, вне монастыря, были торжественные собрания дворянства через каждое трехлетие для выбора судей, приемы и выпуски воспитанников и воспитанниц в учебных и воспитательных заведениях³³ и другие случаи.

Кроме того, ректоры и префекты в воскресные и праздничные дни изъясняли воспитанникам катехизис и дневные чтения из Евангелия. Для этого воспитанники всех классов собирались перед литургией в семинарском зале, – куда открыт был вход и сторонним лицам, любителям духовного просвещения, – и, выслушав предложенное объяснение, отправлялись потом в семинарскую церковь к слушанию литургии. Здесь воспитанники, чередуясь с учителями, говорили проповеди своего сочинения, наперед приготовленные и одобренные к произношению ректором³⁴.

III. Ученые поручения: пересмотр 1. Четых-Миней св. Димитрия митр. Ростовского для нового издания

В 1741 г. Киевопечерская лавра вознамерилась вновь напечатать Четых-Миней св. Димитрия митр. Ростовского³⁵. Но так как Высочайшим указом 5 октября 1720 года повелено было ей не печатать никаких книг, ни прежних ни новых изданий, не объявля об этом в Духовной коллегии и не взяв от нее позволения: то она и испрашивала на это разрешения у св. Синода. Св. Синод позволил печатать, приказав только «оныя книги жития св. Отец, прежде издания в печать, архимандриту с другими учеными и в Св. Писании и в церковных историях искусными людьми со всяким опасным смотрением достоверно освидетельствовать нежели что в них как Св. Писанию, Духовному регламенту и состоявшемуся октября 5 дня 1720 года³⁶ блаженной и вечно достойной памяти Государя Императора Петра Великого и посланному из св. Синода 1727 года ноября 6 числа указу³⁷ противное сыщется, так и не достоверное и церковными учителями и историками веры достойными не утвержденное, но весьма сомнительное окажется: то такую сомнительную и вероятия не достойную историю отметить в конце жития Святого, о котором идет история, или (ежели возможно будет) исправить. Что же касается до просодии и наречия, в том во всем согласить с великороссийскими книгами непременно. Також и каталог или собрание по алфавиту житий Святых по именам и дел их и прочих вещей к ведению достойных сочинить и на конце всякой книги напечатать»³⁸. Тимофей Щербацкий, бывший в то время архимандритом лавры, медлил делом, отзываясь разными предлогами, но главным образом тем, что не имеет ни достаточного числа способных людей, которым бы можно было поручить это дело, ни всех древних книг, с которыми нужно сверять жития Святых; потому что во время пожара, случившегося в 1718 г., библиотека Киевопечерской лавры сгорала вся без остатка. Св. Синод, не желая остановить этого дела, не удовлетворился означенным ответом и поручил архимандриту Тимофею составить и прислать реестр книг, которые принадлежат к свидетельству Четых-Миней, в надежде, не отыщутся ли они в библиотеках синодальной и типографской (ук. 30 июля 1753 г.). Но, между тем как это дело производилось, архимандрит Тимофей посвящен был в митрополита Киевского и за епархиальными делами и частыми болезнями не мог быть особенно внимательным к делу, совершенно для него постороннему. Преемник его архимандрит Иосиф Оранский не долго управлял Печерским монастырем. Новый архимандрит Лука Белоусович весьма озабочен был изданием Четых-Миней, но не мог подвинуть его вперед; потому что был неученый. Из прежних сподручников Тимофея, которые занимались, под его руководством, пересмотром Четых-Миней, проповедник иеромонах Фома Гирчич выбыл в Троицкую Сергиеву лавру в префекты Московской академии; другой – архиерей Манассия Максимович, за неимением времени и средств, отказался от этого труда; только немногие замечания их пересланы в св. Синод для соображений при дальнейшем производстве дела. Между тем нужда в издании Четых-Миней оказывалась все более и более настоятельной. Митрополит Черногорский, Скендерский и Морского Берега, экзарх Сербского престола, Василий Петрович прислал доношения в св. Синод и Государственную коллегию иностранных дел с просьбой, об ускорении этого издания: «понеже славенского нашего языка сербский, болгарский, далматский и кроацкий народы, из которых (кроме нашей Черной Горы) под игом турецким между магометанами, а другие в Римской империи и Венецианской республике промеж папезцами и прочих ересей иноверцами иноверцами состоят, все душевно желают таковых книг достать, только не имеют откуда, а эти книги оным славенским нашим народам весьма на пользу есть, по той причине – как выше явствует, что у них, за жительством их в протекциях иноверцев, никаких училищных школ не имеется и только из оных бы житий святых Отец себе утверждать наивыше могли: того ради прошу для пользы благочестивого нашего народа и особенно меж неверными и еретиками пребывающими, ради сильнейшего их к православию подвига и утверждения, о печати учительных книг против папезцов и жития святых Отец». Чтобы удовлетворить этому желанию православных, св. Синод вознамерился издать жития Святых от своего лица и поручил пересмотр их для нового издания, под своим непосредственным наблюдением, двум духовных особам, именно проживавшему в то время в Санкт-Петербурге Новгородской семинарии ректору и Антониева монастыря архимандриту Иоасафу Миткевичу, вместе с ректором здешней семинарии иеродиаконим Никодимом Пученковым. Чтобы они могли беспрепятственнее заниматься этим делом, св. Синод поместил их на Васильевском острове на Новгородском

подворье, увеличив оклады их жалованья³⁹ на счет тех мест, где означенные книги будут печататься, и обязал их представлять Ему помесечно выписки с своими замечаниями. Для соображения им даны были Аннотации на прологи учителя соборного иеромонаха Стефана Прибыловича⁴⁰, выписки, присланные прежде того из Киевопечерской лавры, замечания синодального члена, Ростовского митрополита Арсения, о некоторых местах Четьих-Миней, требующих исправления, и необходимые учительные и исторические книги. Ноября 6-го 1755 г. они вступили в это дело и к маю следующего 1756 г. рассмотрели первые шесть месяцев, а к октябрю окончили и другую половину. – Что касается до приведения текста Четьих-Миней в согласие с великороссийским наречием, то этот труд сначала поручен был исправителям. Но когда оказалось, что он только затрудняет их, отнимая время и отвлекая внимание от более важных предметов, то его поручили справщикам Московской типографии, в которой производилось печатание Миней, «с таким наказом, чтоб ни в чем проронки и неисправности быть не могло; также где имеют положенные из библейского состава места, оное согласить и исправить во всем против ныне вторично напечатанного библейского состава». Св. Синод от своего лица присовокупил предисловие⁴¹ с объяснением: «какого ради винословия те Миней-Четьи св. Синодом были исправляемы⁴², дабы не подать причины к сомнению некоторым из читателей, которые сказать могут: можно ли кому после святителя Димитрия, мужа великого разумом и учением, святостью жития, напоследок нетлением и чудесами прославленного, исправляти что либо?»—«Всякому благочестивому читателю,—сказано в предисловии — вспомнить должно следующее: после Евсевия, достовернейшего мученических деяний писателя, были другие, из его описаний свои книги составившие. После тех был блаженный Симеон Метафраст, собиравший из всех свои описания. Есть же достоверные и сильные доказательства и свидетельства ученых мужей, что после Метафраста в новейшие времена были писатели, которые его сочинения вновь прибавляли, внося в оные ово другие, от него неписанные повести, ово жития мужей, в новейшие времена богоугодно поживших. Кому же благоразумному и в чтении не только исторических, но и всякого рода книг, искусившемуся неизвестно, что все недостатки и погрешности в книгах от этого происходят? Всякому, в прочтении и исправлении чуждых дел упражняющемуся, одно кажется недостаточное, другое пришлое, а третье совсем и ненужное; а напротив того свое, хотя совсем бесполезное, кажется быти лучшее и полезнейшее. Кто же в то время, когда еще не было печатного художества, стал таковым к исправлению чуждых сочинений охотникам указать, чтоб они не по своему произволу их переделывали? Это несчастье, как другие, можно сказать всем, так более всех историческим книгам приключилось. Этому же злоключению подвержены были и достовернейшие житий Святых описания, сочиненные Евсеем и Метафрастом. От этих источников произошли многие невероятные и сомнительные о житиях Святых повести и не могли не произойти в те времена, в которые науки в Греции и во всей Европе презрены и как в пепле погребены лежали, в который невежество и суеверие общими силами устремясь на человеческий разум, помрачили его и правды с неправдой распознать не допускали. Это все добре видел блаженный Макарий митрополит Московский, потрудившийся в написании Миней-Четьих, и ведая то, что он только собиратель прежде его написанных повестей, не почитает их за непреложные догматы веры и за такие описания, которым вопреки ничего сказать нельзя, но последнему роду оставляет их на рассмотрение и исправления просит»⁴³. «Ему подражая и святитель Христов Димитрий со всяким смиренномудрием признает свои в первой книге учиненные недосмотрения и погрешности и, исправив сам их, другие в книгах его обрестись могущие отдает на рассмотрение и исправление церковное⁴⁴, зная, что всякие исторические правды одна другую превзойти могут достовернейшими доказательствами.»

2. Печерского патерика

Вместе с Четьими-Минеями св. Синод вознамерился издать от себя в общее назидание Печерский Патерик, но также наперед подвергнув его самому внимательному рассмотрению. Необходимость исправления его, как и Четьих-Миней, возникла из того, что переписчики, а частью может быть и собиратели Патерика, внесли в него, под видом преданий, некоторые мысли и сказания, несогласные с церковным учением и чуждые первоначальным составителям житий Святых, помещенных в Патерике, преп. Нестору и блаженным Симону и Поликарпу. Лучший способ исправления, как и предположено было св. Синодом, состоял бы в сличении Патерика с древнейшими его списками. Поэтому св. Синодом 1746 г. мая 5 определено было: «в Киевопечерской лавре и в других киевских монастырях, не отлагая ни малого времени, всеприлежнейше справясь отыскать книги Патерика самые оригинальные, какие только где-либо сыскаться могут, и, отыскав их, в св. Синод с должным, чьих они рук писания, засвидетельствованием и с известием, в котором именно году тот Патерик начат печатать и с какого оригинала, отправить при доношении». Но в Киевопечерской лавре не нашлось ни оригиналов Патерика, ни известий о его печатании, по причине пожара, истребившего всю лаврскую библиотеку в 1718 г.⁴⁵ Поэтому св. Синод поручил тем же известным уже нам ученым людям духовного чина, архим. Иоасафу и иеродиакону Никодиму, произвести пересмотр Патерика таким же точно порядком как перед этим сделано было ими рассмотрение Четьих-Миней. В октябре 1756 года они окончили этот труд и представили в св. Синод свои замечания, по которым и был исправлен текст Патерика, при издании его в 1759 году⁴⁶.

Библиотека

Так как до 1736 года в семинарии обучали только первоначальным предметам, то не было необходимости в собрании книг для высшего образования; а когда надобилось что учащим, то они пользовались книгами из монастырской библиотеки. Но, со времени назначения на учительские должности Гавриила и Амвросия, круг наук распространился и приобретение разных книг сделалось необходимым для наставников и воспитанников семинарии. Поэтому Гавриилу и Амвросию поручено было от монастыря покупать необходимые для занятий их книги на русском и иностранных языках. Следствие этого позволения видим в 1738 году, когда Кременецкий и Каменский доносили канцелярии, что, по их поручению, англичанином Иоанном Андреевым Киновым доставлены в семинарию выписанные нарочно из Липска, по данному реестру, 200 экземпляров схоластических книжиц, именно: географий Целяриевых 50, Цицероновых Епистоларум адфамилиарес 50, Виргилиев 50, Овидиевых Тристиум 50 же: всего ценою на 140 рублей 30 коп. В том же году куплены в С.-Петербургской лавке 25 книг на русском диалекте, называемых атласы, на 58 руб. 75 коп⁴⁷.

Но кроме этого семинарская библиотека получила приращение еще другими способами. Так в 1741 г. по именному Высочайшему указу передано в Александроневскую семинарию собрание книг и рукописей, оставшихся после Новгородского архиепископа Феофана Прокоповича. Еще прежде приобретена покупкой небольшая библиотека Сякды, относящаяся к классической литературе и сродным с ней предметам. По смерти Никодима Селлия, духовный отец его, префект Амвросий Зертис-Каменский передал в семинарскую библиотеку некоторые рукописные сочинения его на русском, латинском, немецком и датском языках, которые, впрочем, не уцелели до настоящего времени.

Высочайшим указом 1740 года повелено было соединить с семинарской библиотекой монастырскую для пользы семинарии. Хранителями ее были здешние иеромонахи.

Списки ректоров, префектов и учителей

Ректоры и богословия учителя

1) Гавриил (Григорий) Кременецкий, из здешних учителей, в 1739 г. вступил в монашество и в следующем наименован ректором семинарии. В 1748 г. произведен в архимандрита Московского Новоспасского монастыря и пожалован членом св. Синода. После был архиепископом С.-Петербургским (1762–1770). Скончался митрополитом Киевским в 1783 г.

2) Никодим (Никита) Пученков, иеродиакон, из воспитанников и учителей здешней семинарии, с 1745 г. В 1755–1756 г. занимался, вместе с ректором Новгородской семинарии, архимандритом Иоасафом Миткевичем, пересмотром Четых-Миней и Патерика Печерского к новому изданию, а по окончании этого труда поступил в братство Хутынского монастыря, куда Иоасаф назначен был настоятелем. Последующая судьба его неизвестна.

3) Сильвестр Страгородский, иеромонах, из префектов семинарии, с 1756 г.; в июне следующего года, с Высочайшего соизволения Императрицы Елизаветы Петровны, отправился на год в Москву для поправления здоровья, расстроенного постоянными школьными трудами, и получил из сумм синодального хозяйства 300 р. на путевые издержки; но это путешествие едва восстановило его силы. По возвращении он взял отпуск еще на два года, с тем чтобы быть и в Киеве; но по приглашению своего благодетеля Амвросия Зертис-Каменского, бывшего епископом Переяславским, остался в его епархии и в 1760 г. 5 марта произведен в архимандрита ставропигиального Высокопетровского монастыря⁴⁸; в 1761 г. декабря 23 рукоположен в епископа Переяславского и, по Высочайшему повелению, участвовал в Комиссии о составлении штатов для духовенства и духовных училищ; в 1768 г. переведен в Крутицкую епархию. Скончался на покое в Москве 19 окт. 1802 г.

4) Исаия Германовский, архимандрит, из префектов семинарии, с 1766 г.; в 1770 г. выбыл в Киев.

5) Вениамин Румовский-Краснопевков, архимандрит, из префектов семинарии, с 1770 г.; в 1774 г. 13 июля посвящен в епископа в Олонец; оттуда в 1775 г. 1 апреля переведен в Архангельск; из Архангельска в 1798 г. 26 октября в Нижний Новгород; в 1804 г. 11 ноября Всемиловейше пожалован архиепископом. Скончался 16 марта 1811 г.

6) Иоанний Орловский, архимандрит, из префектов семинарии, с 1744 г. Будучи ректором, он преподавал еще два года философию, а в 1776 г. сентября 9 принял богословский класс. В 1782 г., по случаю открывшейся настоятельской вакансии во второклассном Солотчинском монастыре, Рязанской епархии, состоялось определение св. Синода от 15 июля: «архимандрита Иоанния за долговременные его в ректорском звании труды, по неимению сейчас других вакансий, перевести на первый случай во второклассный Солотчинский монастырь, обнадежа его определением впредь на настоятельскую вакансию высшей степени»⁴⁹. Впрочем, он скончался в этом же монастыре в 1802 г.

7) Вениамин (Василий) Багрянский, родом из Москвы, священнический сын, обучался до философии в Московской академии и ректором Геннадием рекомендован: отменных перед прочими успехов, в понятии остроумен, в памяти превосходен; в 1766 г. по Высочайшему именному повелению отправлен был в Лейденский университет, где обучался философии, математике и истории, языкам еврейскому, греческому и французскому; по возвращении в Россию в 1776 г. пострижен в монашество и определен префектом и учителем философии в Новгородской семинарии; в 1782 г. произведен в архимандрита и определен ректором Александроневской семинарии; в конце следующего 1783 г. переведен в Новгородскую семинарию ректором и учителем богословия. Скончался в 1814 г. 8-го июня, в сане епископа Иркутского.

8) Иннокентий Полянский, с 1 января 1784 г. определен из префектов Московской академии, с возведением в сан архимандрита и тогда же назначен присутствующим в С.-Петербургской дух. консистории; 6 июля избран в члены Императорской Российской Академии; в 1785 г. исправлял чреду священнослужения и проповеди Слова Божия; в 1788 г. 8 мая рукоположен в епископа в Воронеже, где и скончался 15 апреля 1794 г.

Префекты и учителя философии

1) Амвросий (Андрей) Зертис-Каменский, вступил в монашество в 1739 г., а в 1740 г. наименован префектом семинарии. Трудлюбивое исполнение обязанностей звания, особенное искусство в проповедании Слова Божия и добродетельная жизнь сделали его достойным высших наград. В 1748 г. Государыня Императрица Елизавета Петровна Высочайшим указом, данным св. Синоду, повелела посвятить его в сан архимандрита ставропигиального Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, с пожалованием в члены св. Синода. В 1753 году Амвросий рукоположен в епископа Переяславской епархии, ближайшей к Воскресенскому монастырю, в котором он остался настоятелем, для приведения к концу монастырских построек; в 1761 г. переведен на епархию Сарскую и Подонскую, октября 7 пожалован архиепископом; а в 1768 г. переведен в Москву, где принял мученическую смерть от изуверной черни во время моровой язвы, 16 сентября 1771 г.

2) Сильвестр (Симеон) Страгородский, родился в 1725 г. от священника придворной Благовещенской церкви в Царском Селе Игнатия Гаврилова. Императрица Елизавета Петровна, бывшая тогда Великою Княжною, воспринимала его от купели. В 1736 г. он был отдан в Александроневскую семинарию и, по смерти родителя, содержался на скудные средства матери, получая небольшую помощь от префекта Амвросия Зертис-Каменского. К этой скорби присоединилась глазная болезнь, которая заставила его в 1743 году, до окончания курса, выйти из семинарии⁵⁰. Получив малое облегчение, он опять вступил в семинарию, был в ней учителем низших классов и дошел до риторики; в 1748 г. при пострижении в монашество наименован Сергием, но после из признательности к С.-Петербургскому архиепископу Сильвестру Кулябке, который был к нему очень расположен, принял его имя; в 1753 г. определен префектом семинарии, а в 1756 – ректором.

3) Иоанникий Святковский, иеромонах, из учителей здешней семинарии, с 1756 г.; в 1758 г. произведен в архимандрита Новгородского Вяжицкого монастыря; отсюда переведен в Юрьев, где и скончался.

4) Гавриил Огинский, иеромонах, в 1758 г. синодальным членом Сильвестром, архиепископом С.-Петербургским, вызван из Черниговской семинарии, в которой был десять лет учителем и проповедником, и определен на класс философии; в 1760 назначен префектом семинарии; в 1762 г. января 16 произведен в архимандрита Антониева Сийского монастыря (Арх. губерн.), определен ректором семинарии и присутствующим в консистории.

5) Арсений Верещагин, иеромонах, из здешних воспитанников, принял после Гавриила философский класс; в 1762 г. переведен на богословский и определен префектом семинарии; в 1764 произведен в архимандрита Спасоярославского монастыря; в 1773 г. декабря 22, из ректоров Тверской семинарии, рукоположен в епископа Архангельского в большой церкви Зимнего дворца, в присутствии Императрицы Екатерины II Алексеевны. Скончался в 1779 г. в С.-Петербурге, в сане Ростовского архиепископа и в звании члена св. Синода.

6) Исаия Германовский, родом малороссиянин, пострижен в монашество 1753 г. в кафедральном Борисоглебском монастыре Черниговской епархии и был в тамошней семинарии учителем риторики и пиитики; в 1759 г. преосв. Сильвестром, архиепископом С.-Петербургским, вызван в С.-Петербург и определен учителем риторики, а вскоре потом и философии; в 1764 г. назначен префектом семинарии; в 1765 г. произведен в архимандрита Староладожского Николаевского монастыря; в следующем определен ректором семинарии.

7) Вениамин Румовский-Краснопевков, иеромонах, из учителей здешней семинарии, с 1768 г.; в 1770 году произведен в архимандрита и определен ректором семинарии.

8) Иоанникий Орловский, иеромонах, в 1774 г. марта 2 определен из ректоров Рязанской семинарии; в том же году произведен, в архимандрита и сделан ректором семинарии.

9) Иннокентий Полянский, родился в 1753 г. и обучался в Рязанской семинарии; в 1773 г. пострижен в монашество и определен префектом семинарии; в 1778 г. 14 августа переведен префектом в здешнюю семинарию, а отсюда в 1782 г. августа 18 префектом в Московскую академию.

10) Николай Киждобрянский, родом славяно-серб, из военного звания, учился свободным наукам в западных академиях и православному богословию в Киевской академии; потом, в сане священника, проходил наставническую должность в училище, состоявшем при Карловатском

митрополите Павле; по овдовении пострижен Карловским митрополитом Викентием в монашество, а Молдавским митрополитом Гавриилом, к которому перешел для обучения воспитанников архиерейской школы, возведен в сан архимандрита; в 1781 г. перешел в Новгородскую семинарию; в 1782 г. митрополитом Гавриилом вызван в С.-Петербургскую на класс философии и геометрии и определен настоятелем Кириловского монастыря; в следующем году переведен опять в Новгород префектом и учителем философии; но в 1784 г. снова вызван в С.-Петербург и обучал философии, геометрии и немецкому языку; в 1788 г. переведен ректором в Новгородскую семинарию и определен настоятелем Антониевского монастыря; в декабре 1790 г. вызван был в С.-Петербург на чреду священнослужения и для присутствия в консистории и, в бытность в С.-Петербурге, преподавал в семинарии экспериментальную физику, сохраняя звание ректора Новгородской семинарии, в 1791 г. 22 августа переведен в Иверский монастырь⁵¹.

Учители

Иван Максимов, Артамон Волков, Василий Жигачев, Федор Шелковников и Иван Голубцов, крестьянские дети, обучившись в Александроневской семинарии славянскому и русскому чтению, письму, арифметике; и толкованию латинских авторов, были при ней учителями первоначальных предметов. Шелковников, по выходе из семинарии, определен был священником к приходской Благовещенской церкви здешнего монастыря.

Федор Заозерский и Алексей Гусс из духовного звания – упоминаются учителями в 1736–1743 годах.

Афанасий Ив. Пельский, с 1736 г. по 1745 г. обучался в здешней семинарии, и, бывши студентом богословия, обучал в низших классах латинскому языку; в сентябре 1745 года переведен в Московскую академию учителем греческого языка; в 1754 г. из учителей риторики определен в Московскую типографскую контору товарищем директору, в ранге синодского секретаря; в 1764 г., «за добропорядочную и беспорочную службу и что старее его в Сенате и Синоде из секретарей нет» пожалован чином надворного советника; в 1768 г., по смерти директора типографии Юрьева, занял его место; 1775 г. пожалован чином коллежского советника; скончался в 1784 г.

Василий Алексеев обучался и был учителем до 1760 года; 6-го января этого года определен дьяконом к Морскому Богоявленскому собору; потом был при нем священником и протоиереем; в 1772 г. переведен в Петропавловский собор протоиереем же и сделан членом консистории; в 1775 г., за отсутствием св. Синода в Москву, был членом временно учрежденной в С.-Петербурге Синодальной конторы.

Антоний (Александр) Румовский, иеродиакон, из здешних воспитанников, определен в 1762 г. учителем физического класса; в 1763 г. переведен законоучителем в Сухопутный кадетский корпус; в 1770 г. в звании архимандрита Вяжицкого монастыря – проповедником в Московскую академию, в 1774 г. рукоположен в епископа Переяславского; в 1776 г. переведен в Астрахань и учредил в ней семинарию для детей духовного звания; в 1785 г. пожалован архиепископом. Скончался в 1786 г. ноября 10-го⁵².

Петр Славянский, из здешних воспитанников, с 1762 г. учитель немецкого языка; в 1765 г. посвящен во дьякона к церкви св. Симеона Богоприимца.

Иван Григорьев упоминается учителем грамматического класса в делах 1772 г.

Иустин (Иван) Трипольский, протоиерейский сын из Полтавы, учился в Киевской академии и был там учителем в низших классах; в 1772 г. перешел в здешнюю епархию и определен учителем Александроневской семинарии; в 1773 г. пострижен в монашество: но когда и куда выбыл неизвестно.

Николай Приморский, из здешних воспитанников, упоминается в 1773 году.

Евгений (Емельян) Романов, иеродиакон, обучался в Новгородской семинарии; по окончании курса в 1766 г. вступил в монашество, определен учителем в здешнюю семинарию и обучал истории и географии; в том же году переведен иеродиакон в Сухопутный кадетский корпус, где преподавал Закон Божий и российскую и славянскую грамматику; в 1800 г. 15 января, из архимандритов Троицкого Колязина монастыря, пожалован епископом в Кострому, где и скончался в 1811 г.

Петр Иванов, по окончании богословского курса в Новгородской семинарии, перешел в здешнюю епархию – за не приисканием места⁵³. Архиепископ Гавриил определил его учителем в здешнюю семинарию, в которой он и преподавал сперва немецкий язык и поэзию, потом красноречие, а с 9 сентября 1776 г. – философию.

Прохор Игн. Формыцин, также из студентов Новгородской семинарии, перешел в здешнюю епархию и семинарию в 1774 г. и проходил инспекторскую и учительскую должность в разных классах; скончался священником лейб-гвардии Измайловского полка.

Мартын Як. Клевецкий, обучался в здешней семинарии до риторики. В 1766 г. по именному Высочайшему повелению послан был в Лейден для высшего образования и, вместе со своими товарищами, заслужил хорошие отзывы от тамошних профессоров Шультенса, Алломонда и других; по возвращении в Россию в 1772 г. определен в здешнюю семинарию учителем истории, географии и греческого языка. Последующая судьба его неизвестна. В 1773 г. в С.-Петербурге

напечатано составленное им «Руководство к географии с употреблением земного шара и ландкарт и с приложением генеральных правил арифметики»⁵⁴.

Петр Розанов, с 1754 г. обучался в Московской славяно-греко-латинской академии; в 1766 г., по именному Высочайшему повелению, послан был в Геттинген и обучался в тамошнем университете разным наукам и языкам у знаменитых профессоров Гольмана, Ахенваля, Гаттерера, Вальхия, Аша и Бекмана; по возвращении в Россию испытываем был в присутствии всех членов св. Синода и некоторых академиков в успехах и, вследствие одобрительного отзыва их, Высочайшим именным указом утвержден в степени магистра словесных наук, с жалованьем по 400 рублей в год из Коллегии эконومیи; после этого обучал в Александро-Невской семинарии французскому и немецкому языкам и математике; в ноябре 1776 г., по представлению св. Синода, награжден чином коллежского архивариуса; в 1780 г. уволен из семинарии для поступления в гражданскую службу.

Николай Воробьев, из здешних воспитанников, учитель высших классов, с 1779 года. В 1783 г. за рачительное исправление учительской должности награжден, по ходатайству М. Гавриила, чином коллежского протоколиста.

Матвей Башилов, из воспитанников и учителей здешней семинарии, в 1782 г. вышел в С.-Петербургское епархиальное ведомство и скончался протоиереем Вознесенской церкви, что при адмиралтейских слободах. Сверх епархиальных отличий службы – камилавки, золотого наперстного креста и палицы, имел Высочайше пожалованный орден св. Анны 2 степени.

Никита Захаров, из здешних же воспитанников, проходил несколько времени комиссарскую и учительскую должности при семинарии; в 1783 г. определен священником и законоучителем в Сухопутный кадетский корпус на место протоиерея Ивана Красовского. Скончался протоиереем Троицкого собора.

Стахий Ив. Колосов, по окончании курса обучал латинскому, греческому, французскому и немецкому языкам; в 1784 г. произведен в священника к церкви 1-го кадетского корпуса; в 1798 г. в протоиерея; в 1799 г. сделан членом С.-Петербургской духовной цензуры; в 1809 г. пожалован орденом св. Анны 2 степени, в 1818 г. митрой, в 1826 г. алмазными знаками ордена св. Анны 2 степени. За ученые и учебные труды принят в члены Императорской Российской Академии, Конференции С.-Петербургской Духовной Академии и С.-Петербургского духовного Цензурного комитета. Скончался протоиереем кафедрального Петропавловского собора, при котором находился с 1809 г.

Николай Вас. Музовский, по окончании курса, был учителем в Александро-Невской семинарии; в октябре 1786 г. м. Гавриилом рукоположен в священника к походной миссионерской церкви в Дрездене; в августе 1791 г. переведен в Турин и вскоре затем в Триест, в сентябре 1803 г. в Венгрию к российской церкви, устроенной в Буде над гробом в Бозе почившей Великой Княгини Александры Павловны, Эрцгерцогини Австрийской, помощником к протоиерею А. А. Самборскому, бывшему духовником покойной Великой Княгини; в 1809 г. возвратился в Россию. Впоследствии имел счастье быть духовником Их Императорских Величеств блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны, украшаясь в то же время званием члена св. Синода, обер-священника Главного Штаба и отдельного гвардейского корпуса и – протопресвитера придворных соборов. Имел ордена российские: св. Анны 1-й степени, св. Владимира 2 степени и св. Александра Невского и Прусский–Красного Орла 3-й степени. Скончался в 1848 г.

Иннокентий Дубравицкий, из учителей Новгородской семинарии, в 1783 г. взят на класс риторики; но через два года опять переведен в Новгород, пострижен в монашество и сделан префектом семинарии.

Епифаний (Елпидифор) Легонин, обучался в Новгородской семинарии и с 1774 г. в Московской академии, где с 1783 г. сам был учителем латинского класса; в 1784 г. вытребован в здешнюю семинарию на класс риторики; в 1786 г. пострижен в монашество; в 1788 определен префектом семинарии.

Воспитанники

Число их, прием, выпуск из семинарии и последующая судьба

Число воспитанников семинарии в разные времена было не одинаково: в 1735 г.—35 человек; в 1739 г.—88; в 1741 г.— 108; в 1744 г.—74: в том числе в богословском классе 10, в философском 6, в риторическом 19, в пиитическом 18, в грамматическом 21; в 1762 г.—73, именно—в богословском классе 7, в философском 8, в риторическом 13, в пиитическом 12, в грамматическом 14, в фаре 20. В этот счет входят 1) дети священно- и церковнослужителей здешней епархии, 2) разночинцев и монастырских служителей, 3) временно обучавшиеся здесь Новгородские и 4) Псковские семинаристы.

1) Число первых с 1736 года становится значительнее числа служительских детей. С наступлением каждого приемного срока в семинарии, консистория окружным указом предписывала всем заикам и духовным правлениям, чтобы они высылали в школу священнических, дьяконских и церковнических мужского пола детей своего округа с семилетнего возраста и выше. Однако же до позднего времени сохранялся обычай, что священники городских и сельских приходов, обучив сыновей грамоте, оставляли их пономарями при тех же церквях, где сами находились; а дьяконы и дьячки, надеясь скорее иметь в детях помощников своему хозяйству, выключали их, еще смолоду, из духовного звания и определяли в крестьянство.

2) Из детей разночинцев и монастырских служителей не многие оканчивали полный курс, но большей частью выходили из низших классов обучившись чтению, письму и арифметике в такой степени, какая необходима для писца в присутственном месте, управителя в небольшом имении и купеческого приказчика в торговых заведениях. Число их в школе было в разные годы не одинаково: в 1736 г. на 56 человек духовных, 27 служительских; в 1748 г. на 50 человек церковнических детей 20 служительских. В то же время обучались присланные из тайной розыскных дел канцелярии два калмыка и один поляк Антон Пашкевич, перемещенный до окончания курса в Московскую академию. В 1748 г. св. Синод прислал в семинарию из японского народа Матомайца Лебедева для обучения российской грамоте и наставления в христианской вере. В 1747 г. старший иеромонах конвента Виленского Сошествия св. Духа, Мельхиседек Богданович, подал в св. Синод просьбу пана Гавриила Котельницкого, мещанина и купца Виленского, благочестивой восточной Церкви сына, об определении в Александроневскую семинарию сына его Григория, чтобы по малолетству униаты не сманили его к себе, как сманили его старшего брата. По указу св. Синода молодой Котельницкий принят был в семинарию и успешно проходил науки⁵⁵.

3) О Новгородских семинаристах. Новгородская семинария учреждена в 1706 г. митроп. Иовом. Первыми учителями в ней были греки Лихуды. После них ученье продолжалось с одинаковым успехом до смерти Иова, последовавшей в 1716 г. Но как преемники его, по званию членов св. Синода, имели пребывание большей частью в С.-Петербурге: то и надзор за училищем был для них неудобен. Поэтому в 1728 г. Новгородская семинария была закрыта, а вместо нее Новгородский архиепископ Феофан Прокопович учредил школу в С.-Петербурге, на своем подворье: это была лучшая школа своего времени как по внутреннему устройству, так и по предметам обучения. Здесь преподавались славянское чтение, латинский язык, грамматика, риторика, логика, римские древности, арифметика, геометрия и география; кроме того, воспитанников обучали рисованию, нотному пению и инструментальной музыке. Манштейн в записках о России говорит, что архиепископу Феофану поручено было Императором Петром I-м завести в России добрую академию и Феофан учредил, при собственном доме, школу, вследствие этого желания великого Монарха. Государь сам посещал ее и благодарил учредителя за любовь к отечеству и старание. Манштейн прибавляет, что из нее посланы были молодые люди в иностранные университеты, но, отправившись в иностранные государства, одни там и остались; а которые возвратились в Россию — не получили тех качеств, какие необходимы воспитателям юношества.

По смерти Феофана, последовавшей 8 сентября 1736 года, школа его поступила в ведение Кабинета Ее Императорского Величества. Вследствие Высочайшего именного указа от 22 марта 1738 г. воспитанники ее, в числе 21 человека, помещены в Невскую семинарию для дальнейшего обучения, с таким предписанием, что хотя они будут жить в этой семинарии, но чтоб как в житье, так и в пище от прочих тамошних семинаристов были отменены. Трое из них, Иван Богданов, Григорий Теплов и Яков Зверев, как старшие, должны были обучать других своих товарищей, а

остальные 18, под их руководством, обучаться высшим наукам. Впрочем, эти учителя недолго оставались с ними. Богданов, по определению св. Синода, отправлен был в Московскую академию учителем; в 1742 г. поступил в справщики Московской синодальной типографии, а в следующем скончался. Теплов Григорий Николаевич в октябре 1740 г. поступил в Академию Наук переводчиком. В этой должности он возымел охоту к естественной истории, которой и выучился с успехом под руководством профессора Аммана. В 1741 г. произведен в адъюнкты и Самой Императрицей Елизаветой Петровной избран был в надзиратели молодому графу Кир. Григ. Разумовскому для сопутствования ему в чужие края. По возвращении в Россию, когда граф сделан был в 1745 г. президентом Академии Наук, Теплов много содействовал ему в преобразовании академии и, по его поручению, составил Новый академический регламент. Впоследствии, когда Разумовский пожалован был малороссийским гетманом, Теплов определен к нему советником; потом был статс-секретарем при Императрице Екатерине II и в этом звании членом Высочайше учрежденной Комиссии о церковных имениях, наконец – сенатором. Скончался в 1779 году марта 30, в чине тайного советника. Имел ордена св. Александра Невского и св. Анны 1 ст. Погребен на старом Лазаревском кладбище в Александроневской лавре⁵⁶. Зверев в 1741 г. поступил в св. Синод архивариусом. – Об остальных в 1741 г. последовал Высочайший указ из Кабинета: «Понеже оставшиеся после бывшего Феофана архиепископа Новгородского семинаристы отосланы в Троицкий Александроневский монастырь, из которых, как известно, многие летами уросли и за тем уже их к дальнейшим наукам употреблять невозможно: того ради в Кабинет рассуждено этих семинаристов св. Синоду рассмотреть, и кого из них куда по способности определить надлежит, об этом представить в Кабинет.» Вследствие этого разбора трое, по нежеланию продолжать науки, отпущены на родину в Малороссию, где отцы их были мещанами; пять человек – Иван Львов и Сергей Львов Ростовцевы, Иван Дмитриев, Герасим Степанов, Антон и Иван Калмыковы, по собственному желанию продолжать науки и вступить в духовное звание, остались в Александроневской семинарии; Андрей Емельянов выпросился в Киевские школы, по близости к родине своей Миргороду; Алексей Соловьев, Нестор Дмитриев и Феодор Светлый отпущены, по их желанию, в дом синодального члена, Новгородского архиепископа Амвросия, для продолжения наук и поступления в духовное звание; Протасов и Котельников – дети рядовых, первый лейб-гвардии Семеновского, второй лейб-гвардии Преображенского полка, изъявили желание продолжать учение в Академии Наук и впоследствии оба были действительными членами Императорской Академии Наук и Российской Академии. Протасов Алексей Протасьевич, избранный в академики по физическому классу (с 1751 г.), заведовал выбором статей из иностранных газет для русских ведомостей и книг для перевода на русский язык и сам участвовал в переводе Естественной истории Бюффона; а по званию члена Российской Академии, учрежденной Императрицей Екатериной Великой в 1783 г., для составления Словопроизводного русского словаря, под председательством княгини Дашковой, занимался предварительным рассматриванием трудов сочинителей Словаря. Скончался в 1796 г. Котельников Семен Кириллович, избранный академиком математического класса, также с 1751 г., был главным библиотекарем и надзирателем над кунсткамерой и кабинетом академии и участвовал в составлении всех шести частей Российского словаря⁵⁷. Максим Богданов поступил в Сухопутный госпиталь для изучения хирургии. Ульян Калмыков в Академию Наук в приказной чин. Иван Иванов Ибрим в С.-Петербургскую внутреннюю портовую таможену⁵⁸.

4) О Псковских семинаристах. В 1741 году присланы были в здешнюю семинарию, по распоряжению Стефана Калиновского, епископа Псковского и архимандрита Александроневского монастыря, 25 человек Псковских семинаристов, которые проходили здесь курс учения. Но когда и куда они выбыли, не имеется сведений.

Выпуск воспитанников из семинарии и поступление:

в епархиальное ведомство

Так как ближайшим назначением семинарского образования было приготовление воспитанников к достойному прохождению священнического звания: то и распределение их к местам, по окончании курса, соответствовало этой цели. По духовным узаконениям они имели первое право на лучшие епархиальные места перед своими неучеными сверстниками. Духовным регламентом определено было: «Всем повсюду известно буди, что где будет человек ученый во академии и от академии свидетельствованный, того на степень духовную или гражданские чести не может упредить неученый с великим штрафом для власти оной, которая бы инако сделала»... «Которые семинаристы по совершении учения угоднейшие покажутся к делу духовному, и они б у епископов были ближайшие ко всяким степеням властительским паче прочих...»⁵⁹. С другой стороны, Высочайшим указом Императора Петра I (21 января 1723 г.) повелено было как в С.-Петербурге, так и в Москве, и в прочих местах к знатным церквам, также и в обретающиеся лейб-гвардии и армейские полки производить в священство из ученых в школах. Но в 1747 г. этот путь затруднен был указом 23 июля, коим повелено было производить в священники не ранее 30, а в дьяконы не ранее 25 лет. Воспитанники, окончившие курс моложе положенных лет, лишались ожидаемой награды за труды, а сироты нередко оставались без пропитания. К несчастью первый курс здешней семинарии окончился в самый год издания указа. Студенты, выпущенные из семинарии, обратились с прошением к св. Синоду устроить их судьбу, и описали самыми мрачными красками свое беспомощное положение: «Где нам нижайшим правильных лет дожидаться? У родителей, или сродников? Но тех большее нас число не имеет. Рукоделием кормиться? Но того не обучались. Куплями ли промышлять? Но и на две лепты почти у всех нас не наберется. А хотя у одного и другого из нас и родитель сыщется, но и сам он насилиу пропитания имеет: как же кормить столь возрастного сына, от которого и сам себе в такие лета надеялся помощи, станет? При семинарии уже ни сак – ни так оставаться и тридцати лет дожидаться вовсе немочно. Ибо и так уже бедственное школьническое житие паче меры наскучило, вне которого может быть давно уже иной честное себе заслужил прокормление. И так мы нижайше, вместо чаянного за труды двенадцатилетные награждения, Бог весть с какой надеждой остаемся. В монахи пострижения нет; в священники без всякого изъятия по тридцати лет требуется; в диаконы желаемого прихожаны голосу не достает; в дьячки или пономари стыдно и весьма обидно и кроме посмеяния от всех, – а наипаче от тех, которые за тупостью к учению или другим коим недостатком отставлены от семинарии или и ногою в ней не бывали, и давно по местам таковым определены благополучно себе живут в совершенном жития стане, – больше нет чего надеяться. Как впредь быть и что делать–и сами не ведаем. Отчего и тем, которые в классах обретаются, уповательно, что охота к ученью крайне ослабеет»⁶⁰. Вследствие этого неудобства строгость постановления ограничена, в отношении к лицам, получившим образование в академиях и семинариях, так что самое образование их заменяет в случае надобности, недостаток указанных лет для священника или диакона. В видах подобного же соглашения справедливости с снисхождением, здешние архипастыри, без крайней нужды, не производили воспитанников по окончании курса прямо в священники, но в диаконы, и только с продолжением времени возводили их на высшую степень – священство. В 1770 г. св. Синодом снова было подтверждено, дабы, при определении на места, учившиеся были предпочитаемы неученым. «Почитая за долг свой», сказано в Синодском указе от 13 августа, «всякое прилагать старание не только о распространении полезных наук и о содержании учрежденных для того училищ в возможном порядке, но более чтобы в этих училищах в пользу Церкви учившиеся студенты, взирая на известный трудов своих конец, больше поощряемы тем были оказывать похвальные свои в учении и поведении успехи, следственно потому и не оставлены б они были без достойных мест и без пристойного по их учению содержания, св. Синод повелевает: чтобы по регламенту и прежним указам учившиеся достойные неучившимся в произвождении в священные чины были предпочитаемы неотменно; и для того, в случае какой-либо священнической или дьяконской вакансии, письменно справкой требовать от семинарии... не имеется ли достойных, учение свое окончивших или оканчивающих студентов, которые бы показанные места занять достойны были, и если таковые окажутся, то их предпочтительно и производить; а хотя бы некоторые совершенных лет и не достигли, но они находятся в вышних

школах и имеют скоро окончить учения своего круг, за таковыми и без производства в священный чин могут места утверждаемы быть, по пастырскому епархиальных архиереев рассмотрению»⁶¹.

Об исключениях из семинарии особое распоряжение: «Что касается до непонятных учеников, которые к продолжению наук никакой о себе надежды не подают: таковых долговременно в школах не держать; и которые из них окажутся за неимением способных дарований или за болезнями к учению неспособны, а в пороках и побегах не бывали, оных производство к местам оставить на рассмотрение преосвященных архиереев»⁶², Заслуживает внимания и следующая мера: преосв. Феодосий, архиепископ С.-Петербургский, усмотря, что воспитанники Даниил Венедиктов из Петергофа и Захар Евсеев из Копорья за тупостью ума неспособны к высшим наукам, приказал отослать их в здешнюю духовную консисторию, и там взять с них подписки, чтоб они научились чухонскому языку ради необходимо случающихся в здешних странах нужд. При этом обещано им, что если они научатся и в совершенном знании оного опробуются, то не только диаконского, но и священнического чина в свое время будут удостоены.»⁶³ Были ли еще случаи употребления подобной меры – неизвестно.

Почетнейшие из воспитанников Александровской семинарии в епархиальном ведомстве:

Петр Сем. Гусс, из здешних воспитанников, был с 1757 г. ключарем, с 1762 г. протоиереем кафедрального Петропавловского собора в С.-Петербурге и членом консистории.

Иван Ив. Панфилов, обучался в Вологодской и здешней семинариях; в 1753 г. из риторического класса произведен в диакона к Успенскому собору на Петербургской стороне, отсюда переведен священником к Морскому Богоявленскому собору, а в 1762 г., по Высочайшему изволению Императрицы Екатерины II Алексеевны, изъявленному в присутствии Ее Величества при освящении Морского собора, произведен в протоиерея. В 1774 г. Императрица пожаловала его Своим духовником и в то же время членом св. Синода и протоиереем Московского Благовещенского собора. По уважению к этим почетным званиям Императорская Российская Академия, при открытии своем в 1783 г., приняла его в свои члены. Скончался в 1794 году.

Савва Ис. Исаев, обучался в здешней семинарии в 1744– 1753 гг. и по окончании курса проходил служение в разных местах духовного ведомства; в 1783 г. избран в члены Императорской Российской Академии во второе ее заседание после открытия; в 1795 г. пожалован духовником Императрицы Екатерины II Алексеевны и в то же время протоиереем Московского Благовещенского собора и присутствующим в св. Синоде. Скончался в 1800 г.

Василий Гр. Григорьев, по окончании курса в семинарии, был священником при Академии Наук и потом при церкви Мраморного дворца. При открытии Императорской Российской Академии принят в нее действительным членом и участвовал в составлении Словопроизводного русского словаря.

Василий Сем. Данков, священник приходской Благовещенской церкви и потом придворный протоиерей, известен как член Императорской Российской Академии, которой принят был в 1792 г.

Михаил Самойлов, придворный протоиерей, перевел на русский язык Иудейские древности соч. Иосифа Флавия, 3 части. Перевод этот имел несколько изданий.

Сергей Феод. Краснопевков, духовник блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича, протопресвитер и синодальный член; обучался в Александровской семинарии с 1755 по 1765 г.; скончался 4 мая 1808 г. В литературе известен переводом на русский язык Сокращенного изъяснения послания св. апостола Павла к римлянам. М. 1801.

Служение при русских миссиях в иностранных государствах

Из учителей и студентов Александроневской семинарии многие поступали священниками, а из средних классов причетниками к церквам наших заграничных миссий. Духовное и гражданское правительство избирало на эти места предпочтительно образованных людей, которые, как в своем поведении, так и в обращении и сношениях с образованными людьми иностранных государств, могли бы быть достойными представителями нашего духовенства. Назовем имена некоторых здешних воспитанников, проходивших служение в священническом звании в знатнейших городах Европы при русских миссиях и министрах:

Александр Львов, находился при церкви Похвалы пресв. Богородицы в Стокгольме с 1748 по 1751 г. По возвращении в Россию за отличное прохождение своего служения произведен в протоиерея к Исакиевскому собору.

Трифон Тим. Кедрин – из семинарии посвящен был в диакона приходской Благовещенской церкви Александроневского монастыря; но в 1773 г. м. Гавриилом послан в Берлин священником и там скончался в 1782 г. Князь Долгоруков, бывший в то время посланником в Берлине, извещая правительство о смерти Кедрина, просил, чтоб на место его прислан был другой священник, «которого поведение сделало бы столько же много чести российскому духовенству, как и умершего священника». М. Гавриил избрал на его место студента здешней семинарии Гавриила Сем. Данкова. В том же году он отправился в Берлин; в 1799 г., по особому правительственному распоряжению, выехал в Дрезден, в 1800 г. января 17 в Мекленбург-Шверин, откуда переведен был в Париж; но в том же году возвратился в Россию и пожалован духовником Ее Высочества Великой Княгини Елены Павловны; в 1802 г. удостоился награждения из Высочайшего кабинета золотым наперсным крестом на алой ленте. Напечатаны переводы его: 1) Гимназический или семинарский наставник учащегося юношества. Спб. 1781 г.; 2) Созерцание превосходнейших писателей латинского языка, соч. Боррихия. Спб. 1783 г.

Алексей Абрюцкий, по окончании семинарского курса, в 1783 г., произведен в священника к Стокгольмской миссии; в 1803 г. пожалован золотым наперсным крестом; в 1806 г. возвратился в Россию и определен протоиереем Благовещенской церкви, что на Васильевском острове.

Диомид Плахинский, по окончании курса в здешней семинарии в 1788 г., рукоположен в диакона, а в 1790 в священника, и проходил служение в разных местах и ведомствах; в 1802 г. отправлен в Копенгаген к тамошней миссионерской церкви на место священника Павинского и там скончался в 1814 г.

Николай Вас. Музовский. (См. о нем выше на стр. 43).

В церковники к заграничным церквам выбираемы были воспитанники средних семинарских классов, преимущественно знающие иностранные языки и честного поведения. Из здешних воспитанников отправлены были: в 1741 г. в Стокгольм из риторического класса Галактион Повенков; в 1751 г. в Лондон из философского класса: Михаил Путиловский, Максим Черенковский, Лука Иванов и Михаил Пермский. Последний, по возвращении в Россию, в 1753 г., вступил в Московский университет для продолжения наук; в 1765 взят в Морской кадетский корпус учителем английского языка и составил для кадетов Английскую грамматику, которая и напечатана в 1766 г. Он также перевел много книг с английского языка на русский; скончался в 1770 году; – в 1752 г. в Стокгольм из риторического класса Андрей Жарков; в 1786 г. в Дрезден из риторического же класса Иван и грамматического Андрей Степановы.

3) Поступления в другие ведомства

Очень многие из воспитанников, до окончания и после окончания курса, поступали по распоряжениям начальства и собственному желанию в другие средние и высшие учебные заведения.

1) В университет при Академии Наук

По регламенту Академии Наук, составленному в президентство графа К. Г. Разумовского и Высочайше утвержденному 24 июля 1747 года, при Академии учрежден университет, в состав которого предположено было собрать до 30 воспитанников из российских училищ, где президент за лучшее усмотрит. Президенту угодно было в первый раз образовать институт из воспитанников Александроневской и Новгородской семинарии и Московской академии, поровну из каждого училища. Насчет выбора воспитанников св. Синод предписал местным просвященным, чтобы они собственно духовных воспитанников, как обучающихся в надежду священства, имели ввиду для собственных нужд церкви, а в Академии Наук выбирали прежде всего разночинцев и только в случае недостатка, и то за крайней нуждой, выбирали и из причетнических детей. Но и это показалось обременительным для здешней малоллюдной семинарии и епархии; поэтому преосвященный Феодосий, архиепископ С.-Петербургский, представил св. Синоду набрать для Академии воспитанников, вместо здешней, из какой-либо другой семинарии, показывая на вид, что здесь не из кого выбирать: «Студенты, которые слушают богословие, в богословских лекциях далеко произошли и летами уже не молоды; человек семнадцать мальчиков, которые обучаются грамматике, почти еще на апробации только содержатся и к выбору не годятся. И так только те, которые в пиитике и риторике (ибо сего года философия в Александроневской семинарии не преподается, потому что не доспели еще ученики как летами, так и учением к слушанью оных) находятся, человек с одним тридцать, – буде то еще угодно будет профессорам из сих выбирать, – к выбору могли бы быть представлены; да и они нужны для епархии». Но президент Академии Наук настоял на своем, представляя св. Синоду, что в силу Высочайшего соизволения он намерен был всех тех 30 человек взять из Александроневской семинарии: «ибо оные здешние ученики обыкновения знать и поступки иметь могут лучше, нежели других, гораздо отдаленных отсюда семинарий. Однако же рассуждая, чтоб тем одну помянутую семинарию не отягчить представил выбрать из трех семинарий по препорции»⁶⁴. По силе такого настоятельного требования из Александроневской семинарии выбрано 10 человек, из богословского, риторического и пиитического классов. Некоторые из них приобрели после хорошую известность в ученом мире:

Степан Як. Румовский, поступивший в университет из риторического класса, определен был по окончании курса адъюнкт-профессором Академии, на место известного несчастной кончиной Рихмана, и для усовершенствования в математических науках был послан в Берлин к знаменитому математику Леопарду Эйлеру; по возвращении оттуда произведен был в ординарные профессора астрономии (1763 г.) и занимал одну после другой важнейшие должности по ученому ведомству – инспектора классов при корпусе Чужестранных единоверцев (1775–1782 г.), вице-президента Академии Наук (1800), члена Главного правления училищ и попечителя Казанского университета (1803). Скончался в 1812 г. После него осталось много сочинений и переводов по истории, математике и астрономии⁶⁵.

Иван Барков, товарищ Румовского по семинарии и университету, был при Академии Наук переводчиком. Из сочинений его известны: 1) Описание жизни князя Антиоха Кантемира и примечания на его сатиры. Спб. 1762 г. 2) Сокращение российской истории от Рюрика до Петра Великого, не издано. Он также перевел стихами: Горациевы сатиры (Спб. 1763 г.) Федровы басни (Спб. 1764 г.), Гольбергову Универсальную историю (Спб. 1766 г.) и много других мелких сочинений. Скончался в 1768 г.

2) В коллегию Иностранных дел

В 1762 г. Коллегия Иностранных дел представила Сенату свое предположение – завести у себя учеников китайского и манчжурского языков, избрав их из здешней или иной семинарии, чтобы со временем можно было иметь из них исправных переводчиков. По изъявлении согласия на это со стороны духовного правительства, в Коллегию поступили по собственному желанию два здешних воспитанника Яков Коркин из пиитического и Яков Полянский из грамматического классов. В 1770 г. было другое подобное требование и в этот раз изъявили желание обучаться восточным языкам ученики здешней семинарии, Яков Соколов из пиитического и Василий Полянский из грамматического классов⁶⁶.

3) В комиссию об учреждении народных училищ в Российской империи

В Комиссию об учреждении народных училищ вытребовано в 1782 –1786 гг. из здешней семинарии столько воспитанников, что высшие классы почти опустели и м. Гавриил затруднялся в приискании достойных и способных людей к занятию священнических и диаконских мест по здешней епархии.

1) Предположив одной из первых для себя целей учредить народные училища в столице, Комиссия, в самый год (1783 г.) своего учреждения, вытребовала, с Высочайшего соизволения, двадцать воспитанников из Александроневской семинарии для приготовления их к учительским должностям в столице. Приготовление это продолжалось недолго, так что в феврале следующего года они были уже размещены к учительским должностям.

2) После этого Комиссия озаботилась устройством училищ в прочих городах империи. Чтобы доставить преподавателей во все города империи при открытии в них училищ и обеспечить их, по этой части, на будущее время, Комиссия положила открыть в С.-Петербурге особое училище, под названием Главного народного. Но для наполнения его способными людьми потребованы и отправлены были из духовных семинарий 142 человека, в том числе 16 воспитанников из Александроневской семинарии. Насчет качеств требуемых воспитанников было предписано, чтобы они были не моложе 18 лет, одарены хорошей способностью и прилежанием, были хорошего поведения и при некотором запасе основных сведений в арифметике, грамматике, катехизисе, истории, геометрии и физике, имели некоторый дар сообщения, который учителю в ученике легко можно приметить из ответов на его вопросы. Следовательно это были лучшие воспитанники духовных семинарий, уступленные Комиссии по желанию общего блага – скорейшего народного образования⁶⁷.

3) К 1786 году Высочайшие Ее Императорского Величества предположения достигли до такого успеха, что Комиссия об установлении народных училищ нашла возможным открыть в этом году главные народные училища в 25 губерниях. Но как нужно было вместе с ними ввести и учет нижних классов: то, по представлению Комиссии, Высочайшим Именным указом повелено было вытребовать 40 человек из здешней и других самых ближайших духовных семинарий, которые через три месяца могли бы навывкнуть способу, для преподавания присвоенному. Во исполнение Высочайшего повеления св. Синод предписал архиереям тех епархий, из которых назначено было доставить требуемых воспитанников, выбрать из риторики или философии таких, которые бы были не весьма малолетны и сколько по дарованиям в науках, равно и по благонравию себя отрекомендовали противу прочих достойнее и в учительское звание способнее⁶⁸. Из здешней семинарии отправлены для этой цели два воспитанника Ефим Беглинский из философии и Василий Иванов из риторики.

4) В 1786 г. от Главного народного училища отделена Учительская семинария, в которой введен новый способ обучения, заимствованный от Венских нормальных школ. Для усвоения этого способа духовным училищам, по Высочайшему повелению, высылаемы были в учительскую семинарию воспитанники духовных семинарий и, между прочими, Александроневской. В 1786 г. из здешней семинарии посланы Иван Дубковский и Петр Орлов из философского и Прокопий Погостицкий из риторического класса.

4) В Медицинскую коллегию

В 1786 г. Медицинская коллегия представила св. Синоду, что по новому штату ее, Высочайше утвержденному в 16-й день июля этого года, для удобнейшего снабжения Российской империи искусными врачами умножено число лекарских учеников при трех медицинских училищах. Но так как Высочайше утвержденными правилами положено было для укомплектования этих училищ принимать молодых людей знающих латинский язык, то коллегия нашла самым надежным и удобнейшим средством к получению таких людей приглашение из духовных академий и семинарий и просила св. Синод о беспрепятственном увольнении воспитанников, желающих в Медицинскую коллегию, обнадеживая с своей стороны, что они всегда будут принимаемы беспрепятственно, начиная с 1787 года, в три срока: в январе, мае и сентябре месяцах. Так как число духовных воспитанников постоянно умножалось и требование было уважительно, то св. Синод разрешил на этот и будущие разы отпуск академических и семинарских воспитанников, достигших до риторики, философии и богословия, в Медицинскую коллегию. Заботливость св. Синода о своих воспитанниках постановила только одно условие, чтобы местные духовные власти, при отпуске воспитанников в медицинские училища, назначали в их аттестатах крайние сроки, необходимые для поступления их в коллегию, с тем, что если кто из них в тот срок не будет принят в число медицинских учеников: то они не оставались бы во вредной обществу праздности и не определялись ни в какие другие науки, но возвращались в свои прежние духовные училища⁶⁹. Вследствие этого распоряжения многие воспитанники как здешней, так и прочих семинарий переходили в медикохирургические училища и некоторые из них приобрели себе на этом поприще весьма хорошую известность. Из Александроневской семинарии в один год (1788) поступили в здешнюю Медикохирургическую академию: Константин Приморский из философского класса, Лев Логиневский, Алексей Лапшин и Иван Черенцовский из риторического и Кондрат Ильяшев из пиитического.

5) В Московский университет

В 1788 г. студент богословия Григорий Бенедиктов выпросился из здешней семинарии в Императорский Московский университет для высшего усовершенствования в науках, и был принят.

6) В иностранные университеты

В 1765 г. обер-прокурор св. Синода, д. с. с. Мелиссино предложил св. Синоду Высочайшую волю, состоящую в том, чтобы «из обучающихся в семинариях учеников, которые дошли уже до риторики и как в понятии хорошую о себе подают надежду, так и в честных поступках перед прочими взяли преимущество, избрать десять человек для отправления их в Англию, чтобы в университетах Оксфордском и Кембриджском, в пользу государства, высших обучаться могли наук и восточных языков, не выключая и богословия. А чтоб они, находясь в тех местах, в порядке себя содержали, избрать инспекторами двух человек таких, которым бы о помянутых студентах попечение, с надеждой ожидаемой от них пользы, поручить возможно было». В указе к м. Гавриилу св. Синодом подтверждено было избрать таких воспитанников, «которые перед прочими сверстниками во всем имеют преимущество и хорошую подают о себе надежду, наиболее в том, что они, будучи в Англии, как в иностранном государстве, через наиприлежнейшую свою к наукам охоту заслужат похвальное себе имя и употребленный на тамошнее их содержание казенный кошт не напрасно потрачен будет; а летами были бы от шестнадцати до восемнадцати, а если в котором усмотрится особенная острота и к наукам охота, то хотя и до двадцати лет»⁷⁰. Для этой цели из Александроневской семинарии выбраны два лучших воспитанника: Мартин Клевецкий и Семен Матвеевский; из Московской академии – Алексей Левшинов, Василий Багрянский и Петр Розанов; из Троицкой – Михаил Быков, Дмитрий Новиков и Иван Наумов; из Новгородской – учитель Мина Исаев и студенты – Василий Антонский и Егор Андреевский; из Тверской – Прохор Суворов. Кроме этих самоохотно вызвались к продолжению наук учителя Московской академии Василий Никитин и Крутицкой семинарии Дмитрий Семенов Руднев. При увеличении числа студентов и распоряжение о них переменялось: они разделены были на три разряда: Суворов, Матвеевский, Левшин и Быков с инспектором Никитиным посланы в Оксфорд; с ними же отправлен назначенный по Высочайшему повелению, для обучения восточным языкам, состоявший при статс-секретаре Г. Н. Теплове, чиновник Александр Буховецкий; Розанов, Новиков, Смирнов и Андреевский с инспектором Рудневым посланы в Геттинген, где были поручены для ближайшего надзора и руководства профессору и секретарю Королевской Академии Наук Иог. Фил. Мурре (Murray); остальные – Клевецкий, Наумов, Багрянский и Антонский с инспектором Исаевым отправлены в Лейден. Все они, преимущественно Семенов, Розанов и Левшин, заслужили отличные похвалы английских и немецких профессоров; но не все выдержали трудный курс высшего образования. Самым благоприятным образом кончилось ученое путешествие тех студентов, которые отправлены были в Геттинген. По возвращении в Россию в 1772 г. Семенов, Розанов, Новиков и Андреевский помещены были на время в Александроневском монастыре и в октябре 1773 г. в залах Александроневской семинарии испытываемы были в приобретенных познаниях в присутствии членов дух. комиссии: Гавриила Петрова, архиепископа С.-Петербургского, Иннокентия Нечаева, архиепископа Псковского, т. с. Григория Теплова и Петра Чебышева, академиков Штелина, Крафта, Лаксмана, инспектора Академической гимназии Бакмейстера и конректора Штриттера. Со стороны комиссии испытание производимо было через иеродиакона Евгения Булгара, бывшего после Славянским архиепископом. По окончании экзамена, комиссия всеподданнейше представила Императрице, что «инспектор и трое студентов неравную в каждой науке показали между собою способность, поскольку неравная каждого из них склонность и прилежание к той или другой науке были; однако же все они оказали во всех генерально языках и науках довольное знание, и каждый из них к чему особенно по склонности прилежал, в том показал особенное искусство». Почему комиссия заключила о них, что они «могут быть употреблены в отечестве с пользой, только бы постоянно могли остаться на пути ученых людей и, обучая других, сами еще могли бы углубиться в науках, так как это единственный способ быть им совершенно учеными людьми. Ибо и все ученые в свете люди сделались славными в своих профессиях не от профессорских лекций, но продолжая собственным трудом и прилежанием первое руководство, полученное от знатных наставников. С другой стороны, оставаясь на этом пути, они и другим преподадут в обучении систему точно такую, какой у знатных людей долговременно обучались сами.» Особенному вниманию Ее Величества комиссия представляла инспектора Семенова, который получил похвальные отзывы от лучших немецких профессоров – Гаттерера, Михаэлиса, Федерера и Гейне, и за свои труды для Российской истории, которой

посвятил преимущественно последнее время пребывания за границей, принят был от тамошнего Королевского Исторического Института в число корреспондентов или внерядовых членов (*extraordinariorum sodalium*). Вместе с этим комиссия представила на Высочайшее благоусмотрение Государыни Императрицы свое мнение, заключавшееся в том, чтобы при Московском университете, который учрежден на таком же основании, как все европейские университеты и состоит из трех факультетов: философского, юридического и медицинского, открыть, по образцу тех университетов, еще четвертый, богословский факультет, под особенным управлением св. Синода и собственным покровительством Ее Императорского Величества, и определить туда профессорами как этих студентов, возвратившихся из Геттингена, так и тех, которые имеют возвратиться из Лейдена и Оксфорда, если эти последние окажутся столько же достойными, как их Геттингенские товарищи. Комиссия предполагала вызывать в оный лучших воспитанников семинарии, получивших уже первоначальное образование, а из него производить не иначе, как в учителя семинарии и в духовный чин, в надежде, что таким средством в духовном чине окажутся со временем многими науками просвещенные люди и способные к чтению книг на многих языках. Но чтобы в то же время почтить древность Московской академии, учрежденной в 1682 г. при Царе Феодоре Алексеевиче и утвержденной царской грамотой, комиссия предполагала соединить оба училища, учрежденные для духовенства, в одно и назвать Академией. Государыня Императрица, с благоволением приняв доклад комиссии, именным Своим указом 15 ноября 1773 г. поручила ей составить проект нового духовно-учебного учреждения, а предполагаемых для него учителей Высочайше утвердить, согласно удостоению комиссии: Семенова в звании профессора словесных наук и церковной истории; Розанова, Новикова и Андреевского в звании магистров словесных наук, с назначением жалованья Семенову по 600 рублей в год, Розанову по 400, а прочим по 350 рублей. Сверх этого каждому пожаловала на исправление первых нужд треть определенного им жалованья. До определения к местам они отданы в ведение св. Синода и помещены в Александроневском монастыре, под надзором Гавриила, С.-Петербургскаго архиепископа.

Продолжение этого дела заключается в том, что при составлении нового штата Московской академии, предпринятом Духовной комиссией по именному Высочайшему повелению от 17 февраля 1775 г., определено было и на счет Богословского факультета: каким порядком и на каком основании ему быть. План этого учреждения, вместе с новым штатом учителей и учеников Московской академии, и при них разного звания служителей, представлен был в Высочайший кабинет Ее Императорского Величества 25 октября 1777 года: но утверждения на него не последовало⁷¹.

Преосв. Гавриил, принимавший участие в этом деле, по званию члена Комиссии о церковных имениях и депутата со стороны св. Синода в Комиссии о составлении Нового уложения, в связи с этими предположениями об учреждении высшего учебного заведения по духовному ведомству, испросил в 1788 г. Высочайшее соизволение на образование Главной или Учительской семинарии в С.-Петербурге для приготовления наставников в духовные училища Новгородской митрополии и прочих епархий, где вновь открываемы были семинарии, или где в прежде основанных семинариях был недостаток в учителях.

Ученые же возвратившиеся из иностранных университетов распределены к разным местам духовного и гражданского ведомств: но судьба их была не одинакова. Руднев-Семенов в декабре 1774 г. определен был в Московскую академию префектом и профессором философии; в следующем году вступил в монашество с принятием имени Дамаскина и был ректором академии, с 1782 г. епископом Севским, с 1783 г. Нижегородским; скончался на покое в 1795 г. – Андреевский принят архиепископом Гавриилом в Новгородскую семинарию учителем философии и там скончался. Новиков скончался в Александроневском монастыре вскоре после экзамена. О Розанов см. выше на стр. 42. Посланные в Англию и Лейден возвратились не в одно время и не с одинаковыми успехами и надеждами. Левшин, Быков, Клевецкий и Наумов возвратились через 5 лет пребывания за границей, не выслушав полного курса наук по разным приключившимся болезням, в 1772 г. и определены: Левшин, который рекомендован на преимущественное перед другими место, в Московский Благовещенский собор священником и был после при нем протоиереем; Иван Наумов в Московскую академию учителем еврейского и греческого языков: скончался иеродиакон при Академии Художеств в 1776 г.; Быков в Троицкую семинарию, где и умер; Клевецкий в здешнюю (см. о нем выше на стр. 42). Антонский и Багрянский возвратились в 1775 г. и определены – первый в Московскую академию, где через два года скончался;

последний в Новгородскую семинарию (см. о нем выше на стр. 42). Смирнов скончался в Геттингене во время обучения, а инспектор Исаев, ученый с отличной надеждой, при возвращении в Россию – в Мангейме. Инспектор Никитин, по возвращении в Россию из Англии, определен в Морской кадетский корпус профессором и потом инспектором; с 1783 г. был членом Императорской Российской Академии. Суворов, при отъезде из Англии в 1775 г., удостоен от Оксфордского университета диплома на звание действительного магистра наук – чести необыкновенной там для иностранцев и единственной, и определен в Морской кадетский корпус для обучения кадетов математике, мифологии, географии, английскому языку и словесности; был после Никитина инспектором корпуса в чине подполковника и имел орден Св. Владимира 4 степени; после многих перемен был ординарным профессором высшей математики в Императорском Московском университете (1810–1814); скончался в 1815 г., оставив довольно собственных сочинений и переводов⁷². О Матвеевском и Буховецком не нашлось сведений.

4) Поступление в монашество

По представлению св. Синода, Высочайшим указом января 9-го 1741 года, разрешено было постригать в монашество семинарских воспитанников, окончивших свое учение, желающих и к тому достойных, к определению по епархиям, как для обучения ставленников, так и к наставническим должностям в духовных училищах. По силе этого указа, впрочем с особенного Высочайшего на этот случай разрешения, в 1748 г. пострижены шесть окончивших курс воспитанников здешней семинарии, из которых некоторые проходили уже учительскую должность: Никита Пученков – в монашестве Никодим, Симеон Страгородский – в монашестве Сильвестр, Петр Приморский – в монашестве Порфирий, Ефим Ильяшев – в монашестве Епифаний, Иван Московский – в монашестве Иларион, Герасим Созонов – в монашестве Галактион. Впоследствии многие из воспитанников по окончании курса вступали в монашеское звание и были оставляемы при семинарии и определяемы законоучителями в кадетские корпуса, а иные вступали в братство здешней лавры и провинциальных монастырей. Перед пострижением в монашество учителя и студенты не были обременяемы трехлетним искусом, как это требовалось Духовным регламентом от вступающих в монашеский чин⁷³: «за обстоящею в таковых учительных людях нуждою», как выражаемо было в Синодских определениях по этому предмету. При том же, по указу св. Синода от 15 октября 1733 года, самое учение в школах вменяемо было им в трехлетнее искушение к пострижению.

Хозяйственная часть семинарии

С определением штата Александроневской семинарии в 1726 г. на нее назначена была особая сумма, выручаемая монастырем от платы за места, отводимые для погребения знатных горожан. «На содержание профессору и грамматисту и сторожу в жалованье и школьникам на одежду собирать деньги за погребательные в Невском монастыре места». Школа должна была вести свою экономию, а монастырь, отпуская содержание наставникам и воспитанникам, вел расчет с общим итогом суммы, отпускаемой на семинарию. Для этого положено было завести при школе приходорасходные книги. Распорядителем хозяйства назначен подьячий Иван Прокопьев сын Кондратьев. Но так как доходы монастыря по этой части были не велики и не постоянны, то и содержание школы было затруднительно. Ученики получали содержание от монастыря самое бедное, а наставники часто оставались без жалованья.

В 1732 г. последовало Высочайшее утверждение семинарского штата и вместе с этим на содержание школы определено выдавать из вотчинных монастырских доходов денег по 1607 рублей и по 42 четверти хлеба в год. Но и это не привело экономию школы в порядок; потому что с одной стороны не было правильной выдачи денег, а с другой не было строгой раздельности между хозяйством школы и монастыря.

С продолжением царствования Императрицы Анны Иоанновны, когда духовное и монастырское начальства были устранены от заведывания принадлежавшими им недвижимыми именными, содержание духовных училищ предположено было обеспечить назначением для них определенных окладов. В 1738 г. июня 9-го Высочайше повелено было св. Синоду войти в рассуждение: «1) какое число где школьников содержать, по числу имеющих в епархиях церквей; 2) чему их обучать; 3) сколько и каких наук учителей содержать и откуда определять; 4) какие для учения их книги и инструменты иметь и откуда их получать; 5) какое жалованье учителям и ученикам на пропитание в год положить, и какой пищей им довольствоваться и откуда оную получать, и сколько где лекарей для пользования больных, с их медикаментами, и на каком жаловании содержать: и о всем том основательный штат учинить. И чтобы столь нужнейшее дело наискорее начато и в действо произведено быть могло, для того надлежит, оставя другие не очень важные дела, об этом трудиться и окончить, и для Всемиловейшей Ее Императорского Величества апробации в кабинет подать⁷⁴».

Во исполнение Высочайшего указа, по собранию из епархий нужных справок, сочинены были обстоятельные штаты для всех духовных училищ. Но поскольку на содержание этих штатов требовалось значительное количество ежегодной суммы: то они оставлены без утверждения и только на первый случай снабжены были ежегодными денежными окладами Новгородская и Александроневская семинарии; прочие ж остались на прежнем основании по Духовному регламенту. На содержание Александроневской семинарии повелено отпускать в год по 1971 руб. Таким образом содержание ее отделено от содержания монастыря и производилось из Коллегии экономии, учрежденной Императрицей Анной Иоанновной для заведывания церковными имуществами.

Жалованье наставникам до 1742 г. производилось из сумм монастыря и было неодинаково в разные годы; в 1737 г. Кременецкий и Каменский получили: первый 150, последний 100 руб.; – в 1740 г. оба по 220 руб.; но Каменскому сверх того 100 руб. за преподавание начал греческого языка; – в 1742 г. Кременецкий 300 р., а Каменский 250, прочие по 25 руб. и по шести четвертей хлеба. О семинаристах в 1740 г. было донесено Ее Величеству, что они все содержатся от монастыря и одеваются тоже, исключая небольшого числа священнических и диаконских детей, которые одеваются от отцов. Общая сумма семинарского прихода хотя была определена в 1607 р., но никогда не доходила до этого количества. Из канцелярии монастыря не выдавалось более пятидесяти рублей в один раз; а так как эта сумма для целого заведения не составляет многого: то просьбы возобновлялись часто, но иногда без успеха. Начальство семинарское волей-неволей входило с монастырем в неприятности и нередко должно было отказывать воспитанникам в вещах первой необходимости. За содержание Новгородских семинаристов прислано из кабинета Ее Императорского Величества 2903 р.; за Псковских присылали деньги из тамошнего архиерейского дома.

Императрица Елизавета Петровна возвратила духовенству церковные имущества, поручив заведывание ими Канцелярии синодального экономического правления⁷⁵. Вместе с этим

содержание школы перешло опять в заведывание монастыря. Жалование наставникам и деньги на содержание воспитанников выдаваемы были из казенной канторы, после настойчивых просьб, с самой строгой экономией. Чтобы судить об ограниченности средств, представим извлечение из дела о смене расходчика Василья Жегачева. В 1747 г. ректор Иеромонах Гавриил и префект Амвросий доносили монастырской канцелярии. «В Василье Жегачеве, который был у приходу и расходу при Александроневской семинарии, довольное число лет не непорядочно, ныне крайней нужды в реченной семинарии нет; понеже и без него может обойтись, было б только чем... На его место усмотрен и определен от нас студент Александр Лебедев, которому Александроневская канцелярия да соблаговолит как книги приходные и расходные на этот год, так и что б было что в эти книги записывать – из казенной канторы денег на необходимые хотя нужды по препорции выдать; понеже в поминаемой семинарии никаких уже денег не имеется, а вновь как бумаги и чернил, так пищи и обуви, рубашек и прочего одеяния непременно надобно. Февр. 11 дня 1747г.» По справке в монастырских книгах в даче на семинарию оказалось: в 1745 г. марта 23 100 р.; 5 июня 50 р., 30 сент. 100 р. и 12 декабря 100 р.; в 1746 г. 14 марта 100 р., 10 авг., 5 сент., 9 ноября и 8 дек. – 170 р., а в нынешнем (1747 г. Февраля 20) дачи на оные семинарские расходы денег не значится⁷⁶.

В 1762 г., по именному Высочайшему указу Императрицы Екатерины II Алексеевны, учреждена из духовных и светских лиц Комиссия для приведения в ясность количества доходов, получаемых с церковных имуществ, и составления штатов архиерейских домов, монастырей и духовных училищ⁷⁷. В 1765 г. января 4 комиссия доносила Императрице, что «о содержании семинарий особливые штаты делаются с немалым рассмотрением, которые хотя вскоре и окончатся, однако же по ним действие самое начато не иначе быть может, как с сентября месяца наступившего года, чтобы потому иметь довольное время для учреждения надлежащего строения и приискания достойных учителей». Поэтому комиссия представила выдать из Коллегии экономии, вновь открытой в 1762 году, – на содержание семинарии только до сентября месяца, за две трети, 22951 р. 57 коп. Утвердив этот доклад, Императрица повелела дополнить примерно назначенную сумму до 25 тысяч. Из этой дополнительной суммы на долю здешней семинарии, по соразмерности с ее окладом, прибавлено единовременно 117 р. 28 к. Между тем 11 августа 1765 г. последовал Высочайший Именной указ Коллегии экономии: «пока совершится новое учреждение о всех епархиальных семинариях, о которых Мы теперь прилагаем неперменное попечение, то повелеваем продолжать старое оным содержание впредь до указа». Общая сложность всей суммы, положенной на этот предмет, простиралась до 40,000 рублей. В этом числе на содержание Александроневской семинарии определено 2146 рублей 90 1/2 копеек. Но как число училищ и духовных воспитанников умножалось, то сумма на содержание училищ вскоре возвышена до 77,431 руб. 27 1/2 коп. Из нее на содержание Александроневской семинарии, Высочайшим указом 2 марта 1784 г., повелено было прибавить к прежнему ее окладу по 2353 руб. 2 1/2 коп. в год, начиная с 1 января 1784 года⁷⁸. Таким образом общая сложность семинарской суммы возросла до 4500 рублей.

Воспитанники все, без исключения, пользовались казенным содержанием и квартирой, а бедные сверх того платьем, обувью и бумагой.

Помещение семинарии

Первоначальная школа помещалась возле монастыря, в особом здании по северную сторону Черной речки. Но, с умножением числа воспитанников это помещение оказалось неудобным, тем более, что и здание устарело и близость слободских дворов не благоприятствовала школьным занятиям. Поэтому в 1739 году архимандрит лавры Стефан, епископ Псковский, вместе с братией присудили: «вместо старого семинарского дому, который по немалой части уже обветшал, также покоями и пространством стал скуден, и стоит возле самых слободских – служительских и мастеровых людей дворов при самой перспективной (Невского проспекта) улице, откуда шум и драки и песни бесстыдные, наипаче в праздничные дни пьяные обоего пола люди по улице бродят и в семинарию заходят, еще же и построен на низком, болотном и весьма неуютном месте, от чего частые в семинарии болезни случаются, – построить вновь семинарский дом, вне слобод, на особо отделенном и на то очищенном и уготованном месте за монастырским конюшенным двором.» В том же году и начата постройка при настоятеле, епископе Стефане, и наместнике Досифее, а в 1741 году окончена⁷⁹.

Период III. Александроневская главная семинария 1788–1797

Учебная часть

Преобразование и переименование Александроневской семинарии в Главную семинарию находится в связи с общими правительственными распоряжениями о преобразовании училищ.

В 1786 году 5 августа Высочайше утвержден был Императрицей Екатериной II Алексеевной Устав народных училищ в Российской империи, предначертанный Самой же Императрицей и приведенный в окончательный вид Комиссией об учреждении народных училищ. Правилами этого устава определены способ и цель преподавания наук в училищах, устройство их в правительственном и хозяйственном отношениях и взаимное отношение их, как частей одного органического целого. Цель учреждения училищ изложена в самом начале Устава: «Воспитание юношества было у всех просвещенных народов настолько уважаемо, что почитали его средством утвердить благо общества гражданского: да это и неоспоримо; ибо предметы воспитания, заключающие в себе чистое и разумное понятие о Творце и Его святом законе и основательные правила непоколебимой верности к Государю и истинной любви к отечеству и своим согражданам, суть главные подпоры общего государственного благосостояния.» Для достижения этой цели положено было учредить народные училища во всех губерниях и наместничествах Российской империи. Училища разделены на главные и малые: первые положено учредить в каждом губернском городе, последние, кроме губернских городов, в уездных и где, по усмотрению приказов общественного призрения, откроется надобность и возможность. Те и другие подчинены ведению приказов общественного призрения. Председатель приказа, генерал-губернатор или губернатор, сообразно с его должностью, назначен главным попечителем училищ. Он избирает директора для ближайшего и непосредственного надзора за училищами наместничества или губернии. Главное училище образует учителей для малых училищ и имеет за ними надзор, а Комиссия заботится о снабжении их учебными руководствами и другими пособиями⁸⁰.

В сообразность с устройством главных народных училищ, преосв. митрополит Гавриил исходатайствовал Высочайшее соизволение на преобразование Александроневской семинарии в Главную семинарию, ближайшим образом для здешней и Новгородской епархий, составлявших в церковно-иерархическом отношении одно управление, а потом и для прочих, где будет надобность в учителях. Во исполнение Высочайшей воли, указом св. Синода от 27 июля 1788 года, повелено было: присылать в Главную семинарию учеников из всех епархиальных семинарий, исключая состоящую в Троицкой Сергиевой лавре, также Черниговскую, Новгород-северскую и заграничную при коадьюторе митрополии Киевской, однако не более, как по два из каждой человека таких, которые бы надежнейшие были в благонравии, поведении и в учении лучшим перед другими понятия, и притом из окончивших уже учение не ниже риторического класса, для образования их к учительской должности в высших классах; после чего они отпущены будут к этим должностям в свои семинарии, а на место их присланы будут другие, если того, по усмотрению епархиальных архиереев, востребует польза и надобность⁸¹. Вышеозначенные четыре семинарии исключены потому, что они находились – первая подле Московской, последние подле Киевской академии, куда они с большим удобством могли посылать учеников для образования к учительским должностям.

Способ обучения, принятый в народных училищах, по происхождению своему есть способ австрийских нормальных школ. Императрица, пригласив венгерца Янковича де Мириево, бывшего директором народных училищ Темисварского округа, для образования училищ Российской империи, поручила ему устройство учебной части. Янкович отлично оправдал доверие Императрицы, так что предположения его о способе преподавания наук, с небольшими изменениями, утверждены для народных училищ всей Империи. Достоинство его методы состоит в хорошем выборе предметов, введенных в круг народного образования, и образе преподавания их приспособительно к постепенно развивающимся смышлености и любопытству воспитанников; с другой стороны, через принятие его во все народные училища, утверждался полный единообразный порядок преподавания во всех училищах Империи.

Указом святейшего Синода от 27-го декабря 1785 года повелено было ввести этот способ и во всех духовных училищах. Но это исполнено было, по крайней мере в отношении к здешней Главной семинарии, не скоро. Впрочем сделаны значительные, против прежнего, улучшения по учебной части, именно:

1) В круг наук введены некоторые новые предметы, которых прежде не преподавали: церковная история, механика и естественная история⁸². Тогда же открыт класс математики и опытной физики.

2) За руководство в преподавании наук приняты были книги, изданные комиссией об учреждении народных училищ; именно – арифметика (Спб. 1786), руководство к геометрии (Спб. 1785), физике (Спб. 1765), механике (Спб. 1785), начертание естественной истории, с присовокуплением к оной рисунков на царство животных; всеобщее землеописание (2 ч. Спб. 1788–1795), пространное землеописание Российского государства с 9 картами (Спб. 1786 и 1787), всемирная история, полушария или изображения обеих половин земного шара и проч. Книги эти отпускаемы были в здешнюю и прочие епархиальные семинарии с уступкой 30 % против обыкновенной продажной цены в уважение того, что комиссия при печатании некоторой части книг пользовалась содействием св. Синода⁸³. По тем наукам, для которых не было ни учебников, ни руководств на русском языке, руководствовались иностранными: по философии – Винклером; риторике – Лежаем; по богословию учебной книгой было сокращенное богословие Феофана Прокоповича; пособием–богословские уроки Турретина.

3) Учители должны были ежемесячно представлять ректору отчеты о предметах, пройденных каждым из них по своему классу; а ректор представлял их митрополиту. В конце года составлялся общий отчет о трудах наставников и успехах воспитанников в продолжении года. М. Гавриил сам присутствовал на экзаменах, утверждал списки с разделением воспитанников на разряды и назначением одних к выпуску, других к переводу или выключке из семинарии и потом доносил о своих наблюдениях св. Синоду⁸⁴.

Впрочем, и сами наставники составляли учебники по своим предметам. Некоторые из них напечатаны, именно:

1) Священная риторика (*Rhetorica sacra*), соч. архим. Иннокентия Дубравицкого, на латинском языке. Спб. 1790 г.

2) *Compendium hermeneuticae sacrae*, соч. архим. Антония Знаменского, выбрано из первой части Виттенбаховой и дополнено из Рамбахиевой герменевтики; в 1806 г., с одобрения св. Синода, напечатано для употребления в духовных училищах⁸⁵.

3) Плодом занятий Анастасия Братановского по классу церковного красноречия был *Tractatus de concionum dispositionibus formandis* (М. 1806 г.). Но это сухое и дробное сочинение только подтверждает ту мысль, что, иногда творя прекрасное, можно не сознавать ясно, или по крайней мере не быть в состоянии сообщить другим искусство (технику) своего творения.

4) Правила высшего красноречия, сочинение М. М. Сперанского, напечатанное уже по смерти сочинителя усердием одного из множества почитателей его имени, бывшего профессора здешней Дух. Академии, И. Ветринского (Спб. 1844 г.). Оно написано в самую раннюю пору жизни и ученой деятельности Сперанского, когда он имел еще только 21 год и по окончании курса только что определен был учителем словесности в здешней семинарии. Несмотря на то, сочинение имеет много достоинств. Признав главным источником красноречия внутреннее состояние оратора – твердое убеждение в истине предмета и глубокое сочувствие к слушателям, автор выразил понятия, совершенно соответствующие характеру новейшего красноречия, особенно духовного, в противоположность ораторскому искусству древних, и выразил их в такое время, когда в науке словесности господствовала французская теория, которая, основываясь на древних образцах, все в поэзии и красноречии низводила к одним внешним причинам и побуждениям и главным началом искусства признавала подражание внешней природе. Язык автора, по своему изяществу, резко отличается от большей части сочинений своего времени. Речь его во многих местах делается одушевленной, картинной и возвышенной. Обилие прекрасных примеров красноречия, хотя ограничивающихся главным образом произведениями древней классической и французской литературы, но приведенных со строгой разборчивостью и с объяснениями самого автора, верными, умными и живоизложенными, также делает честь его вкусу. Из философских сочинений Сперанского, относящихся ко времени пребывания его в семинарии, напечатан в одном периодическом издании отрывок: О силе, основе и естестве⁸⁶.

Особые ученые занятия наставников и упражнения воспитанников семинарии

При семинарии, как впоследствии при академии, были постоянные катехизаторы, хотя по штату не было для них особой должности. Эта обязанность возлагалась на м. Гавриилом на способнейших семинарских наставников, духовных и светских, с вознаграждением их за труды прибавкой жалованья. Здесь-то раскрылись и, может быть, образовались проповеднические таланты знаменитых наших церковных ораторов – Анастасия Братановского и Феофилакта Русанова. Первый толковал публично катехизис с 22 июня 1791 года, последний – в 1793 г., еще бывши в степени иеродиакона. В следующем году митрополитом Гавриилом назначен был в эту должность светский – Дмитрий Травинский; но доколе он продолжал и кто был его преемником, не известно.

Кроме того, из записок современника – П. И. Мартынова, об образе жизни и занятиях тогдашних наставников, видно, что:

1) Их занимал различными поручениями м. Гавриил. Большую часть трудов этого рода составляют переводы с иностранных языков на русский и с русского на иностранные языки.

2) Некоторые наставники, между ними и Сперанский, были сотрудниками литературных журналов, а П. И. Мартынов в 1783 г. заведывал несколько месяцев редакцией С.-Петербургского Меркурия, за болезнью А. И. Клушина и отъездом из С.-Петербурга П. А. Крылова – издателей этого журнала.

Студенты более других любознательные довершали свое образование слушанием уроков в Академии Наук и других высших заведениях, где лучшие наставники объясняли науки, которых не проходили в семинарии. Известный уже нам Мартынов пишет сам о себе, что он хаживал пешком на Васильевский остров слушать уроки химии и на Аптекарский – слушать уроки ботаники, читанные профессором Тереховским⁸⁷. Из его же записок видно, что студенты в досужее время переводили с иностранных языков на русский статьи разнообразного содержания для тогдашних журналов и получали за это небольшую плату. «Тогдашние издатели – пишет Мартынов – студенческими переводами не брезговали, зная по опыту, что они дешевле всяких других. Случалось и так, что перевод делал студент за какую-нибудь ничтожную плату, а на заглавном листке выставлялось имя какого-нибудь известного уж российского Клопштока». Студенты упражняемы были также в составлении и сказывании проповедей. Мартынов в своих записках замечает, что в этом роде их произведений заметны были два главных тона: одни старались писать цветно, плодovито, блистательно, другие – просто, коротко, глубокомысленно. В произношении также господствовали два тона: одни подражали театральному, следуя Яковлеву; другие ближе подходили в произношении проповедей к обыкновенному разговору». Первое можно объяснить всеобщим увлечением того времени в пользу внешнего блеска – в сочинениях и их произношении точно так же, как во всем прочем: лучшие и знаменитейшие наши проповедники брали за образец для себя декламацию Дмитревского и Яковлева. В семинарии этот тон поддерживаем был уроками и собственным примером Анастаса Братановского, изъяснявшего воспитанникам теорию церковного проповедничества, и преемника его по кафедре – Сперанского. Михаил Михайлович любил блестящий, даже несколько изысканный слог; но, увлекая своих слушателей к подражанию, он не мог передать им своего вкуса, который предохранял его от надутости высокопарности.

Библиотека получила значительное приращение после соединения здешней семинарии с Новгородской; потому что большая часть книг Новгородской библиотеки, образовавшейся из частных библиотек преосвященных Новгородских Феофана Прокоповича, Амвросия Юшкевича, Стеофана Калиновского и друг., отделена и перевезена в здешнюю семинарию. Иннокентий Полянский, Воронежский архиепископ, разделив свою библиотеку между некоторыми семинариями, часть ее отказал здешней Академии. В ней было около 4000 №№.

Управление семинарии и списки наставников

Главная семинария состояла под непосредственным надзором м. Гавриила и во всех бумагах называлась семинарией Его Высокопреосвященства. Пр. Гавриил сам назначал ректоров и префектов; выбирал, определял и увольнял наставников, назначал, увеличивал и уменьшал оклады их жалованья; поощрял способнейших, возбуждал менее деятельных; посещал классы, бывал на экзаменах и утверждал разрядные списки после обстоятельного их рассмотрения; при поступлении воспитанников разделял их по классам, смотря по успехам в первоначальных предметах; бедным назначал пособие, сообразно с степенью нужды каждого, пополняя средства семинарии собственными приношениями.

Ближайшее управление внутренними делами семинарии принадлежало семинарской Конторе, в которой присутствовали ректор и префект. В короткий промежуток времени, с 1788 по 1797 г., эти должности занимаемы были преемственно следующими лицами:

Ректоры и богословия учителя

9) Иннокентий Дубравицкий, архимандрит, из префектов Новгородской семинарии, с 12 окт. 1788 г.; тогда же поручено было ему преподавание закона Божия православным воспитанникам Немецкого училища св. Петра; в 1793 г. он имел счастье быть наставником Ее Императорского Высочества Великой Княжны Елизаветы Алексеевны; в 1795 г. апреля 7 переведен в Иверский монастырь и от должности ректора уволен. Скончался в Юрьевском монастыре на покое в 1799 году⁸⁸. Напечатано несколько проповедей, говоренных им в С.-Петербурге; в бытность ректором семинарии.

10) Антоний (Николай Ив.) Знаменский, сын протоиерея Новгородского Знаменского собора, обучался начальным предметам и риторике в Новгородской, а философии и богословию в здешней семинарии, и по окончании курса, в сентябре 1788 г. определен в ней учителем синтаксического класса и библиотекарем; в 1792 г. пострижен в монашество и определен префектом семинарии; в 1794 произведен в архимандрита Новгородского Вяжицкого монастыря, а в следующем году сделан ректором семинарии. При нем в 1797 г. семинария переименована академией.

Префекты и философии учителя

11) Епифаний Легонин, иеромонах, из здешних учителей, с 1788 г.; преподавал историю философии и естественную историю.

12) Павел Предтеченский, иеромонах, вызван м. Гавриилом из Ярославской семинарии, в которой был учителем разных классов и, по смерти Епифания, в декабре 1788 г., определен префектом; в 1792 г. переведен префектом же в Московскую академию, а потом ректором во Владимирскую семинарию. Здешние воспитанники были недовольны им как наставником; потому что он был большой схоластик и лишь латинским языком прикрывал свое незнание.

13) Антоний Знаменский, иеромонах, с 1792 по 1795 г.

14) Михаил Мих. Сперанский, определен префектом из здешних учителей в 1795 г. и один только год занимал эту должность. Не многие, получившие общую известность сведения о жизни его повторяемы были так часто, что было бы излишне повторять их еще раз без всяких прибавлений, и потому мы ограничимся самым кратким воспоминанием пребывания его в здешней семинарии и последующей жизни. Сперанский прислан был для высшего образования из Владимирской семинарии в 1789 г. и обучался четыре года богословским и философским наукам и высшей математике. По окончании курса ему надлежало возвратиться в свою семинарию к учительской должности; но м. Гавриил, усмотрев в нем отличные дарования, оставил его в своей епархии и определил в семинарию учителем высшего, преимущественно церковного, красноречия и чистой математики⁸⁹. Это был обыкновенный порядок вещей в отношении к лучшим воспитанникам, присылаемым сюда для образования. Усердие, с каким Сперанский проходил должность наставника, можно видеть уже из того, что в самое короткое время преподавания словесности он составил весьма хороший учебник по этому предмету. В апреле 1795 г. м. Гавриил выбрал его в префекты семинарии, вероятно по надежде, что он вступить в монашество, так как в эту должность определяемы были по преимуществу лица из монашествующего духовенства; но Сперанский через два года вышел из семинарии и духовного звания (13 дек. 1796 г.)⁹⁰. Образованный и сильный вельможа своего времени, генерал-прокурор князь Алексей Борис. Куракин, у которого он был домашним учителем и секретарем, принял его секретарем в свою канцелярию. Сперанскому было в то время 26 лет. Из канцелярии генерал-прокурора он перешел правителем дел в Комиссию о снабжении Петербурга хлебом и сделался известным Государю Цесаревичу Великому Князю Александру Павловичу, который по званию С.-Петербургского военного генерал-губернатора был председателем этой Комиссии; а по восшествии Его на престол Сперанский остался при Нем в звании статс-секретаря. По особенной Монаршей милости он возводим был от одного достоинства к другому с чрезвычайной быстротой, так что через четыре года службы на новом поприще (1801 г. июля 9) он был уже действительным статским советником. В 1808 г. он имел счастье сопровождать Государя Императора в Эрфурт и был удостоен отлично лестного внимания императора Наполеона и прусского короля. В 1809 г. принимал деятельное участие в преобразовании духовных училищ и различных частей государственного управления; но вскоре обстоятельства переменились. Эта перемена обстоятельств, временно удалившая Сперанского от службы, и возвращение его потом снова к высокой деятельности больше или меньше всякому известны. В 1839 г. 13 февраля он скончался в звании графа Российской империи, оставив по себе памятником Полное Собрание и Свод Законов Российской Империи и весьма много полезных учреждений по разным предметам и ведомствам государственного управления.

15) Флавиан (Феодор) Ласкин обучался в Коломенской и здешней семинариях и, по окончании курса, в 1791 г. марта 16 определен здесь учителем латинского класса и низшей математики, в 1795 г. поэзии, в 1796 г. философии и определен префектом семинарии; в следующем году 13 марта пострижен в монашество; 15 июля посвящен в иеродиакона и определен законоучителем православных воспитанников в Немецком училище св. Петра; 14 сентября посвящен в иеромонаха; в 1798 г. 14 Февраля произведен в архимандрита Зеленецкого монастыря; в октябре 1799 г. переведен в Сергиеву пустынь, в ноябре в Антониевский монастырь, а в январе 1800 г. определен ректором Новгородской семинарии и присутствующим в тамошней консистории.

Наставники

Заботливости и распорядительности м. Гавриила семинария обязана многими прекрасными наставниками, которые проходили свое служение с честью для заведения и несомненной пользой для учащихся. Читатель встретил в списке наставников этого периода имена, известные образованным людям всех сословий. Одни из них получили воспитание в здешней семинарии, другие поступили в нее, по приглашению м. Гавриила, из епархиальных семинарий училищ и из светских учебных заведений. По ограниченности средств оклады жалованья были невелики и неодинаковы для всех, но постепенно возвышались от низших классов к высшим: это заставляло наставников, при всякой открывшейся вакансии в высших классах, переходить на новые кафедры, что, конечно, не было полезно ни для науки, ни для заведения, ни для самих наставников. Случалось и очень не редко, что иной наставник в течение пяти-шести лет службы переходил все классы и науки. Сообщим имена их с краткими сведениями о последующей их судьбе по выходе из семинарии:

Иван Никит. Голубев, из здешних воспитанников, с 1784 г. обучал латинскому языку; в 1786 г. переведен в Новгородскую семинарию на класс риторики, но в 1788 г. снова вызван в С.-Петербург на красноречие; в 1789 г. вышел священником в приход. Скончался протоиереем Владимирской церкви.

Иван Сем. Державин, в 1788 г. переведен из учителей Новгородской семинарии и занимал класс поэзии, а после Голубева – класс красноречия; в 1790 г. рукоположен в священники и проходил разные епаршеские должности; в 1798 г. произведен в протоиерея; в 1807 г. Высочайше пожалован был членом св. Синода и обер-священником армии и флотов, а с образованием Комитета об усовершенствовании духовных училищ, преобразованного и переименованного в 1808 г. в Комиссию духовных училищ, и в оных по Высочайшей воле был членом, разделяя труды с бывшими своими учениками – Феофилактом, епископом Калужским и М. М. Сперанским. Скончался в 1826 году.

Павел Пухидинский, в 1788 г. переведен с грамматического на риторический класс; в 1790 г. вышел священником в приход.

Класс физики занимали: экстраординарный профессор С.-Петербургской Академии Наук Алексей Алексеев. Конов (скончался в 1795 г.); после него – профессор Гаррах.

Никита Дм. Максимов, обучался сперва в Тобольской семинарии, потом в Учительской гимназии; в 1788 г. вызван в здешнюю семинарию на класс математики; в 1792 г. определен священником и законоучителем Императорского Воспитательного Дома.

Классы французского и немецкого языков занимал несколько времени профессор Гутсман. После него приглашен бывший учителем этих языков в Императорском Воспитательном Обществе благородных девиц Карл Вольмер. В контракте, который заключило с ним семинарское начальство, определены условия службы его при семинарии: «за два часа в неделю получать мне годового жалованья 250 р. и карета для проезда моего в семинарию и обратно должна быть казенная; впрочем обязуюсь, по возможности, стараться об успехах учеников и употреблять с ними надлежащую благопристойность». Но через год он вышел. Лекторами при них были студенты: Николай Знаменский (впоследствии ректор Академии), Николай Анненский и Иван Данков.

Анастасий (Андрей) Романенко-Братановский, малороссиянин, протоиерейский сын, обучался в Переяславской семинарии, и, по окончании курса, сам обучал латинскому языку, арифметике, истории и географии; в 1783 г. переведен в Севскую, отсюда, через год, в Вологодскую семинарию, а в 1789г. в Кирилловское училище Новгородской епархии. В 1790 г. 1 января м. Гавриил вызвал его в С.-Петербург и определил в Александроневскую семинарию учителем поэзии. В скором времени он отличился на публичном испытании перед другими наставниками: это доставило ему риторический класс. Природная склонность к благочестивому разуму, усиленная евангельскими учением и примерами, побудила его напоследок избрать состояние, расположением его соответственное. Быв руководим м. Гавриилом, он принял в 1790 г. в Александроневском монастыре монашеское звание. «Жребий будущий закрыт» – писал он в то время к друзьям своим – «а я 26 июня пострижен монахом, которым и ныне пребываю в надежде иеродиаконства; видно вся наша жизнь есть одна только надежда»⁹¹. Посвятив себя совершенно своему званию, он, кроме учительской должности в семинарии, преподавал учение

закона Божия воспитанникам Корпуса гвардии Измайловского полка; в 1792 г. определен законоучителем в Сухопутный кадетский корпус и произведен в сан архимандрита. К этому времени относятся лучшие, сказанные им, речи и слова на разные случаи, говоренные в придворной и корпусной церквах, и надгробные, произнесенные в Александроневской лавре при погребении д. т. с. И. П. Бецкого, А. А. Нарышкина, графини Остерман и многие другие⁹². Анастасий был членом св. Синода и Императорской Российской Академии. Скончался Астраханским архиепископом в 1806 году 9 декабря.

Федор Гавр. Русанов, в монашестве Феофилакт, сын дьячка, Архангельской губернии, Онежского округа, Набережской волости, родился в 1765 г. и обучался сперва в Олонецкой, потом с 1788 г. в Александроневской семинариях. Как лучшему студенту ему поручено было, еще до окончания курса, обучать младших воспитанников истории и географии.

В 1792 г. он определен был учителем поэзии и риторики; в том же году вступил в монашество и определен законоучителем в Греческий корпус, вскоре переименованный Корпусом чужестранных единоверцев; в 1795 г. посвящен в архимандрита с настоятельством сперва Зеленецкого монастыря, потом Сергиевой пустыни, что близ С.-Петербурга; в 1796–1797 гг. преподавал закон Божий в Сухопутном шляхетном и Артиллерийском кадетском корпусах; в 1798 г. 8 ноября пожалован в члены св. Синода; в 1799 г. сопричислен к ордену св. Анны 2-й степени и переведен в первоклассный Иверский монастырь; в том же году 21 октября утвержден епископом Калужским и 23 наречен в комнатах Гатчинского дворца в присутствии Императора Павла Петровича и отправился к месту своего архипастырского служения. Семинария Калужская сохраняет благодарную память об этом архипастыре, много содействовавшем ее внутреннему и внешнему благоустройству, вместе с ректором, архимандритом Ионой Васильевским, впоследствии преемником его на кафедре Грузинской экзархии. В 1807 г. вызванный в С.-Петербург для присутствия в св. Синоде, он Высочайше назначен был членом Комитета об усовершенствовании духовных училищ. Сколько и как он потрудился для духовного просвещения в это время, скажем в своем месте.

Андрей, в монашестве Анатолий, Максимович, малороссиянин, по окончании семинарского курса был учителем сперва грамматического класса (1790 г.), потом поэзии и греческого языка; отсюда произведен священником к Успенской Спасосенновской церкви; в 1809 г. вступил в монашество, определен ректором С.-Петербургской семинарии и архимандритом Троицкой Сергиевой пустыни; в 1812 году 3 марта Всемиловейше пожалован епископом Полтавским, в 1819 году – Минским, в 1830 г. – Симбирским архиепископом; в 1842 г., за старостью, уволен от епархиального управления.

Иероним, иеромонах, обучался в Смоленской семинарии, а по окончании курса, в сане диакона, проходил должность проповедника; в 1772 г. произведен в священника; в 1790 г. по овдовении, вызван м. Гавриилом в здешнюю семинарию в должность инспектора и учителя низших классов; в 1791 г. пострижен в монашество, а в 1792 переведен игуменом в Смоленский монастырь.

Иван Сем. Данков, из здешних воспитанников, учитель немецкого языка; в 1790 г. посвящен в диакона к Артиллерийскому собору, при котором был впоследствии протоиереем; в 1809 г. избран в члены здешней академической Конференции; в 1813 г., по назначению Комиссии дух. училищ, обозревал уездные училища Псковской епархии. Скончался в 1833 году.

Иван Ив. Бедринский, по окончании курса проходил инспекторскую и учительскую должность в разных классах; в 1791 г. вышел в епархиальное ведомство и посвящен в диакона к Смольному Новодевичьему воскресенскому монастырю, в 1794 г. в священника к Вознесенской церкви; в 1809 г. произведен в протоиерея к Воскресенской церкви, что за Литейным двором; в 1814 г. перемещен к Казанскому собору. За усердие к прохождению этих должностей и точность в исполнении обязанностей, с ними соединенных, Бедринский удостоился получить отличия: в 1815 г. палицу, в 1817 г. орден св. Анны 2 ст., в 1824 г. алмазные знаки этого ордена, в 1825 г. митру; за катехизические поучения и переводы иностранных книг на русский язык избран был в 1806 г. в члены Императорской Российской Академии и С.-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности, в 1811 г. Конференции С.-Петербургской Дух. Академии и Духовно-цензурного Комитета и удостоился получить не один раз из Высочайшего кабинета подарки. Из переводов его напечатаны следующие: 1) Вопль истины против соблазнов мира; 2) Величие души, соч. Каракчиоли. Спб. 1803; 3) Церковная история, 3 части (Москва 1794 г.), и 4) Политика, из священного Писания почерпнутая, соч. Боссюэта. Спб. 1802 г. Скончался в 1831 г.

Иван Александров, учитель рисовального класса, с 1789 года.

Венедикт, в монашестве Вениамин, Жуков, отслужив двухгодичный срок в Воронежской семинарии, просил м. Гавриила о принятии его снова в Невскую семинарию, и определен, на первый случай, учителем греческого языка (31 октября 1792 г.); в том же году пострижен в монашество; в 1805 г. произведен в архимандрита Тобольского знаменского монастыря и определен ректором Тобольской семинарии. Скончался Иверским архимандритом в 1811 г. 14 мая. В библиотеке здешней академии сохраняется рукописный (с разрисованным заглавным листом) перевод нескольких поучений древних Отцов Церкви, поднесенный Венедиктом м. Гавриилу во всерадостнейший день ангела его.

Иван Ив. Мартынов, обучался сперва в Полтавской, потом в здешней семинарии. По окончании курса ему надлежало возвратиться в свою семинарию, но м. Гавриил выпросил его у местного преосвященного для здешней семинарии и определил учителем сперва греческого языка (1792 г. 19 мая), потом поэзии и риторики⁹³. Вступая в должность учителя Мартынов располагал себя к духовному званию, но потом нашел более сообразным с своими склонностями звание светское, и в 1794 г. определился переводчиком в Коллегию иностранных дел, 1802 г. письмоводителем в Государственный Совет, а в 1803 году определен директором канцелярии Министерства Народного Просвещения, в самом учреждении которого принимал важное участие. В 1816 г. пожаловать в члены Главного правления училищ и был действительным членом Российской Академии и почетным – Московского, Виленского, Харьковского и Казанского университетов, Медико-хирургической академии, С.-Петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, Любителей российской словесности, Вольного экономического и других обществ. В бытность наставником он перевел и потом издал сочинение Лонгина о высоком (Спб. 1802 г.) и стихотворения Анакреона (Спб. 1802 г.); в 1796 г. издавал журнал Муза, в 1804 –1805 гг. Северный Вестник, в 1806 г. Лицей. Скончался в чине действ. статск. советника. Имел орден св. Владимира 3 ст. и св. Анны 2 ст.

Михаил Кир. Соловьев, из здешних студентов, с 12 сент. 1792 г. учитель инфимы, высшего латинского класса, поэзии и риторики. В 1796 году вышел в гражданскую службу.

Александр Степ. Лубкин, из здешних воспитанников, был учителем немецкого языка. Из Невской семинарии перешел в Армейскую на класс философии, а отсюда определен экстраординарным профессором философии в Казанский университет. Здесь он составил и издал Начертание логики (Спб. 1808 г.) и перевел на русский язык Начальный курс философии, Снелля (Казань, 1813–1814).

Лев Далматов, из здешних воспитанников, учитель истории и географии, с 1793 г. В следующем году пострижен в монашество и рекомендован: жизни честной и успехов прекрасных.

Дамаскин (Дмитрий) Травинский из воспитанников здешней семинарии определен в 1794 г. учителем истории и географии, потом переведен на класс синтаксиса и грамматики.

В 1799 г. определен законоучителем кадетов Инженерного корпуса и произведен в архимандрита Спасокаменского монастыря (Вологодск. губ.).

Петр Андр. Словцов, обучался в Тобольской и здешней семинариях и по окончании курса в 1792 г. определен в Тобольскую семинарию учителем философии, красноречия и математики; в июне 1795 г. снова вызван в С.-Петербургскую семинарию на класс красноречия: но вскоре перешел на гражданскую службу в Сибирь, где в чине статского советника был директором Иркутской гимназии и визитатором трех Сибирских губерний. Современники, знавшие Словцова, отзывались о нем, как о человеке с необыкновенными способностями⁹⁴. В литературе он известен Историческим обозрением Сибири, двумя Похвальными словами – Царю Иоанну IV Васильевичу (Спб. 1807) и Пожарскому и несколькими стихотворениями, помещенными в периодических изданиях И. И. Мартынова: «К Сибири», «Китайцам в Петербурге», «Материя» и проч.

Тимофей Ал. Вещезеров, из воспитанников здешней семинарии, с 1795 г. учитель немецкого языка, потом французского и риторики; с 1800 г. священник; в 1811 г. по поручению Комиссии дух. училищ обозревал уездные и приходские училища по С.-Петербургской и Псковской епархиям; в 1827 г. избран в члены Конференции здешней академии. Скончался протоиереем кафедрального Петропавловского собора в С.-Петербурге и ректором Петропавловского духовного училища.

Алексей Прок. Парвов, обучался в Новгородской и здешней семинариях и по окончании курса в 1795 г. определен учителем низших классов. Скончался священником Успенской церкви, что на Сенной.

Амвросий (Алексей) Рождественский, иеромонах, обучался в Кирилловской и здешней семинариях и по окончании курса определен учителем греческого языка; в 1798 г. пострижен, в монашество и переведен на класс красноречия; в 1800 г. произведен архимандритом и определен ректором Вологодской семинарии. Впоследствии был Вятским епископом.

Александр Алексеев иеромонах из священников, обучал грамматике. Выбыл законоучителем в Академию Художеств, а оттуда в 1804 г. переведен архимандритом в Сковородский монастырь, где и скончался.

Моисей (Михаил) Марзакевич, по окончании курса в Смоленской семинарии проходил разные гражданские должности и дошел до чина губернского секретаря; но в 1796 г. вновь вступил в духовное звание и определен в здешнюю академию учителем истории и географии; в 1797 году пострижен в монашество, а в 1800 г. 20 апр. произведен в архимандрита Полоцкого Богоявленского монастыря (Белорусской епархии) и от должности учителя уволен.

Августин (Михаил) Сахаров, обучался в Ярославской и здешней семинариях и по окончании курса в 1792 г. определен учителем Ярославской семинарии; но в 1797 г. вызван был снова в С.-Петербург и определен в Александроневскую академию учителем церковного красноречия и греческого языка и экзаменатором ставленников по здешней и Новгородской епархиям; 19 сентября того же года пострижен в монашество, а в апреле 1798 г. определен архимандритом Толгского монастыря и ректором Ярославской семинарии. В 1806 г. 25 мая из законоучителей 2-го кадетского корпуса назначен епископом Оренбургским и управлял епархией до 1819 г. Скончался на покое 1 января 1821 года.

Воспитанники

Число воспитанников простиралось от 150 до 200, включая в это число

1) Новгородских семинаристов – от 50 до 85;

2) воспитанников, поступавших сюда из епархиальных семинарий, для высшего образования в богословии и философии и приготовления к учительской должности. Первый прием их был в 1788 году, второй в 1790 и так далее, повторяясь через каждые два года. По студенческим спискам видно, что в Главную семинарию присылаемы были лучшие воспитанники из семинарий не только близких, но и отдаленных, именно – Псковской, Олонецкой, Тверской, Вологодской, Белорусской, Владимирской, Воронежской, Казанской, Астраханской, Тобольской, Иркутской и из Харьковского коллегиума.

3) Вольнослушателей. Впрочем, их было не много.

Прием воспитанников в низшие классы производился каждый год, также как выпуск из высших классов. Всякий, кому открывался случай поступить на священническое или дьяконское место, или в гражданскую службу, увольняем был беспрепятственно. Перевод из одного класса в другой зависел от успехов: одни доходили до риторического класса в два–три года, другие, менее успешные, в 5 лет. Курсы риторический, философский и богословский продолжались каждый два года.

Название. Воспитанники высших двух классов – богословского и философского назывались студентами; остальные – учениками. Лучшие из студентов назначались лекторами или репетиторами в низших классах и получали за это небольшое жалованье.

Надзор за воспитанниками принадлежал семинарскому префекту. В помощь ему назначался один из младших учителей или студентов, который носил название инспектора. Насчет выбора в эту должность Духовным регламентом было постановлено правило, «чтобы префект был честного жития, не весьма свирепый и не меланхолик». Строгость надзора за поведением и нравственностью воспитанников предотвращала возможные следствия вольности. Но когда они прокрадывались в семинарию, то были удаляемы вместе с виновниками. В 1793 г. один из присланных студентов замечен в нетрезвости: м. Гавриил, приказал немедленно выслать его в епархию с паспортом, прописав в сообщении местной (Астраханской) консистории причины, по которым он выслан из Невской семинарии.

Размещение воспитанников и последующая судьба их

К сказанному выше о выпуске из семинарии и размещении воспитанников прибавим не многое; потому что промежуток времени, которой мы обозреваем, очень невелик – обнимает только девять лет. Особенность его против прежнего времени составляет назначение в состав высших классов способнейших воспитанников из епархиальных семинарий и последующее размещение их к учительским должностям в местные семинарии. Из них вышло немало людей, украсивших собой историю здешней семинарии. Довольно назвать всеми известные имена графа М. М. Сперанского, И. И. Мартынова и Феофилакта Русанова, бывшего экзархом Грузии. Товарищи их по семинарии также с честью занимали весьма почетные места по духовному и гражданскому ведомствам.

По духовному ведомству:

1) Об Августине Сахарове см. в списке учителей.

2) Иона (Иван Дмитриевич) Павинский, обучался в Олонецкой и здешней семинариях и по окончании курса в 1792 г., находясь в белом духовенстве, проходил должности при разных Санкт-Петербургских церквях; с 1797 по 1802 г. был священником при Копенгагенской миссии; по возвращении в Россию – протоиереем и членом С.-Петербургской дух. консистории; с 1809 г. находился духовником при Великой Княгине Екатерине Павловне (покойной Королеве Виртембергской); в 1813 г. пострижен в монашество и вскоре затем произведен в архимандрита Воскресенского Новоиерусалимского монастыря; в 1817 г. рукоположен в епископа Орловского, в 1821 г. переведен в Тверь архиепископом и пожалован членом св. Синода. Скончался в 1828 г. Казанским архиепископом. Из его сочинений напечатаны: 1) Слова, говоренные в разные времена (М. 1816 г.), и Речь при сретении Государя Императора Александра Павловича в Воскресенском монастыре 24 августа 1816 года (Москва), и переводы: Опыт о красноречии проповедников, соч. Блера (СПб. 1800 г.); Правило предписанного в Императорско-Королевских наследных землях преподавания пастырского богословия (СПб. 1803 г.). Ректор Моск. академии, арх. Евлампий, рассматривавший эту книгу, по поручению св. Синода, одобрил ее к изданию, как «отличительную, преподлезную и весьма достойную быть напечатанной и читаемой на российском языке.» (Типогр. дела арх. св. Синода, 1799 г. № 10).

3) Амвросий (Андрей) Орнатский, сын дьячка Устюжского уезда Новгородской епархии, по окончании курса в Александроневской семинарии проходил учительские и начальственные должности в Новгородской семинарии; отсюда в августе 1808 г. определен был архимандритом ставропигиального Новоспасского монастыря и председательствующим Московской духовной цензуры; в 1816 году рукоположен в епископа Старорусского; в 1819 г. переведен в Пензенскую епархию; скончался Вологодским епископом. Сочинение его «История Российской Иерархии», исправленное, дополненное и изданное м. Евгением – почтенный памятник его образованности и трудолюбия.

4) Афанасий (Александр) Телятинский, из Тамбовской семинарии, прислан был для образования к учительской должности в 1792 году; по окончании курса в 1794 г. возвращен в свою семинарию и проходил учительскую должность в разных классах с синтаксического до философского; между тем в 1798 г. вступил в епархиальное ведомство и сделан протоиереем и членом консистории; в 1809 г., по овдовении, пострижен в монашество и определен ректором Псковской семинарии; в 1819 г., находясь в С.-Петербурге на чреде священнослужения, обучал Закону Божию воспитанников 1-го кадетского корпуса; в 1821 г. из настоятелей Воскресенского новоиерусалимского монастыря назначен епископом Дмитровским, викарием Московской митрополии; в 1824 г. переведен в Тамбов.

5) Петр Никол. Мысловский, вступив в священнослужительское звание в 1797 г., проходил священническое и законоучительское служение в разных местах и ведомствах и, по Высочайшей воле, имел многочисленные поручения, за исполнение которых награжден был знаками отличия: наперсным крестом, палицей, митрой и орденами св. Владимира 3-й степени и св. Анны 2-й ст.; 27 декабря 1827 года имел счастье получить Высочайшее благоволение, лично и изустно Его Императорским Величеством объявленное, за труды и деятельность по этим поручениям. В 1827 году избран в действительные члены Императорской Российской Академии. Скончался в 1846 г., в сане протоиерея Казанского собора в С.-Петербурге.

6) Григорий Ив. Мансветов, обучался в Тобольской и здешней семинариях и, по окончании курса, проходил в первой из названных семинарий учительское звание; в 1799 г. произведен в диакона к Архангельской церкви г. Тобольска, а в 1803 г. в священника к Софийскому собору и тогда же определен присутствующим в семинарское правление и духовную консисторию; в 1805 г. перешел из епархиального в военно-духовное ведомство; после был учителем Армейской семинарии, законоучителем высших классов в С.-Петербургском высшем училище и в С.-Петербургской гимназии; в 1819 г., по Высочайшему повелению, определен в придворный собор и Всемиловейше награжден был в том же году орденом св. Анны 3-й степени, в 1824 г. палицей, в 1826 орденом св. Анны 2-й степени; в следующем году поручено было ему исправление должности обер-священника армии и флотов. Духовная литература имела в нем образованного писателя, доставившего своими сочинениями лицам всех сословий и степеней образованности

приятное и назидательное чтение. Императорская Российская Академия в 1827 г. почтила его избранием в свои действительные, а Общество словесности, наук и художеств в свои почетные члены. Сочинения его следующие: 1) Училище благочестия или примеры христианских добродетелей, выбранные из житий святых, в 6 частях (Спб. 1814–1817 г.); 2) Краткое изъяснение на литургию, напечатанное в 1855 г. шестым изданием; 3) Обязанности домашнего общества, по разуму исполнителей слова Божия древних христиан (Спб. 1825 г.); 4) Краткие христианские поучения для воинов (Спб. 1821 г.); 5) Поучение о том, как стоять в церкви во время божественной литургии (Спб. 1824 г.); 6) Слово к православным воинам на новый 1826 год (Спб. 1826 г.) и 7) Речь на случай возвращения победоносного российского воинства из Парижа и Франции (Спб. 1814 г.).

7) Борис Поликарпов, Лев Земляницын, Никифор Тютюков, Петр Вехновский, Матвей Филиппов, Федор Ливанов, Иван Покровский и Гавриил Шиловский проходили служение или в тех самых семинариях и епархиях, из которых присланы были для образования к учительской должности или в ближайших к ним. Впоследствии все были кафедральными протоиереями – первый в Казани, – второй в Тобольске, Тютюков – в Иркутске, Вехновский – в Пскове, Филиппов в Нижнем Новгороде, Ливанов – в Пензе, Покровский в Туле, Шиловский – в Тамбове и был ректором семинарии. Стефановский из Полтавских скончался протоиереем в Полтаве же.

По гражданскому ведомству:

1) Николай Ильич Анненский, прислан был из Рязанской семинарии; по окончании курса вступил в гражданскую службу и впоследствии, в чине действительного статского советника, состоял юрисконсультом при Департаменте министерства юстиции и имел ордена св. Владимира 3-й и св. Анны 2-й степени. Напечатаны его переводы: О уединении относительно к разуму и сердцу, соч. Циммермана (Спб. 1726 г.) и Лодоик или нравственные наставления для пользы и увеселения юношества. (Спб. 1799 г.).

2) Дамиан Вас. Илличевский, из Полтавских, в чине действительного статского советника был Томским гражданским губернатором в то время, как Сперанский был генерал-губернатором Сибири, и имел ордена св. Анны 2 степени и св. Владимира 4 степени.

3) Кирилл Макаровский, в чине коллежского советника был советником Тамбовской гражданской палаты и имел ордена св. Анны 2 ст. и св. Владимира 4 ст.

4) Василий Вас. Краснопевков, состоял, в чине коллежского советника, товарищем герольдмейстера в Сенате и имел ордена св. Владимира 3 ст. и св. Анны 2 ст. с алмазными украшениями.

5) Андрей Шестаков – советником Вятского губернского правления.

В выборе звания м. Гавриил предоставлял своим воспитанникам полную свободу, с одним только ограничением, чтобы присланные из других семинарий, по окончании курса, прослужили два года в учительской должности в здешней или местной семинарии; а потом, по желанию каждого, производил в духовные степени или увольнял в светское звание. Снисходительность простиралась до того, что некоторые учителя при поступлении к должности просили митрополита назначить им более легкие предметы, для большей удобства в приискании места по гражданской службе, и митрополит Гавриил удовлетворял их желанию.

Поступление воспитанников по распоряжениям высшего начальства и собственному желанию в светские учебные заведения продолжалось по-прежнему. В июне 1794 г., в число требуемых в Учительскую семинарию пятидесяти духовных воспитанников, отосланы из здешней семинарии пять человек.

Экономия семинарии

После соединения Александроневской семинарии с Новгородской, вследствие Высочайше утвержденного предположения м. Гавриила⁹⁵, суммы их соединены и оклад Главной семинарии увеличился втрое против прежнего. Именно к 4500 р. собственного оклада Александроневской семинарии присоединены 8285 р. составлявшие оклад Новгородской семинарии; общая сложность их составила 12,785 рублей. Оклады жалованья наставникам были следующие (для примера возьмем расписание 1793 года):

Ректору, архимандриту Иннокентию	200
Префекту, иеромонаху Антонию	200
Красноречия, физики и математики учителю Михайле Сперанскому	200
Риторике – иеромонаху Феофилакту	200
Пиитики – Василью Сретенскому	150
Синтаксисы – Гавриле Высокоостровскому	150
Грамматики и греческого языка – Ивану Мартынову	150
Инфимы – Михайлу Соловьеву	150
За обучение немецкого языка – студенту Лубкину	45
За обучение французского языка – студенту Петру Одоевскому	45

Помещение семинарии

В 1788 г., после переименования семинарии в Главную семинарию, отдан для ней Феодоровский корпус здешней лавры (между соборной и Феодоровской церквами). Впрочем семинария занимала только два флигеля этого корпуса⁹⁶: в третьем, ближайшем к соборной церкви, отделана была кавалерская зала, на случай собрания кавалеров ордена св. Александра Невского 30 августа.

Период IV. Александроневская академия 1797–1809

В 1797 году Александроневская Главная семинария переименована Александроневской академией. «Попечение о благоустройстве церкви и призрение к служащим ей почитая одной из главнейших обязанностей царствования,» сказано в Высочайшем именном указе от 18 декабря 1797 г., «признали Мы за благо, на пользу оной, следующие распоряжения: как просвещение и благонравие духовного чина способствуешь просвещению и утверждению добрых нравов и в мирских: то и полагаем начальнейшей надобностью устройство в лучшем, по возможности, виде духовных училищ, и для этого повелеваем: сверх бывших до ныне двух духовных академий в Москве и Киеве, учредить таковые же духовные академии в С.-Петербурге при Александроневском монастыре и в Казани, вместо находящихся там семинарий, снабдя их всем, званию этому соответствующим и для преподавания наук потребным»⁹⁷. Другим Высочайшим указом, от 11 января 1798 г. на имя преосвященного митрополита Гавриила, повелено было: «потребный для благоустройства академии и семинарии порядок учредить во-первых в Невской академии, с тем, чтобы, применяясь уже к тому, и в прочих академиях и семинариях таким же образом учение происходило, и чтоб во все показанные четыре академии были присылаемы из епаршеских семинарий отличившие себя успехами ученики для усовершенствования себя в познании высших наук и образования к учительским должностям»⁹⁸. Для приведения Высочайшей воли в исполнение св. Синод нашел нужным собрать от всех епархиальных архиереев сведения: каким порядком и какое учение преподается в каждой семинарии и можно ли впредь продолжать его таким же образом или нужно еще что к тому прибавить. Собранный таким образом сведения о состоянии епархиальных семинарий показали крайнее разнообразие в числе и пространстве преподаваемых наук, в учебных книгах и руководствах, в распределении наук по классам и в способах учета и – настоящую нужду в опытных и благонадежных учителях. По соображении этих репортов и мнений, представленных синодальными членами Гавриилом, митрополитом Новгородским и Иринею, архиепископом Тверским, о лучшем и однообразном устройстве духовных училищ, св. Синод определил:

1) Для усовершенствования в науках присылать отныне понятнейших из семинарии учеников в показанные четыре академии;

2) в академиях, кроме общих всем семинариям предметов, преподавать особые, а именно: полную систему философии и богословия, высшее красноречие, физику и языки: еврейский, греческий, немецкий и французский.

3) Полные системы философии и богословия, преподавая на языке латинском, оканчивать: философскую в два года, а богословскую, в рассуждении многих ее предметов, в три года, с тем однако же, что успевшие в богословии в начале третьего года могут быть отпускаемы в семинарии или производимы на места, когда потребованы будут.

4) В философском классе преподавать краткую историю философии, логику, метафизику, нравоучение, натуральную историю и физику, напечатанную для нормальных училищ, доколе не будет назначена пространнейшая; в богословском же – краткую церковную историю, с показанием главных эпох, герменевтику, систему догматико-полемиической и нравственной богословии и пасхалию; сверх того – читать Св. Писание, с объяснением труднейших мест, да книги: Кормчую и О должностях приходского священника; толковать публично по воскресным дням, перед литургией, апостольские послания по правилам герменевтики, с присоединением нравоучений. А между тем в обоих этих классах упражнять студентов сочинениями: в философском – диссертаций, а в богословском – проповедей, делая примечания о слоге и отзываясь учителю красноречия, если бы таковой недостаток в ком был усмотрен, и заставлять признанных достойными говорить публично – первых в академии, а последних в церкви. Сверх того, кроме частных, делать – по крайней мере два раза в год – публичные диспуты.

5) В классе высшего красноречия читать учителю лучших авторов на латинском и русском языках, делая оным резолюции логические и риторические и по тем резолюциям заставлять студентов сочинять имитации

6) Языкам еврейскому и греческому обучаться всем, а прочим – по склонности ученика и по надобности для епархии, чтобы, по крайней мере, одному из них всякий студент обучался непременно.

7–9) Епархиальным преосвященным, избирая из семинарий своих лучших учеников, через два года присылать их в академию, по два человека... именно в С.-Петербургскую академию из Новгородской, Псковской, Тверской и Могилевской семинарий

10) При академиях быть правлению, в коем присутствовать ректору с префектом; а для производства письменных дел и исполнения по хозяйству быть при оном комиссару и двум писцам из учеников. Академия и ее ректор должны наблюдать за порядком преподавания в семинариях. Окружные семинарии поставлены в ближайшее отношение к академии, хотя это отношение было еще весьма неопределенно. «Дабы с лучшим успехом учение в семинариях происходило – сказано в синодском указе – для этого потребно каждой семинарии иметь сведение о порядке учения, преподаваемого в той академии, куда будут посылаемы для образования семинаристы; равно и каждая академия должна также иметь сведения о порядке учения, в тех семинариях преподаваемого; ректору же академии, при всяком случае, где нужда потребует, делая свои замечания, служить тем семинариям потребными советами наставлением».

Во всем прочем предписано было поступать по силе Дух. регламента и последовавших от св. Синода указов, имея крайнее попечение, чтобы, кроме учения, насаждаемо было в юношестве благонравие. На этот конец как начальников в училища, так и учителей избирать не только в науках испытанных, но и в добром поведении, чтобы они, примером своим располагая юношество к трудам в науках и ко всякому благому делу, старались при всяком случае внушать им правила благонравия, служащие к сохранению их непорочности, сколько в настоящее время, а наиболее для того звания, к которому они приуготовляются; особенно же, вкореняя в них всегда страх Божий, располагали бы их к трезвости и, удаляя от них грубость, обман, пьянство и ябеду, приспособляли заблаговременно, каким бы образом наилучше могли они обращаться в будущее время с своими прихожанами⁹⁹.

Учебная часть

Просвещенными и деятельными исполнителями воли Монаршей были здешние архипастыри. Митрополиты Гавриил и Амвросий прилагали особенное попечение об усовершенствовании учебной части в академии и добром направлении духовного образования. Первому принадлежит представленный нами проект академического обучения, а последнему – изменения и дополнения в нем, где они оказались нужными для улучшения академического курса. В первый же год после назначения Амвросия на кафедру С.-Петербургской митрополии, по распоряжению его, сделаны в учебной части академии следующие перемены: 1) класс красноречия соединен с философским и одному наставнику поручено преподавать обе науки; 2) предметы обучения распределены таким образом, чтобы в ходе образования наблюдалась строгая постепенность перехода от легчайшего к труднейшему и чтобы науки основные были предваряемы вспомогательными; 3) классы разделены на ординарные и экстраординарные: первым обучались все, вторым – по выбору. К первым отнесены: богословие, философия, риторика, поэзия и латинский язык; к последним: физика, математика, история, география, и языки: греческий, французский и немецкий; 4) положено производить испытания частные каждый месяц и общие – по третям года. Митрополит Амвросий дал наставникам всех классов письменные инструкции, с обстоятельными замечаниями, относительно методы преподавания и учебных руководств по каждой науке.

В 1804 г. академическое правление составило новый план преподавания наук в академии и распределения по классам, приспособительно к методу, принятому в народных училищах¹⁰⁰. Основания его состояли в следующем:

1) Как латинский язык есть только средство к просвещению, а не составляет сам по себе одного и при всем том однако же занимает большую часть времени до полудня: то, для удобнейшего успеха в науках, обучать ему каждый день только поутру.

2) Положив это, для соблюдения порядка и единства училища, и главные предметы академического курса, как то: поэзию, риторику, философию и богословие преподавать также поутру только; после чего остальное время до полудня и после полудня употреблено будет на учение других языков и наук.

3) И как метод учения требует, чтобы от низшего восходить к высшему: то и нужно, сколько возможно, начинать приемы наук и других языков с нижних классов, чтобы ученик, повышаясь из класса в класс, возрастал во всех частях знаний. Почему, удерживая разряд классов по принятому обыкновению, со степенью знания в латинском языке соединять должно в ученике и степень знания в прочих языках и науках, которые вместе составлять будут наименование каждого класса, как явствует в приложенном при этом расписании.

4) Как предметы, показанные в этом расписании, довольно занимательны для каждого класса: то курс учения в каждом из четырех первых полагается по одному году, а в трех последних по два года, не возбраняя, согласно указу св. Синода 1798 года, желающим оставаться в богословии и на третий год.

5) В каждом из этих классов учителя непременно обязаны, в положенное для курса время, твердо обучить учеников всем предметам, назначенным для класса; почему для переводов из класса в класс имеет быть генеральный экзамен с низших классов до риторики по окончании каждого года перед вакацией, с риторики – через два года: такой экзамен будет производим во всех предметах, назначенных для класса, и без верного во всех их успеха отнюдь никто переведен не будет.

6) Поскольку класс риторики, расположенный на два года, не может быть достаточным местом для образования проповедника: то для учащихся в философии и богословии определяется особый класс проповеднического искусства, под общим названием красноречия. И как физика по обширности своей не может быть достаточно изъяснена с философией: то она составит особый класс, где преподаваемы будут ее теоретические и экспериментальные части. Для надлежащего же разумения механических частей физики нужен курс чистой математики, которую продолжать не далее конических сечений. Наконец в пособие физике и врачебной науке присовокупляется естественная история, которую преподавать для учеников риторики и философии.

7) В рассуждении учителей учредить так, чтобы каждый учитель в одни часы давал ученикам своим лекции латинские, в другие занимался, по знанию и способности своей, преподаванием других языков или наук того же или другого возраста ученикам: что все удобно будет исполнить, расположив порядочно учебное время.

8) Но поскольку в нижних классах случиться может, что между тем как действительный учитель занимается преподаванием науки или языка в другом классе, ученики останутся праздны: то в пополнение учительского курса определить из знающих студентов одного или двоих кандидатов, назначив им, в таковые часы, обучать самым легким предметам: чтению новейших языков, арифметике, чистописанию и нотному пению.

9) По этому расположению не будет препятствия к повышению учителя из класса в класс. Перейдя в другой класс, он может остаться при тех же предметах, которыми занимался, кроме латинских лекций.

10) Для поощрения же учеников и очевидного испытания успехов, каждый месяц быть экзамену во всех науках, на котором учитель, назначив предварительно на особом листе все, что им прочтено в прошлом месяце, спрашивает учеников своих при полном собрании академии.

Расписание учебных предметов в каждом классе – В первом классе: чтение русских книг церковной и гражданской печати; чтение латинское и греческое; чистописание и правописание; сокращенный катехизис; начальные основания русской и латинской грамматики и нотное пение. Во втором классе: чистописание и правописание; латинский язык; пространный катехизис; краткая священная история; арифметика до степеней уравнивания: греческие склонения; рисовальный класс и нотное пение. В третьем классе: латинский язык; пространный катехизис; арифметические степени и пропорции и введение в геометрию; греческие склонения и спряжения; чтение французское и немецкое; рисовальный класс. В четвертом классе: начальные основания риторики; поэзия русская и латинская; математическая география; политическая география Европы; российская история; греческий, французский и немецкий языки; рисовальный класс. В пятом классе: логика, риторика; всеобщая гражданская история и география всех частей света; естественная история; греческий, французский и немецкий языки; врачебный класс, устав церковный и пасхалия. В шестом классе: история философии; философия; геометрия и тригонометрия; физика теоретическая и практическая; красноречие; еврейский, греческий, французский и немецкий языки; медицина. В седьмом классе: церковная история; догматическое богословие; церковная археология; герменевтика и толкование священных писателей; церковное красноречие и нравственное богословие; геометрия и тригонометрия; физика; еврейский, греческий, немецкий и французский языки¹⁰¹.

В расписании учебных часов 1) назначено для классных занятий по восьми часов каждый день, именно, утром: 8-й, 9-й, 10-й и 11-й; после полудня: 2-й, 3-й, 4-й и 5-й; 2) важнейшие уроки богословия, философии, риторики и поэзии расположены в утренние часы; история и языки в послеобеденные; 3) первые имеют свои классы каждый день, последние от 2-х до 4-х часов в неделю.

Митрополит Амвросий, на усмотрение которого представлен был этот план, сдал его со следующим мнением: «Представленный новый, для преподавания учения в Александроневской академии, план рекомендую академическому правлению рассмотреть в общем всех гг. учителей собрании, приемля каждого рассуждения со вниманием, буде оно удостоено будет общего уважения, и записывая в журнал. Затем советую пригласить почтенных и в учении отличившихся здешних духовных особ, и предложить им равно все то на рассуждение и примечание, и потом, с обстоятельным показанием общего мнения, представить ко мне на рассмотрение и утверждение с подписом всех. 14 сентября 1804 года.» Наконец в октябре утвержден был новый план митрополитом Амвросием. Заботливый архипастырь писал: «по этому расположению, призвав Бога в помощь, науки проходить дозволяется впредь до усмотрения, упражняя в предметах, ныне преподаваемых, и употребляя способ обучения, принятый в народных училищах, во всей точности. О чем попечение возлагается особо на отца префекта (архим. Израиля). В конце этого года подать мнение от всех (и каждого) гг. учителей: благонадежно ли продолжать по сему, или что прибавить, или убавить надо будет. Впрочем, о встречающихся затруднениях, особенно в рассуждении часов и должностей учительских, на сообразное обстоятельствам расположение можно согласиться и ныне. 14 октября 1804 года.»

Вначале следующего 1805 г., после того, как уже целый год продолжалось обучение по новому плану, митрополит Амвросий поручил преосв. Евгению, викарию Новгородской

митрополии, обозреть обстоятельно академию по частям правительственной, учебной, экономической и нравственной, с тем, чтобы его преосвященство, по обозрении, представил, в каком положении что им будет найдено и что надобно будет изменить, исправить и дополнить. Преосв. Евгений отозвался, что нашел «по всем частям порядок и устройство, в учителях отличную способность и прилежание, в учениках очень довольные успехи, благопристойность и нравственность, метод преподавания наук ясный и сообразный в точности нормальному методу народных училищ и везде – порядок и опрятность». Преосвященный Амвросий, заботливости и попечению которого академия обязана всеми этими порядками, утешен был таким отзывом, который свидетельствовал, что утвержденный им новый метод академического обучения приложим с пользой к образованию духовного юношества и выполняется с желаемым успехом. «К прежде изъясненному (по случаю общих экзаменов) присоединяю то удовольствие, – писал он в предложении академическому правлению, – какое производит сие свидетельство. Долгом поставляю изъяснить признательность мою к трудам гг. учителей и к прилежанию желаемому учащимся. Что исполнить и поручаю академическому правлению, обязавшему меня особенной благодарностью за введение устройства и должного порядка. В знак же оного удовольствия, за ревностный труд гг. учителям, семи человекам, выдать из Всемилоостивейше пожалованной суммы, каждому, не в счет жалованья, по сту рублей.»

Еще новый год наблюдений над успехами учеников подтвердил отзыв преосвящ. Евгения о достоинстве принятого метода учения, со стороны легкости его для учащихся. Но открылись и недостатки. Первый и важнейший состоял в том, что учитель одного класса должен был заниматься в одно время многими предметами, преподавать, например, риторику вместе с прочими, отнесенными в этот класс предметами; а это, по необходимости, развлекало и затрудняло наставников; во-вторых, число учебных часов, неравномерно распределенное между предметами ординарными и экстраординарными, частой переменой предметов учения в течение одного дня, приводило учеников в замешательство. Воспитанник, прослушав утром час один урок, переходил на два часа к другому, потом еще на час к третьему; после обеда также должен был слушать один за другим два или три урока. Наконец, множество учебных часов (восемь в сутки) поглощало время, не оставляя места для повторения и домашних упражнений. В отвращение этих неудобств, в ноябре 1805 г. составлены были в академическом правлении и представлены м. Амвросию следующие предположения. (Мы выписываем их вполне, с определениями преосв. митрополита).

1) Для меньшего развлечения учителей, всякий имеет себя определить на известные предметы, кроме языков, разделенных каждый на высший и низший (т. е. учитель, избрав один предмет, должен преподавать его, по частям, во всех классах, где он положен, в разные часы).

2) Для меньшей рассеянности в предметах по часам, на каждый полагается по два часа. Занятие же будет 4 часа поутру и 4 после обеда.

«Утверждается.»

3) Число часов, назначенных в расписании для классов, отнимает время заниматься по камерам; а потому гг. учителя и обязаны приспособляться преподавать каждый предмет так, чтобы избегать, сколько возможно, задач для изучения наизусть вне класса, исключая письменных. Но искусный учитель и теми может без отягощения занимать учащихся с пользой в классах совокупным наставлением.

«Согласуюсь и на сие, но смотреть на опыт, тот же ли желаемый будет успех.»

4) Поскольку число учеников в двух нижних классах невелико, а предметы учения в них почти те же: то класс информаторический соединить с грамматическим, что составит отделение низшего латинского класса; по нем будет высший латинский; третьим – низшая риторика, четвертым – высшая риторика, пятым – философия, шестым – богословие: в которых помещены будут все прежде преподаваемые предметы с прибавлением чертежного класса, куда относится и архитектура. Другим побуждением для соединения первых двух классов служит и то, что информаторический класс заменять могут Русские школы.

«Утверждается.»

5) Продолжать ежемесячные экзамены и, по соображении членов об успехах и поведении учеников, делать в конце годичного курса выпуск неспособных продолжать учение по дарованиям и поведению – каковых определять в русскую школу для образования их, по приискании мест, к причетнической должности. Нерадивых же, но способных учиться, штрафовать взаимной отсылкой в низшие классы.

«Посему поступать и о каждом докладывать мне».

По всем предметам академического курса м. Амвросий сам назначил руководства для наставников и учебные книги для воспитанников, с точным определением, в какой срок сколько надлежит пройти по тому или другому предмету и каким методом должна быть преподаваема каждая наука; именно: по догматическому богословию руководством назначена была «Сокращенная система догматико-полемиического богословия» преосв. Феофана; пособием – «Богословие» Турретина. В классе герменевтики, после общих и частных правил этой науки, излагаемы были по «Руководству к чтению книг Св. Писания» разделение и число библейских книг, с изъяснением важнейших мест каждой книги. В решении различных вопросов, встречающихся при изъяснении Писания, наставники руководствовались сочинением доктора Вейта, написанным в защиту Св. Писания и изданным под названием: *Sacra Scriptura contra incredulos propugnata*. Чтение канонического права состояло в изъяснении церковных правил, по порядку изложения их в Кормчей. Уроки церковной археологии извлекаемы были наставником из разных авторов, и соединялись с чтением церковной истории. Руководством по этому предмету была книга «*Liber Historicus*»: но для облегчения памяти делаемы были из нее выписки, по которым студенты повторяли уроки. В 1806 г. преосв. Амвросий, в донесении св. Синоду, с особенной похвалой отзывался об успехах студентов в этом предмете. Руководством по философскому классу была система Баумейстера с присовокуплением, для нужнейших материй, дополнения из разных авторов. Философские уроки излагаемы были систематической методой: то есть 1) каждое положение превращаемо было в силлогизм; 2) объясняемы были истины прикосновенные и входящие в связь той материи; 3) на всякое положение студенты делали возражения и 4) по окончании каждой статьи составляли лекции систематическим образом, т. е. соединяя истины тем порядком, как одна выводится из другой, на латинском и русском языках; каковой порядок введен и одобрен на публичных актах. Уроки физики преподаваемы были по учебникам, составленным и одобренным для народных училищ и поясняемы были, сколько возможно, опытами с употреблением инструментов. В классе высшего красноречия учащиеся занимаемы были, по руководству Роллэна, разбором прозаических авторов и стихотворцев российских и латинских, причем показываемы были лучшие места и красоты по правилам изящного вкуса (*aesthetice*). И поскольку этот класс, по намерению его открытия, более клонился к красноречию проповедническому: то на этот предмет и было обращено нарочитое внимание. Руководством для этого назначены были «Начальные основания красноречия аббата Антона Генуина». Для низшего риторического класса учебной книгой была Бургиева риторика, а примеры заимствуемы были из Лежаевой, также из Блера, Гейнекция, Каусина, Ломоносова и Рижского. По истории Русской Церкви руководством служила История митрополита Платона; но история российского государства – «Краткое руководство к российской истории, составленное для народных школ»; кроме того, даваемы были ученикам краткие выписки из истории Татищева и Щербатова. По общей гражданской – «Всемирная история, изданная для народных училищ», впрочем, скоро замененная историей Шрекке; пособием при ней «Всеобщая история» Роллэна. Естественная история преподавалась по руководству, изданному академиками Озерецковским и Севергиным. Для высшего и низшего латинских классов – учебной книгой была грамматика Лебедева, пособием – грамматика Бантыш – Каменского, а для переводов – Корнелий Непот, Цицерон и Плиний. Для еврейского языка – учебной книгой грамматика Фроше, для переводов – Еврейская Библия и письма из Бюксторфия; для греческого – Грамматика Лящевского, а для переводов – Новый Завет, Беседы и Литургия св. Иоанна Златоустого; для немецкого – Грамматика Франциска Голтергофа, а для переводов – Геллертовы письма: для французского – Грамматика Соколовского и для переводов – Телемак, также сочинения Боссюэта, проповеди Массильёна и творения некоторых светских писателей. Все вообще ученики приучаемы были к порядочному произношению и правописанию немецкого и французского языков, переводили небольшие отрывки из русских авторов на эти языки и приучаемы были к разговору¹⁰². В математическом классе читаны были арифметика, прямолинейная геометрия и тригонометрия. В рисовальном классе в 1-м отделении копировали карандашом с рисунков; во 2-м рисовали с бюстов; в 3-м писали картины масляными красками; в архитектурном классе показываемы были начальные основания гражданской архитектуры, виды пропорции и черчение орденов тосканского, дорического и ионического; снятие и черчение легких планов и фасадов под руководством одного из архитектурских помощников. Учебными книгами для низших классов снабжал академию, по весьма умеренным ценам, Н. И. Бантыш-Каменский.

Из руководств, составленных самими наставниками, известны:

1) Краткая славянская грамматика, составленная П. Н. Виноградовым. В 1811 году Комиссия духовных училищ поручила Цензурному комитету сличить ее с Славянской этимологией покойного коллежского советника Розанова, с тем, чтобы лучшую, какая окажется по рассмотрении, ввести учебником в духовные училища. В 1813 г. Комитет донес Комиссии, что, по сличении обеих помянутых книг, он нашел в последней из них следующие несовершенства: а) орфография неполна, ибо в ней означены только количество и порядок букв; дальнейшие же замечания, относящиеся к правописанию, сочинителем не присовокуплены, б) Этимология к преподаванию неудобна: ибо для первого склонения имен существительных предложено 30 примеров, а для второго 42, что должно по необходимости обременять память учащихся. Те же неудобства примечены в склонениях имен прилагательных и в спряжении глаголов. Напротив славянская грамматика Виноградова а) полнее: ибо в состав ее входят все четыре части грамматики; б) приспособлена к курсу учения в уездных училищах, так что ее расположение и правила сообразны с порядком и правилами учебной книги, принятой для российской грамматики; в) в правилах и замечаниях соблюдены надлежащий порядок и достаточная ясность; г) трудность в изучении склонений и спряжений облегчена кратким и ясным изложением таблиц; наконец д) правила и примечания основаны на древних писателях славянской грамматики и на примерах, заимствованных из славянских книг, наипаче из Св. Писания¹⁰³. По этим уважениям грамматика Виноградова введена учебной книгой в уездные училища, а сочинителю за составление ее дано в награду 500 рублей.

2) Краткое географическое обозрение всех частей света, составленное П. Б. Вигилянским. Спб. 1805 г.; и

3) Опыт Священной географии с картами, для употребления в духовных училищах (Спб. 1808 г.), составленный им же. За этот последний труд сочинитель удостоился получить Всемилостивейшее пожалованные золотые часы, украшенные драгоценными камнями.

Общие меры к распространению в духовном сословии медицинских познаний и открытие при академии медицинского класса

В 1798 году, по поводу полученных сведений, что многие из крестьян, особенно от оспы, не имея средств и призрения, умирают безвременно, Высочайше повелено было м. Гавриилу войти в рассмотрение средств к предупреждению или отвращению несчастных следствий, происходящих от удобоизлечимых болезней, частью от совершенного незнания самых простых медицинских пособий, частью от вредных и суеверных обычаев, господствующих между поселянами. По донесению м. Гавриила св. Синод нашел полезным действовать в этом и подобных случаях, к облегчению несчастной участи поселян, через приходских священников; для ознакомления ж их с более простыми средствами врачевания и приемами распознавания болезней предписал указами во все епархии, чтобы академических и семинарских воспитанников, во время бытия в училищах, употреблять по очереди в помощь лекарскому ученику, чтобы, присматриваясь к образу лечения, они замечали, какие для какой болезни употребляются лекарства, особенно о таких, которые бы простому народу можно было получать в своих селениях из тамошних произрастений: ибо таким образом, кроме общей пользы, могут они в будущее время служить своим прихожанам советом или наставлением и через то снискивать особую у них доверенность ко внушениям, существенной своей должностью налагаемым¹⁰⁴. В то же время св. Синод признал нужным составить в Медицинской Коллегии для руководства сельских священников книгу, в которой бы 1) определено было число и существо простонародных болезней, во врачевание которых священникам входить должно, с показанием достаточных примет, степеней и периодов оных; 2) приложить к этой книге фармакопею простых и везде удобонаходимых лекарств, особенно же домашних, с показанием мест, где их находить, как различать, когда и в каком количестве предписывать; для сыскания же трав, к употреблению народу недовольно известных, приложить и рисунки оных; 3) объяснить осторожности в употреблении лекарств и означить болезни, во врачевание которых священники входить не обязаны. Так положено начало распространению медицинских познаний в духовном сословии. Но дело это оставалось в виде предложения до 1802 года, когда Его Величеству Императору Александру I-му благоугодно было, в видах большого распространения в духовном сословии основательных медицинских познаний, повелеть – ввести врачебную науку в общий курс академического и семинарского учения. Для этой цели Высочайше повелено было: 1) к числу пятидесяти человек студентов, отправляемых из духовных училищ в медицинские институты, на том же коште отряжать еще по несколько человек, для образования их в тех институтах врачебной науке, чтобы по обучении их и возвращении в епархии могли они сами в духовных училищах преподавать это искусство; 2) между тем Медицинской Коллегии поручено сочинить краткое, но ясное наставление о лечении, с описанием обыкновенных простонародных болезней и лекарств, которые бы удобно могли быть составляемы в самых селениях, и таковые книги разослать по духовным училищам для надлежащего употребления. 3) Пока академии и семинарии не заведут собственных учителей по этой части, Медицинской Коллегии повелено было вменить местным врачебным управам в обязанность, чтобы они отряжали медицинских чиновников, для преподавания первых начал врачебной науки в духовных училищах, на правах семинарских учителей¹⁰⁵. Преосв. м. Амвросию Высочайше поручено было особенно принять на себя попечение об успехах этого дела и, по сношению с директором Медицинской Коллегии, графом Васильевым, принимать по обстоятельствам все меры, какие к успешному движению его представлятся нужными¹⁰⁶.

По сношении с Медицинской Коллегией оказалось возможным, на первый случай, прислать в медицинские академии не более десяти человек – назначив половину в здешнюю, а остальных в Московскую академию; но в 1805 г. для той же цели отправлено в медицинские академии еще 27 семинарских воспитанников, а прежние размещены по семинариям для обучения духовных воспитанников врачебной науке и для пользования учителей, семинаристов и прочих чинов духовного ведомства.

При здешней академии постоянным врачом был синодский штаб-лекарь Христофор Павл. Книпер, который около 20 лет держал на своих руках академическую больницу. Но как он по старости не мог взять на себя преподавания медицины, то Медицинская Коллегия возложила

оное на штаб-лекаря, колл. асс. Ив. Сам. Бока. Преподавание медицины открыто 4 ноября 1802 г., при общем собрании академии, речью, говоренной одним из студентов.

Порядок уроков был следующий: 1) полное сведение о врачебной науке вообще, ее принадлежностях и ее разделении; 2) анатомия по методе г. Пленка во всех ее 7 частях, из которых первая подробно показываема была ученикам на скелетах; прочие же 6 частей о связках, мышцах, внутренностях, сосудах, чувственных жилах и железах изъясняемы были вкратце с помощью Копферовых таблиц; 3) врачебные материалы по российской фармакопее: причем как простые, так и сложные вещества, входящие в составление лекарств, показываемы были в натуре; 4) основания диететики по новому учебнику г. Пленка, с дополнением собственных замечаний наставника; 5) после того преподаваемы были уроки о скоропостижных случаях, с указанием на все то возможных средств к удержанию жизни. Между тем Книпер в присутствии студентов производил опыты прививания оспы тем из студентов, кому она не была привита, а после того заставлял самих студентов прививать оную еще другим ученикам. По донесении об этом Государю Императору, Его Величество, с благоволением приняв подвиг Книпера, Всемилостивейше изволил пожаловать ему бриллиантовый перстень¹⁰⁷. Таким порядком преподавание этой науки в здешней академии продолжалось до 1808 г., в котором оно было отменено Высочайшим указом 18 июля. Духовные воспитанники, отправленные в Медико-хирургическую академию для образования к учительской должности, обращены в ведомство Министерства Внутренних дел.

Особые поручения наставникам академии

1. Проповедничество и катихизис

1) Ректор, префект и прочие наставники академии духовного чина сказывали в урочные дни и при особенных случаях проповеди в здешней лавре и градских церквях. Некоторые из этих проповедей тогда же, по произнесении их, были напечатаны: например, 1) Слово архим. Евгения на случай торжества о совершившемся первом столетии от основания царствующего града С.-Петербурга, говоренное в С.-Петербургском Исаакиевском соборе 1803 г. мая 16, напечатано с описанием всего обряда церковного, при этом торжестве бывшего; 2) при избрании судей в С.-Петербургской губернии – Слова архим. Антония (Спб. 1796 г.) и Флавиана (Спб. 1805 г.); 3) на случай Высочайшего рескрипта к С.-Петербургским жителям, говоренное при молебствии в Казанск. соборе 3 дек. 1805 г. архим. Флавианом.

2) Иеромонахи Сильвестр, Вениамин, Феофан, Афанасий и Мисаил, по назначению м. Амвросия, проходили преемственно должность академического катехизатора. По данной инструкции они соединяли в своих беседах герменевтику св. Писания с догматами веры и объяснением обрядов Церкви.

2) Ученые поручения

Академическим начальникам и наставникам нередко поручаемо было от высшего духовного начальства, при различных случаях, письменное обличение богословских разностей Римско-католической церкви от Православной; опровержение лжеучений русских раскольников и разных сектантов и рассмотрение печатных и рукописных сочинений, имевших какую-либо важность в отношении к Церкви, общенародному или только духовно-педагогическому образованию. Укажем на более замечательные труды в этом отношении: 1) В 1800 г. префект архим. Евгений написал Каноническое исследование о папской власти, по поводу предложения иезуитского генерала Грубера о соединении Церквей. Сочинение это через м. Амвросия представлено в Высочайший Кабинет, по предложению которого и написано было. 2) В 1802 г. ему же поручено было составить примечания на книгу пастора Рихтера, под названием: «Учебная книга в форме катехизиса о главнейших должностях общественной жизни, собранная для низших гражданских и народных школ.» Примечания эти, при донесении м. Амвросия, представлены также в Высочайший Кабинет¹⁰⁸. 3) В 1791 г. в Спасском округе Тамбовской епархии открылась духоборческая ересь, и несмотря на меры, принятые к подавлению ее, продолжала увлекать легкомысленных поселян. В 1803 г. два духоборца присланы были в здешнюю лавру для исследований сущности их лжеучения и увещания. Обличение и увещание их поручено было ему же, архим. Евгению, при чем он составил Исследование исповедания духоборческой секты, которое, в рукописи, находится в архиве св. Синода и в библиотеке Киевской академии¹⁰⁹. 4) Любопытно и следующее дело. Директор Императорской Венской библиотеки, Ганка де Ганкенштейн, прислал в св. Синод составленное им Рассмотрение древнейшего – будто бы – кодекса первобытной Славянской Церкви (*Recensio codicis pervetusti primevae Slavorum ecclesiae s-lī VIII*), при следующем прошении. «Что рассмотрение самой древней книги касательно первоначальной, как думаю, Славянской Церкви, предлагаю истинно неложному суждению вашему – это прошение от беспредельного упования, какое возлагаю я на вас и на вашу мудрость, на высоту также и обширность знаний и сведений ваших, почитая и уважая между тем и прочие бесчисленные совершенства ваши. Рассмотрение это откроет вашему святейшеству, какое происходит состязание (NB. о происхождении и древности кирилловской азбуки) между мной и между некоторыми областями австрийских филологами славянскими. Да прекратит убо спор этот отражение ваше! Ибо вы (если позволите) тот святейший Славянской Церкви Парнасс, коему надлежит давать суд и мнения.» По поручению св. Синода Евгений написал на это сочинение примечания и представил м. Амвросию, который в донесении св. Синоду представлял, что рецензия эта дальнейшего внимания св. Синода не заслуживает и относится более до рассмотрения Российской Академии¹¹⁰.

3) Цензура книг

Духовным регламентом вменено было св. Синоду в прямую обязанность наблюдать за выходом в свет как церковных служб, канонов, молитв и житий Святых, так и вообще сочинений, касающихся Веры и Церкви. Св. Синод поручал рассмотрение подобных сочинений своим членам, епархиальным архиереям, синодским переводчикам, законоучителям корпусов и наставникам здешней семинарии, и, на основании их донесений и по своему усмотрению, разрешал или запрещал издание в свет этих сочинений. Но этот способ рассмотрения сочинений не был изъят от некоторых неудобств, по самому недостатку точных и определенных, в рассуждении его, правил. С другой стороны, высшее духовное правительство не редко озабочиваемо было рассмотрением сочинений, не имевших никакого отношения к вере и церковным преданиям; а между тем, помимо его, выходили в свет сочинения с самыми свободными понятиями, прикрываясь формой и внешностью светских сочинений. Печатание же светских сочинений и переводов было весьма свободно и подлежало только немногим ограничениям. В прекращение этих неудобств по Высочайшему Именному указу, объявленному в правительствующем Сенате 16 сент. 1796 г., учреждена для рассмотрения книг, выходящих в России особая цензура, составленная из духовных и светских лиц с точными и определенными постановлениями на счет ее действий. Основным правилом ее постановлено, что никакие книги, сочиняемые или переводимые в Российском государстве, не могут быть издаваемы в какой бы то ни было типографии, без осмотра от одной из цензур, учреждаемых в столицах, и одобрения, что в таких сочинениях или переводах не находится ничего, противного Закону Божию, правилам государственным и благонравию. Избрание гражданских цензоров предоставлено Сенату и Академии Наук, духовных—св. Синоду. Вследствие чего для С.-Петербургского Цензурного комитета, по представлению св. Синода, Высочайше утвержден цензором ректор здешней академии, архим. Антоний Знаменский¹¹¹. В то же время со стороны Академии членом здешнего комитета назначен надв. сов. Семен Котельников, а со стороны Сената Костромской вице-губернатор, колл. сов. Михаил Туманский. В 1799 г. арх. Антоний, по посвящении в епископа Старорусского, был уволен от цензорской должности; на его место определен законоучитель Императорского Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, протоиерей Стахий Колосов. В жалованье здешнему и прочим духовным цензорам св. Синод предположительно назначил по 500 р. каждому в год; но так как светским цензорам в С.-Петербурге положено было по 1800 рублей: то св. Синод, рассуждая, чтобы перед ними и духовные, как равный с ними труд подъемлющие, не могли от назначенного им прежде этого, гораздо меньшего жалованья, чувствовать себе обиды и неуважения к трудам их, нашел справедливым уравнивать по жалованью духовных цензоров с гражданскими: Высочайшее утверждение на это для здешнего духовного цензора последовало 26 марта 1800 года¹¹².

4) Наблюдение за преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях

Когда состоялся Синодский указ, 1808 г. 13 мая, о назначении благочинного, для наблюдения за преподаванием закона Божия в светских учебных заведениях и повелением законоучителей: то обязанность эта возложена была здешней духовной консисторией на учителя философии, архим. Порфирия, который и находился в этой должности до преобразования училищ.

5) Изыскание способов к усовершенствованию духовных училищ

Приглашая все столичное духовенство к участию в заботах о воспитании духовного юношества и отысканию способов к усовершенствованию порядка духовного образования, м. Амвросий вменял это в особую обязанность начальникам и наставникам академии. С особой ревностью содействовал в этом деле видам попечительного архипастыря префект, архим. Евгений Болховитинов. Составленное им в это время Предначертание о преобразовании духовных училищ через м. Амвросия, в 1805 году, представлено было Государю Императору и удостоено Высочайшего одобрения, с награждением сочинителя орденом св. Анны 1-й степени. Оно послужило начальной точкой для общих соображений, скоро за тем последовавших, о преобразовании дух. училищ¹¹³. Историческая часть его напечатана в Докладе Комиссии о усовершенствовании духовных училищ.

Упражнения воспитанников академии классические и вне классов

Студенты богословского класса упражняемы были в составлении проповедей и сказывании их по воскресным и праздничным дням в академической церкви. В каждую субботу делаемы были приватные диспуты, для которых назначаемы были диссертации на латинском и русском языках. Лучшие из студентов богословия, за отсутствием учителей низших классов, занимали их должности, через что и сами приобретали навык к учительской должности. Старшие студенты исправляли по очереди, по неделе, должность инспектора, а младшие, по денно, также по очереди, назначались к ним помощниками, причем они вникали как в классический порядок, так и в камерные учреждения, делая замечания и давая правлению отчет в оных. Студенты философского класса упражняемы были в сочинении философских диссертаций вообще для каждой лекции и для нарочитых диспутов в субботу. Ученики риторического класса занимались составлением хрий, переводов, писем, имитаций, фигур и других примеров на выслушанные правила, равно переводом Цицероновских речей на русский язык, с логическим и риторическим разбором. Перед Пасхой и вакациями происходили публичные экзамены, с которыми соединялись диспуты богословские и философские и продолжались от одного до трех дней; а в конце каждого месяца были общие академические собрания для чтения лучших сочинений, написанных воспитанниками в продолжение месяца.

Для развития вкуса в воспитанниках и образования их в людскости и правилах благоприличного обращения, делаемы были, в свободное от занятий время, общие собрания в академическом зале, в которых пелись и на музыкальных инструментах разыгрывались духовные концерты, читались стихи знаменитых русских поэтов и собственного произведения студентов, и от времени до времени представляемы были составленные самими же воспитанниками духовные и светские драмы: Иосиф прекрасный, проданный своими братьями и проч.; или в другом роде: несколько младших воспитанников, именно по числу частей речи, представляли каждый свою часть, и наперед заученными положениями (theses) защищали ее значение и важность перед другими частями, которые себе присваивали ту же честь. Для приучения воспитанников к лучшему произношению, префект Израиль приглашал иногда в эти собрания А. С. Яковлева – и тот или сам декламировал стихи, напр. оду «Бог» Державина, или заставлял воспитанников читать, и при каждой ошибке поправлял чтение.

Для приучения к церковному пению, ученики собирались, в назначенные часы, в два класса и обучались нотному пению по Октоиху и Ирмолу, также церковному уставу и Зрячей пасхалии, под руководством назначенных к этому смотрителей. Для практического навыка в церковном чтении и уставе, исправляли в церкви, во все воскресные и праздничные дни, по очереди, клиросную должность. Некоторые же из них, по способности голосов, склонности и охоте, занимаясь в свободные часы итальянской нотой, составляли академический хор. Студенты обоих классов и ученики высшей риторики, для приобретения сведений в практике врачебной науки, ежедневно ходили в больницу, чередуясь по два, и занимались хождением за больными и прочим, по предписанию академического врача. Для приобретения некоторого понятия в сельской экономике, в высших классах розданы были, по указанию м. Амвросия, относящиеся к этому предмету книги.

Ко дню тезоименитства «высокого наук покровителя и ободрителя», преосв. м. Амвросия (7 декабря), студенты богословия приготавливали русские и латинские поздравительные речи, обучавшиеся философии – эпистолу, высшей риторики – сармен, низшей риторики – русскую оду¹¹⁴, воспитанники низших классов – малые латинские и русские стихи. Кроме того, обучавшиеся еврейскому, греческому, латинскому, французскому и немецкому языкам, писали поздравительные стихи и речи на этих языках. Радость о новолетии архипастыря, с отеческим попечением заботившегося о воспитании юношества, вверенного его покровительству, была светлым торжеством для наставников и воспитанников академии.

Учебные пособия

1) Академическая библиотека. Библиотека в этот период времени получила значительное приращение покупкой, так как на нее ассигнуема была особая сумма (200 рублей в год) из академического дохода, и через пожертвования. Между прочим, сюда поступила, по завещанию преосв. Евгения Булгара, архиепископа Славянского и Херсонского, скончавшегося в лавре в 1806 г. 27 мая и погребенного в академической (Феодоровской) церкви, его библиотека печатных книг на греческом, латинском, итальянском и французском языках. В 1804–6 годах академическая библиотека приведена в порядок и составлены подробные каталоги находившимся в ней книгам и рукописям. Библиотекарями были один после другого иеромонахи: Парфений Гуриновский (с 1800 г.), Иоанникий Флеров (с 1803 г.) и Порфирий Кириллов (с 1804 г.). В описании библиотеки и составлении каталогов Порфирию помогал лаврский иеромонах Иоиль Котович, бывший после законоучителем 2-го кадетского корпуса.

2) Физический кабинет помещался, вместе с библиотекой, в башне на юго-западном углу лавры. Он увеличивался от времени до времени покупкой и пожертвованиями. В 1806 г. 26 июня преосв. Евгений (Романов), епископ Костромской и Галицкий, пожертвовал в пользу академии следующие физические инструменты: а) телескоп зеркальный, длиной 7 футов и пьедестал для него; б) пневматическую машину с прибором; в) астролябию; г) микроскоп солнечный; д) пантограф; е) телескоп зеркальный меньших размеров; ж) магнит в оправе средней величины; з) три призмы или райки разных фигур, и и) магический фонарь.

3) По преподаванию естественной истории при академии были: а) довольно значительный минералогический кабинет, образовавшийся главным образом из пожертвований преосв. м. Амвросия и преосв. Мефодия, архиепископа Тверского. Его составляли до 160 минералов и смешанных горных пород, выбранных из разных в России гор, главным образом из Березовских рудников (близ Екатеринбурга) и Алтайских и Петрозаводских туфов, и б) из царства прозябаемого до 30 разных №№.

4) В большой учебной аудитории помещалось собрание картин – по большей части ученические произведения. Их было до 150. После преобразования училищ собрание картин передано в здешнюю семинарию.

Академическое правление и списки наставников

Академическое правление составляли ректор и префект. Ректор, кроме общих правительственных распоряжений по академии и округу, заведывал предпочтительно учебной частью; префект – нравственной (инспекцией) и хозяйственной (экономией). В помощь префекту назначались два помощника: по первой должности – инспектор, из кончивших курс студентов академии; по второй – эконом или комиссар, из светских нижних чинов или монашествующих лавры. Иногда, по особенному распоряжению м. Амвросия, определяемы были членами правления наставники – архимандриты, сколько для приобретения опытности на будущее время, столько же для помощи ректору и префекту: так, в 1802 г. апр. 1, определен был членом правления архимандрит Израиль; в 1805 г. марта 27 архимандриты Порфирий и Феофан – первый по учебной, второй по экономической части.

Ректоры и учителя богословия

Антоний Знаменский, архимандрит первоклассного Иверского монастыря, в январе 1799 г. освобожден от профессорской должности при академии и оставался только ректором; в сентябре того же года пожалован орденом св. Анны 2 степени; 9 октября наименован епископом Старорусским; впоследствии был епископом Вологодским, архиепископом Tobольским и наконец Ярославским; скончался на покое в Деревяницком монастыре 1824 г. 10 августа. Преосв. Антоний принадлежал к числу образованнейших людей своего времени, как то доказывают многие его сочинения, частью изданные им, частью оставшиеся в рукописях (в Новгородской семинарской библиотеке) и присвоенные ему звания: почетного члена Императорского Московского университета и Обществ – Любителей российской словесности, Истории и древностей российских при Моск. университете, С.-Петербургского Вольного экономического и других.

11) Амвросий Протасов, из префектов и проповедников Московской академии, определен был первоначально (13 ноября 1788 г.) архимандритом Сергиевой пустыни, что близ С.-Петербурга; в 1799 г. повелено ему отправлять в С.-Петербурге чреду священнослужения, но в январе того же года поручено преподавать богословие в Невской академии; в октябре переведен в Новгородский Антониев монастырь, а в ноябре снова в Сергиеву пустынь, с степенью Антониева монастыря и определен ректором академии; в 1800 году 8 января сделан наместником Александроневской лавры, 27 марта переведен настоятелем в Новгородский Иверский монастырь, с оставлением в должности ректора; в 1802 году 5 июля – в Новгородский Юрьевский монастырь; в январе 1804 года назначен епископом Тульским¹¹⁵.

12) Флавиан Ласкин, архимандрит первоклассного Иверского монастыря, из ректоров Новгородской семинарии переведен в здешнюю академию 5 февраля 1804 года и тогда же определен присутствующим в С.-Петербургской консистории; в 1805 г. Всемилоостивейше пожалован крестом из драгоценных камней; в 1808 г. февраля 2 скончался и погребен в лавре, за церковью Сошествия св. Духа. Исправлять должность ректора поручено было находившемуся на чреде священнослужения, ректору Московской академии, архимандриту Моисею Близнецову-Платонову; он же преподавал и богословские с первых чисел февраля 1808 г. по 23 марта. После него исправляющим должность ректора определен, также бывший на чреде священнослужения, архимандрит Волоколамского монастыря и ректор Троицкой семинарии.

13) Евграф Музалевский-Платонов, и тогда же переведен настоятелем в первоклассный Иверский монастырь; 30 октября утвержден в должности ректора и определен присутствующим в С.-Петербургской консистории.

Префекты и учителя философии

После Флавиана Ласкина, переведенного в 1799 г. в Новгородский Антониев монастырь и определенного ректором Новгородской семинарии, должность префекта проходили:

16) Евгений (Евфимий) Болховитинов, префект Воронежской семинарии, вдовый протоиерей г. Павловска (Воронежской губернии), с 3 марта 1800 г.; 9 числа того же месяца пострижен в монашество. 11 посвящен в архимандрита и определен настоятелем Зеленецкого монастыря; 15 марта определен присутствующим в С.-Петербургской консистории; в 1801 году, сентября 15, при коронации Государя Императора Александра I, Всемиловейше пожалован алмазным наперсным крестом; в 1802 г. января 17 переименован архимандритом Сергиевой пустыни. Когда ректору архимандриту Амвросию дозволено остаться при одной ректорской должности, Евгений определен учителем богословия; с 1 сентября 1801 г. по 1 января 1803 отправлял чреду священнослужения в С.-Петербурге; в 1804 г. января 1 Высочайше утвержден епископом Старорусским, викарием Новгородской митрополии. Скончался в сане митрополита Киевского в 1837 г., ознаменовав свое поприще многолетними заслугами Церкви, отечеству и ученому миру.

17) Сильвестр Суходольский, иеромонах, из Переяславской семинарии, с 1801 г. сент. 4 учитель поэзии, с 25 сент. 1802г. философии и красноречия; в 1804 г. 4 февр. определен префектом академии, 25 марта игуменом Белозерского монастыря, с оставлением при академии; 25 мая произведен в архимандрита и определен ректором Смоленской семинарии.

18) Израиль (Иакинф) Звягинцов, архимандрит, обучался в Севской семинарии и Учительской гимназии и, по окончании курса, проходил службу в народных училищах, с званием сперва учителя, потом смотрителя народных училищ С.-Петербургской губернии; в 1798 г. произведен, в чин 12-го класса и определен в Орловскую семинарию префектом и учителем философии; в 1801 г. вступил в монашество и сделан ректором семинарии; в 1802 г. перешел в С.-Петербургскую епархию, произведен в архимандрита Зеленецкого монастыря и определен в академию учителем философии; но вскоре вышел из нее законоучителем в 1-й кадетский корпус; в январе 1803 г. определен наместником Александроневской лавры, а в мае – префектом академии; в сентябре 1805 г., за отличные труды и исправность по службе, пожалован из Высочайшего кабинета крестом, украшенным драгоценными камнями; в 1806 г. переведен из Зеленецкого монастыря в Сергиеву пустынь. В бытность префектом преподавал немецкий язык, естественную историю и практическую математику. В 1808 г. переведен в первоклассный Свяжский Богородицкий монастырь (Казанской епархии). Скончался в 1829 г.

19) Порфирий (Петр) Кириллов, архимандрит, обучался в Московском университете и, в продолжение курса, получил две серебряных и одну золотую медали от юридического и философского факультетов; по окончании курса, в 1803 г., принят м. Амвросием в здешнюю академию учителем геометрии; в марте пострижен в монашество, 23 июня наименован соборным иеромонахом Александроневской лавры; в 1804 –1805 гг. занимал, один после другого, классы: грамматики, синтаксисы, риторики, философии и физики; в 1806 г. определен архимандритом Зеленецкого монастыря; в 1807 г. присутствующим в консистории; в 1808 г. 9 мая пожалован наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями; сент. 3 переведен в Сергиеву пустынь и назначен префектом академии: но в следующем году, с открытием академии по новому плану, уволен от ученых должностей и переведен настоятелем в Кириллов Белозерский монастырь. Скончался в 1817 г.

Наставники

На наставнические вакансии в высших классах академии м. Амвросий переводил учителей низших классов, по усмотрению их способностей и трудолюбия, а на их места определял благонадежнейших студентов, окончивших или оканчивающих курс наук; принимал и приглашал учителей из других семинарий и светских учебных заведений, если слышал хорошие отзывы об их дарованиях и трудолюбии. Вот имена их:

Алексей Менюжский, из студентов академии, с 1797 г. по 1801 учитель в низших классах до поэзии. Скончался протоиереем Благовещенской церкви, что на Васильевском острове.

Гавриил Драгоценный, из здешних воспитанников, обучал греческому языку с 1798 года. Куда выбыл – неизвестно.

Никита Игнат. Ясновский, обучался сперва в Коломенской семинарии, потом в здешней академии с 1798 г. был учителем греческого и немецкого языков; в 1801 г. определен священником к церкви Рождества пресвятой Богородицы, что на Песках; в 1804 г. переведен в Веймар, к придворной церкви Ее Императорского Высочества, В. К. Марии Павловны, с возведением в сан протоиерея. Имел знаки отличия, наперсные кресты Синодский золотой и кабинетский, украшенный драгоценными камнями и орден св. Анны 2 ст.

Лаврентий Палама, уроженец острова Скупола, обучался в Корпусе чужестранных единоверцев и в Императорском Шляхетном сухопутном кадетском корпусе; в 1798 г. января 19 определен учителем низших классов академии, но недолго оставался при академии.

Иван Сем. Добронравин, из здешних студентов, был учителем сперва грамматики и французского языка, потом поэзии; в 1804 г. определен законоучителем в Горный кадетский корпус, с причислением к Симеоновской церкви.

После был протоиереем Скорбященской церкви и присутствующим в консистории. Скончался в 1848 г.

Павел Вас. Портанский, Григорий Григ. Владимирский и Иван Ал. Троицкий упоминаются учителями низших классов в 1798–1800 гг.

Александр Донатский, иностранец, обучал немецкому, французскому и еврейскому языкам, но, кажется, недолго.

Александр Шубников, из воспитанников Сухопутного кадетского корпуса, определен в 1799 г. преподавателем французского языка; в марте 1800 г. выбыл из академии.

Вениамин (Василий) Весновский, обучался в Казанской семинарии и прибыл в С.-Петербург в свите м. Амвросия; в 1800 г. 28 января определен в здешнюю академию учителем и прошел с инфимы до поэзии; в 1802 г., по назначении св. Синода, определен к миссионерской церкви в Мадрид, отсюда переведен в 1803 г. в Париж и, наконец, в Константинополь; по возвращении в С.-Петербург определен наместником лавры и архимандритом Зеленецкого монастыря. Скончался в 1809 г.

Афанасий Савинский, иеромонах, вызван м. Амвросием из Переяславской семинарии 16 марта 1800 г. и преподавал сначала французский язык, потом риторику; в июле того же года переведен в Новгородскую семинарию префектом и игуменом Кириллова Белозерского монастыря. Скончался ректором Воронежской семинарии, в 1811 году.

Петр, в монашестве Парфений, Гуриновский, обучался в Московской академии и Учительской гимназии, и, в последней, по окончании курса, был учителем низших классов; в 1800 г., по сношению м. Амвросия с директором Комиссии народных училищ, д. с. с. Свистуновым, прислан в здешнюю академию на класс еврейского и греческого языков; в августе принял монашество; в 1804 году сент. 4 произведен в архимандрита и определен ректором Пермской семинарии.

Федор, в монашестве Феофан, Михайловский, обучался в Харьковском коллегиуме; в 1790 г. вышел в военное звание, однако же скоро оставил его за болезнью; в 1799 году поступил в братство здешней лавры, определен в академию учителем низших классов и сам, в то же время, слушал богословские уроки; в августе 1800 г. пострижен в монашество, в апреле 1802 г. отправлен в качестве миссионерского священника к двору Екатерины Антоновны, Принцессы Брауншвейг-Люнебургской, в Горсенс, что в Ютландии, где и находился до 1804 г.; по возвращении в Россию из Дании, определен вице-ректором семинарии и обучал студентов

французскому языку и математике; в 1806 г. определен ректором Подольской семинарии и произведен в архимандрита Шаргородского Николаевского монастыря.

Иосиф (Иоаким) Величковский, иеромонах (из вдовых дьяконов), был учителем низших классов; в 1801 г. переведен законоучителем в Коммерческое училище; после был ректором семинарий Курской и Владимирской; с 1819 г. Архангельским епископом, с 1821 г. Смоленским. Скончался на покое, в Киевопечерской лавре.

Петр Тобольский, из здешних студентов, учитель низшей информатории и греческого языка, с 4 сентября 1801 года; в октябре 1802 г. вышел в св. Синод переводчиком.

Михаил Суханов, кандидат богословия, из Иркутской семинарии, обучался в здешней академии богословским и философским наукам и, по окончании курса, в 1801–1802 гг. сам обучал простому нотному пению и немецкому языку; по возвращении на родину, в 1805 г. принял монашество, в котором назван Иннокентием и определен префектом семинарии; в 1808 г. произведен в архимандрита Киренского монастыря; скончался 2 мая 1811 г.

Степан Ив. Максимович, из здешних студентов, информатор и учитель французского языка, с 4-го сентября 1801 г.; в 1804 г. рукоположен в священника к церкви Рождества пресв. Богородицы, что на Песках.

Вениамин, соборный иеромонах, из префектов Костромской семинарии, вызван был на класс риторики 25 сентября 1802 г.; когда и куда выбыл, неизвестно.

Иоанникий Флеров, иеромонах, в 1802 г. вызван м. Амвросием из Ярославской семинарии; в 1804 г. февр. 15-го определен законоучителем в Академию Художеств. Скончался в 1808 г., в сане архимандрита Старицкого Успенского монастыря.

Гедеон (Гавриил) Федотов, иеромонах, в 1803 г. вызван м. Амвросием из Белградской семинарии, где был учителем математики и французского языка; но в том же году, по распоряжению св. Синода, отправлен был в Российско-Американские поселения, в качестве благочинного над духовенством камчатских и американских церквей, с пожалованием ему наперсного креста; по возвращении из миссии определен наместником здешней лавры; в 1810 году произведен в архимандрита Зеленецкого монастыря; в 1819 г. переведен в Иверский.

Никита Орловский, до окончания курса поступил псаломщиком в Копенгаген; по возвращении в Россию в 1803 г. слушал философский и богословский курсы, обучая в то же время младших воспитанников немецкому языку и нотному пению; в 1804 г. определен священником в Копенгаген же; после был законоучителем Морского кадетского корпуса и Александровской мануфактуры; скончался протоиереем Покровской Коломенской церкви. Сочинения его: Краткая российская грамматика (СПб. 1814) и Информатория или начальные основания латинского языка. СПб. 1816 г.

Ермолай Ив. Бедринский, поступил в академию из Харьковского коллегиума и, по окончании курса, в 1804 г. определен учителем грамматики и еврейского языка, в 1806 г. закона и св. истории, в 1807 г. поэзии; в сентябре этого года произведен в священника к православной церкви русского посольства в Париже; ноября 18 произведен в протоиерея и пожалован наперсным крестом; в 1814 г. переведен в Брюссель к придворной церкви Ее Императорского Высочества, Великой Княгини Анны Павловны; в 1817 г. пожалован, из Высочайшего Кабинета, наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями; в 1821 г. орденом св. Анны 3 ст. Скончался в 1833 г. в Гаге.

Петр Бор. Вигилянский, обучался в Казанской академии и, по окончании курса, проходил учительскую должность в Астраханской семинарии; в 1804 г. перешел в ведомство С.-Петербургской епархии и определен в здешнюю академию учителем, вновь открытых классов, истории и географии, в 1806 г. библейской географии; в августе 1807 г. рукоположен в священника к церкви св. Симеона Богоприимца и определен законоучителем православных воспитанников Немецкого училища св. Петра.

Вениамин, соборный иеромонах, преподавал философию в Тверской семинарии и на тот же предмет вызван в здешнюю академию в 1804 г.; но вскоре определен ректором Тобольской семинарии.

Иван Мих. Фовицкий, из учителей Орловской семинарии, определен на класс поэзии в 1804 г.; но долго ли оставался при академии, неизвестно. Впоследствии, в чине ст. советника, состоял при В. К. Михаиле Павловиче, и был членом С.-Петербургского Общества любителей словесности, наук и художеств.

Иван Никиф. Дьяконов, обучался в Казанской дух. академии и, по окончании курса, был учителем в Астраханской семинарии. М. Амвросий вызвал его в свою епархию и определил

учителем сперва в Новгородскую семинарию, потом (8 дек. 1804 г.) в здешнюю академию, на класс истории и географии; в январе 1807 г. произвел в священника к Петропавловскому собору в С.-Петербурге.

Мисаил, соборн. иеромонах, из учителей Московской академии, вызван в декабре 1805 г. на класс высшей риторики и естественной истории; но в 1808 г. за болезнью уволен от учительской службы.

Иван Тихомиров, из студентов Московской академии, по сношению преосв. Амвросия с м. Платоном прислан к учительской должности в здешнюю академию в 1805 г. и преподавал греческий и французский языки; в 1808 г., за болезнью, уволен в светское звание.

Дмитрий Малиновский, кандидат богословия, из здешних студентов, в 1805–1808 гг. был учителем низших классов до риторики; впоследствии, бывши священником, принимал деятельное участие в трудах Российского Библейского общества, при котором состоял директором.

Петр Никол. Виноградов, из здешних студентов, был учителем низшего латинского класса, репетитором высшего риторического и надзирателем Русской школы, с 21 сентября 1807 года.

Андрей Иванов, кандидат богословия, из воспитанников здешней академии, с 13 ноября 1806 года преподавал общую историю и географию, с 21 сентября 1807 года общую и российскую историю и латинский синтаксис; после, в чине надворн. советника, был начальником отделения в Департаменте государственных имуществ и имел ордена св. Анны 2 и св. Владимира 4 ст.

Епифаний Канивецкий, архимандрит, родом малороссиянин, обучался в Киевской академии и проходил учительские должности, в Переяславльской и Новгородской семинариях, до риторики; в 1806 г. перемещен в здешнюю академию на класс герменевтики и церковной истории, в 1807 г. произведен в сан архимандрита, с настоятельством Виленского Святодухова монастыря; в 1808 г. определен ректором и профессором богословия в Казанскую академию и переведен в тамошний Спасо-преображенский монастырь; скончался в 1825 г. епископом Воронежским, которым был с 1815 г.

Дмитрий Порфиоров, грек, прибывший с преосв. Варлаамом, архиепископом Грузинским, в 1807 г. определен учителем священной истории; в том же году пострижен в монашество и назван Дионисием.

Филипп Шпехт, иностранец, в 1807–1808 гг. обучал воспитанников разговорному немецкому языку. В то же время Иосиф Зихерманн, природный еврей, обучал студентов богословия еврейскому чтению, выговору и раввинскому письму. Под его руководством занимался с студентами еврейским языком, бывший воспитанник здешней академии, иподиакон (после приходский священник) Петр Александров.

Амвросий (Алексей) Морев, кандидат богословия, по окончании курса учения в 1807 г., был репетитором в низших классах; потом переведен учителем в Тверскую семинарию; в 1813 г. определен префектом Новгородской семинарии, в 1823 г. посвящен в епископа Оренбургского; в 1828 г. переведен в Вольно-житомирскую епархию, в 1832 в Нижегородскую, в 1835 в Пензенскую, где скончался 15 окт. 1854-г., 69 лет от роду. В 1806г. напечатано «Созерцание или изъяснительное описание литургии», читанное в Александроневской академии на публичном собрании, 22 июля того же года, канд. богословия А. Моревым.

Дмитрий Аким. Воронов, из здешних воспитанников, с 24 ноября 1808 г. преподавал греческий язык; после преобразования дух. училищ, несколько времени, был профессором С.-Петерб. семинарии, потом перешел в гражданскую службу. За переводы на русский язык сочинений Шатобриана, Мармонтеля, Томаса и Фридриха Великого, Воронов принят был в члены С.-Петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, Любителей Российской словесности и в сотрудники Беседы любителей русского слова.

Василий Ив. Григорович, студент богословия, (родом из Гомеля, протоиерейский сын), определен учителем арифметики 7 сентября 1808 г.; в то же время студент богословия, Василий Ив. Кутневич, утвержден учителем французского языка и репетитором по классу всеобщей истории и географии, но в октябре того же года оба вызваны в Могилевскую семинарию, из которой присланы были для образования к учительской должности. Герасим Петр. Павский, студент богословия, после Григоровича преподавал арифметику и был репетитором по медицинскому классу.

Андрей Скородумов, с 20 янв. 1807 г. учитель немецкого языка, а с 15 окт. 1808 г. и французского. Лекторами при нем были студенты Дмитрий Алексеев и Алексей Сачковский.

Кроме этих наставников, были еще входящие, по приглашению от начальства или по собственному усердию, наставники: а) медицины –Иван Сам. Бок, штаб-лекарь, б) живописи – Матвей Ливенцов с 21 сентября 1807 г.; в) архитектуры – Василий Петров, помощник лаврского архитектора (с 21 сентября, 1807 г.); г) практической математики –уездный землемер Матвей Курбанов, с 21 сентября 1807 г.; д) немецкого языка, в высшем классе – Знаменской церкви священник Филипп Вас. Кораллов, с 13 сентября 1806 г.; е) французского языка, в высшем классе – протоиерей Семеновского полка Вас. Фед. Налимов, с 13 сентября 1806 г. Так как протоиерей Налимов и священник Кораллов занимали только по два класса в неделю, то, при обоих, были в академии особые учителя того и другого языка.

В 1806 г. 26 мая, по представлению г. обер-прокурора св. Синода, князя А. Н. Голицына, последовало Высочайшее Его Императорского Величества разрешение носить светским учителям шпаги. Правом этим пользовались учителя Дьяконов, Вигилянский, Бедринский и Малиновский.

Воспитанники

Прием в школу, название и число

До 1805 г. в приеме воспитанников не было никакого порядка. Отцы привозили детей и записывали в школу во всякое время года; от этого происходил беспорядок в обучении воспитанников низших классов и в экономии. В отвращение этого, в 1805 г. ноября 1 дня, установлен единовременный прием учеников, в сентябре месяце. В академию положено было принимать заправленных уже в чтении церковной и гражданской печати, в письме, нотном пении, знании катехизиса и в началах русской грамматики, к чему служили пособием духовные училища и народные школы. Тех, которые не имели способа быть приготовленными к академии дома или в народных школах, отсылали в Русскую школу, где обучали их студенты, готовящиеся к учительской должности. Воспитанники, присылаемые из других семинарий для приготовления к наставническим должностям, поступали в философский класс и через два года переходили в богословский. Первоначально всем, а с 1804 г. только лучшим воспитанникам этих двух классов усвоено было название студентов¹¹⁶. Чтобы лучше ввести их в дух училищного порядка и освоить с должностью, к которой они готовились, им поручаемо было преподавание первых начал какой-либо науки или языка в нижних классах. При окончании курса они имели право искать ученой степени кандидата богословия, установленной м. Амвросием в 1800 г. Для этого они держали публичный диспут, на котором читали рассуждения, наперед приготовленные, на темы богословского содержания и отвечали на предлагаемые посетителями вопросы, из предметов академического курса. Для диспута предварительно назначался день и рассылаемы были приглашения к высшим духовным и светским сановникам, любителям духовного просвещения. Из сохранившегося подробного отчета о диспуте студента Д. Малиновского (18 Февр. 1804 г.) видно, что на оном присутствовали, кроме м. Амвросия, архиепископы: Мефодий Тверский и Варлаам Грузинский, и епископ Старорусский Евгений, викарий Новгородской митрополии; из светских: д. т. с. граф А. И. Мусин-Пушкин, бывший обер-прокурором св. Синода с 1791 по 1797 г., родной брат м. Амвросия д. с. с. С. П. Подобедов, камергер Хитрово и много других почетных особ, духовных и светских. Студент Малиновский читал «историческое рассуждение о чинах греко-российской церкви», отвечал на вопросы посетителей и, в промежутках, говорил им приветствия на латинском, греческом, французском и немецком языках. Акт начинался и оканчивался речью диспутанта¹¹⁷. Такое же испытание имели: присланный из Иркутской семинарии М. Суханов (1803 г. января 8), из Белорусской семинарии К. Китович (1803 г. сентября 29), из Псковской – Н. Лавров (1804 г. января 12), из Воронежской – А. Болховский (1804 г. января 25) – и все удостоены степени кандидата богословия. Первый читал «Историческое рассуждение о соборах российской церкви», второй – «О начале, важности и знаменовании церковных облачений», третий – «О соборном деянии, бывшем в Киеве 1157г. на еретика Мартина», последний – «О книге, именуемой: Православное исповедание веры восточной Церкви». Все эти сочинения напечатаны; и как преподавателем общей и российской церковной истории, и след. руководителем при составлении этих сочинений был архимандрит Евгений (Болховитинов): то в библиографических сборниках они и приписываются Евгению¹¹⁸. Из указанных опытов видно, что преподавание наук в высших классах академии вполне соответствовало ее назначению – образовывать наставников для духовного юношества. Воспитанники ее получали образование в науках богословского и философского курсов всестороннее и основательное и, по крайней мере, лучшие из них могли свободно изъясняться на одном из новейших языков.

В 1806 г. шести окончившим курс студентам богословия (Николаю Загорскому, Ивану Ильменскому, Семену Песоцкому, Алексею Мореву, Андрею Иванову и Алексею Заводскому) усвоена степень кандидата без диспутов, в уважение их успехов, усмотренных на общем испытании. Преосвященный митрополит Амвросий всегда сам присутствовал на общем годичном испытании. Студенты читали наперед приготовленные и просмотренные наставниками рассуждения о разных предметах богословского и философского содержания; лучшие из них: «О религии патриархов, до закона живших», читанное студентом богословия В. И. Кутневичем в 1807 г. и – «О начале идолопоклонства», читанное студентом богословия Андреем Скородумовым в 1807 г., напечатаны.

Число воспитанников в разные годы и в разных классах было не одинаково.

В 1799 г.: студентов богословия 15; философии 24; учеников риторики 33; поэзии 20; синтаксисы 53; грамматики 46; фары 8; инфимы 58; всех 157.

В 1804 г.: в богословском классе 10; в философском 15; риторическом 31; поэзии 33; синтаксисы 36; грамматики 29; высшей информатории 40; низшей 49; всех 243.

В 1806 г.: в богословском 6; философском 20; высшей риторики 46; низшей 33; высшего латинского 56; низшего 81; всех 242.

В 1807–1808: в богословском 19, философском 30; высшей риторики 45; низшей 60; высшего латинского 57; низшего 66; всех 277 –

Не включая в это число детей разночинцев, которых всегда было от 30 до 60 человек. Из вольнослушателей одни обучались только богословским наукам, другие – светским. И языкам, а некоторые – всем, входящим в состав курса. В 1804 г., протоиерей лейб-гвардии Гусарского полка, Симеон Торопогрицкий просил у митрополита Амвросия позволения слушать медицинские уроки в академии, по тому побуждению, что находясь 24 года в полках и походах и делая много наблюдений, как в особенных своих многообразных припадках, так и над другими частными людьми и в полковых лазаретах, он приобрел некоторые сведения к врачеванию болезней, и чувствуя в себе особенную ко врачебному знанию наклонность и руководствуясь Высочайшим указом о распространении врачебной науки в духовенстве, – желает распространить приобретенные им знания и достигнуть в том возможного совершенства. Митр. Амвросий, на прошение его, положил следующее определение: «дозволяется с удовольствием тем, что готовящиеся в сан священства юноши обяжутся, взирая на пример его, вящую прилежность употребить в науке этой.»

Возраст. Не было определено, до каких лет могут поступать в академию священнослужительские дети; а потому между воспитанниками одного и того же класса случалось самое странное несоответствие в летах. Крайние пределы в низшей школе: 9–13; в высшей: 12–15; в грамматическом классе: 13 –17; в синтаксисе: 14– 17; в пиитическом: 12–18; в риторическом: 17–21; в философическом: 21–25; в богословском: 21 – 29. Постепенное уменьшение числа воспитанников от низших к высшим классам зависело от того, что а) в 1800 г., с открытием семинарий Новгородской и Армейской, отделены для них воспитанники тех ведомств, для первой – священнослужительские дети Новгородской епархии, для последней – армейские; и б) некоторые, по неспособности к высшему образованию, возвращались из первых классов в Русскую школу, для приготовления к причетнической должности, а большая часть увольняемы были из четвертого и пятого классов для поступления на дьяконские и священнические места. Этим последним, если они определялись в С.-Петербурге, преосвященный митрополит Амвросий обязывал посещать школу и после поступления на место, по мере досуга от приходских обязанностей. – Был случай и такого рода, что один протоиерейский сын, некто Василий Андруцкий, дойдя уже до философии, узнал совершенно неожиданно, что он дворянин и наследник имения в Киевской губернии и, нисколько не медля, оставил и философию и школу, «чтобы избрать новый род жизни, соответствующий его склонностям, равно и правам, предоставленным благородному дворянству.¹¹⁹»

Размещение и последующая судьба воспитанников

Кончившие курс студенты определяемы были наставниками в духовные училища и священниками к приходским церквам, учителями и законоучителями в светские учебные заведения и священниками к православным церквам при наших иностранных миссиях и посольствах; наконец, многие, по распоряжению начальства или по собственному желанию, до окончания полного курса, переходили в другие, высшие учебные заведения.

1) Училищная и епархиальная служба

Лучшие из студентов, по окончании курса, оставляемы были при академии учителями низших классов. – С возобновлением Новгородской семинарии, в – 1800 г., наставниками в нее, по некоторым классам, назначены также здешние воспитанники. В этом числе был Василий, в монашестве Владимир Ужинский, проходивший преемственно должности учителя, библиотекаря, инспектора и ректора Новгор. семинарии; после был епископом Ревельским, викарием С.-Петербургской митрополии, с 1822 г. Курским и наконец Казанским архиепископом; имел ордена: св. Владимира 1 ст., св. Александра Невского и св. Анны 1 ст.; скончался, на покое, в 1855 г. С открытием Армейской семинарии, по ведомству обер-священника армии и флотов, ректором оной определен был, из здешних воспитанников, протоиерей П. А. Громов. – Присланные для высшего образования из епархиальных семинарий возвращаемы были к учительским должностям в местные семинарии. Некоторые из них имели столько ревности к продолжению образования и усовершенствования себя в науках, что изъявили готовность, в качестве студентов, продолжать курс учения в здешней академии, после преобразования ее в 1809 году.

Многие воспитанники, по желанию местных начальств, определяемы были учителями в светские училища всех ведомств, в особенности же в учреждения, состоявшие под Высочайшим покровительством Императрицы Марии Федоровны. В 1808 г. студент богословия, Василий Лебедев, выбран в учителя латинского языка в Гатчинском Воспитательном доме; с поручением ему надзирательской должности, и находился при оном 20 лет, получив в награду своих трудов орден св. Князя Владимира 4 степени. В следующем году Императрица, выразив удовольствие за хороший выбор учителей для заведений, состоящих под Ее покровительством, предложила прислать еще одного воспитанника, на другое открывшееся надзирательское место при том же Воспитательном доме¹²⁰: м. Амвросий выбрал студента, Василья Смирнова, который также около 20 лет с отличием служил при Воспитательном доме, сперва учителем, потом инспектором классов.

В том же году м. Амвросий имел еще новое поручение от Императрицы Марии Федоровны, изъясненное в рескрипте Ее Величества от 3 марта 1809 года. «Имея столь многократные опыты вашего усердия к пользе заведений, под Моим начальством состоящих, и столько поводов быть вам признательной, за снабжение оных отличными наставниками, знаниями и поведением своим совершенно оправдавшими ваш выбор, Я с тем большим доверием прибегаю вновь к вашему преосвященству, по предмету, до человеколюбивого же заведения касающемуся... Вам известно, что Я в Павловске учредила опытное училище для глухонемых, и Я имею причину быть довольной успехом оного, по кратковременному его существованию. Но известно вашему преосвященству также, что этот род наставления доведен во Франции до превосходной степени совершенства, перед всеми известными подобными учреждениями, под управлением прославившегося оным аббата Сикарда. Желая воспользоваться его знанием и опытностью, Я, по предварительном с ним сношении и по получении от него уже согласного отзыва, вознамерилась отправить в Париж, к этому аббату, молодого человека, совершенно знающего российский язык и имеющего другие хорошие и основательные познания, который бы не только мог, под руководством Сикарда, совершенно выучиться обучению глухонемых, но и был бы в состоянии обратить оное на отечественный язык. Я почитаю, что нельзя выбрать для этого лучшего и способнейшего, как хорошо обученного из семинаристов, поскольку таковой, с основательным знанием наук и древних и новых языков, соединяет совершенное знание богословия, и, следовательно, может обучать этих несчастных закону Божию православного греко-российского исповедания, чего ни от наискуснейшего иностранца, ниже от другого звания человека, хотя и россиянина, ожидать не можно.» При этом Императрица изъявила готовность отправить избранного в Париж и обратно, и содержать во все время обучения, на собственном иждивении, а по возвращении определить при означенном училище¹²¹. Какие распоряжения сделаны были по этому предмету, не известно, но во всяком случае приятно украсить историю С.-Петербургской Духовной Академии столь лестным отзывом о тех воспитанниках ее, которые имели счастье послужить отечеству, со всей преданностью, в скромном звании учителей и надзирателей человеколюбивых заведений, под Высоким покровительством приснопамятной их Учредительницы.

Кроме названных уже лиц на этом поприще приобрели известность:

Иван Степ. Пенинский, проходивший наставническую должность при разных учебных заведениях. Из ученых трудов его известны: Славянская грамматика и Славянская хрестоматия, имевшие мною изданий, и – перевод на русский язык надгробных слов Боссюэта. Спб. 1822 г.

Александр Сем. Киндерев, д. с. с., наставник – наблюд. математического класса в Павловском кадетском корпусе. Скончался в 1855 г. Он составил и издал много сочинений по алгебре и геометрии.

Многие из здешних воспитанников, непосредственно после окончания курса, или с епархиальных мест, поступали законоучителями в воспитательные и учебные заведения всех ведомств в С.-Петербурге и его окрестностях. Назовем некоторых по именам:

Архим. Анатолий Свиязев, проходил должность законоучителя при Морском кадетском корпусе с 1798 по 1805 г.; в 1808 г. определен ректором Тверской семинарии; скончался, на покое, в 1831 г.

Архим. Фотий Спасский, обучал закону Божию воспитанников 2-го кадетского корпуса с 1817 по 1820 г.; скончался Юрьевским архимандритом, в 1838 г.

Яков Ив. Воскресенский, протоиерей, в 1806 г., по воле блаженной памяти Императрицы Марии Федоровны, определен законоучителем Императорского Воспитательного общества благородных девиц и Училища ордена св. Екатерины; в 1812 г., сделан благочинным над законоучителями и за свои ученые и педагогические труды удостоился получить, сверх епархиальных наград, из Высочайшего Кабинета крест, украшенный драгоценными камнями и орден св. Анны 2-й ст. Он издал в свет несколько сочинений, назначенных, ближайшим образом, для чтения и руководства его слушательниц; именно: 1) Нравоучение для воспитанниц Общества благородных девиц и Института ордена св. Екатерины, 4 части. Спб. 1813; 2) Краткое толкование на Литургию. Спб. 1815. После было несколько изданий. 3) О Церкви, утварях, службах и облачениях церковных, с изъяснением таинственного знаменования оных, 2 ч. Спб. 1821 г. и 4) Перевод слова о смерти Иисуса Христа, соч. Блера, с английск. Спб. 1823 г. Скончался протоиереем Исакиевского собора, в 1836 г. – Помощником его и потом преемником, по должности законоучителя и наблюдателя за преподаванием закона Божия в учреждениях Императрицы Марии Федоровны, был из здешних же воспитанников – Протоиерей Сергей Георг. Георгиев (до 1823 г); его помощником Вас. Ив. Ксеномонтаков, после бывший законоучителем при Институте слепых.

Иван Андр. Грацианский, с 1813 по 1825 г. проходил законоучительскую должность при Императорском Военно-сиротском доме; скончался протоиереем Казанского собора. Из печатных его трудов известны –переводы: 1) Путешествия Шатобриана из Парижа в Иерусалим, 5 ч. Спб. 1815–1817 г.; 2) Путешествия Вальяна во внутренность Африки, Спб. 1824– 1825 гг. и 3) Мыслей Юнга об оригинальном сочинении, Спб. 1812 г. При Гатчинском Институте – протоиерей З. Гапицкий; при Училище глухонемых – Федор Измайлов и другие при других заведениях.

2) Служение за границей

На заграничные места определяемы были воспитанники, особенно известные со стороны благонравия и нравственности; назовем по именам некоторых священников:

Василий Иванов, по окончании курса и здешней семинарии, проходил служение при здешних церквах; в 1804 г. переведен к новоучрежденной Российской Императорской миссии в Рим; отсюда в Стокгольм, где и скончался.

Иван Чудовский, по окончании курса, определен священником к Российской миссионерской церкви в Мадрид; потом, с званием протоиерея, переведен в Берлин, где и скончался в 1834 г. Служба его отличена была, сверх наград св. Синода, орденами от Российского правительства св. Анны 2 степени и от Прусского – Красного Орла 3 степени.

Иван Краснопевков, из здешних студентов, с 1799 г. проходил служение при здешних градских церквах, а в 1813 г. переведен священником к миссионерской церкви в Мадрид, где и находился до 1807 г.; по возвращении в С.-Петербург определен к градской Покровской церкви, что в Большой Коломне; в 1816 г. произведен в протоиерея к Российской миссии в Париже, с пожалованием ему золотого наперсного креста из Высочайшего Кабинета и благословением св. Синода носить палицу: но в 1818 г. по Высочайшему повелению отозван был в Россию.

Никита Ясновский (см. о нем выше на стр. 133). В бытность свою за границей Ясновский перевел на немецкий язык Литургии св. Василия Великого и св. Иоанна Златоустого.

Никита Орловский (см. о нем выше на стр. 136).

Ермолай Бедринский (см. о нем выше на стр. 136).

Архим. Аполлос поступил в академию из Черниговской семинарии в 1797 г.; по окончании курса, в 1802 г., определен инспектором Тихвинского дух. училища; в 1805 г., при отправлении в Китай новой миссии, изъявил желание быть в оной настоятелем и посвящен в архимандрита, но не доехав, остался в Иркутске и вскоре определен ректором тамошней семинарии; в 1821 г. переведен настоятелем в Ставропигиальный Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, а в 1837 г. в Новоспасский, где и скончался. После назначения Аполлоса в Новоспасский монастырь, св. Синод сделал ему поручение исправить Историю росс. иерархии, изд. м. Евгением: но он не привел этого труда к окончанию. Из ученых, в особенности исторических, исследований его некоторые изданы отдельно, другие помещены в изданиях Императорского Общества истории и древн. росс. при Московском университете. Труды его награждены были от правительства орденами св. Анны 2-й и св. Владимира 3-й ст.

Архим. Самуил, из здешних же воспитанников, в 1799 г. поступил в Константинополь, начальником миссии; по возвращении, в 1804 г., определен настоятелем Никандровой пустыни; в 1810 г. переведен в Тихвинский монастырь, от управления которого уволен с пенсионом в 1823 г.

Наконец, многие воспитанники высших классов, начиная с риторики, поступали, по собственному желанию и вызову, причетниками и в качестве студентов, к нашим заграничным миссиям и практически довершали свое образование. Так определились: Никита Орловский к Копенгагенской миссии; Алексей Смирнов к Лондонской; Николай Эвенхов и Гавриил Тихомиров в Мадрид; Петр Столаревский в Константинополь; Николай Трубачевский в Веймар. В 1805 г., когда образована была, на новом положении, миссия в Китай, в состав ее назначены: церковниками – ученики риторического класса Василий Яфицкий и Константин Пальмовский и – Маркелл Лавровский студентом.

3) Переход в другие учебные заведения

Весьма много воспитанников поступали в Медико-Хирургическую академию, Учительскую гимназию и другие высшие учебные заведения. а) В следствие Именного Высочайшего указа от 28 августа 1797 года, об отпуске из духовных семинарий для определения в здешнюю и Московскую Медико-Хирургические академии, каждый год, до 50 семинарских воспитанников, назначаемы были из здешней академии по одному и по два человека в каждый прием; но, кроме этих, многие по особенной склонности к медицинским наукам, или надеясь с лучшим счастьем устроить свою судьбу в этом звании, нежели в духовном, по собственному вызову переходили в Медико-Хирургическую академию из риторического, философского и богословского классов. Св. Синод, по представлению Медицинской Коллегии, предписал духовно-училищным начальствам, увольнять желающих поступить в эту академию беспрепятственно. Академия, с своей стороны, принимала их тем с большей охотой, что, с возобновлением морских и сухопутных штатов, имела большой недостаток в медицинских чинах, а между тем, по прежним опытам, надеялась найти в семинарских воспитанниках хорошо подготовленных и благонадежных студентов. Надежда не обманула ее, потому что многие из духовных воспитанников, поступивших в это время в академию, составили, впоследствии, украшение своему званию и своей профессии. Не одним врачам известны имена: Д. М. Велланского, М. Мудрова, Я. К. Кайданова (д. с. с., скон. в 1855 г.), С. А. Громова (д. с. с., ск. в 1855 г.), И. П. Буткова (тайн. сов., ск. в 1855 г.), С. Г. Шпилевского (д. с. с., ск. в 1855 г.). Из здешней академии поступили в 1797– 1804 гг.: Яков Парвов, Федор Подарский, Петр Эвенхов, Павел Иванов, Петр Лавров, Александр Ксеномонтанов, Григорий Элпидинский и Матвей Троицкий; в 1806 г.: Матвей Леонтович и Степан Люблинский. Парвов был, впоследствии, в чине колл. советника, инспектором Курской врачебной управы и имел ордена св. Анны 2 степени и св. Владимира 4 ст.

б) В Учительскую гимназию и в здешние народные училища воспитанники отправляемы были, по-прежнему, в случае требований со стороны начальства этих училищ: так отправлены были в 1797–1804 годах воспитанники: Алексей Образцов, Семен Чулков, Флавиан Лебедев, Степан Гуляев, Григорий Флеров, Григорий Ореховский и Василий Рождественский. Но требование воспитанников в эти и прочие учебные и воспитательные заведения были столь часты, что здешнее духовное начальство не всегда было в состоянии удовлетворить оным. Так в 1804 г. на отношение графа Завадовского, о высылке пяти воспитанников, к замещению вакантных учительских мест в нижних классах здешних народных училищ, по предварительном приготовлении их к учебной методе, м. Амвросий принужден был ответить, что не может исполнить этого требования, потому что в академии состоит небольшое количество студентов С.-Петербургской епархии, но и те надобны для помещения на службу также общую, особенно по здешнему месту, где по разным духовным надобностям таких людей много от него требуется¹²².

в) В Училище правоведения при Министерстве Юстиции в 1806 г. поступил, сын придворного священника, Иван Васильев.

Хозяйственная часть академии

Император Павел I возвысил сумму, отпускаемую на содержание духовных училищ с 1784 г. (77,431 руб. 27 1/2 к.), до 180,000 рублей. Но оклад академии остался прежний, то есть, какой назначен был на нее по соединении ее с Новгородской семинарией, 12 т. рублей; причем к прежнему окладу, которым она пользовалась до соединения с Новгородской семинарией, 4,500 рублям, назначено добавочных 7500 рублей. В это число 2285 руб. отделено от суммы Новгородской семинарии, а остальные 5215 рублей вновь прибавлены¹²³. Кроме этого, в 1802 году, по представлению преосвященного митрополита Амвросия, пожалована Его Императорским Величеством сумма на отделку классов, особо от жилья; и по его же представлению, через г. обер-прокурора св. Синода, кн. А. Н. Голицына, пожаловано на академию от Его Величества из Кабинета единовременно 3000 рублей¹²⁴. «Эту Высокомонаршую милость,» писал митрополит Амвросий в предложении академическому правлению, «да возвзвущут учащие и учащиеся, усугубя ревность оказывать желаемые успехи в науках и благонравии». В 1807 г., когда Император Александр удвоил сумму, отпускаемую на содержание духовных училищ, прибавив к 180,000, назначенным Императором Павлом, еще 180,000: то и оклад Академии увеличился до 24,000¹²⁵. Средства академии, особенно до 1807 года, увеличивались пожертвованиями частных лиц. По завещанию преосв. митрополита Гавриила, назначен на бедных учеников Александровской академии и Новгородской семинарии оставшихся в Орденском капитуле, командорственный, по ордену св. Андрея Первозванного, доход его высокопреосвященства, по день его кончины. Он составлял сумму 2,138 р. 88 коп. Из них на Александровскую академию отделено м. Амвросием 1065 руб. По завещанию преосв. Евгения, Костромского епископа, поступило 150 руб. на беднейших учеников академии и 100 руб. на содержание Русской школы. В 1804 г. Вологодский Борисоглебский архимандрит Иннокентий принес в дар академии – на пользу неимущих питомцев ее – 100 рублей. В 1806 г. сделал такое же приношение священник Симеоновской церкви Дмитрий Песоцкий.

За употреблением и расходом сумм имел непосредственное наблюдение преосв. митрополит Амвросий. Он назначал, увеличивал и уменьшал жалованье наставников, со строгим вниманием к нужде и трудам каждого; распределял статьи расходов с благоразумием опытного домоправителя и, из небольших средств академии, сделал запас на будущее время. Кроме того, в 1800 г., он открыл при академии бурсу на 100 человек, которые пользовались от казны, кроме квартиры, пищей, одеждой и обувью, и 50-ти беднейшим воспитанникам назначил жалованье. Экономия скоро позволила распространить более круг благотворительности: кроме 100 полных казенных, открыты еще 50 полуказенных воспитаннических вакансий, с пособием от казны квартирной и пищей, и 50 жалованных остались по-прежнему. Денежное вспоможение простиралось от 12 до 18 р. каждому из этого числа. Таким образом все воспитанники получали даровое учение, как прежде и как всегда было в духовных училищах; а бедные, кроме того, приют и все содержание от академии.

В частности, ассигнованная на академию сумма распределена была следующим образом:

1) На жалованье начальникам, наставникам и чиновникам академии. Указом св. Синода предписано было определенную на академию сумму распределить так, чтобы из нее не более, как третья часть (т. е. 3000 р.) употребляема была на жалованье и на все содержание ректору, префекту, учителям, лекарю с одним учеником и на академическое правление с комиссаром и писцами. Оклад ректора уменьшался в том случае, когда он был настоятелем монастыря; а для лучшей учителям выгоды, дозволено учителю какого-либо ординарного класса быть вместе учителем и экстраординарного: потому что в таком случае он получал жалованье за оба класса¹²⁶. В 1807 году, когда оклад академии увеличен вдвое, на жалованье наставникам отделено из общей суммы дохода 4,342 руб. Но кроме того академические наставники, два или три раза в году, перед Пасхой и Рождеством Христовым, а иногда и перед каникулами, получали награды, сообразно с трудами каждого. В следующей таблице мы представим ведомость с распределением жалованья и наград между наставниками в 1800 и 1807 годах:

1800 года	
	Жалованье
Ректору	250
Префекту	250–300

Учителю красноречия: светскому	250
– иеромонаху	200
Учителю риторики и истории	200
– поэзии и географии	180
– синтаксисы и 2-й ч. арифметики	160
– грамматики и 1-й ч. арифметики	140
– высшей информатории	100
– низшей	100
– французск. и немецкого языков	200
Инспектору студентов	300

Учителям еврейского языка и нотного пения – жалованье учителя философии, которая соединена с красноречием.

1807 года

	Жалованье	Награды к Пасхе	к вакации	Всего в год
Ректору, арх. Флавиану	250	–	–	250
Префекту, арх. Израилю	127	–	–	
Философии учителю, арх. Порфирию	300	–	–	300
Риторике высшей, соб. иер. Мисаилу	300	30	50	380
Риторике низшей, свящ. Дьяконову	–	–	50	50
Латинск. низшего, Бедринскому	300	30	200	530
Латинск. высшего, Вигилянскому	–	–	50	50
Греческого языка, Тихомирову	300	30	30	360
Немецкого языка, Кораллову	–	–	50	50
Французск. языка, протоиер. Налимову	–	–	50	50
Медицины, И. С. Боку	–	–	100	100
Учителю рисования, Ливенцову	150	30	25	205
Учителю архитектуры, Петрову	150	–	25	175
Учителю архитектуры, Малиновскому	300	30	30	360

2) На содержание воспитанников: а) на содержание 100 человек пищей, одеждой и обувью, и других 100 только пищей, в год, в 1800 году положено 5,307 р. 25 к. Утвердив эту статью расхода, митрополит Амвросий повелел: мясо выдавать в простые дни на больших по три четверти фунта на каждого, а на малых по полфунту, в праздники – первым по фунту, а последним по три четверти фунта; из одежды давать: сюртук, тулуп, камзол и нижнее платье на два года; нанковый халат, по две пары белья, косынок и сапог на год. Своекоштные, для соблюдения единообразия в одежде, должны были выбирать материю, и приспособлять покрой платья к одежде казенных воспитанников; б) на жалованье бедным воспитанникам в 1800 г. положено 750 р. В 1807 г. на содержание воспитанников отделено было 14,218 р., следовательно 8,160 р. 75 к. более прежнего.

3) На общие расходы по дому 2,265 руб.

4) На библиотеку в 1800 г. положено 200 рублей в год; но в 1807 г. и эта статья расходов, вместе с библиотекой, увеличена до 4,984 рублей. – Утвердив проект расходов 1800 года, м. Амвросий предписал академическому правлению: «употреблять всевозможное рачение о добром хозяйстве, чтобы студенты и ученики и прочие чины были довольны без излишества и содержимы в чистоте и опрятности». «Нужно – присовокуплял владыка – да и прилично доброму хозяйству иметь остатки для непредвиденных случаев, о чем и стараться.» Остатки эти были, конечно, не велики, однако же были, так что напр. от 1806 по 1807 г. в запасе было экономической суммы 1115 р. 68 к., и остаточной от году 222 р. 16 к., да сверх того, запасов к следующему году оставалось на 3688 рублей.

В 1801 г. академии, по соизволению м. Амвросия, уступлено лаврой пустопорожнее место близ мясного ряда, против лавры за дорогой, в длину 110, а в ширину 13 сажень, в вознаграждение за землю, уступленную академией под Императорский стеклянный завод. Для поддержания экономии, на этой усадьбе были заведены академические огороды, засаживаемые овощами.

Ближайшим назначением экономической суммы было покрытие случайных и непредвиденных нужд; из нее же оказывалось вспомоществование наставникам, в случае какой-

либо нужды и раздавались митрополитом награды. «По-прежнему для праздника разделить на гг. учителей не в счет жалованья сто рублей»– предлагал в подобном случае м. Амвросий (22 апр. 1804 г.) или (в декабре того же года 22 числа): «Алекسانдроневской академии гг. учителям выдать не в зачет жалованья философскому и риторическому по шестидесяти, поэтическому, синтаксическому и грамматическому по пятидесяти, да информатору пять рублей, к прежде назначенным в выдачу пятидесяти рублям». В доле того же года учитель Добронравин просил пятидесяти рублей, в счет жалованья, по случившейся крайней нужде семейства: на прошение м. Амвросием написано: «В уважение похвальных его в обучении трудов дано от меня 25 рублей, да 25 р. выдать не в зачет». В 1806 г. 27 марта: «академическому правлению господам учителям, в ободрение к вящим трудам и в воздаяние за успехи, лично мной усмотренные, при недавно бывшем испытании, не в зачет жалованья выдать из экономической суммы – каждому по двадцати пяти рублей.»

Русские школы, находившиеся под ведением академии

Преосв. м. Амвросий, наблюдая за ходом учения и успехами воспитанников в академии, замечал, что многие ученики низших классов, имеющие хорошие способности и дарования, но по какому-нибудь случаю не успевавшие в латинском языке, исключаются из академии, как неспособные. Не находя этого справедливым и желая дать образование подобным воспитанникам, он предложил св. Синоду, учредить при академии Русскую школу с тем, чтобы священно- и церковнослужительские дети, неспособные к продолжению высших наук и изучению латинского языка, на котором они обыкновенно преподаются, могли, оставаясь при своем природном языке, образовать способности ума своего, и через то с пользой послужить церкви. Св. Синод утвердил это предложение, предписав епархиальным архиереям определять воспитанников русских школ, по окончании учения, на священнические места в селениях и учителями в приходские училища, которые, по Высочайше утвержденному плану народного образования, предположено было завести в казенных селениях. М. Амвросий составил Начертание правил этого учреждения, в котором определены были предметы учения и классические книги, именно:

Предметы учения   Классические книги

Класс 1

Чтение славянской По церковному букварю с сокращенным катехизисом, часослову и печати.   псалтири.

Чтение гражданской По народным книгам: правила для учащихся и руководство к русской печати.   чистописанию.

Чистописание По прописям, изданным от Бантыш-Каменского.

Пение обиходное по По написанию на доске мелом разных обиходных стихов и по нотам.   сокращенному обиходу.

Краткая российская По книжке, изданной для народных училищ.

грамматика
Курс этого класса
оканчивается в год.

Класс 2.

Краткая священная По книжке, изданной для народных училищ.

история и Всеобщую и российскую краткую историю читать по Голбергову география, всеобщая сокращению, употребляя в помощь исторические таблицы и всеобщие и российская.   ландкарты, изданные для народных училищ.

Краткая арифметика и Арифметику читать по народной книге, а пасхалию по сокращению преосв. пасхалия.   Мефодия.

Курс этого класса
оканчивается в два
года.

Класс 3

Краткая логика и По краткой логике и риторике, изданной 1785 г.

риторика российская.
О должности человека По книге, изданной для народных училищ.

и гражданина.
Пространный
катехизис.

О должности пресвитеров По книге, изданной 1796 г.

приходских.
Руководство к чтению По книге, изданной 1779 г.

Священного Писания.
Устав церковный По сокращению печатному 1800 года.
практикой в церкви.

Курс этого класса
оканчивается в два
года.

Учителям руководствоваться книгой, изданной для учителей первого и второго классов в народных училищах.

По указу духовной консистории, от 18 марта 1803 г., учреждена Русская школа, под ведением академии, при Александроневской лавре, и на содержание ее положено 500 рублей в год. Ближайший надзор за ней был поручаем одному из учителей академии или студенту, окончившему курс учения. Смотритель школы был в ней и главным преподавателем; в помощь ему назначался студент богословия, кто-нибудь из певчих архиерейского хора или монашествующих лавры. Кроме лиц, означенных выше в предложении св. Синоду м. Амвросия, в школу присылаемы были дьячки и пономари, для обучения грамоте и уставу, катехизису и нотному пению. Многие из них определялись на дьячковские места, не выдав школы; но, когда приходили просить о посвящении в стихарь, или по другому поводу являлись к митрополиту, он экзаменовал их и отправлял в школу на полгода и на год. Сюда же определяли детей для первоначального обучения отцы, которые не могли заниматься с ними дома; отсюда переводили их в академию, если они оказывались благонадежными к высшему образованию. Число воспитанников было в разные годы не одинаково; напр., в 1807 году оно простиралось до 62; из них 53 причетника и 9 воспитанников, приготавливавшихся в академию. Для этих последних особенно преподавался латинский язык.

Кроме Александроневской Русской школы, под ведением академии состояли, учрежденные по тому же синодскому указу, приходские школы: 1) при церкви св. князя Владимира на Петербургской стороне, под надзором протоиерея Михаила Каменского, с 27 октября 1805 года; 2) при Петропавловском соборе, под смотрением тамошнего протоиерея Стахия Колосова; 3) при Казанском соборе, под ведением протоиерея Федора Семивского; 4) при Кабинетской церкви, под надзором священника Алексея Парвова; 5) при Капитульской церкви, под ведением протоиерея и кавалера Ивана Дюкова; 6) при Владимирской церкви, что в придворных слободах, под ведением священника Ивана Голубева, с 1806 г.; 7) при Богословском Черемнецком монастыре, в Лугском уезде, с 14 октября 1804 г.

Школы эти назначались, ближайшим образом, для обучения певчих придворных, капитульских и соборных Казанских и Петропавловских; но в них отдаваемы были для первоначального обучения и прочие священнические дети. Первые состояли на содержании приходов, а последние – своих отцов. Учителями были священник, церковники и старшие певчие. С преобразованием духовных училищ школы эти закрыты и вместо них учреждены в С.-Петербургской епархии 12 приходских и 5 уездных духовных училищ.

Так Александроневская семинария, переименованная академией, совершила свой путь, с пользой для отечественной Церкви и государства. Первой она доставила многих образованных пастырей, государству – полезных людей, трудившихся, для общего блага, на различных поприщах и степенях общественного служения. Высшие ученые сословия в государстве, Императорская Академия Наук и Российская Академия, приняли многих лиц, обязанных воспитанием здешней академии, в свои действительные и почетные члены: и некоторые из этих членов были потом самыми деятельными споспешниками народного образования. Духовные училища, не только здешнего края, но и отдаленных епархий, получали от нее просвещенных наставников; учебные и воспитательные учреждения столицы и окрестностей – образованных законоучителей и добросовестных надзирателей; народные училища и Медико-хирургическая академия, которая в течение прошедшего столетия наполнялась почти исключительно духовными воспитанниками, взяли надлежащую долю и с здешней академией. Одинаково с прочими духовными училищами и Александроневская академия имела основанием скудость; но любовь к просвещению, трудолюбие и терпение воспитанников ее восполняли недостаток в удобствах жизни и способах образования. Духовные воспитанники привыкают к лишениям разного рода с первого детства: и это составляет для них, подле учебной школы, другую школу жизни, которая знакомит их, еще до вступления в свет, с его нуждами и невзгодами.

В 1788 г. сделан первый опыт выбора лучших воспитанников из епархиальных семинарий для образования к учительским должностям. Успех оправдал ожидания. Первый курс, окончившийся в 1792 г. и образовавший учителей для многих семинарий, представляет ряд блестящих имен, которые произносятся с уважением, – дарований, которым сообщено

направление и открыто поприще для деятельности, – заслуг, которые займут почетное место в истории народного образования. В 1797 г. началась централизация в управлении духовных училищ: все было прекрасно для первого случая; но время, лучший судья всякого предположения и учреждения, открыло и в этом первом опыте недостатки, которые потребовали исправления. Так мы переходим к достопамятной эпохе в истории не только здешней академии, но всех вообще духовных училищ, – к преобразованию их в 1808 году.

Период V. Санкт-Петербургская духовная академия 1809–1856

Отдел первый. Преобразование духовных училищ

«Я желаю, чтобы Комиссия обратила свое внимание на эти училища, чтобы устроить их в прямом смысле училищами истины. Внутреннее образование юношей к деятельному христианству да будет единственной целью этих училищ.»

Слова Высочайшего указа, данного Комиссии духовных училищ, 30 августа 1814 года.

В предыдущем периоде мы уже видели ряд мер к усовершенствованию духовных училищ. Но, по причине скудости средств к выполнению, они не могли быть обширными; а иные, по той же причине, были вовсе неосуществимы. Наконец, Благочестивейший Самодержец, Император Александр I, «даровав новый блеск и силу просвещению гражданскому, отеческим сердцем обратился и к смиренным обителям духовного просвещения, в которых люди, пожертвовавшие небесной мудрости блеском земного счастья и выгодами общежития, посеяли первые семена полезных знаний не только для Церкви, но и для отечества, и в которых юношество, по состоянию родителей, скудное в средствах к своему образованию, более терпением и неутомимостью, нежели обилием пособий, приготавлилось к служению Церкви, в самых обыкновенных степенях важному¹²⁸». По состоянию духовных училищ, надлежало 1) начертать основательный план устройства их, сообразно с целью их учреждения: распространить круг наук, усилить преподавание одних и сократить силу других, соответственно подлинной важности каждой из них для духовного образования; разрозненное по управлению совокупить единством власти и единообразием управления, и устранить затруднения, возникающие от усмотренного несоответствия между способами образования и нуждами, равно как средствами и состоянием духовенства; и 2) изыскать способы к содержанию духовных училищ; потому что и лучший план должен остаться бесполезным, при недостатке способов к выполнению его.

Для первой цели преосвященным митрополитом Амвросием поручено было преосвященному Евгению, епископу Старорусскому, составить план к усовершенствованию духовных училищ. Когда этот план был готов, то Благочестивейший Государь благоволил именным Высочайшим своим указом, данным 29 ноября 1807 года, учредить Комитет об усовершенствовании духовных училищ, предназначив ему три следующие предмета: 1) рассмотреть план к усовершенствованию духовных училищ; 2) сделать предварительное исчисление сумм, потребных на устройство училищ и 3) назначить способы, которыми суммы эти удобнее составить можно. Членами Комитета Высочайше утверждены: Амвросий, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский; Феофилакт, епископ Калужский; духовник Его Императорского Величества, протопресвитер, Сергей Феодорович Краснопевков и обер-священник Иван Семенович Державин; из светских: обер-прокурор св. Синода, д. т. с. князь Александр Николаевич Голицын и государственный секретарь Михаил Михайлович Сперанский. Во исполнение Высочайшего повеления, Комитет, приступив немедленно к соображению предназначенных ему предметов, прежде всего нашел нужным: 1) составить порядок их рассмотрения, чтобы каждый из них в свою черду и в естественной связи мог с большей удобностью быть уважен и чтобы, таким образом, в упражнениях своих сохранить надлежащую целостность и единообразие; и 2) постановить общие начала, с которыми в последующих рассуждениях неуклонно соображаясь, можно было бы тем достовернее судить о каждой особенной части.

Рассматривая различные изменения, произведенные в разные времена в образе учения и управления в духовных училищах, Комитет нашел, что духовные училища, устраиваемые отдельно и без общих правил, не имеют ни общего систематического образования, ни полного устава, ни точной связи их управления с академиями, хотя все это давно признавалось для них нужным. Введение в училищах латинской словесности, хотя в некотором отношении принесло им великую пользу, но исключительное в ней упражнение было причиной того, что во многих из них изучение греческой и славянской литературы, столько необходимой для нашей Церкви, мало по малу ослабевало и, несмотря на меры, предпринятые к восстановлению его, не во всех семинариях находится в надлежащей силе и действии. В самом распределении училищ и расположении предметов обучения нет надлежащей удобности: для епархии, простирающейся часто на большое расстояние и объемлющей более целой губернии, учреждена одна семинария и в ней вмещены все предметы учения так, что круг их, будучи стеснен в одном месте и, простираясь от первоначальных познаний до самых высших наук, не оставляет этим последним

ни надлежащего времени, ни нужного пространства. Все эти недостатки в образе учения местным попечением духовного начальства хотя и могли бы быть отчасти исправлены, но недостаток сумм, назначаемых на училища духовные, полагал неодолимое препятствие его усилиям и усердию. Невозможно содержать училищный дом, учителей, библиотеку, учебные пособия и до 1000 учеников, на 8000 р., – что составляло высший оклад семинарии, простиравшийся и в самых академиях не более, как от 20,460 до 24,000 руб. Несмотря, однако же, на эту ограниченность способов, духовные училища, одушевляемые неизменной ревностью к просвещению, всегда приносили важную пользу, не только в образовании духовенства, но и в пособиях другим учебным заведениям. Главное их назначение состояло в том, чтобы доставить Церкви просвещенных пастырей и учителей закона Божия. По этому назначению училища эти воспитали и образовали множество духовных, с ревностью и успехами подвизавшихся как в высших, так и в низших званиях церковной иерархии. Сверх этого главного предмета, учреждение духовных училищ, предварив во времени все другие учебные заведения, послужило при основании их важным пособием. Первая математическая Московская школа, первая гимназия Санкт-Петербургской Академии Наук и первый круг учения в Московском университете составлены были из воспитанников духовных училищ. Впоследствии, при образовании новых и обширнейших учреждений народного просвещения, были употребляемы те же самые пособия. Учительская семинария народных школ, нынешний Педагогический институт, все прежние врачебные училища, обе медико-хирургические академии, ныне соединенные, наполнялись питомцами духовных семинарий. Сверх этого значительное число их, при учреждении губерний и при других случаях, поступило в разные части Государственной службы. Эта польза духовных училищ, оправданная многолетними опытами, давно уже заставляла помышлять об усовершенствовании и распространении их.

Таковы были предварительные и общие рассуждения, с которыми Комитет приступил к рассмотрению предложенного ему плана от усовершенствования духовных училищ, чтобы в этом рассмотрении иметь верные правила, с которыми бы во всех подробностях можно было сообразоваться. Руководствуясь ими, Комитет принял в основание следующие, о усовершенствовании духовных училищ, общие начала.

Сообразно с главной целью учреждения духовных училищ, которая состоит в основательном и твердом обучении предметам, к духовному званию принадлежащим, все науки, в училищах этих преподаваемые, должны относиться к этому роду учения и открывать во всем пространстве истинные его источники. Следовательно, изучение древних языков и наиболее греческого и латинского, основательное познание языка славянского и славяно-русского, познание древней истории и особенно священной и церковной, познание лучших образцов духовной словесности и, наконец, учение богословское во всех его отделениях, должны занимать преимущественно эти училища. Из этого открывается, что главной целью духовного просвещения должна быть ученость (*eruditio*) собственно так называемая, сколько можно более приспособленная к наукам богословским. И это есть первое правило, на котором должны быть основаны духовные училища¹²⁹.

Духовные училища должны иметь особое управление, независимое от управления гражданских училищ. Разность их установления, предметы учения и сам образ воспитания юношества, Церкви посвященного, делают это различие необходимым.

Управление духовных училищ, нисходя от одного средоточия к окружным академиям, для соблюдения единства и связи, должно обнимать все роды духовных училищ. Это единственный способ сохранить в нем общий порядок и единообразие.

Училища духовные должны быть разделены на столько степеней, сколько различные нужды и состояние духовенства того требовать могут.

Сообразно с этими общими началами и применяясь к общему плану народного просвещения, духовные училища полагаются четырех родов: 1) академии, 2) семинарии, 3) училища уездные и 4) приходские, как предположено было и в плане об усовершенствовании духовных училищ. Духовные академии, не препинаясь в поприще, им предназначенном, первоначальным и так сказать стихийным обучением наук грамматических и исторических, займут в науках богословских и философских пространство, им приличное и станут на чреде просвещения, свойственного высшему духовному образованию. Семинарии, в степени учения, им присвоенном, доставят академиям воспитанников, уже сведущих в словесных науках и отличившихся успехами; доставлять Церкви служителей, имеющих достаточное познание, соразмерно классу мест, им

назначаемых. Училища уездные, сблизясь с учением домашним, дадут родителям лучшие способы, и с меньшим иждивением, наставлять детей в познаниях, свойственных возрасту и назначению их. Наконец, училища приходские распространят в самые села и деревни отрасли единообразного и методического учения, и рассеянное под частным и нередко недостаточным призрением юношество соберут и соединят под общий и единообразный надзор. Управление, нисходя от Комиссии духовных училищ, как общего средоточия, к академиям, а от них простираясь до самых последних разрядов духовного воспитания, с удобствами единства представит достаточные способы к единообразному надзору в порядке их учения и экономии.

Начертание правил об образовании духовных академий

Предмет установления академии – троякий: 1) образование духовного юношества к высшим духовным должностям; 2) распространение и поощрение учености в духовенстве своего округа и 3) управление училищ своего округа. По этим трем предметам академия делится на следующие главные отделения: первое содержит в себе учебную часть академии, или академический институт.

Предметы учения в академиях: 1) Класс словесных наук: эстетика или теория изящных писмен, во всем ее пространстве; всеобщая философская грамматика, или аналитика слова; практическое упражнение в сочинениях. 2) Класс исторических наук: всеобщая история и хронология, греческие и российские, наипаче церковные, древности; история церковная, особенно греческая и российская. 3) Класс математических наук: высшие части как чистой, так и прикладной математики. 4) Класс философских: теоретическая и практическая физика; полный курс метафизики и философская история, во всем ее пространстве. 5) Класс наук богословских: богословие во всех его частях: догматическое, нравственное, полемическое, герменевтика и гомилетика; каноническое и церковное право православной церкви. 6) Класс языков: продолжение наставлений в языках еврейском, французском и немецком и аналитическое чтение труднейших авторов на языках греческом и латинском. Предметы учения, положенные в этом плане, все относятся к одной главной цели и принадлежат непосредственно к наукам, духовному сану наиболее соответственным. Одни из них введены вновь, другим даны большие объем и сила. Греческому языку назначена одинаковая сила с латинским. При академии положено быть шести профессорам и нескольким бакалаврам: примерным штатом академии положено быть 12 бакалаврам, по два при каждом профессоре.

Курс учения продолжается четыре года и разделяется на два срока. По окончании курса производятся экзамены, по которым студенты разделяются, для выпуска, на два разряда: студенты первого разряда получают при выпуске степень магистра и те из них, которые останутся в духовном звании, получают, вместе с аттестатом, знак отличия (малый крест, носимый в петлице, на золотой цепочке); а вступающие в гражданскую службу производятся, при определении их, в чины, званию магистра присвоенные; студенты второго разряда получают при выпуске звание кандидата богословия и имеют преимущество, в определении к местам, перед студентами семинарий.

Второе отделение содержит в себе установления к распространению и поощрению учености в духовенстве. На сей конец учреждено особое общество ученых людей, составляющих академическую конференцию. В ней присутствуют епархиальный архиерей, ректор академии, все профессора, почетные члены, находящиеся в месте пребывания академии и избираемые ей как из духовных, так и из светских особ. Предметы ее: цензура духовных книг: для этого при конференции составляется Комитет из трех членов конференции, по выбору ее через три года; производство экзаменов в академии как частных, так и публичных и надзор в экзаменах окружных семинарий и – производство в академические степени кандидата, магистра и доктора богословия.

Третье и четвертое отделения академии имеют предметом своим внутреннее управление академии и внешнее управление окружных семинарий.

Академическое правление, под главным ведомством епархиального архиерея, составляют ректор академии, один из профессоров академии, назначаемый по выбору их ежегодно, и эконо. Предметы его: определять и увольнять наставников академии; выдавать студентам аттестаты; содержать списки студентов и пеших об устройстве учения в академии.

Управление семинарий, отчисленных к С.-Петербургскому духовно-учебному округу, составляется из ректора академии, двух членов академического правления и двух членов конференции.

В руководство для академической конференции и академического правления составлен членами Комиссии духовных училищ, М. М. Сперанским и преосв. Феофилактом Проект устава духовных академий. В 1809 г. 9-го февраля М. М. Сперанский, внеся в собрание Комиссии общее введение к академическому уставу и первую часть оного, представил Комиссии, в виде отчета о плане, которому он следовал, что он счел нужным, прежде всего, определить с возможной точностью общие начала, с которыми во всех частных распоряжениях должно сообразоваться.

Начала эти изложены в общем введении в академический устав. Приступив от них к подробностям академического учения, он разделил все предметы, сюда принадлежащие, по свойству их, на три рода, сообразно с самым начертанием духовных училищ, отнеся к первому роду управления, присвоенные академиям – управление внутреннее, внешнее, которого действие относится к округу, и общее, которого цель состоит в распространении духовного просвещения во всем учебном округе. Предложив эту часть и, вскоре за тем составленные преосв. Феофилактом¹³⁰, прочие части устава академической конференции, Комиссия духовных училищ, согласно с предположениями М. М. Сперанского, оставила его на первый курс, в виде проекта. Вследствие этого поручила академической конференции и правлению представлять ей все те случаи, где этот проект окажется или не полным или неудобоисполнимым, с мнением о нужных исправлениях. Но в то же время Комиссия обязала правление, без точного ее разрешения, не вводить ничего противного этому уставу. Определение различий и изъятий, которые, по уважению настоящего положения академии, на время по необходимости должны быть допущены, и постановление на них нужных правил, поручено ректору академии, который должен представлять их на рассмотрение Комиссии, через посредство преосв. митр. Амвросия¹³¹. Последовало то, чего и надлежало ожидать. С открывшимися новыми нуждами сделаны в проекте, по предложению преосв. митр. Амвросия, изъятия и дополнения; именно в статьях: о порядке рассуждений и решений правления в случае болезни членов его, о порядке в исполнении журналов правления, о распределении студентов на разряды и производстве в магистры, о порядке в студенческой столовой и о праве ежегодно исключать ленивых учеников, и введена новая статья относительно допуска к слушанью академических лекций посторонних людей гражданского и духовного состояния. В этом виде проект устава удостоен Высочайшего утверждения 20 авг. 1814 г.¹³² и тогда же напечатан.

Исчисление сумм для духовных училищ и способы к составлению их

Чтобы открыть количество сумм, потребных для училищ, в предполагаемом для них устройстве, Комитет признал нужным определить число духовных академий и училищ и составить примерный штат их.

Комитет предположил сохранить существующее число академий – четыре; семинарий, по числу тогдашних епархий, полагалось 36; уездных училищ круглым и самым высшим числом – 10 в каждой епархии, след. 360; приходских 30 в каждой епархии, следов. 1080. Семинарии и училища, по разности цен в разных епархиях, разделены на три разряда, с окладами высшими, средними и низшими. В числе профессоров и учителей, равно как в окладах их, Комитетом предположено нарочитое уменьшение против университетов, в том уважении, что в плане образования училищ предположено было соединять наставническую должность с другими духовными званиями, приносящими доход. Поэтому примерно назначено было: на академию Киевскую, Московскую и Казанскую по 55,800 рублей на каждую; на С.-Петербургскую, по причине возвышенных цен на все вещи против прочих епархий, 67,000 рублей: что вообще составит 234,400 рублей; – на семинарии высшего разряда, по 17,000 рублей на каждую; на С.-Петербургскую же 19,900 рублей; среднего разряда по 14,375 рублей, низшего 12,850 р.: по этому положению все 36 семинарий будут стоить 517,000 рублей; – на уездные училища высшего разряда по 1500 рублей; в С.-Петербурге же на одно училище 2750 рублей, а в прочих городах этой епархии по 1900 рублей; среднего разряда по 1200 руб.; третьего по 950 рублей: что в сложности составит сумму в 420,850 руб.; – приходские училища, полагая на каждое в первом разряде по 550 рублей, в С.-Петербургской же епархии на 4 в С.-Петербурге по 775, а в уездах по 600 рублей; во втором разряде по 475, а в третьем по 400 рублей, будут стоить 497,200 рублей. По этому исчислению сумма для всех академий, семинарий и училищ в 36 епархиях простиралась до 1,669,450 рублей; а за вычетом суммы 338,863 рублей 25 коп., отпускаемых с 1807 года из казны на духовные училища, потребны были в дополнение 1,330,586 рублей 75 копеек¹³³.

Изыскание способов к составлению этой суммы производилось в одно время с изысканием способов к содержанию белого духовенства. Исчислено, что сумма причтов, разделенных на 7 разрядов, будет простираться до 7,101,400 рублей. Из четырех способов к составлению этой суммы, первый – платой за мирские требы показался тягостным для народа и неудобным; второй – назначением оклада с каждого прихода в пользу церковного причта – затруднительным и неудобозаменимым посредством другого, легчайшего способа, именно через извлечение этой суммы, вместо непосредственных поборов с народа, из других источников общего государственного дохода – остались применимыми еще два способа: отделением сумм экономических, принадлежащих церквам, и назначением постоянного оклада из общих государственных доходов. Из сумм первого рода, именно наличных, собранных в течение прошедшего времени, хранившихся при церквах и простиравшихся, по исчислению Комитета, до 5,600,000 руб., предположено отделить пятую часть, то есть 1,120,000 руб., на устройство духовных училищ; а из доходов, которые могут составиться с остальных частей этого наличного капитала, обращением его в банке, производить постепенно устройство окладов священно- и церковнослужителям. Кроме того, церкви имеют свой ежегодный доход, от которого, за внутренним его употреблением на церковные потребности, также могут быть остатки. Так как эти остатки не могли быть значительными, по малости церковных доходов: то предположено усилить церковные доходы, возвратив церквам, издревле принадлежавшее, но остававшееся без действия, исключительное право продажи тех восковых свеч, которые употребляются в церквах¹³⁴. Восстановлением этого права эта часть доходов могла, по исчислению Комитета, возрасти до 3,000,000 рублей на каждый год.

Отпуск ежегодной суммы из государственных доходов будет уже дополнением к способам, означенным в предыдущей статье. По расчислениям Комитета, он мог простираться, в первые шесть лет, в которые предположено образовать только один Санкт-Петербургский округ, чтобы дать время увеличению экономического капитала, через обращение в банке и приготовить наставников для других академий, – до 1,353,000 рублей. Таким образом проект суммы на образование и содержание духовных училищ имел следующий вид:

1) Пятая часть наличного экономического капитала, отделенная для училища, именно 1,120,000 рублей, будучи оставлена 6 лет в обращении банка, в конце этого срока составит 1,500,906 рублей.

2) Ежегодный капитал, составляемый из церковных и главным образом, свечных доходов, начиная со второго года, после того, как предположенное право церкви воспримет свое действие, в течение 5 лет обращаясь в банке, составит 16,576,894 рубля.

3) Из суммы 1,353,000 руб. одна часть, 352,200 руб., употребляема будет по мере устройства училищ Санкт-Петербургского округа на содержание их; а остальная, до 1,000,800 рублей, может обращаться в банке и, в течение 6 лет, составит 6,871,218 рублей. Количество это составит даже и в том предположении, что предназначаемые на устройство училищ 352,200 рублей, каждый год все для этого предмета будут употребляемы, а для составления капитала будет отделяемо только по 1,000,800 рублей. Но как училища должны быть открываемы постепенно, и, следовательно, не все 352,200 рублей будут издерживаемы: то от остатков, имеющих открываться каждый год, означенный капитал в течение 6 лет получит нарочитое приращение, которого меру однако же нельзя было наперед определить, по неизвестности, как училища в это время имеют быть устроены.

Таким образом, в течение шести лет, составит для содержания всех духовных округов капитал около 24,949,018 р.

По истечении первых шести лет, способы к содержанию духовных округов должны состоять:

1) из дохода с капитала 24,949,018 р., который равняется 1,247,450 рублям;

2) из ежегодного отделения церковных доходов, получаемых от свечной продажи, за внутренним их употреблением, по 3,000,000 р.;

и 3) из временного пособия от казны, до увеличения собственных духовно-учебных сумм, вместо 1,353,000 рублей, по 2,000,000 рублей ежегодно (в 1816 году оно пресеклось¹³⁵).

В 26-й день июня 1808 г. – день приснопамятный для отечественной Церкви – блаженной памяти Государь Император Александр Павлович благоволил Всемиловитейше утвердить план о преобразовании духовных училищ и проект изыскания сумм на их содержание. Святейший Синод, в чувстве признательности к Венценосному Покровителю Церкви, испросил Высочайшее дозволение, принести Его Императорскому Величеству всеподданнейшую благодарность от лица всей Российской Церкви за дарованные ей новые способы к утверждению и процветанию, и имел счастье исполнить это 22 июля того же года, в Петергофском дворце. Первенствующий член св. Синода, м. Амвросий, от лица всего священного Собора, в краткой речи, выразил перед Его Величеством чувства благодарности и преданности за высокий Монарший подвиг, совершенный Им на пользу Церкви¹³⁶. Государь Император, по выслушании речи, изъявив в милостивых выражениях Монаршее попечение о науках и желание видеть их в отечестве возвышенными, соизволил суждение Свое заключить этими достозамечательными для духовенства словами: «Я, предоставляя выгоды для духовных училищ, имею в виду то удовольствие, что они, и при распространении общенародного просвещения, всегда будут стараться идти, по прежнему, впереди»¹³⁷.

Покрытие случайных расходов при образовании С.-Петербургской духовной академии и училищ С.-Петербургского округа

По предварительным распоряжениям, сделанным Комиссией, предполагалось, в первой трети 1809 года образовать духовную академию и семинарию, а в течение одного – уездные и приходские училища, во всех епархиях, которые причислены к С.-Петербургскому округу. Но когда Комиссия начала приводить в действие свои приготовительные распоряжения, то открылись разные предметы расходов, на которые в штатах, составленных Комитетом, не положено никакой суммы, как-то: на исправление некоторых училищных зданий, на снабжение академий, семинарий и всех вообще училищ классическими книгами и на заготовление потребных вещей для студентов, по экономической и учебной части. По существу, этих предметов ясно само собой, что они, как издержки единовременные, не могли войти в состав тех штатных положений, которые в Комитете были сделаны.

Сверх этих единовременных издержек, Комиссия увидела необходимость возвысить штатные оклады некоторых профессоров и учителей. В окладах должностей этих Комитетом положено нарочитое уменьшение: это сделано в том предположении, что должности профессоров и учителей будут занимаемы духовными лицами, кои все, монашествующие ли, или из белого духовенства, имеют, соответственно знанию их, еще другие места, приносящие доход. Но как Комиссия, для первоначального образования академии и семинарий, признала нужным, к преподаванию некоторых учебных предметов, пригласить ученых людей из гражданского сословия: то те оклады, которые, по изъясненному уважению, предполагались достаточными для духовных, оказались, для профессоров и учителей гражданского состояния, низшими и требующими необходимого прибавления.

Для покрытия этих расходов, Комиссия не нашла нужным просить новых пособий от казны, имея ввиду свои собственные способы.

Способы эти состояли в употреблении остатков от тех 352,000 руб., которые Его Императорское Величество изволил предназначить на устройство училищ С.-Петербургского округа. Остатки же этой суммы могли произойти: от уменьшения количества приходских и уездных училищ, против примерного назначения одного Комитетом; от постепенного их устройства и, напоследок, от неполного, при начальном образовании, комплекта студентов академии и семинарий.

Представление Комиссии, об удовлетворении вышеизъясненных и других, тому подобных, издержек, впоследствии произойти могущих, употреблением всех остатков, какие только от означенных 352,000 рублей открыться могут, Высочайше утверждено 22 января 1809 года¹³⁸.

Отдел второй. Преобразование и первый учебный курс Санкт-Петербургской духовной академии. 1809–1814 г

«Остаюсь уверенным, что этот вертоград наук даст в свое время плоды обильные; поскольку принял семена благие и расцвел под непосредственным влиянием искусных зрителей.»

Слова Высочайшего рескрипта преосвященному Амвросию, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому, 27 августа 1814 года.

После того, как Высочайше утверждены были Государем Императором проект преобразования духовных училищ и примерные штаты их, Комиссия духовных училищ, Высочайше утвержденная 26 июня 1808 г., приняла на себя все заботы о приведении проекта в действие. Преобразование положено было начать Санкт-Петербургским учебным округом, ограничиваясь, в течение первых шести лет, устройством академии, семинарий и училищ здешнего округа, по новому плану. Преосвященный м. Амвросий и архиепископ Феофилакт составили, по поручению Комиссии, примерное начертание о образе устройства и открытия С.-Петербургской духовной академии, семинарии и уездных училищ здешней епархии, подробные штаты этих училищ и надлежащий распорядок к помещению в академии студентов в новом устройстве. Предположения их, приведенные потом Комиссией в надлежащее действие, состояли в следующем: по тесноте зданий академических в состав первого курса назначить только сто человек студентов. Студентам богословия, обучающимся в Александроневской академии, произвести испытание, и недостающее число к составлению академического института, дополнить из других академий и семинарий. Присылаемые студенты должны быть с отличной способностью к наукам и доброго поведения, окончившие философский курс и знающие, кроме латинского, другой язык, греческий, французский или немецкий, но не старше 22-х лет. Учителя и студенты, имеющие отличные способности, благонравие и знание других языков, кроме латинского, ежели пожелают, могут быть предпочтительно в академию присылаемы, хотя бы были и старше вышеозначенных лет¹³⁹. По произведении означенного испытания студентов богословия, обучающихся в здешней академии, 7-го ноября 1808 года, семь человек оказались способными к продолжению учения в новой академии; остальных, 93 студентов, Комиссия положила истребовать из других академий и семинарий, именно: из академий: Киевской 3, Московской 7, Казанской 5; из семинарий: Троицкой 7, Ярославской 5, Псковской 2, Тверской 6, Рязанской 5, Черниговской 5, Екатеринославской 2, Полтавской 2, Калужской 4, Смоленской 3, Нижегородской 4, Владимирской 4, Севской 4, Тульской 4, Костромской 4, Вологодской 2, Архангельской 2, Белгородской 2, Тамбовской 2, Пензенской 2, Вятской 3, Могилевской 2 и из Харьковского коллегиума 2.

Для учинения предварительного надлежащего распоряжения, по хозяйственной части, к открытию академии, Комиссия, определением от 12 ноября 1808 г., положила составить Временное академическое правление, назначив для него ректора академии, архимандрита Евграфа и, по согласию преосв. м. Амвросия, казначея Александроневской лавры, иеромонаха Иракия, которому повелено быть в должности эконома, впредь до избрания в звание это из профессоров, монашествующих или священников. Временное правление тогда же вступило в отправление своих обязанностей и, по примерному штату академии, заготовило необходимые вещи.

Комиссия, между тем, озаботилась приисканием профессоров для новоучрежденной академии. Труд этот разделен был между членами ее таким образом, что каждый из них принял на себя заботу образовать один академический класс, вследствие чего и назывался Протектором этого класса. Преосв. м. Амвросий озаботился богословским классом; обер-священник И. С. Державин – классом исторических наук; князь А. И. Голицын – классом математических наук и новейших языков; М. М. Сперанский – классом философских наук и древних языков. В рассуждении новейших языков, Комиссия постановила незыблемым правилом, чтобы учителя их были природные французы и немцы. По важности класса словесных наук и по обширности сведений и изящному вкусу, которые для преподавания их иметь нужно, Комиссия просила члена ее Феофилакта, архиепископа Калужского, принять на себя образование оного, таким образом, чтобы бакалавр, которого выбор Комиссия предоставила в полную волю его преосвященства, читал уроки по предварительным его наставлениям и под непосредственным руководством. Преосв. Феофилакт изъявил на это свое согласие и представил конспект по этому классу, что

было принято Комиссией с истинной признательностью. Обер-прокурор св. Синода довел об этом до сведения Государя Императора, и Его Величество изъявил за это преосвященному Высочайшее Свое благоволение¹⁴⁰.

Первыми профессорами первого академического курса были: 1) по классу богословских наук ректор архим. Евграф, утвержденный Комиссией в звании профессора; 2) философских – Фесслер; 3) словесных – архиепископ Феофилакт; 4) исторических – Я. В. Орлов; 5) математических – академик С. Е. Гурьев и 6) языков – еврейского Фесслер, греческого Скинас, немецкого Отто Смольяно и французского де Бое.

Что касается до бакалавров, то Комиссия по этому предмету приняла предположение преосвященных м. Амвросия и архиепископа Феофилакта об истребовании из других семинарий некоторых учителей, известных со стороны способности, именно: из Святотроицкой – учителя риторики, иеродиакона Филарета Дроздова (ныне преосв. митрополит Московский), греческого языка Семена Платонова и грамматики Федора Александрова¹⁴¹; из Ярославской – учителя богословия Ширяева; из Калужской – учителя философии и префекта Зарецкого; из Харьковского коллегиума – Якова Толмачева и из Вифанской семинарии – префекта, иеромонаха Евгения Казанцова.

Приняв профессоров и бакалавров, предложенных протекторами, Комиссия обязала каждого из них, представить конспект, по каким именно классическим книгам предполагает он преподавать уроки свои студентам, и с каких предметов начать их обучение, чтобы недостаток в сведениях касательно учебных предметов и языков, которые для академии по новому плану назначены и которые прежде в оных не были преподаваемы, не был препятствием ко введению студентов в поприще академического учения. Конспекты эти должны были быть внесены в Комиссию на общее ее рассмотрение и уважение¹⁴². К соисканию бакалаврского звания допущены были, кроме вытребованных из разных семинарий, учителя здешней бывшей академии – Дмитрий Воронов, Андрей Иванов и Дмитрий Малиновский, и также представили конспекты разных наук, по собственным каждому особым сведениям и склонности. Из присланных учителей иеродиакон Филарет представил конспект словесности; Зарецкий – теоретической философии: тот и другой на латинском языке; Александров, по склонности к поэтическим сочинениям, представил свой конспект словесности в стихах, под заглавием: Взгляд на путь к Парнасу, и присовокупил к нему несколько духовных стихотворений собственного сочинения. По рассмотрении конспектов, означенные учителя получили следующее назначение, сообразно с степенью показанных ими познаний: 1) иеромонах Филарет определен инспектором семинарии и профессором философских наук, с званием академического бакалавра; 2) иеромонах Евгений бакалавром академии, по классу философских наук, иером. Леонид – словесных, Орлов – исторических наук, Платонов – греческого языка; 3) Толмачев, Воронов, Малиновский и Иванов – учителями в здешнюю семинарию¹⁴³; 4) Александров (в монашестве Феофан) и Ширяев (в монашестве Феофилакт) получили назначение соответственно их познаниям и званию; впоследствии первый был ректором Казанской академии и профессором Казанского университета; скончался Донским архимандритом. Феофилакт скончался Костромским епископом.

В январе 1809 г. собрались студенты, имеющие составить академический институт. До открытия академии преосв. м. Амвросий поручил правлению занимать их повторением, чему обучались или пересмотрением, в чем упражнялись; а для надзора за ними назначен был вице-инспектор, учитель немецкого и французского языков, Скородумов.

Февраля 4-го архимандрит Евграф утвержден ректором в новоучреждаемой академии. Февраля 6-го Комиссия поручила ему сделать прибывшим студентам надлежащее испытание в знании их и способностях, поставя ему на вид, чтобы, при этом испытании, он обращал внимание на природные их дарования и способности и потом донес о том преосв. митрополиту. Митрополит, по получении такого донесения от ректора, долженствовал внести оное в Комиссию, для надлежащего распоряжения с студентами, которые оказались бы неспособными к академическому учению, и для замены их другими.

Так как некоторые из посторонних людей, гражданского и духовного состояния, просили о допущении их к слушанию академических лекций: то, по предложению правления, Комиссия предписала допускать их, но не иначе, как по испытании правлением способности их к сему. Если же кто изъявлял желание слушать неполный курс, а только лекции по некоторым предметам, то предписано было отсылать такого к профессорам или бакалаврам, чьи лекции он

хочет слушать, и, ежели они найдут его способным, то дозволено допускать его к слушанию избранных им лекций. Причем предписано академическому правлению строго наблюдать, чтобы от великого числа посторонних учащихся не потерпели в учении штатные академические студенты. Поэтому оно должно иметь верный список всех сверхштатных учащихся. Если кто-либо из посторонних учащихся замечен будет или в поведении с дурной стороны, или беспонятным, нерадивым и неспособным к продолжению наук академических: то правление, по получении об этом сведений от профессоров или инспектора, имеет немедленно удалить такого слушателя из академии¹⁴⁴.

Февраля 17-го 1809 г. открыта Санкт-Петербургская Духовная Академия с приличным духовным обрядом. Члены Комиссии духовных училищ, по предварительном их извещении, собравшись у преосв. митрополита Амвросия в 10 часов утра, прибыли потом в академическую залу, где и встречены Временным академическим правлением. По окончании водоосвящения и благодарственного молебна, с провозглашением многолетия Его Императорскому Величеству и всему Августейшему Его дому, правитель дел Комиссии читал Высочайший указ святейшему Синоду, данный 26 июня 1808 г., об учреждении Комиссии духовных училищ, и по занятии членами назначенных для них мест, – определения Комиссии об открытии Академии и Введение в устав духовных академий. Затем, старшими и почетнейшими членами академического сословия – ректором архимандритом Евграфом и профессором С. Е. Гурьевым прочитаны были: первым – вступительный богословский урок «О божественном происхождении христианской религии, счастии народа, на основании ее долг свой блюдущего, достоинстве и евангельской истине исповедания Греко-российской Церкви и настоящих преднамерениях к усугублению истинного просвещения»; последним – рассуждение «О математике и ее отраслях», которое в том же году, по Высочайшему повелению, и напечатано было. В то же время Комиссия, в присутствии своем, определила: Академическому правлению, составленному из ректора архим. Евграфа и лаврского иеромонаха Ираклия, воспринять с того же дня свою силу и действие, на основании академического устава; а профессорам начать учение по конспектам, одобренным Комиссией; наконец, об открытии Академии довести до сведения Его Величества, Государя Императора. 1-го июля того же года открыты Конференция и Внешнее акад. правление. В состав первой, кроме акад. профессоров, которые по самому званию суть члены конференции, Комиссия избрала и определила пять особ из духовенства, известных со стороны просвещения, трудолюбия и готовности исполнять поручения, на них возложенные, именно: С.-Петербургского Петропавловского собора протоиерея Стахия Колосова; бакалавра словесных наук иером. Леонида; ректора С.-Петербургской семинарии иером. Анатолия и протоиереев: Сергиевской церкви Иоанна Данкова и Владимирской Иоанна Голубова. Из этого числа протоиерею Колосову и бакалавру иером. Леониду поручено присутствовать во Внешнем акад. правлении, а ректору семинарии Анатолию и протоиереям Данкову и Голубову в Цензурном комитете...¹⁴⁵

Исправляющим должность конференц-секретаря назначен, вытребованный из Харьковского коллегиума, учитель Яков Толмачев, бывший после профессором словесности в С.-Петербургском университете.

**Постановление о методе преподавания наук в духовных академиях и
конспекты уроков, одобренные комиссией духовных училищ для первого
учебного курса С.-Петербургской духовной академии**

Добрая метода учения состоит в том – сказано в проекте устава дух. академии – чтобы способствовать к раскрытию собственных сил и деятельности разума в воспитанниках; а поэтому пространные изъяснения, где профессора тщатся более показывать свой ум, нежели возбуждать ум слушателей, доброй методе противны. По этой же самой причине противно доброй методе диктование уроков в классе.

В добром учении необходимо нужно требовать в уроках самых строгих отчетов, и заставлять студентов самих изъяснять истины, им открытые, вызывая их к тому задачами и вопросами и исправляя тут же их погрешности.

Собственное упражнение студентов в сочинениях есть одно из существенных правил доброй методы; но сочинения эти должны быть всегда сопровождаемы от профессоров здоровой критикой.

Указание лучших источников домашнего чтения и отчет по временам в этом чтении, принадлежит также к доброму учению¹⁴⁶.

Относительно преподавания наук постановлено правилом, чтобы авторы и учебные книги профессоров были в своем роде самые лучшие, и чтобы они всегда держались на одной линии с последними открытиями и успехами в каждой науке¹⁴⁷.

1. Класс богословских наук

По преподаванию богословских наук Комиссией утвержден был следующий конспект, составленный профессором этого класса и ректором академии, архимандритом Евграфом Музалевским:

1) Догматическое Богословие

Учебная книга: Система православного богословия, Феофана Прокоповича, сокращенная бывшим ректором Киевской академии, Иринеем Фальковским; при ней: *Animadversiones propriae ad methodum eclecticam-syntheticam*.

Пособия: 1) *Francisci Buddei, Institutiones Theologiae Dogmaticae*; 2) *Hollazii, Examen theologicum acroamaticum*; 3) *Turretini, Institutio Theologiae elenchicae*; 4) *Sardagni, opera theologica* и 5) *Auctores alii, quorum non tam numerus, quam usus et utilitas doctori perspectus est*.

Примечание. Профессор наук богословских непременно почитает для себя обязанностью, не только принимать толкования и объяснения догматов веры от писателей иноверных, которые согласны с первоначальной нашей Церковью. Поэтому он намерен наипаче держаться учения св. Отцов первенствующей, как Восточной так и Западной Церкви, и их свидетельства имеет извлекать из самых источников и предлагать на твердое замечание своим слушателям.

2) Богословие нравственное

Учебные книги: 1) Вторая часть православного учения, епископа Феофилакта; 2) Schuberti et Buddei, Institutiones theologiae moralis.

3) Полемическое богословие

Учебные книги: 1) Buddei, Isagoge; 2) Ernesti Schuberti, Theologia polemica; 3) Langii, Causa Dei; 4) Ejusdem, Haeresiopoieya.

Примечание. Представить заблуждения безбожников, еретиков и раскольников, древних и новейших, показать случаи, начало и намерения лжеучителей, исторически и в порядке систематическом – примет на себя профессор.

4) Священная герменевтика в пространном ее значении

Учебные книги: Руководство к чтению Священного Писания, м. Амвросия и Buddei, Institutiones hermeneuticae.

Пособия: Отцы церкви, толкователи свящ. Писания на языке отечественном; на латинском – Озиандр, Тирин, Вейт, Калмет, Critica sacra и проч.

Примечание. Профессор богословия знает, что царствие Божие – не в слове, а в силе заключается, что письмо убивает, а животворит дух един. Почему он, при чтении Писания, literalным его смыслом, как стихийным, не везде быть может доволен.

5) Гомилетика

Учебные книги: 1) Buddei, Institutiones theologiae homileticae; 2) Telleri, Institutiones etc.

Чтение и аналитическое рассматривание св. Отцов первых пяти столетий и сочинение проповедей.

Примечание. Богословский класс занимаем был, в течение 6 лет, разными наставниками. Естественно, что в представленном нами конспекте богословских уроков делаемы были последующими наставниками изменения, сокращения и дополнения. Поэтому считаем не лишним, для обстоятельного обзора порядка и направления, в каких преподаваемы были науки, в течение первого академического курса, представить по чтению некоторых наук экзаменские конспекты.

По чтению герменевтики – профессора архимандрита Филарета. Правильное и полное учение богословия истолковательного располагается таким порядком, что сперва предлагаются общие понятия и главные положения этой науки, а потом приступают к действительному истолкованию Св. Писания, или, что то же, за теорией следует практика. Поэтому предложены были в одно время опыты той и другой, чтобы видны были основания практики в теории и польза теории в практике. А) В теории, по изложению понятия истолковательного богословия, его возможности, даже необходимости в кругу знания и хода его в Церкви христианской, предметом изысканий были: а) основания истолкования общие, б) средства истолкования внутренние, т. е. почерпаемые в самом Св. Писании, с) пособия внешние и d) правила о действительном употреблении открытого в словах Св. Писания смысла. В) В практике пройдено о имени, писателе, времени, предмете, намерении и внутреннем порядке книги Бытия.

В самой книге, посредством разрешения на главные части и некоторых примечательных вопросов, изъяснено было повествование о сотворении мира, сотворении человека, о падении человека со всеми его последствиями и последующее содержание книги Бытия.

Разбор священной книги состоял, в показании связи и порядка в священном повествовании, в изложении буквального смысла текста на основании оригинального текста еврейского, в разрешении встречающихся недоумений, в открытии, под руководством св. писателей, смысла св. истории прообразовательного и внутреннего. Сверх этого, по этому предмету были составлены и преподаны тем же профессором: *Introductiones in singulos libros veteris Testamenti*, *in supplementum libri classici conscriptae* и Опыт истолкования Псалма LXVII, как труднейшего из псалмов.

6) Каноническое и церковное право.

Прочитать всю Кормчую. Но Кормчую нельзя читать без строгой благоразумной критики. Нужно почти везде, а наиболее в важнейших правилах, сноситься с текстом греческим. К яснейшему познанию церковного восточного права могут быть употребляемы: 1) *Pandectae Beveregii*; 2) *Antiquitates Bingliami*, *Cassabutii noticia Ecclesiastica*, *Cavei Historia*, *Historia Alexandri Natalis*, *Archeologia Posseri Graeca*, *Buddei Ecclesia Romana cum Ruthenica irreconciliabilis*; Духовный регламент, с относящимися к нему последующих времен духовно-политическими узаконениями.

Примечание. При чтении этого предмета преподаваны были профессором архим. Филаретом истолковательные примечания на первые тридцать девять правил апостольских. Разбор этот не окончен, как по сокращению времени учебного курса, так и потому, что профессор один нес труды, которые предполагалось было разделять с двумя бакалаврами.

Профессору богословских наук, при первом образовании этого класса, дозволено было Комиссией избрать себе, согласно уставу академии, двух бакалавров: одного для вспомоществования ему в трудах по классу богословских наук, и другого для особенного занятия, изъясненного в следующем предложении Ком. дух. учил. академическому правлению: «Так как нет еще доселе особенного и полного состава частного и единственно до Российской Церкви относящегося канонического права, а между тем по времени и по обстоятельствам вошли в Российскую и нынешнюю Греческую Церковь весьма многие, до существенных пунктов исповедания не относящиеся, изменения: то, по уважению надобности в таких сведениях для учителей Церкви, найдено полезным, поручить способнейшему из бакалавров, выбрать из истории и временных, как древних так и новейших церковно-политических постановлений, положения касающиеся дохода важнейших духовных дел, и представить их в особом, кратком хронологически-систематическом сочинении» (Журн. Ком. дух. уч. 22 дек. 1808 г.). Однако же в продолжение целого 1809 года ректор один нес труды богословского класса; только в 1810 г. янв. 8-го определен был один бакалавр по этому классу, с поручением ему церковной истории и пособия ректору, по преподаванию богословских наук.

2) Класс философских наук

О порядке и духе преподавания философии в академиях, в проекте устава духовных академий, сказано: «Философские науки могут быть преподаваемы так же, как и исторические, в двух разных отношениях. Первое, чтоб дать понятие воспитанникам о разных выражениях, определениях и словах, в философии употребляемых. Его можно назвать философской терминологией и оно составляет первую степень философского учения. Эта степень собственно принадлежит к семинариям. Второе отношение, в котором философские науки могут быть преподаваемы, состоит в том, чтобы изложением о каждом предмете мнений славнейших философов, сравнением их между собой, разрешением и приведением их к общему какому-либо началу дать воспитанникам понятие об истинном духе философии, приучить их самих к философским исследованиям и ознакомить их с лучшими методами таких изысканий. Этот обзор преподавания собственно принадлежит к академии. И, поэтому, профессор философских наук пройдя кратко, для возобновления в памяти студентов, философскую терминологию, должен вести их потом прямо к самым источникам философских мнений и в них показывать им, как первоначальные их основания, так и связь разных теорий между собою.

В толпе разнообразных человеческих мнений есть нить, которой профессор необходимо должен держаться. Эта нить есть истина евангельская. Он должен быть внутренне уверен, что ни он, ни ученики его никогда не узрят света высшей философии, единой истинной, если не будут его искать в учении христианском, что те только теории суть основательны и справедливы, которые укоренены, так сказать, на истине евангельской.

Ибо истина есть едина, а заблуждения бесчисленны. Вообще да не будет никогда в дух. училищах слышимо то различие, которое, к соблазну веры и в укоризну простого доброго смысла, столь часто в школах было допускаемо, что одно и то же предложение может быть справедливо в понятиях философских и ложно в понятиях христианских. Все, что не согласно с истинным разумом Св. Писания, есть сущая ложь и заблуждение и без всякой пощады должно быть отвергаемо. Этим, так сказать, расколом разума от веры вводится та ложная философия, о которой великий учитель языков говорит: блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философией и тщетной лестью, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе. Ащели кто инако учит и не приступает к здравым словесем Господа нашего Иисуса Христа и учению, еже по благоверию, разгордесе, ничтоже ведый, но недугуяй о стязаниях и словопрениях лжеименного разума (Кол. 2, 8; Тим. 6, 4).

При открытии академии преподавание философии поручено было бакалавру иеромонаху Евгению Казанцову. Но когда прибыл из Берлина Фесслер, вызванный Комиссией на класс еврейского языка, и показал отличные сведения в философских науках: то Евгений получил другое назначение, а Фесслер определен профессором философии.

По особенному ли складу ума или вследствие случайных обстоятельств, а может быть по тому и другому вместе, Фесслер показывал особенную склонность к мистицизму. Это направление мыслей обнаруживается во всех его сочинениях: *Ansichten von Religion und Kirchenthum*; *Abalard und Heloise*; *Theresia*; *Bonaventura's mystische Nachte*, *Alonso* и других¹⁴⁸. Само собой разумеется, что это должно было отразиться во всей силе на философии, которую он должен был преподавать своим академическим слушателям. «Под именем философии,» писал он, «понимаю я очевидное знание разума и деятельнейшую жизнь духа; я почитаю религию светом этой жизни и живоносным началом; совершенство духа полагаю во внутреннем гармоническом согласии между разумом, рассудком, воображением и внутренним чувством; совершенство философии поставляю в ее полном единении и сообразности с единой, всеобщей, вечной, божественной религией, которая открыта миру в Иисусе Христе. Для лучшего философского анализа, через всю философскую систему, я точно и решительно различаю разум (*ratio*) от рассудка (*intellectus*), идеи (*idea*) от понятий (*conceptus*). Через разум я понимаю ту силу или способность, которой все дело состоит в идеях, которая, постоянно и необходимо созерцая саму себя, рассматривает врожденную себе идею Бога, бесконечного и невидимого Всецелого; из этой первоначальной идеи производит свои общие идеи и отражает в рассудок (*in intellectu reperactere nititur*), через зеркало сознания, в такой полноте, какая только возможна. Рассудком я называю ту силу или способность, которая отражение идей разума, равно как и представления чувственности, в сознании постигает, объемлет, преображает в понятия; то, что в отражениях

идей необразованно, неопределенно и неограниченно, ограничивает, сигнирует определенной формой; то, что в представлениях чувственности разнообразно и множественно, слагает в единство; дает суд о тех и других. Врожденной разуму, вечной и первоначальной идее о Боге Бесконечном и Всецелом, я приписываю подлежательную и предметную вещественность (*realitatem*), истину и очевидность в отношении к разуму; а понятиям, образованным из нее через рассудок, принадлежит, по моему мнению, только условная вещественность и истина. Предмет непосредственной деятельности для созерцающего разума есть мир невидимый, вечный, божественный, а для отвлекающего и умозаклюющего рассудка мир только чувственный. И так я полагаю, что созерцающий разум может обладать независимым знанием идей, а рассудок только познанием их условным и символическим. Что разум в мире божественном без формы, как бесконечное, неограниченное и неопределенное, созерцает и отражает в сознание: то рассудок, углубляясь в сознание через понятия, приводит в некоторую форму и меру, ограничивает и заключает в пределах; то фантазия оттеняет образами; к тому внутреннее чувство устремляется всякой любовью и желанием. Поэтому я думаю, что философию должно рассматривать в двух отношениях: во-первых, поскольку она есть состояние и навык души (*mentis*) или начало внутренней жизни; во-вторых, поскольку нельзя заимствовать ее извне, т.е. нельзя ни учить ей, ни учиться, следовательно, в этом отношении она есть совершенно внутренняя; и она есть чистое произведение умозаклюющего рассудка, а потому предмет школы – материя ученых исследований, образ мудрствования. В первом отношении философию можно назвать созерцанием и знанием, и любовью духа к тому, что независимо, что самостоятельно, что вечно и бесконечно; во втором отношении я определяю философию через познание умозаклюющего рассудка о бытии существ (*de esse entium*), постижимых, вообразимых посредством идей и понятий. Я говорю 1) познание (*cognitio*), а не знание (*scientia*); ибо через правильное умозаключение, т. е. через доказательство, приобретается только познание, а не знание; 2) познание рассудка умозаклюющего, чтобы различить его от знания разума созерцающего и чтобы мы оное, как простую форму философии, распознавали от философской жизни, т. е. от оного возвышенного и блаженного состояния и навыка человеческого духа. Поставляя существование существ главным предметом систематической философии, я желаю, чтобы разумели под оным пять проблем, решением которых наипаче она занимается: 1) существует ли что-нибудь (*an aliquid sit*)? – существование независимое (*esse absolutum*); 2) суть ли существа (*an entia sint*)? – существование случайное или бытие (*esse contingens seu existentialia*); 3) что суть они? – сущность; 4) – как они суть? – образ бытия и 5) на что они? – конец бытия.»

«Философия, которую я намерен преподавать академическим слушателям, прямо будет направлена к раскрытию и истолкованию внутренней связи, которая находится между религией и философией, между благочестием и образом мудрствования. Она будет рассматривать идеи о Боге, о свободе, о бессмертии души, не как простые постулаты практического рассудка, употребляемые, или для изъяснения некоторых обоюдностей, или для соглашения противоречий, которые находятся в душе человеческой и порядке мира; но поскольку они суть очевидное знание созерцающего разума, которое отвечает в образовавшихся из оных понятиях и составляет самую сущность внутренней жизни человека, как в рассуждении ее отрицательности, так и в рассуждении деятельности.»

Фесслер разделил свою философию на две части: теоретическую и практическую. В состав первой отнесены: логика и метафизика природы, или система необходимых и всеобщих начал и законов, касающихся до идей разума и до существ, которые составляют предметы представительной способности; части ее суть: умственная онтология, физиология природы, умственная космология, умственное Богопознание и эмпирическая психология. Практическую часть составили все те науки, которые рассматривают разум, поскольку он есть вместе благоразумие (*consilium*) и воля, начало деяний, и которые показывают внутреннюю связь между истинным знанием разума и правильной деятельностью, именно: нравственная метафизика (*metaphysica morum*), ифика и естественное право.

Естественно было ожидать, что философия, напоминающая Плотина и Спинозу, встретит возражения со стороны лиц, способных распознать под внешним видом благочестия (*religiositatis*) парения ума, уклонившегося от прямых оснований знания и благочестия, и ищущего для них опоры в праздных и бесплодных созерцаниях одного целого, единицы единосуществующей, которая является во всем и в которой находится все. Член Комиссии, Феофилакт, архиеп.

Рязанский, рассматривавший этот конспект, сделал на него замечания, сущность которых состоит в том, что философия Фесслера, 1) миновав естественный ход познаний человеческих, странным образом производит начало оных от разума, независимо от чувств. Внутреннее ощущение душевных действий и ощущение впечатлений извне, Аристотель, Бакон и Декарт признавали единственной основой философии; потому что произвольные понятия всегда подвержены вопросам и возражениям, а что кто в себе чувствует, в том не только не сомневается, но и никакой софист его в том не переуверит. Опыт доказывает, что человек ничего не знает и знать не может без самочувствования и без ощущения впечатлений извне. Фесслер мыслит об этом совсем иначе. Он говорит, что разум, из врожденной себе первоначальной идеи, произраждает общие свои идеи и отражает их в рассудок, через зеркало сознания. Врожденная первоначальная идея есть произвольное положение, которого Фесслер доказать не может. Может быть, он сошлется на врожденный идеи? Но это не что иное будет значить, как ложь доказывать ложью же. Ибо он и о врожденных идеях судит совершенно ложно, почитая их деятельными и живыми способностями души, действующими независимо от чувств, что опровергается самым опытом. Основавшись на ложном начале о познании души человеческой, Фесслер, для непосредственной деятельности разума, назначает мир невидимый. Но св. Павел пишет к римлянам: невидимая от создания мира творенны помышляема видима суть и присносущная сила Его и Божество (Римл. 1, 20). – 2) Вступает в разноречие с общечеловеческим убеждением: приписывает началам человеческих познаний только условную и подлежательную вещественность и истину. Философ идет совершенно различным путем, нежели геометр: сей трудится над предметами собственного творения и нимало не заботится, существуют или нет в природе начертываемые им фигуры и тела; напротив того философ одождается отыскивать, что есть в самом деле. Предметная вещественность и истина есть цель трудов его и конец исследований: но рассматриваемая философия уничтожает предметную вещественность и явно себя выдает за идеалистическую. По ее началам мыслить и существовать суть однозначительные термины и потому существует только то, что внутренне сознает себя мыслящим; а предметы, извне на нас действующее, не имеют даже и условной вещественности, то есть суть не иное что, как призраки. Фесслер хочет решить следующее вопросы: существует ли что-нибудь? Суть ли существа? От профессора требуется начинать науку с неотразимых начал, а не с сомнения; и обращать в спор только такие положения, какие имеют нужду быть доказанными: кто же сомневается или спорить будет о бытии существ? И наконец – 3) не оправдывает требований, изъясненных в Проекте устава дух. академий, относительно преподавания философии в академиях, как науки, долженствующей быть в постоянном подчинении высшему положительному авторитету. Комиссия дух. училищ предполагала поручить Фесслеру, пересмотреть конспект и, во избежание темноты и запутанностей, происходящих от введенной им новой терминологии, изложить его в яснейшем виде, именно по методу и терминологии Вольфианской. Преосв. Феофилакт представил на это, что терминология Фесслера есть обыкновенная, но он сопрягает с ней мысли преобразованного платонизма, определяя обыкновенные термины необыкновенным образом; что касается до методы Вольфия, то она способствует только к связыванию предыдущего с последующим, но никогда не изменит сущности начал философских¹⁴⁹. Вследствие этого Фесслер был удален из академии и получил новое назначение по службе, состоять при Комиссии о составлении законов, в качестве корреспондента, по предметам уголовного права¹⁵⁰.

Преемник его, Фон-Хорн, огражден в преподавании философских наук учебниками Винклера и Бруккера, руководствовавшихся началами Лейбнице-вольфианской философии. Но, по местам, и он должен был частью дополнять, частью сокращать своих руководителей и нередко заменять целые трактаты собственными рассуждениями, превращаясь из толкователя их в критика, как он сам изъяснял это в след. донесении академическому правлению: «что касается до системы философии: то я ограничен был учебником Винклера, который надлежало изъяснять студентам. Но вскоре удостоверился я, что для достижения цели академии, клонящейся к образованию благонадежных священнослужителей и наставников в духовных заведениях, мне должно делать более, нежели сколько было требуемо. Философия Винклера есть та же самая Вольфова философия, которой более ста лет от роду. Философия нашего времени почти нимало не походить на ту, которая была за сто лет назад. Соотношение между ними такое же, какое между дитятей и мужем. Недостатки, с первого раза ощутительные для того, кто Вольфову философию подвергал испытанию, состоят в том, что она не дает правильного понятия о философии, нравовании, нравственности и праве естественном, не отличает надлежащим образом

математики от философии, в нравственной области поставляет последним началом деятельности внешнее совершенство или благополучие, которое ни в каком случае не может породить чистой добродетели; наконец содержит в себе множество самых бесполезных тонкостей, именно о стихиях вещей или монадах. Итак, если мне в лекциях следовало держаться такого недостаточного учебника: то непременно нужно было приобщать и критику его положениям. По этой причине прилагал я о подобной критике наивящее речение, предлагал учащимся самим изъяснять изустно Винклерову философию, разбирал с ними тщательно все пункты и, напоследок, в кратких обозрениях обнимал все то, что есть полезнейшего и справедливейшего в философии. Этим способом не только отвращены совершенно вредные следствия для образования студентов, могущие произойти из преподавания, теперь почти забытой, философии; но непрерывная критика Винклеровой системы, и беспрестанное сравнение его мнений с понятиями нынешнего века, доставляли еще и ту значительную выгоду, что учащиеся привыкали к философическому размышлению»¹⁵¹. Вследствие представления профессора Фон-Хорна, о недостатках Винклерова учебника, Комиссия духовных училищ поручила ректору, архимандриту Филарету, вместе с профессорами Хорном и Грефе, озаботиться приисканием другого, более благонадежного, руководства по классу философии: выбор их пал на философию Карпе (*Karpi, Institutiones philosophiae dogmaticae et moralis*), которая, прежде того, назначена была учебной книгой для семинарий, а в семинарии введена философия Баумейстера¹⁵².

В преподавании истории философии Фон-Хорн, пополняя недостатки данного ему руководства: *Bruckeri, Institutiones historiae philosophiae, usui academicae juventutis adornatae*), старался знакомить слушателей с воззрениями новейших мыслителей: Бутервека, Эбергарда, Шульце и других, по преимуществу тех, которые старались направлять философические изыскания к подтверждению высоты христианской религии. В то время только что появилась система Канта и, возбуждив всеобщее внимание, разделила мыслителей на две стороны – защитников и противников нового учения. Фон-Хорн принадлежал к этой последней стороне и тем с большей силой, предостерегал молодых слушателей от увлечения новой философией, что она, как он заметил, нашла уже приверженцев в России¹⁵³.

3) Класс словесных наук

Науки эти, так как и все другие – сказано в Проекте устава духовных академий – имеют свою теорию и практику.

Теорию эстетики должно почерпнуть из самых лучших ее источников; а поэтому профессор сего класса должен показать студентам мнения о изящном первых гениев в этом роде, каковы суть из древних – Платон, Аристотель, Цицерон, Гораций, Квинтилиан и Лонгин; из новейших – Фенелон, Роллен, Боало, Зюльцер, Баумгартен, Бюффон, Беккарий и другие писатели, занимавшиеся теорией вкуса и изящного. Показание их теорий должно быть почерпнуто из самых источников, посредством правильных извлечений (analysis), которые профессор должен разделять с студентами, заставляя их самих упражняться в этих извлечениях, и, таким образом, знакомя их ближе с самыми коренными началами этой науки. Это особенно должно разуметь о древних. Объясняя теорию, профессор должен не того в ней искать, чтобы изложить просто и исторически ее правила, но показать психологическое основание этих правил, что и составляет собственно эстетику, науку, которая в самом деле не что другое есть, как приложение философии к словесности. Продолжая идти этим путем, профессор встретит на нем разные философские изыскания о первоначальном образовании человеческого слова: это приведет его к всеобщей грамматике или аналитике слова. Шествуя по стопам Дю-Марсе и других писателей, он откроет в их изысканиях самый обильный источник теории красноречия.

Практическая часть этой науки содержит в себе образцы словесности и собственное в ней упражнение¹⁵⁴.

Программа уроков по этому классу составлена профессором оного, архиепископом Феофилактом¹⁵⁵. Представляем ее в полном виде.

Прежде введения студентов в теорию изящных писем полезным и нужным признается изъяснить им: 1) начало, усовершенствование и расположение человеческого слова и писания; 2) главные свойства слога; 3) расположение и согласие периодов; 4) происхождение и свойства фигурной речи; 5) правила с пользой и красотой употреблять в сочинении тропы и фигуры; 6) расположение речи по всем частям: вступление, предложение, доказывающая часть речи, трогающая часть, заключение, – по руководству доктора Блера, с дополнением из Роллепа и Левизака. Нужда в этой предуготовительной мере основывается на недостаточности и сухости Бургиевой риторики, принятой в руководство во всех почти семинариях. Между тем независимо от превосходного метода г. Блера, каковым он излагает риторические правила, одно повторение их доставит значительную пользу. Блеров опыт риторики имеет быть пройден в полгода; а вслед за этим начнется курс эстетики, по системе Бутервека.

В преподавании теоретической части эстетики профессор руководствуется: 1) Цицероном, *de oratione*; 2) Горацием, *de arte poetica*; 3) Лонгином, о высоком; 4) Квинтилианом; 5) Дионисием Галикарнасским; из новейших: Лагарпом, Жерардом, с приобщением из Монтескю, д'Аламбера, Мармонтеля, Фенелона, кардинала Мори, Шатобриана, Бурке, Батте, Блера, Мейнерса, Ешенбурга и де-Левизака.

В практической части профессор пользуется теми же авторами, но, при изъяснении разных родов словесности, он критическим разбором лучших творений знакомит студентов со всеми писателями, в оных родах отличившимися, как древними, так и новейшими.

Поскольку у всех народов первые писатели были стихотворцы, то, следуя порядку вещей, практическая часть эстетики начнется с стихотворений. Затем – практическая словесность, известная под названием исторической, письменной и дидактической. Профессор разбирает с учениками отборные места из лучших греческих и римских писателей, сличает их с новейшими и показывает преимущество одного перед другим, через приложение мыслей и слога каждого из них к общим началам эстетики и через различение мнимых красот от истинных, которые не зависят ни от обстоятельств, ни от места, ни от предубеждения современников.

Прим. Учение эстетики оканчивается в 2 1/2 г.

В остальные три года, профессор займется единственно дидактическим слогом, который разделяется на ученый и проповеднический. И как по этому предмету нет систематических наставлений, а притом большая часть правил, преподаваемых греческими и римскими ораторами, не могут быть приложены к церковной кафедре: то профессор одолжается составить свою

систему для ученого и проповеднического слога, руководствуясь теми же авторами, которые предназначены для теоретической части эстетики.

Приведя в систему начала истинного красноречия и изъяснив их студентам, с краткой историей греческих и римских ораторов, он раскроет перед ними совершеннейшие образцы оного, прикладывая вкус и здравый смысл к различным красотам, в избраннейших речах и местах из Демосфена, Цицерона, Тита Ливия, Тацита, Салюстия, Квинта Курция, Плиния младшего; – из церковных учителей и в особенности из св. Златоуста, блаж. Августина и Свящ. Писания. Сверх того, не оставит познакомить их с ораторами новейших времен, как то с Паскалем, Боссюэтом, Фенелоном, Флешье, Бурдалу, Массильоном, Соренем и др.; также в пример предложить отечественных проповедников, давно уже известных и вновь открывающихся.

По части ученого слога образцы для подражания имеют быть заимствованы из Фонтенеля, Томаса, Саси, Монтескю, Расина и многих других, отличившихся красноречием, как в иностранных, так и российских академиях и университетах.

Но уметь в образцовых творениях находить и чувствовать высокое и изящное, не значит еще самому быть красноречивым. К достижению этого полезно частое упражнение в сочинении и в публичном сказывании проповедей и речей, что и будет исполняемо по временам без остановки студентов в других учебных занятиях.

Упражнение студентов в сказывании проповедей

В 1811 г. 9 сент. преосвящ. Феофилакт, архиепископ Рязанский, предложил Комиссии: «поскольку по классу словесных наук пройдены уже все теоретические отделения, и студенты, при изучении правил ораторских, преимущественно занимаемы будут сочинением проповедей: то не благоугодно ли Комиссии дух. уч., кроме Александроневской лавры, назначить несколько здешних градских церквей, в которых бывает большое стечение слушателей, чтобы студенты в воскресные и праздничные дни могли показать опыты своего знания. Назначение церквей полезно бы распределить так, чтобы каждый студент, в течение года, мог сказать, по крайней мере, три проповеди.» Комиссия, утвердив это предположение, предоставила назначение церквей для этой цели усмотрению члена ее, м. Амвросия, а цензуру проповедей, назначаемых для произнесения в церкви, возложила на академического ректора¹⁵⁶. По окончании первого курса, лучшие из этих проповедей, по предложению м. Амвросия, были напечатаны.

Класс наук физико-математических

I. Первоначальная математика, состоящая из двух следующих частей:

А. Основания геометрии, состоящие из четырех книг.

Кн. 1. О сопряжении прямых линий с прямыми.

Кн. 2. О сопряжении круговой линии с прямыми.

Кн. 3. О сопряжении плоскостей с прямыми линиями и плоскостями.

Кн. 4. О сопряжении трех кругом образованных поверхностей с прямыми линиями и плоскостями. О конусе, о пирамидах и призмах в конусе и цилиндре, вписанных или около него описанных. О сфере или шаре.

Примеч. Это отделение может быть прочитано в один год.

Б. Основания науки исчисления, состоящие из четырех книг:

Кн. 1. Основание частной или обыкновенной арифметики. О изображении чисел простых, дробных и десятичных дробных – словами и знаками; о первых четырех способах исчисления чисел простых, дробных и десятичных дробных.

Кн. 2. Основания универсальной арифметики или языка алгебраического. О представлении знаками отношений, во всеобщности рассматриваемых; о первых четырех способах исчисления алгебраических количеств; о приложении этих способов к количествам с предстоящими. О других двух способах исчисления – возвышение в степени и извлечение корней из алгебраических количеств. Приложение всех шести способов к количествам с указателями и к количествам коренным; о количествах с отрицательными и дробными указателями; о возвышении количеств в неопределенную степень и извлечении корней из оных степени неопределенной. О последнем способе исчисления или логарифмах: о количествах равноразнствующих, пропорциональных и собственно о логарифмах. О приложении предыдущих способов исчисления к измерению протяженных величин. О измерении вообще прямых линий и углов; о взаимном измерении прямых линий и углов или о тригонометрии плоской; о тригонометрии сферической; о взаимном измерении прямых линий и образованных ими многоугольников; о измерении круговой линии и самого круга; о измерении образованных плоскостями тел или многогранников; о измерении поверхностей конуса, цилиндра и шара и самых этих тел.

Кн. 3. Об алгебре собственно так называемой; то есть, о свойствах и разрешении уравнений: о уравнениях первой степени или простых; о уравнениях второй степени или квадратных; о уравнениях третьей степени или кубических; о уравнениях четвертой степени или биквадратных; общая теория уравнений; о приближенном разрешении численных уравнений всех степеней.

Кн. 4. Об аналитике, т. е., об искусстве разрешать вопросы; о приложении аналитического способа к вопросам арифметическим; – геометрическим; об аналитике неопределенной; о рядах арифметических и геометрических; о функциях вообще и преобразовании оных; о разложении функций в ряды и происходящих оттуда рядах возвращающихся.

Примеч. Это отделение может быть прочитано в один год.

II. Высшая математика, состоящая из четырех следующих частей.

А. Основания Геометрии кривых линий и кривых поверхностей. О перемене координат и происходящем отсюда разделении кривых линий на порядки. О пресечении линий различных порядков линиями первого порядка – прямого; о разделении линий второго порядка на роды; о свойствах конических сечений и т. д.

Б. Основания дифференциального и интегрального исчислений.

В. Основания трансцендентной геометрии кривых линий и кривых поверхностей.

Г. Дальнейшие исследования, до интегрального исчисления относящиеся, с приложением к трансцендентной геометрии (исчисление частных дифференциалов и исчисление вариационное).

Примеч. Это отделение может быть прочитано в полтора года.

III. Физико-математика, состоящая из трех следующих частей.

А. Основания механики твердых и жидких тел: а) статика, б) динамика, в) гидростатика и г) гидродинамика или гидравлика.

Примеч. Это отделение может быть прочитано в полтора года.

Б. Основания оптики: а) об оптике, собственно так называемой; б) о катоптрике; в) о диоптрике и г) о перспективе.

В. Основания астрономии: а) об астрономии сферической, т. е. о видимом движении тел небесных; б) об астрономии теоретической, т. е. об истинном движении тел небесных и законах, ими управляющих; в) об астрономии физической или о механике небесной, т. е. исследование движений, которые в небесных телах место имеют, от взаимного их друг на друга действия, совершающегося по закону природы, известному под именем всеобщего тяготения.

В дополнение к общей физике, в продолжение 20 лекций, могут быть прочитаны статьи: 1) о теплотворе; 2) о газах; 3) о воздушных метеорах; 4) об электричестве; 5) о гальванизме и 6) о магнетизме.

Все это, вместе с последним отделением, может быть прочитано в один год.

Отделение математических наук предполагалось одно. Но когда усмотрено было, что некоторые воспитанники, вовсе не приготовленные в семинариях к слушанию высшей математики, не могут успевать наряду с товарищами: то Комиссия, в 1809 г. окт. 5, разделила математический класс на два отделения, назначив одно для уроков физики и высшей математики, другое для первых начал чистой математики¹⁵⁷.

Класс исторических наук

«Науки исторические», сказано в Проекте устава духовных академий, «могут иметь две цели, и потому в двух разных отношениях должны быть преподаваемы. Первая цель исторического учения состоит в том, чтобы каждое происшествие, замечательное в бытиях мира, уметь отнести к своему времени и месту и связать с обстоятельствами современными. Этот предмет обыкновенного обучения истории. Вторая цель, высшая и несравненно полезнейшая, состоит в том, чтобы, в связи происшествий, открыть успехи нравственности; постепенное шествие человеческого разума и различные его заблуждения; образование и превращение гражданских обществ и коренные причины славы и упадка государств; судьбу ложных религий и преуспевание единой истинной христианской. Все эти усмотрения, в связи их, составляют то, что называется собственно философией истории. Как исторические науки в первом отношении составляют предмет низших училищ: то в академическом учении и остается только кратко и, большей частью, посредством синоптических таблиц, повторить и осветить, так сказать, главнейшие эпохи изысканиями древности и археологией. Истинный же предмет академического учения истории должен быть философия истории».

В сообразность с этими правилами, для первого учебного курса, составлены были, и утверждены Комиссией, следующие конспекты исторических и вспомогательных к ним наук.

1) Первое отделение

1) Вспомогательные науки: А) Хронология. Ч. 1. О мерах и периодах, которыми время измеряется и которыми измеряли его разные древние народы, каковы суть: 1) день естественный и искусственный, 2) месяц астрономический и гражданский 3) год Моисеев, греческий, римский; о юлианском и грегорианском счислении; 4) иудейские юбилеи и сabbаты; 5) греческие олимпиады; 6) римские лустры и проч. – Ч. 2. Важнейшие происшествия мира, бывшие в первые четыре тысячи лет, по летосчислению библии александрийской.

Б. Древняя география. В ней показаны будут границы древних царств и известнейшие по истории города; тогдашняя оных народов промышленность, науки и художества, их обычаи и особенно обряды богослужения, изобретения и проч. Руководством будут, за неимением сочинений на русском языке по этому предмету, Ментеля, Стассара и Моро – древние географии; новая география – по учебнику, изданному для училищ ведомства Министерства народного просвещения.

В. География Российского государства по учебнику, изданному профессором Педагогического института Зябловским.

2) География и хронология могут быть окончены в первые два года; другие два предназначаются для Церковной истории.

Впрочем, преподавание этой науки скоро после начала курса возложено на особого наставника, который составил руководство к изучению церковно-библейской истории. Преемник его составил руководство к изучению церковной истории после библейских времен. Чтение библейской истории продолжалось с 1810 по 1812 г., церковной после библейских времен – с 1812 по 1814 г.

С церковной историей соединено было преподавание церковных древностей. Понятие об этой науке и ее отношение к церковной истории наставник представил в следующем виде: «Под именем церковных древностей я разумею правильные сведения о происхождении, сохранении и изменении общих наружных форм, в которые облекается учение Церкви, обрядов, которыми украшается ее богослужение, и учреждений, которые образуют ее общественное постановление.

По этому понятию церковных древностей они разделяются на три главные части:

I) Древности учения могут заключать в себе исторические исследования о древних символах веры, о церковных оглашениях, о беседах; о различных видах древнего богословия, так как и о важнейших творениях Отцов, сюда принадлежащих.

II) Древности богослужения должны произвести из истинных источников и изъяснить понятия о священных местах, сосудах и одеждах, обрядах, наблюдаемых при каждом из семи таинств и других молитвословиях, в особенности о происхождении, родах и частях литургии, также о посвященных богослужению временах, праздниках и постах.

III) Древности церковного постановления должны изобразить древнее общество христианское в его целом и частях; показать различие оглашенных и верных, мирян и церковнослужителей; изъяснить степени церковной иерархии от епископа и патриарха до чтеца, вместе с их обязанностями и преимуществами, а после их, особенные состояния аскетов, монахов, дев и вдовиц; означить свойство церковного единства и общения и, более или менее возбуждающие оное, церковные преступления и наказания.

Все эти предметы граничат с церковной историей: но, проходя широким путем, она часто не имеет времени сходить на эти стези.

Отсюда видно, что в обозрении церковных древностей может быть употреблен двоякий порядок: систематически или порядок предметов, который открывается из предыдущего их разделения, и исторический, т. е., порядок времени, который бы постепенно выводил оные из отдаленных веков и приближал к нашему.

Здесь не нужно входить в исследование о том, который из этих двух способов должен иметь преимущество. Соединение церковных древностей в одну кафедру с церковной историей решил выбор. Вместо того, чтобы разнообразием способов умножать число учебных предметов, выгоднее соединить их так, чтобы древности дополняли историю, а история дополняла древности.

Первоначальных источников, из которых почерпать должно знание церковных древностей, столько же находится, сколько есть древних христианских сочинений, которые частью сами

входят в предмет этого знания, частью мимоходом касаются современных церковных обрядов и установлений... За тем – указания на новейших писателей.

Но, не смотря на великое число писателей, занимавшихся историей и древностями церкви, не видно книги, которая бы для преподавания этих предметов, согласно с представленным здесь предначертанием, могла служить классической: не только потому, что не многие из оных соединяют оба эти предмета, но и потому, что писатели различных исповеданий, в общее святилище, какова должна быть история Церкви, нередко вносят дух и мнения своих частных церквей и поставляют их на место истины событий; и наконец потому, что они либо мало, либо совсем не обращают внимания на состояние Греко-российской церкви». Наставник составил собственное руководство по этим предметам, которое довел до конца 1-го христианского века; преемник его продолжил и окончил его труд.

3) Остальные два года назначаются для чтения Русской истории по руководству, изданному для народных училищ.

2) Второе отделение.

Всеобщая гражданская история. Введение: 1) сходственно с бытописанием Моисеевым о начала мира, первых обществ и государств, гражданских установлений и вер; 2) качества историка; способы учить и учиться истории, предложенные от Роллэна, Кондильяка и Феррана; 3) вспомогательные для истории науки; 4) разделение истории на периоды: первый – до Рождества Христова – предположено было вести по изданному для народных училищ Анкетилену учебнику, с дополнениями из Роллэна, Боссюета, Миллота, Шлецера, Феррана, Кондильяка, Ремера и друг. С изложением политического состояния наставник предположил соединить философское суждение о возвышении и падении держав, о религии народов и ее влиянии на мыслящую часть людей, о законах, характере, науках, художествах и торговле по указаниям Гомера, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Диодора Сицилийского, Плутарха, Саллюстия, Цезаря, Светония, Ливия, Тацита, Курция, Флавия; для географии – показания Геродота, Страбона, Птоломея и Плиния. Это для первых двух лет. Второй период – составила римская история и общая от Рождества Христова до IX века, или от Августа до Карла Великого. Историю эту предположено было вести по собственным запискам наставника на основании византийских писателей. Это на другие два года. Третий – от IX века до настоящего времени. Учебником по новой истории избрана и одобрена, переведенная для народных училищ, история Шрекка, с дополнениями из собственных записок наставника.

По обширности исторических наук и для принесения учащимся вящей пользы, Комиссия разделила обучение их на два класса, отнеся к первому древнюю и новую географию, хронологию, российскую историю и церковную; ко второму – всеобщую гражданскую историю, древнюю и новую¹⁵⁸. В 1810 г. янв. 12 преподавание трех первых предметов возложено на наставника всеобщей истории, а преподавание церковной истории, которая по существу своему находится в тесной связи с богословием, возложено на особого бакалавра по богословскому классу. Преподавание церковных древностей сначала поручено было профессору еврейского языка Фесслеру, который представил и конспект этой науки: но, с образованием особого класса церковной истории, оно возложено на наставника этого предмета (14 июля 1810 г.).

Комиссией духовных училищ, в плане преобразования их, положено было:

1) Дать греческому языку и греческой словесности ту же силу и пространство во всех духовных училищах, какие доселе занимала в них словесность латинская. Вместе с этим не только определено было, чтобы греческим языком занимались все студенты без исключения, но еще постановлено правило, состоящее в том, что к продолжению наук в дух. академии никто допущен быть не может, кто не оказал между прочими науками отличных успехов в греческом языке, так чтобы при экзамене мог без приготовления переводить всякого греческого автора, исключая стихотворцев¹⁵⁹. Сообразно с этим, Комиссия дух. училищ утвердила следующую программу для греческого языка и словесности: профессор обязан ознакомить студентов со всеми классическими писателями, начиная с более легких авторов и переходя к труднейшим. В первый год он изъяснит историков: Ксенофонта, Фукидида, Геродота и Плутарха; во второй – ораторов светских: Демосфена, Эсхина, Лизиса, Исократу и церковных проповедников: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого; в третий – философов: Платона и Аристотеля; в четвертый: Гомера, Гесиода и Аристофана; в пятый – Софокла, Эсхила и Еврипида; в шестой – Теокрита, Биона, Анакреона и Пиндара, присовокупляя к своим чтениям изъяснения географические, биографические и исторические.

2) Еврейский язык, хотя входил в курсы академический и семинарский еще до 1809 г., но не имел большого значения. «Познания в еврейском языке, полученные учащимися до вступления их в академию», писал профессор Хорн, «были крайне недостаточны и состояли только в чтении, переводе и разборе какого-нибудь стиха. Самый грамматический разбор производился по обветшалым правилам, содержащимся в Данцовой, Шредеровой, Пфейферовой и прочих грамматиках; перевод ограничивался тем, что им показывали какой-нибудь смысл, не заботясь об основаниях такого перевода и не спрашивая ни мало о том, годен ли перевод в связи. Эта недостаточность в познаниях еврейского языка в духовных училищах причиной и тому, что сдешняя богословская литература имеет так мало ученых творений. Филологическое изъяснение Ветхого Завета всегда останется основой для изъяснения Нового Завета, а то и другое вместе, основой ученой обработки догматики и нравоучения. Превосходное введение в Библию, изданное преосвящ. м. Амвросием, без сомнения имело целью подвигнуть ученых к основательному обрабатыванию Ветхого Завета. Но если не многие последовали данному им превосходному примеру, то это происходит от скудного наставления в языке еврейском».

Сделанное профессором Хорном улучшение в преподавании еврейского языка состояло в том, что он изъяснял Ветхий Завет грамматически, филологически, на основании сравнительного языкознания, и исторически; именно, сделав исторические примечания о каком-либо месте, он приступал потом к филологическому изъяснению еврейского текста, излагал первоначальные и производные значения слов и речений, оценивал разные мнения толкователей в рассуждении смысла трудных мест, показывал: как можно старые переводы арабский, сирский, халдейский, LXX толковников, латинский-вульгату употреблять с пользой при изъяснении еврейского текста, как должно судить о частых уклонениях греческого перевода от еврейского основного текста, как можно с пользой употреблять церковных учителей при филологическом изъяснении Ветхого Завета, как надо судить о различных чтениях еврейского текста, как можно по греческому переводу часто находить правильное течение текста и т. д.¹⁶⁰.

В преподавании новейших языков французского и немецкого наставники возводили своих слушателей от грамматического и филологического разбора свойств и построения языка к более короткому знакомству с его литературой. Таким образом рассматриваемы были и переводимы на русский язык, с разбором идиотизмов каждого писателя и показанием эстетических красот, сочинения Корнеля, Расина, Мольера, Рихтера, Гёте и Гердера. Впрочем, с большей справедливостью можно сказать это о наставниках немецкого языка, нежели о профессорах французского красноречия. Эти последние употребляли методу обучения более детскую, нежели академическую, задерживая студентов на бесплодном упражнении в чтении и произношении, что с большей легкостью могло бы быть достигнуто при разборе какого-либо автора и, вместо грамматического и филологического разбора избранных французских писателей, занимаясь исследованиями определений каждой части речи и подобными грамматическими начатками, с которыми студенты давно знакомы¹⁶¹.

О книгах, принимаемых в руководство, вообще постановлено, что, если бы кому из профессоров или бакалавров в течение курса представилось нужным ввести в употребление по классу книгу, в конспекте не показанную, в таком случае он одолжается предварительно снести об этом с ректором академии, и не прежде приступать к оному, как после получения на то ректорского согласия¹⁶².

Расписание учебных часов и разделение наук на коренные и вспомогательные

Утренние классы		Понед. Вторн. Среда Четверг Пятн. Суб.				
Класс словесных наук		9,1			9,1	
История			9,1			11,12
Математика			11,12		11,12	
Философия			9,1		9,1	9,1
Богословие		11,12		11,12		11,12
После полудня		Понед. Вторн. Среда Четверг Пятн. Суб.				
Класс словесных наук					5,6	
История		5,6				
Математика			5,6			5,6
Богословие			5,6			
Языки:	греческий	3,4			3,4	5,6
	еврейский		3,4			3,4
	французский			3,4		3,4
	немецкий					

1809 года февраля 12 дня.

Вскоре, однако же, усмотрено было, что студенты, в академии обучающиеся, отягощены учением в классах по 8 часов: увидели необходимость обратить внимание на изыскание удобного способа к сокращению учебных часов. Ректор академии, архим. Сергей, представил Комиссии в обширном донесении, замечательном в то же время своей основательностью, что 1) необходимо сокращение учебных часов потому, что а) продолжение времени не делает никого ученым. Можно много учиться, и после знать мало или и совсем ничего. Не справедливо то мнение, что, слушая лекции профессора в классе, можно самому сделаться таким же. Учитель в классе не научает, а только показывает путь к просвещению и помогает развитию природных дарований в учащихся. Самое же просвещение и образование ума достигается домашним упражнением и прилежным повторением уроков классических, сопровождаемых собственными размышлениями и замечаниями учащихся. Поэтому лучший и полезнейший план учения не в том состоять должен, чтобы долго учиться в классе, но чтобы размышлением и домашним упражнением слышанное от наставника разумно усвоить¹⁶³; б) занимаясь каждый день восемь часов слушаньем лекций в классе, воспитанники, по весьма верному исчислению, имеют только два учебных часа в сутки для повторения оных. С первого взгляда видно, что нет возможности молодым людям, еще не привыкшим напрягать свой ум, в эти два часа с надлежащей точностью, в систематическом порядке, с нужными размышлениями и замечаниями повторить то, что четырьмя разными профессорами преподано было в продолжение восьми часов; в) самое положение академии побуждает сократить учебные часы; ибо как она, по новости своей не снабжена еще всеми нужными классическими книгами и студенты по этой причине находятся в необходимости много писать: то для этого письма должно назначить время, которое может быть отделено от учебных часов. При нынешнем плане студенты, не желая опустить профессорских лекций, занимаются списыванием их в то время, когда надлежит повторять классические уроки, или даже отнимают у себя время, данное для отдохновения и сна; г) не натурально, чтобы особенно молодые люди могли сохранить всю силу своего внимания через столь долгое время, какое назначено им для учения. При посещении классов он – ректор – весьма часто замечал, что студенты первые лекции слушают с большим вниманием и охотой, чем вторые; при третьих же и четвертых внимание их постепенно становится слабее: а возбудить внимание и привести его в надлежащее настроение не легко, потому что для этого требуется большое искусство и не всякий из самых лучших профессоров к этому способен; но, когда ослабевает внимание и охладевает ревность, тогда нельзя ожидать хороших успехов. Это замечание, по предположениям ректора, относится к одной только академии и не имеет ввиду других учебных заведений; ибо где учатся молодые дети, там можно положить для учения восемь часов или и более: дети обыкновенно учатся не столь важным предметам и работают более памятью, нежели размышлением, что несравненно

легче; д) если бы полезно было слушать лекции каждый день по восьми часов, то немецкие профессора, испытавшие все способы и средства к просвещению, непременно воспользовались бы этим простым способом; однако же, ни в каком германском университете не положено более шести часов для учения, а в некоторых – только пять и даже четыре часа; из этого следует заключить, что Германцы классическое учение, продолжающееся через большое число часов, признают не полезным; наконец е) все профессора и бакалавры могут выполнить свои конспекты при сокращении учебных часов. Вследствие этого, с справедливой уверенностью он признает необходимо-нужным и полезным сократить учебные часы, постановив вместо восьми только шесть. – 2) Необходимо сокращение учебных предметов. Науки, преподаваемые в здешней академии, можно разделить на коренные и вспомогательные: к первым, судя по цели, предполагаемой в образовании студентов, нужно отнести богословие, философию и практическую эстетику; ко вторым – все прочие науки и языки; первыми должны заниматься все студенты без исключения; последними по собственному выбору и склонностям каждого студента, но так, чтобы число занимающихся каждой из вспомогательных наук было, по возможности, равномерно: таким образом предоставить свободному выбору студента изучение математических или исторических наук, еврейского или одного из новейших языков, – только греческий язык, в рассуждении того, что он необходим для основательного богословского образования, положить для всех общим. Для богословия, философии, эстетики, геометрии и греческого языка положить по 6 часов в неделю; а для вспомогательных и для математики, согласно желанию профессора, восемь; для языков по четыре часа. Комиссия духовных училищ, утвердив этот план, присоединила к коренным наукам церковную историю, и признала достаточным для обучения ей назначить по четыре часа в неделю¹⁶⁴. Таким образом расписание учебных часов получило следующий вид:

Утренние классы		Понед.	Вторн.	Среда	Четверг	Пятн.	Суб.
Богословие		11,12		11,12		11,12	
Философия		9,1			9,1		9,1
Эстетика			9,1			9,1	
Математика			11,12		11,12		
Всеобщая история							
Церковная история				9,1			
Послеобеденные:							
Математика				5,6			
Церковная история						3,4	
Языки:	греческий		3,4		3,4		
	еврейский	3,4					3,4
	французский						
	немецкий						

Учебный год. Сообразно с общим счислением начала года с 1 числа января, Комиссия положила считать с этого же времени и год академический; почему публичные экзамены, которые уставом академии положено производить в конце учебного года, производились в декабре месяце¹⁶⁵.

Производство испытаний в половине и конце учебного года

Уставом академии положены были двоякие испытания студентов: внутренние или частные и открытые или публичные. Первые производимы были в присутствии членов Комиссии духовных училищ, по истечении каждого полугодия в июле и декабре месяцах; последние – по истечении года в декабре месяце; и так как уставное время последних совпадало со временем внутренних испытаний за вторую половину учебного года, то они соединяемы были в одно испытание, или что то же, внутреннему испытанию давали вид открытого, приглашением знаменитых особ, покровительствующих академии и допущением посторонних посетителей. Но в 1813 г., по представлению ректора академии о неудобности совместить это обыкновение с предположенным сокращением учебного времени – так как испытания при внешних лицах обыкновенно требуют некоторого предварительного приготовления: но, при предстоявшем окончании академического курса и по сокращению учебного времени, нужно было дать учащим и учащимся более свободы для продолжения и повторения уроков к последнему общему испытанию – это обыкновение, согласно точной силе академического устава, отменено, и испытание в декабре месяце предположено произвести в учебные часы, принадлежащие каждому классу.

Относительно производства испытаний вообще, ректор академии, архим. Филарет, обозревавший, по поручению Комиссии, здешнюю семинарию в 1813 г., представил следующие предположения:

«Без сомнения каждый из обучающихся желает испытание порученного класса представить в наилучшем виде, и потому как бы принужден уже избрать такой образ преподавания уроков, который бы служил наилучшим приготовлением к принятому образу испытания. Ныне вообще в училищах, духовных и светских, более или менее господствует такой образ испытания, по которому отличие ученика составляет скорый, обильный и блистательный ответ на данный ему от учителя вопрос; но, при этом, недовольно внимания обращается на то, собственные ли мысли объясняет ученик, или рассуждения учащего, твердо замеченные и обдуманые, как собственность произносит из хранилища рассудка, или помощью одной памяти повторяет то, что читал в учебной книге и вытвердил на случай экзамена. От этого возникает такой образ преподавания уроков, который действует более на память, нежели на разум, и который столь сильно осуждается 16 и 17 пунктами введения к Уставу духовных училищ. Чтобы предупредить в духовных училищах распространение этой слабой методы учения, нужно утвердить более строгую методу испытания, по которой бы ученик менее мог надеяться на свою память и временное приготовление, и более имел случай показывать свой ум и постоянное внимание к своему предмету; для этого:

1) В испытаниях, особенно внутренних (на которых не классы вообще показываются публике для ее уверения в совершенстве училища, но ученики порознь испытываются и сравниваются для их поощрения), менее должно заботиться о красоте ученических ответов, но стараться каждого ученика показывать тем, что он есть, и потому давать вопросы не одним лучшим, но и слабейшим.

2) Вопросы может начинать учитель испытываемого класса, чтобы нечаянность не приводила учеников в смятение, а продолжает непременно или ректор или тот из других учителей, кому какой предмет более известен и кого назначит председательствующий на испытании, причем, впрочем, должно держаться учебной книги.

3) В ответах учеников должно уважать более основательность, нежели скорость.

4) Ректор, при составлении списка отличившихся на испытании учеников, в особенном внимании должен иметь тех из них, которые разрешают более трудные вопросы с большей силой собственного рассуждения.

5) Для поощрения учеников к успехам и в искусстве сочинять, нужно быть испытанию и в сочинении на языках латинском и русском.»

Комиссия, утвердив эти предположения, положила означенный образ испытания ввести и в академию¹⁶⁶.

Разрядные списки студентов академии

Уставом духовных академий положено после каждого испытания, как публичного, так и частного, составлять списки студентов по их успехам, и как отличных по успехам, так замеченных в небрежении, из этих списков отмечать в книге Правления, которая для этого должна быть заведена. Мера эта в первый раз употреблена после испытания за последние полгода 1812 г. по тем побуждениям, чтобы положение Устава духовных академий привести в должное исполнение, – чтобы отдать справедливость отличнейшим студентам, чтобы некоторых возбудить к соревнованию и большему прилежанию, наконец, чтобы положить постепенным замечанием успехов основание к решительному испытанию и составлению разрядных списков при конце курса академического, так как в этом случае едва ли можно было бы воздать каждому должное, если бы судьба шесть лет трудившегося студента должна была зависеть от нескольких часов или минут последнего испытания. При составлении списков, для соблюдения справедливости и точности, по предложению ректора, архим. Филарета, утверждены следующие правила:

1) Как учебные предметы, преподаваемые в Дух. академии по существу своему и по цели ее устройства, не все суть одинаковой важности; то разделить их, по этому отношению, на два разряда. К первому отнести богословие, философию, словесность, церковную историю и греческий язык; ко второму – прочие науки и языки;

2) студентов разделить на три разряда;

3) согласно уставу дух. академий не включать в первый разряд не отличившихся в главных и общих всем учебных предметах, но отнести к этому разряду тех, которые, занимаясь всеми положенными для студентов предметами, по некоторым из них заслужили отличное одобрение, а особенно по предметам первого разряда;

4) второй разряд составят те из студентов, которые довольно успешны во всех предметах, или в некоторых особенно успешны, но в других посредственны;

5) в третьем разряде останутся те, которые, не отличаясь в предметах первой степени, хотя в некоторых и успешны, но в некоторых оказались невнимательными, даже до не хождения иногда в класс;

6) свидетельства учащихся, изображенные общими и не довольно определенными словами, принимать в такой силе, какая открывается у того или другого, из соображения различных степеней одобрения.

По соображении этих пунктов, к первому разряду отнесено 29, ко второму 51 и к третьему 13 студентов. Комиссия, утвердив эти списки во всей силе, утвердила и представление академического Правления о заведении книги для студентов академии, в которую предположено было вписывать отличившихся успехами, равно как замеченных со стороны небрежения¹⁶⁷.

Сокращение курса академического учения

В 1813 г. преосв. м. Амвросий предложил Комиссии, что студенты здешней академии, от долговременного в науках упражнения и от многотрудных и разнообразных занятий, наконец утомились и что поэтому нужно сократить курс академического учения. Комиссия, по выслушании этого предложения, определила курс академического учения сократить и кончить в июле будущего 1814 г. Наставникам вменено в обязанность к означенному сроку пройти свои конспекты, а студентам внушено, как для общей, так и для собственной пользы, употребив посильное старание, вознаградить домашним упражнением то, чего не успеют услышать от своих наставников¹⁶⁸.

Производство окончательного испытания студентов первого курса

В предположенный срок преосв. м. Амвросий внес в Комиссию дух. училищ проект окончательного испытания и распределения воспитанников, окончивших курс, с следующими предположениями:

1) «распоряжения о употреблении студентов академии должны начаться в самой академии строгим и верным испытанием, которым должен определиться род и степень знания, приобретенного каждым в особенности, чтобы каждый по возможности к тому и был употреблен, к чему наиболее приготовлен.

2) Производство таких испытаний уставом академии поручено Конференции, при посредстве назначаемых ей депутатов: но в исполнении этого встречаются ныне следующие неудобства:

а) некоторые члены Конференции – иностранцы, незнающие русского языка: и так в науках, которые преподавались и в которых студенты привыкли давать и отчет на русском, голос оных членов может быть только догадочный или совершенно случайный;

б) некоторые члены Конференции не принадлежат к греко-русской Церкви: пристойно-ли дать им участие в таком испытании, которого главный предмет есть учение греко-русской Церкви?

в) некоторые члены конференции – воспитанники светских училищ, не учившиеся богословию: не странно ли будет принять их голоса на производство в звание кандидата богословия?

3) Дело это совершится с большей верностью, пристойностью и удобством, если Комитет испытания составится из а) ректора, б) инспектора и в) двух духовных же лиц, обучающих ныне в академии словесным наукам и церковной истории. Прочие обучающие могут присутствовать на испытаниях и давать по предметам, каждому из них известным, голоса совещательные. Этот образ испытания может получить особенную важность, если, хотя по главному предмету оного – по богословию, оно будет удостоено присутствия и внимания его высокопреосвященства. К испытанию в математике Комитет может пригласить одного из посторонних, сведущих в этом предмете людей.

4) Порядок словесного испытания может быть следующий:

а) составит краткий конспект каждой науки, приведенный в столько главных идей или вопросов, сколько важных статей, составляющих целую ее систему;

б) по таким конспектам, каждому студенту дадут из каждой науки два вопроса: один по произволению испытывающих, а другой по случайному выбору его самого;

в) ответ должен состоять в основательном и достаточном раскрытии данной идеи, через свойственные изложения, раздробления, исследования, положения, доказательства, следствия, что все должно быть представлено в виде ученого рассуждения или лекции, по силе и разумению каждого;

г) если два ответа, по некоторому замешательству испытываемого или по другим обстоятельствам, покажутся недостаточными для решительного заключения о его познаниях: испытание может быть продолжено предложением третьего вопроса или требованием дополнения к прежним статьям и возражениями на них;

д) испытание в языках произведено быть может переводом с иностранного на русский и обратно, с филологическим разбором. Для этого должны быть избраны сочинения, не употреблявшиеся в классах, чтобы случайное припоминание не заменяло истинного знания.

5) Сверх этого каждый студент должен решить, в присутствии Комитета испытания, письменно пять задач: две из богословия, одну из философии, одну по классу словесных наук и одну по истории.

6) После испытания студенты должны быть разделены на два разряда, из которых высший дает право на звание магистра, низшему же предоставляется звание кандидата богословия.

7) Из студентов низших по успехам, особенно таких, которые менее сведущи в богословии, чем в какой-либо из светских наук, составить третий разряд, которому и при отпуске из академии оставаться с званием студентов.

8) Что принадлежит до первого разряда студентов: он должен состояться не из многих, но из отличнейших по успехам и поведению. Строгость выбора и малочисленность избранных дадут большую цену этому преимуществу.

9) Справедливо будет от студентов этого разряда, по составлении разрядных списков, потребовать удостоверения в том, что посвятят себя духовному званию, и тех, которые дадут такое удостоверение о себе, тотчас представить Комиссии дух. училищ для возведения в степень магистра.»

Комиссия дух. училищ, утвердив эти предположения, определила к четырем членам, в состав Комитета испытания, назначить еще пятого – присутствующего в академическом Внешнем Правлении, Петропавловского собора протоиерея, Стахия Колосова.

Комитет приступил к исполнению возложенного на него поручения 30 мая 1814 г. Производство испытаний по богословскому классу началось в присутствии преосв. м. Амвросия и продолжалось: 1 июня, в присутствии преосв. Серафима, архиепископа Минского, 2 июня – в присутствии преосв. м. Амвросия и 3 июня – в присутствии преосв. м. Амвросия и преосв. Серафима, архиепископа Минского, с 4 июня по 1 июля включительно, по богословским и прочим предметам, – в собрании Комитета, иногда с помощью некоторых профессоров, не причисленных к Комитету, а по классу математико-физическому при посредстве г. академика Николая Ивановича Фуса.

После производства испытаний Комитет держал окончательное совещание о распределении студентов на разряды. Сообразив относящиеся к этому предмету прежние правила устава с теми, которые, по уважению вновь открывшихся обстоятельств, утверждены Комиссией духовных училищ в журнале ее 23 мая и с новоисправленными правилами устава, изображенными в журнале Ком. дух. уч. июля 18 дня, – сравнив свидетельства обучавших о успехах студентов с замечаниями, сделанными о каждом из них и по каждому предмету на приватном испытании, – приняв сверх этого в рассуждение способности и поведение каждого, Комитет окончательным мнением положил:

1) разделить студентов на два разряда:

2) первый разряд составить из 37 человек, которые оказались отлично сведущими в богословских науках, при достаточных, соответственно с их назначением, успехах в других важнейших предметах;

3) но поскольку и между этими, по соображению множества учебных предметов и по другим отношениям, открывается значительная постепенность, так что некоторые отличились в большем и некоторые в меньшем числе предметов, – некоторые, по зрелой образованности, ныне же могли бы с достоинством принять на себя звание академического профессора, а некоторые подают к этому близкую надежду отличными способностями и любовью к наукам, – одни строгой и благоразумной правильностью поведения уже показывают готовность быть учредителями поведения других, другие должны еще заслужить эту доверенность: поэтому студентов, первого разряда вновь разделить на два отделения:

а) к первому отнести 26 человек, которых, в отличие от прочих, представить к званию магистра немедленно;

б) остальным 11 предназначить получение этой степени через один год, чтобы, в течение этого времени, в подтверждение настоящего суждения Комитета о их достоинстве, местные духовные начальства могли дать свои свидетельства о их исправности в должностях, какие им поручены будут по части учебной: до тех пор оставаться им с званием старшего кандидата.

4) Из второго разряда 44 студентам присвоить звание кандидата.

5) Остальных 11, по недовольным их успехам в богословских науках, оставить в звании студентов.

Академическая конференция

Учреждение академической Конференции последовало вскоре после открытия академии. Но по случаю окончания первого учебного курса и следующего за тем производства в академические степени, Комиссия духовных училищ признала за благо дать академической Конференции полный, уставом определенный, вид и возвысить это сословие приобщением к существующим уже действительным членам мужей знаменитых своими творениями, любовью к наукам и ревностью по вере, что и было исполнено в –

Первом торжественном собрании конференции Санкт-Петербургской духовной академии 13 августа 1814 года

Собрание открыто было духовной песнью, после которой и по занятии посетителями мест, ректор академии, архим. Филарет, говорил к собранию следующее:

«Наконец, достопочтенное сословие покровителей и любителей благочестивой мудрости, вот полагается последний камень во главу и совершение новосозидаемой обители духовного просвещения. То, что доселе, в уединенной, по большей части, простоте, постепенно назидаясь было трудом и бдением, торжественностью настоящего собрания довершается, увенчивается, открывается взорам и вниманию просвещенного света.»

«Не более шести лет тому, как основание этого величественного ныне здания лежало только в воле, и весь чертеж оно скрывался только в мудрости Благочестивейшего Самодержца. Даровав новый блеск и силу просвещению гражданскому, отеческим сердцем обратился он и к смиренным обителям духовного просвещения, в которых люди, пожертвовавшие небесной мудрости блеском земного счастья и выгодами общежития, посеяли первые семена полезных знаний не только для Церкви, но и для отечества, и в которых юношество, по состоянию родителей, скудное в средствах к своему образованию, более терпением и неутомимостью, нежели обилием пособий, приготавливалось к служению Церкви, в самых обыкновенных степенях важному. Государь, которого никто вернее не оправдал присвоенного Ему Церковью именования Благочестивейшего, и которого Провидение избрало вселенским проповедником благочестия, ведал, что если телесное обучение, которое только в мале, только в тесном круге земного бытия есть полезно, должно быть предметом попечений правительства мудрого и человеколюбивого: то учение, еже по благоверию, и разумение истины, яже по благочестию, которое на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешнего и грядущего, не менее заслуживает внимания правительства христианского, которое, так сказать, из рук Царя царей – Христа для того приемлет нас под свой покров, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте. Из этих, без сомнения, чувствований Царя-христианина возникла Державная воля облегчить, распространить и усовершенствовать образование уготовляемого в служение Церкви юношества, и дать самим служителям веры новые средства и побуждения к преспеянию в учении истины, яже по благочестию. Вскоре, посреди общих предначертаний к исполнению этого намерения, открылся чертеж и этой обители духовного просвещения; поспешно вещества для ее созидания собраны по пространству российских и даже чуждых стран: и вот наконец последний, как сказал я, камень полагается во главу и совершение нового здания.»

«Вашей, достопочтенное сословие, проницательности не нужно изъяснение трудностей, с которыми долженствовало быть сопряжено начало и продолжение этого дела. Но здесь, – если можно меру великих всемирных событий прилагать также к полезным деяниям отечественным, – здесь можно примечать тот же закон судьбы над деяниями нашего возлюбленного Богу Монарха, какой виден был в недавних знаменитых происшествиях. По мере высоты Его предприятий, как горы, восстают препятствия: восстают однако не для того, чтобы уничтожить Его благодетельные намеренья, но чтобы своим уничтожением очевиднее показать вышнее над Его начинаниями благословение.»

«Каких трудов стоило совершителям благодетельной воли Монаршей одно то, чтоб избрать наставников, способных быть образователями наставников! По многим предметам знаний их не было и в виду: изысканы. Некоторые не устояли в испытании: даны новые. Недоставало некоторым опытности: она восполнена неослабным за ними наблюдением, наставлениями, поощрениями. Еще некоторые внезапно похищены с поприща, довольно долгого: руководимые ими сетовали, но, немедленно получая новых руководителей, не колебались и не коснели в своем течении.»

«Радость о достижении, через столькие препоны, к пределу поприща должна быть естественным, и могла быть единственным, в настоящее время, чувствованием и подвигоположников и подвижников просвещения, здесь собранных: если бы этот предел, будучи окончанием, не долженствовал быть вместе и началом трудных подвигов. Здания, сооружаемые из стихийного вещества, созидаются единожды, и потом дают покой трудившимся: но то, что зиждется из живых камней, по совершении первоначального созидания, требует непрестанного воссозидания, утверждения, возвышения, расширения, украшения, по размерам возрастающего

внутреннего совершенства: и об этом-то наипаче роде созидания сказать должно с искусным Зодчим в дому Божиим, что, аще не Господь созиждет, всеу трудишася зиждущие.»

«Посему возвышаемая вашим, знаменитые мужи, присутствием обитель эта, открывая ныне торжественное судилище знаний, и предлагая награды для поощрения подвизающихся на поприще духовного просвещения, не столько пленяется торжественностью, сколько поражается важностью настоящего случая; и приглашает всех здесь присутствующих прежде всего соединиться в благоговейном стремлении желаний к Единому Премудрому, да благословит Он эту обитель знаний благословением Державного ее Основателя, да не уподобится она никогда гордому столпу Вавилонскому, не раз воздвигнутому земной мудростью, но да будет твердой крепостью Сиона; да председят выну в этих собраниях вера и благочестие; да будут предлагаемые здесь награды не корыстью честолюбивых искателей, но залогом бескорыстного служения истине; да не будет здесь иного просвещения, кроме того, которое во весь круг истинных знаний истекает от единого средоточия – от света истинного, иже просвещает всякого человека, грядущего в мир».

После этого провозглашены имена избранных в звание Почетных членов Конференции здешней академии и присутствовавших в собрании: д. т. с. министра народного просвещения, члена государств. совета, графа Алексея Кирилловича Разумовского, д. т. с. Гавриила Романовича Державина, т. с. члена государств. совета Ивана Ивановича Дмитриева, вице-адмирала и государств. секретаря Александра Семеновича Шишкова, т. с. члена государств. совета Захара Яковлевича Карнеева и членов Комиссии дух. училищ: преосв. Михаила, архиепископа Черниговского, князя А. Н. Голицына, духовника Его Императорского Величества, протопресвитера Павла Вас. Криницкого и обер-священника армии и флота Ивана Сем. Державина.

Перед торжественным собранием Конференции, академия имела предварительное чрезвычайное совещание для принятия и представления начальству правильных мер к открытию в особенности степени Доктора православного богословия. Собрание это, следуя тому опыту, что лучшие заведения как во внутреннем совершенстве своем, так и во мнении народном, возвышаются или унижаются влиянием и примером лиц, к ним принадлежащих, и поэтому рассуждая, что весьма важно для духовного в России просвещения то какие лица будут на первый раз избирателями в степень доктора богословия и поддержать возникающее заведение важностью Своего примера, сделало проект об открытии степени доктора богословия, состоящий в следующих пунктах: 1) составить именную книгу докторов православного богословия, и 2) разделить ее на две части, назначив первую для почетных докторов или мужей, знаменитых духовными сочинениями и благотворительным влиянием на духовное просвещение, вторую – для докторов избирательных. По утверждении этого проекта, Конференция в торжественном собрании, через избранных депутатов, поднесла эту книгу: 1) преосв. митр. Амвросию, мужу благотворительствовавшему духовной учености как изданием книг, так и архипастырским попечением о духовных училищах в епархиях его управления; 2) преосв. Михаилу, архиепископу Черниговскому, изданием назидательных поучений и попечением о духовных училищах споспешествовавшему распространению духовного просвещения; 3) преосв. Серафиму, архиепископу Минскому и Литовскому, споспешествовавшему распространению духовного просвещения преподаванием богословия в одном из первых духовных училищ и попечением о духовных училищах в епархиях его управления. Имена избранных почетных докторов внесены в первую часть книги. По представлению Конференции они приняли на себя характер избирателей – докторов и при первом случае избрания признали достойными к возведению на степень доктора: С.-Петербургской академии ректора и профессора богословия архим. Филарета; здешней же академии инспектора архим. Филарета и С.-Петербургской семинарии ректора архим. Иннокентия. Преосв. митр. Амвросий вписал имена их в другую часть вышеозначенной книги докторов и возложил докторский крест на ректора академии.

В дальнейших действиях собрания Конференции объявлено производство в степень магистра – обучавшего в течение первого академического курса греческому языку, священника Симеона Платонова: причем его высокопреосвященство вручил ему Назначенный магистрам дух. звания крест, для ношения по установлению, и – студентов, окончивших курс, в степень магистра и кандидата. В заключение новопроизведенный магистр Егор Постников произнес речь к собранию. Выразив благодарность к высоким попечителям просвещения и благочестия, новый делатель на ниве Божией говорил в чувстве высокой ревности о деле Божиим: «Мы юны, и силы

наши гораздо слабее, нежели чтобы они вдруг могли сделаться той немощью, в которой совершается сила Божия. Чтобы они возросли в нас до этой сокрушающей и совершающей немощи, долго еще должно нам содержать себя под бременем трудов. Силы умножаются не иначе, как трудами. И поскольку человеческая природа в каждом труде привыкла увеличивать тяжести и изнурение: то, чтобы предупредить возмущение природы, надо было вам в одних из нас произвести ревность, в других соревнование. Дарованные и предназначенные вами нам отличия будут поддерживать и в нас и в наших преемниках готовность к несению всех трудов, на нас возлагаемых. Эта готовность, распространяясь, очищаясь и превращаясь в бескорыстную ревность Божию, через спяние просвещения может послужить к преспеянию благочестия. И потому мы очень благодарим вас, попечители просвещения и благочестия, за ваше деятельное и мудрое попечение.

«Но чувствование, которое производят во мне предоставляемые нам отличия, требует того, чтобы в присутствии вашем я сообщил это сотрудникам.»

«Сыны Церкви! вы удостоиваетесь или, по крайней мере, вам пролагается ныне открытый путь удостоиться имени учителя Церкви. Дух Божий да даст вам это имя; ибо Он дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя; и – даст, конечно, не для того, чтобы этим именем тщеславиться в мире или превозноситься над своими братьями, сослужителями Церкви; но даст для того, чтобы из других сынов Церкви вы ревностно готовили новых учителей и воспитывали ей верных сынов. Тех и других Дух Божий дал есть к совершению святых в дело служения, в созидание тела Христова. А поэтому и крест, как видимое отличие учительства, не должен быть для одних предметом тщеславия, а для других предметом неправильного домогательства: он служит только к тому, чтобы единственная должность учителя Церкви – его собственный крест – учителем Церкви никогда не была забыта, и чтобы он, непрерывно имея перед очами свою должность, всей полнотой сил своих, непрерывно стремился к ее исполнению, не внешне носил крест, но внутренне, не на себя только возлагал его, но и себя пригвождал к нему – распинался на нем.»

«Высокие попечители! Во все время, когда мы были с вами, вы преимущественно старались сделать нас достойными Церкви; вы блюли нас во имя Божие; вы внушали нам все, что Бог даровал вам внушить нам. Сейчас приблизилось время, когда большая часть из нас должна удалиться от вашего взора. Нам ничего не остается желать от вас, кроме вашего благословения, чтобы через него дух наш сделался с духом вашим едино; чтобы поэтому Церковь уразумела, что вы нас послали, и потому возлюбила нас той же любовью, какой вас любит и чтобы исполнение вашего желания приходило от силы в силу. Все действие заключено было духовным пением¹⁶⁹.»

По представлению Его Императорскому Величеству от Комиссии дух. училищ об окончании курса С.-Петербургской академии, последовали Высочайшие рескрипты первенствующему члену Комиссии, митрополиту Амвросию и ректору академии, архимандриту Филарету, от 27 августа: 1) «Преосвященный митрополит Амвросий! Рассмотрев доклад Комиссии духовных училищ об окончании первого курса новообразованной С.-Петербургской академии, остаюсь уверенным, что этот вертоград наук даст в свое время плоды обильные, поскольку принял семена благие, и расцвел под непосредственным влиянием искусных смотрителей. Слава и благодарение Всевышнему, так благословившему намеренья Мои доставить Церкви достойных пастырей! Я имею особенное удовольствие изъявить при этом случае признательность вашему высокопреосвященству, зная с каким усердием споспешествовали к утверждению юношества во благих началах и к достижению цели, предположенной в новом образовании духовных училищ. Подвиги ваши всегда равно знаменуют отличное служение и ревность о благе общем. Будьте уверены в Моем непремennom к вам уважении. Пребываю навсегда благосклонный.» 2) «Отец архимандрит Филарет, С.-Петербургской академии ректор! Донесение об успешном окончании первого академического курса обратило Мое внимание на отличные труды ваши и способность к образованию юношества. Начальство отдает вам справедливость, вверяя опытности вашей успех второго курса. Бог да подкрепит силы ваши к перенесению трудов на новом поприще. По благим расположениям души вашей, надеюсь, что питомцы, призванные на служение Церкви, научатся от вас ходить в заповедях Божьих и просветятся внутренне истинным светом Евангельского учения. Пребываю вам благосклонный¹⁷⁰.»

Августа 30 последовал Высочайший именной указ Комиссии духовных училищ, в котором сказано: «Утвердив все, что Комиссия духовных училищ Мне представила докладом своим 27-го

числа этого месяца, Я нужным считаю изъяснить. Мои намерения о воспитании духовного юношества. Первый учебный курс Александроневской академии кончен, образовавший учителей для второго курса Санкт-Петербургского округа и открытия вновь Московского: то Я желаю, чтоб Комиссия обратила свое внимание как на этих новообразованных учителей, так и на сами училища, чтобы устроить их в прямом смысле училищами истины. Просвещение, по своему значению, есть распространение света и, конечно, должно быть Того, Который во тьме светится и тьме Его не объять. Этого света держась во всех случаях, вести учащихся к истинным источникам и теми способами, какими Евангелие очень просто, но премудро учит; там сказано, что Христос есть путь, истина и живот: следовательно, внутреннее образование юношей к деятельному христианству да будет единственной целью этих училищ. На этом основании можно будет созидать то учение, которое нужно им, по их состоянию, не опасаясь злоупотребления разума, который будет подчинен освящению высшему. Я удостоверен, что Комиссия духовных училищ, призвав Спасителя в помощь, употребит все свои усилия к достижению цели, без которой истинной пользы ожидать нельзя¹⁷¹.»

Особые ученые труды академических наставников

По классу богословских наук приготовлены к напечатанию и, впоследствии, напечатаны:

1) Начертание истории и древностей церковных от начала мира до конца первого века по Р. Хр., писанное, во время преподавания этих предметов, архим. Филаретом. Сочинение это служит до настоящего времени руководством для наставников и учебной книгой для воспитанников академий и семинарий.

2) Продолжение церковной истории и древностей от II до XVII в. по Р. Хр. – уроки бакалавра архим. Иннокентия¹⁷². Главными источниками для этой истории служили: Магдебургские центурии и Барониевы летописи. Поэтому она обильна и многообъемлюща, доколе идет под руководством этих сборников – именно до разделения церквей; но после этого времени, когда Центурий и Бароний занимаются почти исключительно делами Западной церкви, историк Восточной церкви, предоставленный собственным средствам и обращаюсь в кругу еще неразработанных памятников ее, становится скуднее сведениями и критикой. Дух истории прекрасный, но расположение материй не довольно стройно, а язык от чрезвычайной сжатости сух и тяжел.

Кроме того, ректор, архим. Филарет, составил Истолковательные записки на книгу Бытия, служившие основанием его уроков на эту книгу в 1-м академическом курсе. Сочинение это посвящено высокому имени блаженной памяти Императора Александра Павловича, как первый плод христолюбивого Его новонасаждения, и по Высочайшему повелению Комиссией духовных училищ издано в свет для пользы училищной и общей.

Памятником познаний и трудов профессора исторических наук, Я. В. Орлова, служат: 1) Всеобщий памятник достопримечательнейших происшествий из гражданской и церковной истории, в 12 томах, в которых расположены по месяцам чтения из церковной и гражданской истории, и 2) Дух Росс. Государей Рюрикова дома, в пяти частях, Спб. 1818 г. Сочинитель расположен был к этому труду желанием предотвратить или ослабить вредное влияние, какое может произвести, в особенности на молодые умы, чтение иностранных историков, писавших о России. Занимаясь 22 года преподаванием истории, сперва в народных училищах, потом в Дух. академии, сочинитель хорошо ознакомился с духом этих писателей, большей частью недобросовестных и неблагонамеренных, в отношении к России. Между тем ни одно из бывших в то время руководств по этому предмету не представлялось достаточным для показанной цели; потому что они излагали события односторонне – или в простой летописной форме, без всяких соображений, или в одних общих соображениях без летописной точности и порядка, и в обоих случаях опускали из виду церковные события, имеющие непосредственное отношение к гражданскому образованию и народному просвещению. Сочинитель Духа Росс. Государей старался избежать этих крайностей и применить свою книгу к существенным потребностям обучающегося юношества.

По классу еврейского языка профессором Фон-Хорном напечатаны на счет Комиссии дух. училищ¹⁷³ следующие сочинения: 1) *Historia pragmatica studii hebraicae linguae grammatici*; 2) *De lectionibus cursoriis in veteris Testamenti textum hebraicum*; Petropoli 1812, – 8. Последним сочинением Фон-Хорн, по собственному его изъяснению, имел ввиду подать повод к тому, чтобы к открытому испытанию студентов академии приглашаемы были посетители всегда каким-нибудь рассуждением, сочиняемым по очереди профессорами духовной академии. Испытание в духовной академии всегда должно отличаться чем-нибудь от испытания, бываемого в заведениях низшего разряда, и это отличие может, между прочим, состоять в сочинении пригласительных диссертаций, каковые сверх того служат еще и к оживлению ученого трудолюбия профессоров. 3) *Conspectus examinis philosophici*. Petropoli 1813, – 18. (Посвящено князю А. Н. Голицыну).

Для занятий по классу греческого языка Комиссией духовных училищ, по предложению Феофилакта, архиеп. Рязанского, назначена и на счет ее напечатана Греческая хрестоматия, составленная греком Иоанном Патузой и дополненная, применительно к ближайшей цели, для которой она назначалась, профессором Грефе. Последнему принадлежит выбор, для нее следующих статей: 1) из Геродота, о войне Персов с Греками и Скифами; 2) из Фукидида, о причинах и начале пелопонесской войны; 3) из Ксенофонта, о доблестях Лизандра и Тразивула, о войне Лакедемонян с Фивами и наконец 4) из Демосфена, речь о венце¹⁷⁴.

Обозрения семинарий и уездных училищ С.-Петербургского округа

В 1811 году, при окончании первого учебного курса здешней семинарии, устроенной по новому плану, ректор академии, архим. Сергей, по поручению Комиссии дух. училищ, обозревал ее по ученой части, а инспектор архим. Иона – по нравственной и экономической частям, и по внешнему управлению подведомственных ей училищ. Многие из предположений архим. Сергея, по рассмотрении их архиеп. Феофилактом, утверждены Комиссией дух. училищ и послужили к лучшему устройению учебной части в семинарии, точнейшему определению пространства и силы, в какой должны быть проходимы учебные предметы, и – порядка занятий ими. Обращено внимание начальства на устройство семинарской библиотеки: причем уступлены для нее из академической библиотеки все те книги, которые для академии не нужны, или которые были в нескольких экземплярах¹⁷⁵. В то же время бакалавр иером. Филарет обозревал уездные училища С.-Петербургской губернии – Александроневское и Петропавловское; из сторонних лиц – второклассного Вяжицкого монастыря архим. Феофил – уездные училища в Новгороде, Старой Русе и Боровичах; первоклассного Кирилловского монастыря архимандрит Порфирий – уездные училища – в Устюжне, Кирилове и Белозерске; первоклассного Калязинского монастыря архим. Михаил – уездные училища в Кашине, Бежецке и Красном Холму; первоклассного Прилуцкого монастыря архим. Амвросий, находившийся в С.-Петербурге на чреде священнослужения, – уездные училища в Могилеве, Мстиславле, Орше, Гомле и Витебске; протопресвитер Павинский – уездные училища в Твери и Торжке; протоиерей Вещезеров – уездные училища в Ямбурге, Пскове и Великих Луках; священник Менюжский – уездные училища в Каргополе, Свирске, Петрозаводске, Тихвине и Староладожском монастыре; священник Малиновский – уездные училища в Вышнем Волочке, Старице, Ржеве и Осташкове. По училищам отменен перевод из низшего отделения в высшее до окончания учебных сроков, положенных уставом. В 1813 г. ректор академии, архим. Филарет, обозревал здешнюю дух. семинарию по учебной части, профессор архим. Леонид – по нравственной и экономической; а бакалавр архим. Иннокентий присутствовал в семинарском правлении при испытании учеников уездных училищ, назначенных к переводу в семинарию. В Псковское семинарское правление для той же цели послан был протоиерей Сергиевского артиллерийского собора Иоанн Данков.

Выше названные нами лица, образовали как-бы временную конференцию академии до учреждения постоянной, и из одной любви к просвещению несли труд, предложенный им Комиссией духовных училищ. В руководство им дана была от Комиссии, составленная членом ее, преосв. Феофилактом «Инструкция ревизорам» уездных и приходских училищ и семинарских правлений по предметам, которые касаются до управления этими училищами.

Библиотека

Академическая библиотека, в рассматриваемый нами небольшой промежуток времени, получила значительное приращение 1) покупкой книг, 2) пожертвованиями, и 3) доставлением по распоряжению правительства.

1) Штатом академии на содержание и приращение академической библиотеки положено было в год по 750 р. Каждый из профессоров и бакалавров обязан был делать представления в академическое правление о книгах, нужных по его предмету; а правление относилось об этом в Комиссию. Комиссия принимала на себя труд приобретать книги покупкой и выписывала из-за границы довольно число их на латинском, французском и немецком языках, впрочем после внимательного обсуждения – будет ли действительная польза от приобретения того или другого сочинения.

В 1812 г., по предложению эрмитажного библиотекаря, статского советника Келлера, Комиссия приобрела для академии за 6,000 р. библиотеку книг и рукописей, оставшуюся после покойного профессора Московского университета Христ. Маттея. Между первыми весьма много, редких ныне, изданий древних классиков – поэтов и прозаиков, с пометками Маттея: *Liber rarissimus, opus longe rarissimum*, и также много с вариантами, означенными на полях, по сличении изданий, бывших у Маттея, с другими лучшими изданиями. Рукописная его библиотека состоит почти исключительно из собранных им и, большей частью, неизданных материалов для критической обработки текста Нового Завета, древних греческих отцов и светских писателей¹⁷⁶.

2) Из пожертвований в пользу Академии назовем: книги, оставшиеся после преосв. м. Гавриила в С.-Петербургском архиерейском доме и, по смерти его, переданные м. Амвросием (1809 г. 21 дек.) в здешнюю академическую библиотеку. Между ними есть замечательный рукописи, например, бумаги, относящиеся к депутатству его со стороны св. Синода в Комиссию о сочинении нового Уложения. Еще прежде, при жизни м. Гавриила, передано им в академию единственное в своем роде издание латинской Библии: она напечатана в 1785 г. на чистейшем пергамене для Дофина Франции (впоследствии известного под именем Людовика XVII), но потом прислана в дар Императрице Екатерине Алексеевне; Императрица подарила ее м. Гавриилу. Полное издание заключается в XV томах, каждый в прекрасном переплете и сафьянном футляре.

3) Высочайшим указом, данным правительствующему Сенату от 8 мая 1811 г., повалено: «Желая умножить способы к совершеннейшему образованию духовного юношества, на службу Церкви приготавливаемого, повелеваю всем местам и лицам, издающим в свет книги и сочинения, отныне безденежно доставлять для С.-Петербургской Духовной Академии, как образующей наставников юношества духовного, по экземпляру книг и сочинений, могущих соответствовать цели духовного воспитания, каковы суть: нравоучительные, исторические и вообще до наук относящиеся.» Выбор и доставление книг и сочинений в означенную академию возложены на Департамент Министерства народного просвещения.

В 1811 г., по предложению т. с. кн. А. Н. Голицына, отобрано из Московской синодальной типографии несколько №№ книг на латинском и греческом языках, найденных полезными для академии, преимущественно Библии-полиглотты, издания Отцов – Климента римского, Августина, Афанасия великого, венецианское издание (XVI ст.) соборных актов и древнейшие издания греческих и римских классиков¹⁷⁷.

Заведывание библиотекой в марте 1809 г. возложено было на бакалавра словесных наук, иером. Леонида, а для облегчения его в этой должности, ему дан помощник – Феодор Александров, вызванный из Троицкой семинарии к наставнической должности в новой семинарии, но получивший другое назначение, – с жалованьем – первый 400, последний 200 руб. в год. В 1812 г., после архим. Леонида, библиотеку принял бакалавр, игумен Иннокентий (с 20 мая); а в помощники ему, на место Феодора Александрова, принявшего в монашестве имя Феофана, и определенного ректором Александроневского училища¹⁷⁸, назначены два студента академии (с 31 июня). По окончании первого учебного курса, архим. Иннокентий, уволен от должности библиотекаря.

Изменения в личном составе академии в течение первого учебного курса

Ректоры и профессора богословия

1) Евграф Платонов Музалевский, архимандрит; при открытии академии пожалован орденом св. Анны 2-й ст.; скончался 11 ноября 1809 года.

2) Сергей Крылов-Платонов, архимандрит, из ректоров Московской академии и настоятелей Заиконоспасского монастыря, определен ректором С.-Петербургской Дух. Академии и настоятелем Юрьева первоклассного монастыря 7/17 января 1810 г.; августа 29 пожалован орденом св. Анны 2-й ст.; в 1811 г. февраля 11 – наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями; июля 14 переименован архимандритом Московского Новоспасского монастыря, с оставлением в прежних должностях; в 1812 г. марта 3 назначен, а 17 рукоположен в епископа Костромского.

3) Филарет Дроздов, из инспекторов здешней семинарии, перемещен в академию бакалавром 8 Февр. 1810 г. и проходил часть догматического богословия и церковную историю; в 1811 г. июня 30 удостоился получить от щедрот Монарха наперсный крест с драгоценными камнями; 8 июля произведен в архимандрита и получил от Комиссии дух. училищ поручение дать окончившим курс воспитанникам здешней семинарии наставление в должности служителей церкви и руководствовать их в чтении Св. Писания и св. Отец; в 1812 г. марта 11 определен ректором академии и профессором богословских наук; в 1813 г. июня 29, за неусыпные труды в образовании духовного юношества и за назидательные поучения, Всемиловитейше сопричислен к ордену св. равноапостольного Князя Владимира 2-й степени большого креста; в 1814 г. 13 авг. от Комиссии дух. училищ наименован доктором православного богословия, а 27 авг., за успешное окончание первого академического курса, отличные труды и способность к образованию юношества, удостоен Высочайшего рескрипта, с изъявлением Высокомонаршей благодарности, и награжден пожизненным пенсионом.

Инспекторы Академии

по академическому Уставу, имеют надзор за нравственностью и поведением студентов. При открытии академии должность эта возложена была Комиссией дух. училищ на –

1) бакалавра философии, соборного иеромонаха Евгения Казанцова¹⁷⁹: но в 1810 г. 14 февр. он определен был ректором в Троицкую семинарию. – Между тем Комиссия дух. училищ, по многим уважительным предметам, в состав должности инспектора входящим, и для ближайшего надзора за студентами, признавая нужным определить к исправлению ее такого человека, который бы не был отвлекаем ни какими учебными упражнениями, определила к оной, рекомендованного преосв. Феофилактом, ректора Калужской семинарии, архим. Иону¹⁸⁰.

2) Архим. Иона, в мире Иван Васильевский, – сын бедного дьячка Васильевской церкви в Калуге, с малых лет сирота, без средств к жизни и образованию. Будущий пастырь Русской церкви, великий своей подвижнической жизнью, просил, как милости, утверждения за ним отцовского места: но м. Платон отослал его в школу для обучения грамоте. Васильевский выслушал полный курс наук того времени. Священническое место в Калуге – родном городе – было для него наградой за труды. Он сделан был членом духовного правления, а когда в Калуге открыта епархия, преосв. Феофилакт, первый епископ Калужский, наименовал его членом консистории и произвел в протоиерея. Но время скорбей не кончилось для него: в 1802 г. умерла его супруга, за ней вскоре последовали две дочери и сын. Богобоязненный священник счел это знамение Высшего призвания к исключительному служению на пользу Церкви в иноческом звании. Преосв. Феофилакт хотел открыть более обширный путь для его деятельности и, находясь в то время в С.-Петербурге на чреде присутствования в св. Синоде, рекомендовал его м. Амвросию. По приглашению обоих он прибыл в 1807 г. в С.-Петербург, пострижен в Александроневской лавре в монашество и определен законоучителем в Коммерческое училище; но вскоре затем назначен был, уже в звании архимандрита, ректором Калужской семинарии. Между множеством других трудов и забот, лежавших на нем за отсутствием архипастыря, особенно по сердцу ему было устройство бursы для бедных воспитанников. В 1810 г. он снова был вызван в С.-Петербург на чреду священнослужения, и 12 января определен инспектором и экономом здешней дух. академии; в 1811 г. за ревностное и усердное исполнение этих должностей, Всемиловитейше пожалован наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями. С 1812 г. начинается его служение Церкви, в сане епископа Тамбовской и Астраханской епархии и Грузинской экзархии. Добрый пастырь скончался 22 июня 1849 г. в сане митрополита, который носил двадцать лет – с 1828 года.

3) Архим. Амвросий (Рождественский), ректор Вологодской семинарии, в 1810 г. вызван в С.-Петербург на чреду священнослужения; в 1811 г. переведен из Спасоприлуцкого в Иверский первоклассный монастырь; с 1812 по 1814 г. находился в здешней академии инспектором; в 1816 г. переведен в Донской монастырь и определен председательствующим в Московскую духовную цензуру; в 1817 г. рукоположен в епископа Вятского. После него инспекторскую должность исправлял –

4) Архим. Филарет Амфитеатров, вызванный на чреду священнослужения из Тобольска, где был ректором семинарии и настоятелем Знаменского монастыря; при окончании учебного академического курса, наименован доктором православного богословия; в августе 1814 г., во время преобразования Московской академии, переведен в нее инспектором и профессором богословских наук. Ныне митрополит Киевский и Галицкий.

Профессоры и бакалавры

По классу богословских наук:

1) Филарет Дроздов, иеромонах и потом архимандрит (1810–1812 г.), преподавал библейскую историю и древности.

2) Иннокентий Смирнов, игумен Московского Знаменского монастыря, вызван в академию из Троицкой семинарии, в которой был префектом и учителем философии. Продолжая труды своего предшественника, он преподавал церковную историю, излагая порядок событий со 2-го и до 17-го христианского века; в 1812 г. 9 июня произведен в сан архимандрита; в 1813 г. исправлял чреду священнослужения и проповедания слова Божия; в 1813 г. определен ректором С.-Петербургской семинарии, с оставлением в должности академического бакалавра; в 1814 г. авг. 27, за отличное и ревностное служение, Всемилоостивейше награжден, при Высочайшем рескрипте, орденом св. Анны 2 ст. и, во изъявление особенного Высочайшего благоволения за подъятые труды по ученой части, удостоился получить орденский крест, алмазами украшенный. Скончался епископом Пензенским и Саратовским¹⁸¹.

Класс философских наук: 1) доктор прав Игнатий Фесслер, вызван был Сперанским, по рекомендации профессора Лодия, в 1810 году. Внутренняя и внешняя жизнь этого человека полны внезапностей, перемен и противоречий. Путь опыта, сокращаемый для нас историей, он проходил с одними средствами собственной мысли и воли, достаточными, если смотреть на них, как на меру дарований одного человека, но весьма ограниченными перед вековыми показаниями истории. Явления внутренней жизни из опытов прошедших веков, уже получившие определенную и справедливую оценку в истории, волновали его как еще неразрешенные вопросы ума и сердца, порождали борьбу мыслей со всеми ее томлениями и скорбями. Сенека, Платон, Спиноза, Гельвеций и Руссо попеременно были предметом его высокого уважения. Наконец, как замечено о нем в одном из повременных изданий ученой Германии, пройдя все степени веры, сомнения и познания, потеряв первую и не довольствуясь последним, он вздумал искать в мистицизме удовлетворения своему беспокойному уму. Внешняя жизнь его соответствовала внутренней. Получив образование в училище ордена капуцинов, в который он вступил по желанию родителей 17-ти лет от роду, он прошел церковные степени иподиакона, диакона и священника; потом был профессором восточных языков в Львовском университете, где приобрел себе известность по преимуществу двумя сочинениями: *Institutiones linguarum orientalium, hebraeae, chaldaicae, syriacae, arabicae* и *Anthologia hebraica, e sacris Hebraeorum libris deprompta*. Последующее время, до 53 года жизни и до прибытия его в С.-Петербург, богато явлениями только внутренней его жизни. По удалении из академии, при которой он состоял только пять месяцев, с февраля по июль 1810 года, он определен в Комиссию законов, для занятия по предметам, к теории уголовного права принадлежащим, в качестве корреспондента. Скончался супер-интендантом и председателем Саратовской евангелической консистории¹⁸².

2) Евгений Казанцов, определен бакалавром философских наук, по предложению м. Амвросия, и начал преподавание уроков со дня открытия академии – еще до прибытия Фесслера: но в 1810 г. 18 февр., по желанию Московского митрополита Платона, переведен ректором в Троицкую семинарию. Ныне архиепископ и член св. Синода.

3) Ординар. профессор Иог. Фон-Хорн (von Horn), доктор богословия и философии, надв. совет., родился в 1779 г. в княжестве Верден; первое образование получил в местной гимназии, высшее – в Галльском университете, где был в то же время членом проповеднической семинарии, находившейся под управлением профессора Нимейера и филологической, состоявшей под дирекцией Вольфа; учено-литературное поприще начал изданием Томсоновых «Времен года» (Thomson's Jahreszeiten) с эстетическими, критическими и объяснительными примечаниями. В 1803 г. Гельмштадское общество германской литературы избрало его своим членом, Иенский университет наименовал, после испытания, доктором философии, а Геттингенский принял в свое ученое общество, с званием адъюнкт – профессора по богословскому факультету: Хорн обучал чтению Св. Писания и восточным языкам; между тем в то же время издавал журнал под названием *Museum der Theologie und Litteratur* (Hannover, bei Hahn. 1803–1804). В 1804 г. прибыл в Россию и поступил в Дерптский университет ордин. профессором богословия и церковной истории, но преподавал вместе с тем и философию религии; в 1805 г. конференция Дерптского университета возвела его в степень доктора

богословия. В 1810 г. кн. А. Н. Голицын пригласил его на кафедру философии в здешней академии, которую он и занимал до конца первого курса.

Класс словесных наук, под руководством преосв. Феофилакта, занимал, с званием бакалавра, иеромонах Леонид Зарецкий. Увлекательное преподавание и, руководимые здоровым вкусом, разборы классических писателей приобрели ему уважение слушателей и доверие Комиссии, которая поручила ему составить учебник по его классу, для духовных академий и семинарий. В 1811 г., когда Леонид произведен был в архимандрита, преосвящ. Феофилакт отзывался о нем пред Комиссией в самых лестных выражениях, что он не обманулся в своей надежде на его дарования и что труднейшие части словесности преподаны им с желанным успехом: это было по тому поводу, что преосв. Феофилакт хотел сложить с себя звание профессора, чтобы не быть преградой к профессорскому званию для своего помощника, который показал отличную деятельность по должности; по уважению отличной рекомендации преосв. Феофилакта, Леонид в 1811 г. наименован исправляющим должность профессора¹⁸³, а в следующем году полным профессором; но, к общему сожалению, он скончался в самом начале полезных трудов – 1813 г. ноября 23. Занятие с студентами, по классу словесности, до окончания курса поручено было, бывшему в то время в С.-Петербурге на чреде священнослужения, ректору Вологодской семинарии, архим. Феофилакту Ширяеву.

По классу физико-математических наук труднее, чем по какому другому, можно было найти способных и опытных наставников из учителей или воспитанников наших академий и семинарий. Труд образования профессоров по этой части для духовных училищ, по предложению Комиссии, принял на себя, с званием ординарн. профессора, 1) С. Е. Гурьев, статский советник, ординарный академик Императорской Академии Наук, член Российской Академии и кавалер ордена св. Анны 2-й ст. Смерть прекратила полезную деятельность его в 1814 году¹⁸⁴.

Преемник его, И. Н. Гроздов, обучался в Тверской семинарии и в Учительской гимназии; по окончании курса определен в училище корабельной архитектуры, для первоначального обучения математике воспитанников и для собственного дальнейшего образования в этой науке; в 1806 г., в присутствии морского начальства и членов Императорской Академии Наук, имел испытание на звание адъюнкт-профессора, в котором и утвержден 11 января 1807 года: тогда же поручено было ему преподавание высшей математики, механики, гидродинамики, теории кораблестроения и физики; в 1809 г., по указанию профессора Гурьева, приглашен в здешнюю академию и помогал ему, в качестве репетитора его уроков, изъясняя в то же время для начинающих учиться математике – первые основания этой науки; в 1812 г. Конференция Императорской Академии Наук возвела его в звание ординарного профессора математических наук, а училище Корабельной архитектуры избрало своим членом; в 1814 г., по смерти Гурьева, он наименован ординарным профессором здешней академии и находился при ней до конца первого курса.

В профессорах исторических наук, м. Амвросий приглашал протоиерея Стахия Ив. Колосова, бывшего законоучителем в 1-м кадетском корпусе; но когда он отказался принять это звание, по причине слабости зрения: то Комиссия дух. училищ, через своего члена, обер-священника И. С. Державина, пригласила, к занятию этой кафедры, старшего учителя Нижегородской гимназии Якова Вас. Орлова. Он происходил из духовного звания и обучался сперва в Троицкой семинарии, потом в Учительской гимназии; по окончании курса Комиссией об учреждении народных училищ определен в Нижегородское Главное народное училище учителем высших классов: географии, естественной и всеобщей истории и статистики; после переименования училища губернской гимназией, наименован старшим учителем; за «историческое и статистическое описание Нижегородской губернии» удостоился Высочайшего благоволения и награждения бриллиантовым перстнем. В здешней академии в течение первого курса преподавал общую историю и географию, состоя в звании бакалавра, а с 10 янв. 1810 г. орд. профессора; при окончании курса Всемиловейше пожалован был орденом св. равноапостольного кн. Владимира 4-й ст. Изданные им сочинения дают понятие о нем, как человеке отлично благонамеренном и остроумном, с даром приятного и занимательного рассказа, хотя без строгой системы и критики в уроках.

П. Б. Вигилинский из прежних наставников академии, священник, определен бакалавром исторических наук, по предложению пр. м. Амвросия; но в 1810 г. янв. 1-го уволен от академической службы.

Греческий язык. При открытии академии кафедру греческого языка и словесности занял, по приглашению г. товарища министра юстиции, М. М. Сперанского, Д. Е. Скинас и отлично

оправдал оказанное ему доверие: к сожалению, домашние обстоятельства увлекли его к другому роду жизни и службы. На его место, по его же рекомендации определен был, с званием учителя, служивший переводчиком в государственной Коллегии иностранных дел Апостол Александр Клендо, но не показал усердия и деятельности, каких желало от него начальство для пользы заведения, и потому скоро был уволен. Комиссия озабочилась приисканием на его место нового наставника и выбор ее весьма счастливо пал на знаменитого впоследствии Христиана Фридриха Грефе. Он был сын пастора в саксонском городе Хемнице и приготавливался сперва к тому же званию: но любознательность увлекла его в другую сторону – в область исключительных занятий наукой. Грефе обучался сперва в Хемницком лицее, потом в Лейпцигской академии, историческим и математическим наукам, древним языкам, философии и богословию; в 1803 году поступил членом в Королевское Греческое общество в Лейпциге и, под руководством знаменитого президента его, профессора Готфрида Германа, начал свое образование в классической филологии. Сам знаменитый филолог считал его способнейшим и наиболее созревшим между своими слушателями: «*Si quis eorum, писал Герман, qui mea disciplina utuntur, quem ob excellens ingenium, ob accuratam doctrinam, ob animi honestatem moresque cultissimos, dilectum habeam, est is Chr. Fredericus Graefe, Chemnitzensis, Ph. D. et AA. LL. M. Qui, cum esset in Societatem graecam, qui me praesidem habet, receptus, hanc in mentem eo esse cognovi, quae, mediocritatem, qua plerique contenti sunt, contemnens, ea tantum, quae quoque in genere perfectissima sunt, consecraretur. Itaque quum indefessa diligentia litteris operam daret, eos fecit progressus, ut inter sodales suos facile princeps haberetur. Atque est ille in graecis, latinisque litteris ita versatus, ut utriusque linguae raram cognitionem, intimam cum antiquis scriptoribus familiaritatem, artis criticae usum dexterrimum habeat... Ego quidem, quo ccrtius confido, clarum olim inter philologos fore, eo magis opto, ut ei, quae petit, contingant. Godofredus Hermannus, Eloq. P.P.O.*» В 1805 г. февр. 28, после открытого испытания в Лейпцигской академии, Грефе удостоен степени магистра свободных наук, а вскоре потом доктора философии. Из Лейпцига отправился в Лифляндию по приглашению одной знаменитой фамилии, при которой и находился в качестве педагога. Отсюда рекомендован был князю А. Н. Голицыну и, по его приглашению, поступил в С.-Петербургскую Дух. Академию, с званием ординарного профессора греческой словесности (1810 г. сент. 27). В 1814 г., сверх класса греческой словесности, ему поручено было обучение студентов немецкому языку. Труды его не остались без награждения: по случаю окончания 1-го учебного курса, он награжден с Высочайшего соизволения, двойным профессорским окладом и, по уважении отличных сведений в древних языках и полезного их употребления, Всемиловитейше пожалован орденом св. Равноапостольного князя Владимира 4-й ст. Ближайшее начальство академии и м. Амвросий весьма ценили этого достойнейшего наставника, уважая его познания и усердие к своим обязанностям, соединенные с прекрасными качествами души. В 1819 г., по приглашению тогдашнего попечителя С.-Петербургского учебного округа, графа С. С. Уварова, Грефе перешел из академии в здешний Императорский университет на кафедру греческой и латинской словесности, которую и занимал по день смерти, прекратившей полезное служение его 30 ноября 1851 года. Лучший ценитель его образованности и заслуг, покойный граф С. С. Уваров, пользовавшийся руководством Грефе в изучении греческой словесности, отзывался о нем самым лестным образом. Грефе соединял с специальной эрудицией, в избранной им области занятий, утонченность вкуса и проницательность ума – такие качества, при которых совершенно способен был доказать, что эти, так называемые мертвые языки, на известной высоте понимания их, одушевлены более чем когда-либо, и что многие из новейших языков пользуются, против них, гораздо меньшим правом называться живыми. Для него не было тайн в языке, которому он посвящал все минуты своей трудолюбивой жизни и который изучал с живым чувством, способным понимать утонченные красоты его¹⁸⁵. В делах бывшей Комиссии дух. учил., между другими, собственно учебными памятниками его образованности и трудолюбия, сохранились: 1) приветствие его м. Амвросию, написанное латинскими стихами и 2) перевод одного Шиллерова стихотворения греческими стихами: Ἀδελφοὶ Σέχνηοι – Τηγαῶνδία ἔχ τῶν τοῦ χίλληρου, μεταφράζεται ὑπὸ Φηδερίχου τοῦ Γραιφίβ. Первое помещаем в прилож. № 5.

4) Бакалавр Симеон Платонов занимал студентов низшего отделения грамматическим изучением греческого языка, быв отлично приготовлен к этому своим первоначальным образованием: по окончании курса в Троицкой семинарии он провел несколько времени в Московском Греческом монастыре для изучения языка в живой речи; в 1806 г. определен учителем этого языка в Троицкую семинарию; 1808 г. Комиссией дух. училищ переведен на этот

же класс в здешнюю академию, с званием бакалавра. Он же заведовал и еврейским языком до приискания наставника по этому классу. В 1814 г., при окончании учебного курса, награжден за свои труды степенью магистра богословия, хотя это только сравняло его с его слушателями. Так как он был священником, то на него тогда же возложен был магистерский крест.

По классу еврейского языка: 1) профессор Фесслер с янв. 1810 г. по 22 июня того же года.

2) Профессор Иог. Фон-Хорн, доктор богословия и философии, с 3 сент. 1810 г. по 1814 год.

По классу немецкого языка: доктор прав, Отто Эвальд Смольяно, занимал класс немецкого языка в течение почти целого первого курса. Сам он обучался в Галльском университете естественному, церковному, уголовному и римскому праву, политической экономии, математике, филологии и римским древностям, и, по окончании курса, поступил на службу в государственную Юстиц-Коллегию лифляндских, эстляндских и финляндских дел; в 1809 г., по приглашению князя А. Н. Голицына, занял класс немецкого языка в здешней академии и проходил эту должность, в звании бакалавра, с искусством, пользой и честью; в 1812 г. Высочайше награжден чином титулярного советника; в 1814 г. 28 апр. выбыл из академии.

Французский язык преподавал сперва Аббат де Бое: но в августе 1810 г. он назначен был прелатом в Могилевскую епархию; на его место определен Ле-Кок де Вюстэн, преподававший французский язык в здешнем Коммерческом училище.

Размещение студентов первого академического курса к училищным должностям

Перед окончанием первого учебного курса м. Амвросий предложил на рассмотрение Комиссии дух. училищ следующие предположения по этому предмету:

1) При распределении людей, которые особным благодеянием общества получили образование своих способностей, без сомнения, прежде всего должно иметь ввиду пользу общую. Поэтому предназначаемый для них круг деятельности должен быть соразмерен с их количеством и качествами. Если он будет теснее надлежащего: то часть сил не будет иметь случая развиваться, и потеряется в бездействии; так и напротив, если он будет чрез меру обширен: то действие сил произойдет только слабое и нерешительное, а потому и не достигнет своей цели. Если люди, по степени образования своего, способные произвести в целом обществе возвышение просвещения, или улучшение нравов, будут заключены в тесном и низком круге действия: общество не вкусит плода, который созрел для него; и напротив, если те, которые получили только слабое, или неправильное раскрытие своих способностей, допущены будут распространять свое влияние на целое общество, и особенно в такое время, когда предпринимаются некоторые исправления и перемены: то, вместо полезного преобразования, произойдет только беспорядочный переворот, и, вместо нового устройства, одно разрушение прежних постановлений.

Из приложения этих общих истин к настоящему делу происходит, для ближайшего академического начальства, обязанность – со всей возможной точностью испытать и определить качества каждого воспитанника порознь, для соответственного им назначения (что и было исполнено нарочито образованным испытательным Комитетом, о действиях которого сказано выше); а для высшего начальства рождается общий вопрос: до какой степени полезно и нужно распространить то влияние, которое воспитанники настоящего академического курса могут иметь на образование русского духовного юношества?

Ответ: действие образования, полученного воспитанниками настоящего академического курса, при тщательном надзоре, полезно и нужно распространить до такой степени, чтобы им произведено было не только частное исправление некоторых духовных училищ, но положено было бы прочное основание к возвышению просвещения в целом духовенстве русском. Причины этого мнения суть следующие:

а) Нынешние студенты здешней академии суть выбор всего лучшего из всех, или по крайней мере из многочисленнейших и образованнейших епархий целой России: итак, этот курс ее – для целой России. Следующие курсы соберутся из немногих, и то частью малочисленных, и частью не отличившихся образованностью, епархий.

б) Между нынешними студентами есть такие, которые были уже учителями языков, риторики и даже философии. Эта предварительная опытность, при вступлении в учение академическое, делала возможным сообщить особенную зрелость образованию окончательному.

в) Новость заведения не только не должна унижать понятия о воспитанниках настоящего курса, но еще может возвышать его. Живость и напряжение сил, преимущественно свойственное началу всякого дела, нередко дают новым заведениям качество неутомимости: а они уже ручаются за успех во всяком роде. В самом деле, хотя многочисленность учебных предметов, недостаток учебных книг, перемены наставников, случившиеся по некоторым классам до четырех раз, образ преподавания, происходивший иногда более от стечения обстоятельств, чем от убеждения в его совершенстве, более или менее должны были задерживать или колебать ход настоящего курса: впрочем целые сочинения, написанные некоторыми учащими для своих уроков, и целые системы уроков, частью сокращенные, частью в полноте списанные учащимися для своего употребления, показывают, что те не оскудевали преподавая, а эти не охладевали, принимая наставления.

2) После общественной пользы позволительно думать и о частной. Если воспитанники настоящего академического курса дают надежду особенной пользы для общества: то не будет несправедливо позаботиться о том, чтобы лучшие из них размещены были с особенной для них честью и выгодой. Попечение это могут оправдать еще следующие рассуждения:

а) Поскольку лучшая часть воспитанников поступили в академию из учителей и студентов, окончивших курс в академиях и семинариях: то, между тем, как они здесь, с новыми трудами, в

неизвестности будущего жребия, продолжают свое образование около шести лет, их сверстники, даже младше их, в своих местах пользуются выгодами определенного состояния, и достигли уже важных должностей в белом и монашеском духовенстве. Какая же будет справедливость, какое поощрение к подвигам на поприще просвещения, если люди, не понесшие таких трудов и не снискавшие таких познаний, как воспитанники здешней академии, всегда будут упреждать этих последних во всех преимуществах, какими должны пользоваться в благоустроенном обществе достоинство и заслуга?

б) Если, при окончании настоящего курса, не откроется с некоторым блеском участь воспитанников академии: то не только их обманутая надежда прежняя может охладить ревность их к будущему служению; но и воспитанники семинарий, смотря на этот пример, не будут иметь охоты вступать в академию, и будут предпочитать долгим и ненадежным трудам близкие и верные выгоды. Набор же в академию против желания и не полезен и не удобен: ибо решительность всегда будет уметь уклониться от оно, а достоинство найти себе иной путь к счастью. Итак, участь настоящего академического курса связана с судьбой будущих. Если настоящий будет счастлив: то следующее будут соревновать ему, и, может быть, более, нежели он, заслужат счастья; но если он будет оставлен без внимания: то весьма вероятно, что будущие будут недостойны внимания.

В сообразность с этими предположениями относительно распределения студентов к учительским должностям Комиссия утвердила следующее: 1) лучших студентов оставить при здешней академии для замещения вакансий наставников, выбывших вследствие прекращения сделанного ими обязательства о времени службы при академии, или уволенных по надежде заместить их способнейшими. Таким образом получили назначение 12 лучших воспитанников, занявшие наставнические места в самой академии, именно: магистры, иеромонахи: Афанасий Протопопов, Григорий Постников, Моисей Платонов, Кирилл Платонов; светские: Герасим Павский, Иродион Ветринский, Василий Разумовский, Иоаким Кочетов, Василий Себржинский, Михаил Леонтович, Тимофей Никольский и кандидат Степан Райковский.

2) Так как второе назначение воспитанников академии есть занятие профессорских мест в семинариях: то, для открытия таковых мест воспитанникам первого курса, истребованы были сведения от преосвященных архиереев 6-ти епархий здешнего округа: которые из наличных семинарских наставников могут и впредь оставаться с несомненной пользой и на какие учебные предметы нужно определить профессоров отъинуды? Через эту меру в окружных семинариях открылось до 25 мест, которые заняты академическими воспитанниками.

3) Для размещения остальных воспитанников и чтобы достигнуть главной цели их назначения – быть наставниками духовного юношества в высших училищах, Комиссия приступила к открытию другого учебного округа, именно Московского. Таким образом определены 8 воспитанников в Московскую академию бакалаврами, именно: Григорий Левицкий, Иван Носов, Петр Розанов, Михаил Бажанов, Василий Херсонский, Василий Кутневич, Арсений Тяжелов и Григорий Огиевский, а остальная часть профессорами в семинарии Московского округа. Некоторые из лучших студентов назначены прямо в начальственные должности, именно иером. А. Протопопов – инспектором здешней академии и иером. Венедикт Григорович – ректором Могилевской семинарии.

4) Для поощрения к трудам на поприще просвещения, Комиссия исходатайствовала воспитанникам дух. академий особые преимущества и права; именно:

а. Права духовно-училищной службы перед епархиальной

В 1814 г. Комиссия духовных училищ представляла св. Синоду: «случается иногда к огорчению служащих при духовных училищах, что из двух сверстников, из которых лучший определяется в училищную, а худший в епархиальную службу, последний вскоре начинает считаться за старшего. Но как это отвращает от службы училищной людей, нужных для училищ: то Комиссия находит нужным, справедливым и полезным постановить и утвердить следующее правило: лета службы училищной должны считаться в старшинстве преимущественно перед летами службы епархиальной». Представление Комиссии утверждено св. Синодом¹⁸⁶.

б. Ученым степеням присвоенные – по ведомству духовного звания

По силе Высочайше утвержденного в 26-й день июня 1808 года доклада Комитета о усовершенствовании дух. училищ, надлежало, по истечении совершившегося 1-го учебного курса в С.-Петербургской Дух. Академии, приступить к распределению духовных мест по классам церквей и потом на церковные причты производить классные оклады. Но Комиссия дух. училищ, найдя распределение церквей на классы и определение на священнослужительские места по этим окладам неудобным, по причине уменьшения сумм на содержание причтов положенных, предположила сделать только частное исполнение положения о классных окладах для духовенства на нижеследующем основании:

1) классные оклады белого духовенства присвоить не известным каким-либо церквам, но известным достоинствам лиц, к каким бы церквам они ни поступили;

2) право получать классные оклады дать тем, которые заслужат звание докторов, магистров и кандидатов, при соответственном просвещению поведению;

3) доктору предоставить оклад первоклассный, т. е. 500 руб., магистру – второклассный, т. е. 350 руб., кандидату – третьеклассный, т. е. 250 руб. асс.;

4) получение этих окладов назначить со времени посвящения в священнослужительский сан;

5) служащим при духовных училищах, если они объявят неперенное желание вступить в духовное звание, и прежде посвящения их, допустить выдачу упомянутых окладов, в дополнение умеренных окладов училища. Действием этой меры, – как предполагала Комиссия дух. училищ, – будет то, что а) предположение о доставлении белому духовенству постоянного дохода постепенно будет исполняться;

б) люди, способные занимать профессорские места при духовных училищах, не будут льститься таковыми же местами в светских училищах;

в) духовное юношество получит новое побуждение к поискам высшего просвещения и достижению степеней академических. Таким образом и мысль ввести соревнование и открыть путь достоинствам к приличным преимуществам, изображенная в докладе Комитета о усовершенствовании духовных училищ и принятые за основание Положения о разделении белого духовенства на классы, получит свое событие. Для этого именно должно присвоить классные оклады не известным каким-либо церквам, а известным лицам, при каких бы они церквах ни служили: поскольку соревнование должно ввести не между церквами и приходами, а между лицами духовными, из которых просвещеннейших и достойнейших мужей иногда нужно, по важным церковным и духовным причинам, определять к таким церквам, которые, по бедности своей, никогда не войдут в первые классы.

Предположения эти 27 авг. 1814 г. представлены на рассмотрение Государя Императора и удостоены Высочайшего утверждения¹⁸⁷. Для единообразия выдачи, Комиссия положила начать производство классных окладов с 1 сент. 1814 г. всем, кто поступил уже в духовное звание и кто объявил желание поступить в оное¹⁸⁸. Кроме того, удостоенные степени магистра, при вступлении в духовное звание получают особый знак отличия, состоящий в малом кресте, носимом в петлице, на золотой цепочке.

в) По гражданской службе

По гражданским правам кончившие курс воспитанники духовных академий уравниваются с воспитанниками высших учебных заведений светских. Получившие степень магистра или кандидата, по определении в гражданскую службу производятся в чины, присвоенные званию магистра и кандидата¹⁸⁹.

Выбор звания для воспитанников духовной академии определен уже самым назначением их воспитания. Впрочем, академический устав не полагает преграды желанию и склонностям, если бы кто-нибудь из воспитанников захотел вступить в другое звание. Для пользы духовных училищ на этот счет сделано только одно ограничение права академических воспитанников относительно перемены звания, именно следующее: окончивший курс воспитанник обязан, если потребует начальство, в благодарность за свое воспитание, служить в пользу духовных училищ, по крайней мере, время полного курса, т. е. четыре года¹⁹⁰.

Экономия академии

Примерным штатом дух. академий на С.-Петербургскую Академию положено 67,000 рублей¹⁹¹, и именно:

6 профессорам	9000 руб.
12 бакалаврам	8400
1 ректору	500
1 инспектору	350
1 секретарю Правления	400
2 письмоводителям	400
на библиотеку и классические книги	750
1 библиотекарю	400
1 помощнику его	200
на содержание физического кабинета	1100
на проезд посылаемых для обозрения семинарий	2500
на канцелярские расходы	500
на журналы и периодические издания	250
эконому	500
при нем письмоводителю	200
цензору	450
лекарю	500
на содержание 200 студентов	3000
на больницу	600
на содержание дома и прислугу	1000 р. ¹⁹²

Суммы, положенные на эти разряды, не были постоянными, и академическому Правлению дано было право переходить из суммы в сумму, т. е. остатками от суммы одного разряда дополнять могущие произойти недостатки в сумме другого разряда. Не воспрещено было делать благоразумную экономию, с тем однако ж наблюдением, чтобы студенты не нуждались ни в чем для них необходимом, а в случае каких-либо предприятий, к пользе академии относящихся, по ученой и экономической части, Правлению вменено в обязанность представлять Комиссии дух. училищ, с испрашиванием денежных пособий¹⁹³. Экономией академии заведовали: 1) лаврский иеромонах Ираклий, с званием члена Правления, с 1808 г. по 10 апр. 1809 г.; 2) эконоом здешней семинарии, священник Петр Успенский, с 10 апр. 1809 г. по 17 февр. 1810 г.; 3) архим. Иона (бывший в то же время инспектором академии), с 17 февр. 1810 г. по 19 марта 1812 г.; 4) лаврский иеромонах Павел, сделанный впоследствии архимандритом, с 19 марта 1812 года.

Оклады жалованья наставникам академии

Штатом С.-Петербургской Духовной Академии положено было:

Профессорам академии по 1,500 р.

Бакалаврам по 700 р. в год.

Но, поскольку большая часть наставников, приглашенных для образования первого курса, не соглашались взять этой суммы, а с другой стороны не могли занимать, вместе с наставнической, другой какой-либо должности, доставляющей доход, как предположено в плане образования академии: то оклады их были увеличены против штата и были распределены следующим образом:

в 1809 году:

Ректору архим. Евграфу, за должность ректора	500 руб.
» профессора богословских наук	1500 »
Профессору словесных наук преосв. Феофилакту	— 194
Профессорам: физико-математических наук	Гурьеву 3000 руб.
	Гроздову 1000 »
Профессору греческого языка	Скинасу 1500 »
Бакалаврам:	философских наук 700 »
»	ему же по должности инспектора 350 »
»	словесных наук 700 »
»	исторических наук 700 »
»	еврейского и греческого языка 700 »
»	немецкого языка 700 »

в 1810 году:

Профессору философии и евр. языка Фесслеру и после него – Хорну:
первому с 1-го января, последнему с 10 сентября

	2500 руб.
Бакалавру церк. истории иером. Филарету с 12-го янв.	1 100р.
Профессору Орлову	1 000р.
Учителю греческого языка апостолу Клендо	1200 руб.
Профессору Грефе	1 500р.

в 1811 году:

Инспектору и эконому, архим. Ионе 850 руб.
Исправляющему должность профессора, архим. Леониду, с 18 октября 1 000р.

в 1812 году:

Профессору Орлову с 20 марта 1500 руб.
Профессору философии и евр. языка Хорну с 10 августа 3 500р.

в 1814 году:

Профессору Гроздову, с 11 января 2200 руб.

Отдел третий. Второй и следующие академические курсы 1814–1856 г.

Изменения и дополнения в учебной части академии

Разделение академического курса на два разных срока

При окончании первого академического курса преосв. м. Амвросий предложил Комиссии, по званию члена оной, следующий проект об устройстве курса будущего:

«В устройении настоящего академического курса одним взглядом приметить можно два великие неудобства: чрезмерное множество совокупно преподаваемых предметов и чрезмерное непрерывное продолжение обучения каждому предмету. В начале курса каждый студент обязан был обучаться всем, положенным в академии предметам. Неудобство этого распоряжения вскоре усмотрено. Впрочем, и после того, как некоторые предметы отданы на выбор, каждому досталось не менее восьми предметов. К этому должно присовокупить, что некоторые предметы, по той обширности, в какой были преподаваемы на основании Устава и сделанных учащими конспектов, развиваются вновь на многие отрасли; так, например, под одним именем богословия заключаются: догматика, нравственное богословие, полемика, герменевтика, гомилетика и каноническое право. Эта тяжесть многих совокупленных учебных предметов возрастает от продолжения учебного курса. Если при множестве учебных предметов трудно сообразить уроки одной недели: то какая трудность, при том же множестве предметов, дать вдруг отчет в уроках пяти лет или более! Если бы такой решительный отчет надлежало давать через один или два года: то вступающий в этот период времени от первого предела видел бы последний и непрестанно бы к нему готовился. Напротив, от начала шестилетнего и четырехлетнего курса, так сказать, не видно конца его; и вступающий в это поприще может обеспечить себя той мыслью, что еще не время готовиться к отчету: но, проведя с этой мыслью один или два года, он увидит, что нет уже времени возратить множество потерь, сделанных этим первоначальным равнодушием. Пусть заставят лучшего профессора повторить урок, данный им за пять лет: и ему, чтобы произнести его в прежней полноте и стройности, нужно будет время на размышление, а иногда и внешние пособия. Каково же должно быть состояние воспитанника, предстоящего на окончательное испытание, на котором от него могут потребовать отчета в каждом из разнообразных уроков, полученных в продолжение пяти лет не менее, как от восьми профессоров; заставят его дать скорый отчет на предложенный, сверх чаянья, вопрос, и осудят, если он придет в замешательство?»

Для прекращения этих неудобств положено было привести в действие 84-й пункт Начертания правил Комитета об усовершенствовании духовных училищ, то есть разделить следующие четырехлетние академические курсы на два срока или двухлетия, и сделать сообразное расположение учебных предметов. В этих соображениях, к предметам первого двухлетия отнесены: философия, словесность вообще и язык латинский, общая история и математика; к предметам второго двухлетия: богословие, церковная история и древности со священной хронологией и географией, словесность российская, особенно духовная. Истолковательное чтение Свящ. Писания и языки: греческий, еврейский, французский и немецкий сделаны общими для обоих сроков. Обучение языкам положено непрерывно на четыре года потому, что это учение, как не систематическое, не препятствует другим предметам, и отчет в нем всегда одинаков. Чтение же Свящ. Писания должно продолжаться во все четыре года по той причине, что в высшем духовном училище непременно нужно читать оное от начала до конца; но этого в два года, вместе с систематическим богословским учением, исполнить не можно. При этом чтение Ветхого Завета отнесено к одному, а Нового Завета к другому двухлетию; и чтобы каждому воспитаннику досталось выслушать и тот и другой, положено предлагать это чтение студентам первого и второго двухлетия вместе.

Таким образом академический курс сократился; ибо каждое двухлетие составило некоторый частный курс, обращающийся в своем круге наук и сопровождаемый своим решительным отчетом. Число учебных предметов, преподаваемых совокупно, уменьшилось, потому что некоторые из них заключены в одном, а некоторые в другом двухлетию. Сверх этого, по разделении студентов на два отделения, обучающие трудным и требующим строгой взыскательности предметам, не обременены числом учащихся.

После этих распоряжений Комиссия приступила к образованию второго курса в академии, и положила в первый раз собрать половину предполагаемого для всей академии числа студентов, с тем, чтобы, когда они пройдут время и предметы первого срока и приступят к предметам второго, места их в классах первого срока занять другими. По прошествии другого двухлетия,

когда первые окончат полный курс, последние вступят на их место; вместо этих соберутся новые, и так далее. Действием этих мер предполагались следующие виды: 1) что академия каждые два года будет принимать из семинарии новых воспитанников: а это и будет сообразно с выпуском их из семинарий, который, по расположению курсов, также приходит через два года; 2) что каждые же два года академия будет выпускать окончивших курс ее воспитанников: а это несравненно удобнее для занятия ими пристойных мест, чем когда бы выпуск был через четыре года; и 3) что по разделении воспитанников академии на старших и младших, постепенность эта откроет в них новый род соревнования в успехах и благонравии.

Составление нового академического курса из новых воспитанников в половине 1814 года, представлялось неблаговременным, потому что, для удобного принятия воспитанников семинарии в академию, курс этой последней должен начинаться с окончанием курса в первых; но в то время был не конец, а середина курса во всех окружных семинариях. Выйти из этого затруднения представлялось тремя путями: или 1) оставить в академии один год без уроков в ожидании окончания курса в окружных семинариях; или 2) по собрании некоторого числа воспитанников из семинарий, вместо двухлетнего первого учебного курса в академии назначить трехлетний для уравнивания курса академического с семинарским на будущее время; или 3) наконец, сократить первый учебный срок в академии в один год вместо двух. Первый из этих способов – рассуждала Комиссия – вреден для наставников академических, которые по окончании настоящего курса будут определены; поскольку оставит всех их на целый год без упражнения в преподавании уроков, к которому они готовились. И первый, и второй способ равно невыгодны тем, что в обоих случаях академия, в продолжение почти пяти лет, не даст обществу ни одного воспитанника. Еще неудобство второго способа состоит в том, что, если первый учебный срок в академии продолжится три года, наставники, коих предметы принадлежат ко второму сроку, три же года останутся в бездействии. Между тем при третьем способе большая часть новых наставников тотчас, а остальная часть через один год вступит в действительное отправление своей должности и второй выпуск из академии воспитанников последует через три года. Поэтому избран последний способ, как удобнейший в применении, и в состав второго учебного курса собрана половина предполагаемого для академии числа воспитанников, именно 55¹⁹⁵. Первый срок академического учения для этого курса сокращен в один год, в продолжение которого преподаны были им предметы, отнесенные к первому сроку, именно: философия и ее история, общая словесность, общая гражданская история, начальные основания математики и физики; из предметов богословского курса изъяснены были библейские книги Нового Завета. Классы языков и математика простирались через оба курса.

С переходом этих воспитанников в высшее, богословское отделение, в состав низшего собраны были, в 1815 г., новые студенты: таким образом начался порядок академического обучения, с разделением четырехгодичного учебного курса на два срока и учебных предметов на два разряда, из которых одни, как выше показано, отнесены к низшему, другие к высшему отделению, а некоторые положены в обоих отделениях Академии.

Конспекты, учебники и руководства

При начале второго академического курса, Комиссия духовных училищ, предположив ввести единообразное преподавание наук в высших духовных училищах С.-Петербургского и Московского округов, поручила здешнему академическому Правлению составить конспекты по главнейшим предметам учения. Профессор богословия архим. Филарет составил «Обозрение богословских наук, в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах»; прочие наставники составили конспекты – каждый по своему предмету: Иродион Ветринский по классу философских наук, Василий Разумовский – словесных наук, иеромонах Кирилл – церковной истории и древностей, Иоаким Кочетов – гражданской истории, Степан Райковский – математических наук, Герасим Павский – еврейского языка и словесности, Грефе – греческого и немецкого языков и Лекок – французского, Ректор архим. Филарет рассматривал все конспекты со строгим вниманием, сокращал или распространял их объем применительно к цели и времени их преподавания и устанавливал определенность понятий в тех пунктах и вопросах, которые могли сделаться сами предметами недоразумений или подать к ним повод. Комиссия, по рассмотрении этих конспектов, послала их в списках, за исключением богословского и языков греческого, французского и немецкого, в Московское академическое Правление с тем, чтобы профессора и бакалавры в продолжение первого курса сообразовались с оными в преподавании уроков; конспект богословских наук для той же цели напечатан и в печатных экземплярах разослан для руководства во все преобразованные училища. Впоследствии, при открытии Киевской академии по новому образованию и в отношении к ней сделаны были те же распоряжения.

Так, новые наставники под наблюдением Комиссии духовных училищ и ближайшим опытным руководством ректора архим. Филарета вступили в отправление своих обязанностей и положили основание самостоятельных изысканий и ученой обработки вверенных им наук, применительно к цели высших духовных училищ и потребностям высшего образования юношей, приготовляемых на служение Церкви и Отечеству. Составленные ими конспекты и преподанные по этим конспектам уроки, с одной стороны, суть первые плоды полученного ими образования, с другой – только начатки и как бы точки отправления для последующих трудов и изысканий, возведших науки академического курса и преподавание их до той степени точности, ясности и обработанности, на которой они находятся в настоящее время. Любопытно и приятно видеть этот родственный союз высших духовных училищ, в который они введены первоначально назначением воспитанников здешней академии наставниками в Московскую и Киевскую академии и единообразием начал преподавания, установленных тем же способом для всех академий, и в котором постоянно поддерживаются и укрепляются общением идей и взаимным обменом приобретений, сделанных каждой академией на указанных и для всех одинаковых основаниях.

Представим конспекты главнейших предметов академического учения с показанием последующих в них изменений относительно объема и пространства наук, метода, направления, источников и руководств.

Главное строение видов и частей богословия

Богословие, как по имени, так и по существу вещи, есть слово о Боге. Слово понимается здесь (соответственно с греческим λόγος в слове θεολογία) не одно устное, но наипаче ума и сердца. – Казалось бы, что слово о Боге должно быть первое, внятное и немолчное в душе всякой словесной твари: но иное слышно в косноязычии языческого богословия. Нельзя не поверить Пророку, что нашелся и такой безумец, который сказал в сердце своем: несть Бог (Пс. XIII, 1). Итак, надобно, чтобы Сам Бог прорек о Себе слово человеку.

Как два суть всеобщих органа, через которые Бог простирает о Себе слово к человеку, – природа и Откровение: то и происходят отсюда два первые вида богословия: естественное и откровенное.

Некоторые богословы, как преосв. Платон, и начинали богословское учение с естественного богословия: но поскольку эта часть получила уже свое неперемное место в круге наук философских; поскольку истины естественного богословия по необходимости повторяются в изложении богословия откровенного и поскольку обыкновенный свет естественного познания о Боге, при высшем свете Откровения, есть только светильник при солнце: то, чтобы без нужды не умножались отрасли наук богословских, не составляя из естественного Богословия отдельной системы, наставник должен только по обстоятельствам обращаться к свету природы для того, чтобы тем утвердить веру в свет Откровения.

Откровенное слово о Боге с того времени, как не могло более без повреждения и утраты быть сохраняемо преданием, заключено и постепенно предложено для всеобщего разумения в Свящ. Писании, которое потому и есть корень, на котором утверждаются и от которого получают жизнь и силу все отрасли богословских познаний. Но как 1) образ и порядок, в котором предлагается в Свящ. Писании слово о Боге, есть более повествовательный и собирательный, чем исследовательский и систематический; и потому 2) не все то, что содержится в Свящ. Писании, по необходимости входит в состав богословского учения; 3) кроме того, как не все части Свящ. Писания равно вразумительны, частью по своему содержанию, частью по своей древности, еще же 4) по этому последнему обстоятельству не вдруг открываются в оном те применения откровенных истин, какие свойственны потребностям настоящих времен: то и нужно было извлечь из Свящ. Писания и совокупить в правильный состав необходимейшие и употребительнейшие истины с направлением их к той же цели, к какой назначено само Писание (2Тим. 3:16–17). Таким образом откровенное богословие получает два вида: а) коренное или собирательное, которое заключается в самом Свящ. Писании, и б) производное или систематическое, которое извлекается из первого и приводится в определенный состав. Первый составляет последнему вещество (materia); а последний первому образ (forma).

Богословие систематическое бывает или сокращенное, приспособленное к понятиям и потребностям начинающих христиан; или полное, служащее к образованию совершенно Божия человека, на всякое дело благое уготованного: иначе огласительное (th. cathethetica) и совершительное (th. consummativa). Это последнее есть предмет высших духовных училищ. От огласительного же может оно заимствовать образцы утвержденного Церковью вероисповедания, какое, например, представляет в Греко-Российской Церкви «Православное Исповедание» Петра Могилы.

Первый предмет совершительного богословия есть – показать способы правильно употреблять Свящ. Писание, для извлечения из него в чистоте истин веры и благочестия; второй – предложить извлеченные таким образом истины в правильном составе; третий – приложить их к употреблению в обществе богопочитателей. Поэтому богословие наставительное разделяется а) на посредствующее или толковательное (th. instrumentalis seu hermeneutica), б) составительное (th. constitutiva) и в) применительное (th. applicativa).

Составительное богословие, в своем составлении, главным образом следовать может или порядку и различию времен, по которым единое слово о Боге открывалось в разных видах, или разделению и взаимному союзу частных истин, составляющих целое слово о Боге: от этого рождаются: 1) богословие историческое частное и 2) учительное всеобщее. Историческое богословие рассматривает слово о Боге, как оно предложено было в пророчествах, в прообразах, в церковных символах или исповеданиях веры и писаниях св. Отец; потому и

называется: а) богословие пророческое (th. prophetica), б) преобразовательное (th. typica), в) символическое (th. symbolica), г) отеческое (th. patristica).

Примеч. Впрочем, из этих главных видов два первые заключить можно в истолковательном богословии, а два последние отнести к истории и древностям церковным.

Богословие учительное всеобщее главным образом предлагает истинное учение о Боге для утверждения веры и питания любви, а отчасти обличает ложное – для остережения искушаемых и для обращения заблуждающих. В первом случае оно есть аа) положительное, во втором бб) отрицательное или обличительное. Положительное Богословие разделяется на созерцательное (dogmatica) и деятельное (practica).

Богословие применительное имеет в виду общество богопочитателей, во-первых, как учеников, которым должно преподавать слово о Боге; во-вторых, как членов единого тела Церкви, которых должно содержать во взаимных отношениях, соответствующих благоустроенному единству целого; в-третьих, как духовную паству, которую богомудрые пастыри опытно и непрестанно должны руководствовать и охранять в путях обновления и жизни духовной. Отсюда происходят а) богословие собеседовательное (th. homiletica); б) богословие правительственное или каноническое право (th. rectrix seu jus canonum); в) богословие пастырское (th. pastoralis). Таково общее и главное построение видов и частей богословия, предложенное в «Обзрении богословских наук» для второго академического курса. Надо сказать однако-же, что 1) не все исчисленные здесь науки в одно время получили значение наук самостоятельных. Эту постепенность в их образовании мы увидим при частном обозрении каждой науки порознь. 2) Некоторые из них доселе не получили этого значения, но остаются в соединении с другими науками, как – богословие пророческое и богословие символическое. Наконец 3), с продолжением времени, круг богословских наук распространен и дополнен такими науками, которые здесь не поименованы.

В настоящее время его составляют следующие науки: 1) общее введение в православное богословие; 2) чтение Свящ. Писания и герменевтика; 3) догматическое богословие; 4) нравственное богословие; 5) обличительное богословие; 6) патристика; 7) учение о православном богослужении; 8) пастырское богословие; 9) собеседовательное богословие и 10) правительственное богословие или каноническое право.

1. Общее введение в православное богословие

Общее введение в богословие обыкновенно соединяемо было с догматическим богословием, составляя предварительную его часть. Но в 1844 г. св. Синод, намереваясь дать этой части богословия большее пространство и нарочитое значение в ходе академического учения, предложил академическим Правлениям С.-Петербургскому и Киевскому представить проект по этому предмету учения, с назначением для него времени и указанием пособий, какими должен будет пользоваться наставник. С.-Петербургское академическое Правление представило по этому предмету следующие заключения:

1) богословская энциклопедия или общее введение в богословие в обширном виде, как ученый отчет в том, почему в духовной академии преподаются такие, а не другие науки и как указатель их взаимных отношений, границ и подчинения главному предмету – учению богословскому может быть полезна в академии во многих отношениях. Воспитанников она научит измерять важность каждой преподаваемой им науки, не по безотносительной ее занимательности, но по значению ее в кругу учения академического. Наставников, которых науки около центра естественно сближаются между собою, она предостережет от бесполезного вторжения в чужие пределы; другим, которых предметы более удалены от центрального, будет напоминать, что и преподавание вспомогательных наук в дух. академии должно иметь свое особенное направление;

2) богословскую энциклопедию всего приличнее преподавать в низшем отделении академии и потому, что эта наука относится больше к философской стороне академического образования, которая преобладает в низшем отделении, и потому, что она, как программа академического образования, должна предварить воспитанников при самом вступлении в академию.

Утвердив эти предположения, св. Синод ввел преподавание богословской энциклопедии в общий курс академического учения; а профессор богословия в здешней академии, архим. Макарий (ныне епископ Винницкий, ректор академии) составил по этому предмету руководство, под названием: Введение в православное богословие (Спб. 1847 г.; второе издание, Спб. 1855 г.).

2. Чтение Свящ. Писания и герменевтика

В продолжение академического курса прочитывается все Свящ. Писание без исключения: Ветхий Завет – в первую половину курса, Новый – в последнюю, или наоборот. При вступлении в чтение делается общее обозрение книг Ветхого Завета и излагается история библейского канона и свящ. текста. В обозрении каждой книги изъясняются: 1) ее расположение; 2) буквальный и таинственный смысл текста; 3) главнейшие места богословских истин (*sedes doctrinae*); 4) места трудные, преимущественно знаменательные и спорные.

Различие в чтении разных книг и мест Свящ. Писания состоит в том, что места и книги более важные прочитываются с особенной подробностью, а прочие – кратко. «Обозрение богословских наук» обращает особенное внимание наставников в ряду исторических книг Ветхого Завета на книгу Бытия, которая должна быть истолкована во всем пространстве, из учительных на книги Экклезиаста и Песнь Песней, из пророческих на книгу Исаии. Псалтирь заключает чтение книг Ветхого Завета, потому что она есть как бы некоторое сокращение Ветхого Завета: в ней есть история, поучения и пророчества; она относится ко всем временам Ветхого Завета: ибо содержит песни Моисея, Давида, Соломона и прочих свящ. писателей, живших как прежде, так и после пленения Вавилонского, когда полагается печать написания Ветхого Завета. Ее особенному употреблению в Церкви христианской соответствует особенное внимание к ее изъяснению. Из новозаветных книг исторических Евангелие Иоанна, из учительных послания Ап. Павла к Римлянам, к Коринфянам и Евреям указаны особенному вниманию преподавателя.

Руководством по истолковательному Богословию или свящ. герменевтике в 1814 г. назначено было сочинение Якова Рамбахия под заглавием *Institutiones hermenevticae sacrae*¹⁹⁶, и для этой цели в 1815 г. напечатано особо для употребления в дух. академиях и семинариях: причем исключены обременяющие память примечания и примеры и исправлены места, в которых обнаруживалось предубеждение писателя в пользу своего частного вероисповедания. В 1828 г. напечатано сочинение ректора С.-Петербургской Дух. Семинарии, архим. Иоанна: *Delineatio hermeneuticae Sacrae generalis* и введено в классическое употребление в дух. академиях и семинариях.

3. Догматическое богословие

В прежнее время, как мы видели выше, этой частью ограничивалось все классическое богословское учение. Начатки прочих частей по той мере, как богословы усматривали возможность и нужду их существования, присоединяемы были к этой же части, пока постепенным исправлением и дополнением каждая в особенности приводима была в отдельную целость и совершенство системы. Таким образом 1) исследования свойств Свящ. Писания и изыскания относительно его целости и неповрежденности, равным образом – право переводить и изъяснять его и оценка существующих уже переводов, отнесены частью к истолковательному богословию, частью к общему введению в православное богословие; 2) статья о вероисповеданиях и разностях их учения, в догматическом, обрядовом и каноническом отношениях, с православною Церковью получила целость системы под именем богословия обличительного; 3) учение о постановлениях Церкви и соборах частью соединено с каноническим правом, частью отнесено к общему введению в православное богословие; 4) учение о Церкви, первоначально всей своей полнотой входившее в состав догматического богословия, впоследствии иногда отделяемо было для особой науки, получившей имя экклезиастики, но потом, по неопределенности начал, положенных в ее основание и ближайшей соприкосновенности ее с другими богословскими науками, некоторые части ее нашли свое место в общем введении в богословие, другие в догматическом богословии; но обрядовая сторона церкви сделалась предметом особенной науки – литургики или учения о богослужении православной Церкви.

Сообразно с этой постепенностью в образовании различных видов богословия и пределы догматического богословия, а вместе с тем конспекты этой науки, изменялись, сокращаясь в тех местах, которые подробно рассматриваются в других науках и получая большее пространство и определенность в своих существенных частях.

Так как не было книги, в которой бы истины догматического богословия изложены были в порядке и пределах, начертанных новым распределением богословских наук: то преподаватели этой науки сами составляли записки для своих слушателей. Впрочем, как для удобства преподавания, так по преимущественной важности этой части богословия, в руководство наставникам указаны сочинения некоторых отечественных и, менее пристрастных к своему исповеданию, иностранных богословов, именно: Theophilacti, Orthodoxa doctrina de credendis и Irenaei, Compendium theologiae dogmatico-polemicae; пособиями – Богословие, Феофана Прокоповича, Православное учение, Макария (к пользе и чести духовного просвещения желать надобно. – сказано в «Обзрении», – чтобы книга эта была более известна); из иностранных – Buddei, Institutiones theologiae dogmaticae, Gürtleri, Institutiones theologiae, Poireti, Oeconomia divina; для домашнего чтения учащимся – Григория Богослова, о богословии, Афанасия, о воплощении Слова и другие. Важнейшие эпохи в истории этой науки составляют уроки ректоров академии, архим. Григория и епископа Макария. Уроки архим. Григория, обработанные собственным трудом их составителя, частью в учебных тетрадях, предназначенных для его слушателей, частью в печатном издании некоторых статей, распространились впоследствии по всем академиям и семинариям и составили важное пособие для преподавателей этой части богословия. В 1819 г. они представлены были особенному вниманию Комиссии дух. училищ преосвящ. Филаретом, архиепископом Тверским, который, по званию члена Конференции, имел поручение, в числе прочих депутатов испытания, наблюдать за испытанием по классу богословских наук, при окончании третьего учебного курса в академии. Представим конспект их, хотя в самых общих чертах: А) Учение о Боге: 1) о средствах к познанию Бога; 2) о Боге, поскольку Он един; 3) о св. Троице. Б) Учение о сотворении Мира. В) Учение о провидении Божиим. Г) Учение об Ангелах добрых и злых. Д) Учение о человеке: 1) о существе человека и его первоначальном состоянии; 2) о падшем состоянии человека; 3) о восстановлении человеческого рода; 4) об условиях к получению спасения; 5) о средствах, которые Бог употребляет, чтобы привести людей к истинной вере и исправлению жизни; 6) о Церкви: а) вообще; б) о священнодействиях; в) о священноначалии в Церкви и д) о церковных законах и постановлениях. Е) Учение о последнем состоянии человеческого рода и нынешнего мира. – О Догматическом богословии ректора академии, преосвящ. Макария, приведем отзыв знаменитого столько же пастырскими своими доблестями, как и глубокой ученостью, преосв. Иннокентия,

архиепископа Херсонского и Таврического, который рассматривал этот важный труд, по поручению Императорской Академии Наук:

«Рассматриваемое нами сочинение – сказано вначале отзыва – составляет собой редкое и самое отрадное явление в нашей богословской литературе, подобного которому она давно не видала на своем горизонте и, по всей вероятности, не скоро увидит опять. Самые иностранные богословские литературы, несмотря на их давнее развитие и вековые усовершенствования, не представляют, особенно в современности, творения с такими достоинствами, как православная догматика преосв. Макария. Богословие, как наука, подвинуто этим многоученым творением далеко вперед и много приобрело уже тем, что разоблачено в нем совершенно от схоластики и латинского языка и таким образом введено в круг русской литературы и предложено, так сказать, ко всеобщему употреблению для всех любителей богословских познаний. Но самая большая заслуга автора состоит в том, что в сочинении его в первый раз изображены со всей силой и убедительностью, ученым и вместе удобопонятным языком, те догматы и положения, которыми православная Церковь Восточная отличается от всех прочих вероисповеданий христианских. После этого иностранный богослов никак не может сказать, что в восточной Церкви привыкли веровать в свои мнения безотчетно: ибо в новой православной догматике содержится такой отчет во всем, подобного которому доселе не представили большая часть церквей не православных».

Потом приступая к разбору самого сочинения, ученый рецензент входит в ближайшее рассмотрение его плана, метода, объема и способа изложения.

«Во 1-х, относительно плана, преосв. Макарий умел положить основу своему сочинению гораздо лучше и прочнее своих предшественников и вообще других обработчиков догматического богословия. Приняв за исходную точку самое понятие о христианской религии, как не просто только первобытной, или представляющей естественный союз человека с Богом, но религии в ее дополненном через Откровение и исправленном виде, – как союз падшего человека с Богом, восстановленный сверхъестественно через таинство искупления и благодати, – он разделил свою догматику самым естественным образом на две части, по самому роду догматов, из которых одни принадлежат ей, как религии вообще, а другие, как религии восстановленной, сверхъестественной, христианской. В первой – излагается учение о Боге и об отношении Его к человеку естественном и общем, какое имел к нему Бог в религии первобытной, и имеет равно ко всем прочим существам мира, как их Творец и Промыслитель; во второй – учение о Боге, как Спасителе человеков падших, и об отношении Его к человеческому роду особенном, сверхъестественном, какое Бог имеет исключительно к человеку в религии восстановленной, как наш Искупитель, Освятитель, Судия и Мздовоздатель.»

«Во 2-х, в отношении к методу, или способу раскрытия истин богословских, у преосв. Макария каждый догмат обзревается и раскрывается со всех сторон, с каких только он может с пользой явиться в науке. Рассмотрение всегда открывается обстоятельным изложением о предмете учения Церкви, как хранительницы православия, и автор, не ограничиваясь здесь приведением только главных пунктов этого учения касательно главных догматов, выставил оное (первый) с отчетливостью касательно всех прочих, – даже в отношении к некоторым частным истинам. За изложением учения Церкви, относительно каждого догмата, всегда следует подтверждение его из Свящ. Писания, и гораздо превосходнее, чем у прежних догматиков, как относительно обилия текстов и выбора их, так в особенности относительно раскрытия и приложения к доказываемому предмету. Вслед за указанием на существование догматов в Свящ. Писании, всегда с подробностью приводится, как эти же самые догматы постоянно существовали в предании Церкви вселенской и являются целые ряды свидетелей этого предания – Отцы и учителя Церкви первых шести веков. За этим, к дальнейшему пояснению догматов, автор призывает на помощь и самую историю их, которая, по важности своей, давно составила из себя даже особую науку в иностранных литературах, а у нас оставалась в забвении, и дает в своей Догматике место для беспристрастного взора здравого разума на догматы христианские, удачно избегая при этом двух недостатков – направления рационалистического и схоластического. И наконец нравственные выводы из догматов, которыми заключается у автора каждая глава, везде являются в приличной полноте, проникнутые христианским чувством, и как зрелый сочный плод, заставляют желать изведать их собственным вкусом – на опыте.»

«В 3-х, насчет объема содержания, который предназначал себе преосв. Макарий, догматика его превосходит все бывшие до него опыты этого рода в русской литературе. Этого он достиг, кроме обширности самого метода, во-первых тем, что дал место в своей догматике некоторым дотоле не включенным в нее предметам, как напр. очерк постепенного раскрытия догматов в православной Церкви, история самой догматики и проч.; а во-вторых тем, что он с особенной обстоятельностью старался раскрывать те догматы, которые составляют отличительный характер православного учения Восточной Церкви, и отвергаются или превращаются в других христианских вероисповеданиях, как напр., учение о вечном происхождении Св. Духа от Бога Отца, о семи таинствах Церкви, о почитании и призывании на помощь Святых, о молитвах за умерших и проч.

«В 4-х, и по самому изложению Догматическое богословие преосв. Макария отличается от всех предшествовавших ему сочинений в этом роде: оно написано чистым, правильным, современным русским языком, который легко может понимать каждый сколько-нибудь образованный и смыслящий русский человек; притом это сочинение изложено не столько в форме академического учебника, сколько в виде общенародного руководства, и потому освобождено от всех скучных и тяжелых форм схоластики, почти неизбежных в кратких школьных учебниках. Автор, при его особенном даре выражаться о самых возвышенных предметах просто и ясно, умел достигнуть в своем сочинении высшей степени общепонятности. Со всей справедливостью можно сказать, что наука православно-догматического богословия, которая доселе, как наука, была исключительно достоянием школы, выведена автором из тесных стен ее в область действительной жизни и предложена для общественного употребления.»

Сравнив затем разбираемое творение преосв. Макария с лучшими современными иностранными догматиками – Перроне, Клеэ и Штауденмайера, и доказав, что оно не только от того ничего не теряет, но еще выигрывает во многих отношениях, знаменитый рецензент заключает свой критический обзор следующим общим выводом:

«Вообще Православно-догматическое богословие преосв. Макария представляет:

а) «труд совершеннейший из всех, какие являлись у нас доселе на том же поприще, и не только равняющийся по ученой обработке с лучшими современными иностранными опытами, но и в немалых отношениях далеко их превосходящий»

б) «труд самостоятельный и оригинальный: потому что автор ни в системе, ни в методе, ни в способе изложения истин не следовал никакому из отечественных и иностранных богословов, а шел своим путем, глубоко обдуманном и верно предъизмеренным, черпал сведения из первых источников, из которых многие им собственно найдены и все им значительно разработаны, и таким образом при неутомимом труде воздвигнуто стройное и громадное целое, которое, при всем желании подобных явлений, по всей вероятности, надолго останется единственным»

с) «труд, удовлетворяющий всем современным требованиям науки, по стройной системе и выводу всех частей и истин из одного начала, по глубокой и обширной учености автора, по господствующему историческому направлению, столь сродному богословию, как науке положительной, но отличной ясности и вразумительности в способе раскрытия истин, даже по слогу чисто русскому, постоянно носящему, притом, на себе печать здравого вкуса»

д) «труд, составляющий важную заслугу не только для науки православного богословия, которую автор несомненно подвинул весьма далеко вперед, – не только для духовного нашего образования, в истории которого появление на свет Догматики его послужит некогда одной из замечательнейших эпох, – но и вообще для всей Церкви русской, для всех православных соотечественников, которые получают в этом труде, – чего давно желали, – возможно полное, стройное, основательное и общедоступное изложение отличительных догматов своей Церкви, столь драгоценных для их ума и сердца.»

4. Нравственное или деятельное богословие

Всякое созерцательное познание, не направляемое к деятельности, есть здание на воздухе или в одном чертеже художника. Так и в самом богословии: аще сия весте, блажени есте, аще творите я (Иоан. 13:17). Поэтому в духовных училищах, как существенная часть богословия, преподается деятельное богословие, излагающее учение об учреждении жизни и деятельности сообразно с словом Божиим.

Так как для этого нужно определить: 1) каков внутренне должен быть действующий по оному? – подлежащее (*subjectum praxeos*); 2) что должен он делать? – предмета (*objectum*) и 3) как должен действовать? – образ (*forma*): то на этих понятиях основывается следующее расположение деятельного богословия: 1) предварительное понятие о этой части богословия; 2) богословие деятельное подлежащее или богословское нравоучение; 3) богословие деятельное предметное или право Божественное и 4) христианское благоразумие или деятельное знание избирать и приспособлять наилучшие средства для достижения спасительных целей.

Для классического употребления по этому предмету назначена была: *Theophilacti, Orthodoxa doctrina de agendis*, составляющая извлечение из иностранного сочинения *Buddei, Institutiones theologiae moralis*; для домашнего чтения воспитанникам: писания Отцов Церкви, в особенности – Василия Великого, Макария Египетского, Амвросия – О должностях, Фомы Кемпийского – О подражании Христу, и Тихона Воронежского – О истинном христианстве. Таков первоначальный чертеж этой науки. Впоследствии и она, не изменяясь в основной мысли, изменялась по своей внешней форме.

5. Обличительное богословие

Апостол Павел говорит о себе: слово мое и проповедь моя не в препретельных человеческие премудрости словесех, но в явлении Духа и силы (1Кор. 11, 4). Он же завещает Тимофею: не внимать баснем и родословием безконечным, яже стязания творят паче, нежели Божие строение, еже в вере (1Тим. 1, 4). Из этого примера и завещания наставник богословия должен научиться, не полагать высокого достоинства в классическом искусстве препираться с неправомыслящими, которых действительное обличение есть не столько слово, сколько дух и жизнь христианина. И по этой причине, так как и потому, что в познании истинного заключается уже оружие против ложного учения, богословие обличительное должно быть изложено кратко, и только по мере необходимости.

1) Состав этой науки, по мысли «Обозрения», должен слагаться из двух частей: а) изображения ложных учений вне христианства или противных самому его основанию и б) ложных учений в христианстве, или погрешностей против частных истин веры евангельской.

2) Относительно самого изображения и обличения ложных учений – рассматривать каждое ложное учение сперва исторически, потом догматически и, наконец, критически и обличать первые с ревностью, последние – в духе терпения и мира. В цепи погрешностей, связующих какое-либо общество, содержащее ложное учение, стараться усматривать первое звено и разрушать начала, чтобы одним и тем же ударом отсекаемы были последствия. Мнения обличаемых почерпать из верных первоначальных источников, и изъяснять по духу и разумению приемлющих оные: чтобы не иметь суетного труда сражаться с истуканами, которые мы сами воздвигнули.

Руководственной книгой по этому предмету назначена: Schuberti, Institutiones theologiae polemicae. Слабейшие части ее обрабатываемы были вновь трудами наставников. Из уроков по этому предмету «Обличение неологизма или рационализма», соч. архим. Иннокентия (ныне архиеп. Херсонского и Таврического) напечатано в Истории философии арх. Гавриила.

Исследование и обличение заблуждений русского раскола, хотя существенным образом входило в состав обличительного богословия, но составляло один из частных его отделов. В 1853 г. духовное правительство, в видах усиления действующих по разным местам духовных миссий, образовало при академии особое миссионерское отделение, для приготовления воспитанников на дело с раскольниками, как в виде прямых миссионеров, так в звании священников, проходящих служение при единоверческих и православных церквах, где есть раскольники. Отделение имело, кроме общего академического курса, свой специальный, в состав которого входили: 1) история русских расколов во всей обширности; 2) современная статистика русского раскола во всех его видах и отраслях; 3) обозрение всех сочинений, написанных как раскольниками, так и против них; 4) положительное опровержение раскольнического учения во всех его толках и подробностях; и 5) практические наставления миссионерам для их будущего служения. Отделение продолжало свои занятия в течение 1853– 1855 учебных годов, а с началом нового курса в 1855 г. предметы его во всем пространстве вошли в общий круг академического учения. Предметы отделения распределены были между наставниками следующим образом: преосв. Макарий, ректор академии, взял на себя преподавание истории русского раскола и обозрение главных раскольнических толков поповщинского и безпоповщинского; бакалавру обличительного богословия, соборн. иеромонаху Никанору поручены обозрение и опровержение частных раскольнических толков и разбор сочинений, написанных в защиту раскола и против него; профессору нравственного и пастырского богословия, архимандриту Кириллу – преподавание практических наставлений будущим миссионерам, относительно деятельности с раскольниками.

В продолжение этих занятий преосв. Макарий составил и издал в свет Историю русского раскола, известного под именем старообрядства, и, по представлению г. министра народного просвещения, удостоился получить за этот труд изъявление Высочайшего благоволения Его Императорского Величества.

6) Отеческое богословие и патристика

Преподавание патристики введено в круг академического учения в 1841 году и сначала разделено было между двумя наставниками, преподававшими в это время греческий язык, но потом возложено на одного, с поручением ему составить по этой науке руководство. В повременном издании академии – Христ. Чтении находится богатый запас материалов для этой науки, именно в сказаниях о жизни св. Отцов и учителей церковных и об их сочинениях.

7. Учение о Православном богослужении

Учение о православном богослужении имеет своим предметом общественное христианское богослужение, именно священные места или храмы, свящ. времена, как постоянные, так и особенные и, наконец, самые свящ. действия, как в историческом происхождении их, так и в настоящем их употреблении. Эта отрасль православного богословия в первом курсе, как мы видели выше, предлагаема была в более обширном виде, как учение о церковных древностях; в последующее время соединяема была с другими науками и входила частью в состав церковной истории, частью – догматического богословия; но, по усмотрению особенной важности ее, и для ближайшего ознакомления будущих служителей алтаря с этой частью их служения, она сделана в 1842 г. предметом особой науки, с назначением для ней особенного наставника и особых учебных часов. Некоторые из уроков по этому предмету, профессора В. И. Долоцкого, напечатаны в Христианском чтении, в 1846, 1847, 1848, 1849, 1850 и 1852 годах.

8. Пастырское богословие

Еще в 1797 г. повелено было читать в академиях о должностях пресвитеров приходских. Чтения эти должны были иметь вид практических наставлений о главных обязанностях священника – учении и священнодействии, и предлагались, обыкновенно, при конце богословского курса, когда воспитанники приготавливались ко вступлению в священническое звание. В руководство для наставников по этой части назначена была книга «О должностях пресвитеров приходских», составленная преосв. Парфением (Сопковским), епископом Смоленским и, перед изданием, пересмотренная, исправленная и дополненная м. Гавриилом (Петровым). Сочинение это сохраняет свою цену до настоящего времени, и, по своему направлению, равно как по приложению заключающихся в нем наставлений, оно никогда не будет ниже времени; потому что эти наставления почерпнуты из глубокого знания человеческой души и многолетней пастырской опытности ее составителей. Но этот способ преподавания воспитанникам наставлений о пастырском служении должен был, с распространением объема и круга богословских наук, уступить свое место научному изложению пастырских обязанностей. Характер, план и объем его изменялись по особенному усмотрению преподавателей этой части богословия; потому что на русском языке не было руководства, которого можно бы всем придерживаться, кроме вышеозначенной книги о должностях приходских пресвитеров. Первый опыт изложения пастырских обязанностей в научном виде есть Пастырское богословие – профессора здешней академии, архимандрита Кирилла, изданное в свет в 1853 г.

9. Собеседовательное богословие

Церковное красноречие примыкает одной стороной к богословским наукам, другой к словесности. Поэтому и в преподавании его можно заметить два направления. В первое время оно составляло часть словесности, имеющую дело с особым видом ее – словесностью церковной, и рассуждало: 1) об образцах красноречия для церковных ораторов – в Св. Писании, отеческих писаниях и у новейших проповедников; 2) о правилах церковного слова, которые выводимы были обыкновенно из общих начал ораторского искусства, и 3) о видоизменениях церковных слов; но, по вступлении на эту кафедру профессора Иванова, оно получило другой характер, более свойственный ему, как приложению богословия к словесности. При этом техническая сторона изобретения, расположения и произношения получила значение подчиненное, а главное – внутреннее совершенство или внутренний характер духовного поучения и внешнее приличие его, или сообразность с обстоятельствами места, времени и лиц, как поучающих, так и слушающих.

К обязанностям наставника по этому классу относится руководство студентами в составлении и сказывании проповедей. Лучшие из них представляются ректору академии и, по его назначению, произносятся в академической церкви, или в одной из лаврских, с разрешения начальства лавры. Некоторые из них напечатаны в Опытах упражнений воспитанников С.-Петербургской Духовной Академии 2-го, 3-го, 4-го и 6-го курсов и – в Христианском чтении.

10) Каноническое право

Познание канонического права, в прежнее время, приобреталось в российской Церкви почти только частным упражнением любителей церковного благоустройства и опытом в церковных судилищах, а не наставлением в училищах духовных. Имя канонического права, родившееся в чуждых пределах, недавно получило право гражданства в духовной учености российской. Эта кафедра должна быть создана вновь, хотя потребные для этого вещества давно и существуют, и употребляются. Древний и первоначальный образ изложения права канонического был постепенный, собирательный. Древнейшее собрание правил церковных есть известное под именем Правил апостольских, которые восточная Церковь принимает в числе восьмидесяти пяти. После нескольких, постепенно возраставших, собраний правил церковных, знатнейшие и доньше употребляемые восточной Церковью суть Номоканон Фотия и Собрания правил с толкованиями Зонары, Вальсамона и Аристена. Книга этого последнего, в славянском переводе, есть Кормчая, т. е. как бы кормило, служащее для управления кораблем Церкви.

Если принять в рассмотрение 1) множество правил церковных, произошедшее с продолжением времени, 2) разнообразие оных, по разности обстоятельств, того требовавших, 3) неодинаковую важность правил вселенских, поместных, отеческих и законов гражданских, привнесенных в церковное право, 4) необходимость защищать древние правила против произвольных и опасных нововведений, наконец 5) необходимость допускать с благоразумием новые частные правила, по требованию вновь открывающихся обстоятельств: то можно видеть, что собирательный образ изложения канонического права, в настоящее время, неудобен и недостаточен. Потребно исследование и система.

Правильный состав канонического права, как системы, по мысли «Обозрения», образовать могут следующие важнейшие члены: I. предварительные понятия о Церкви, соборах и преданиях; II. церковное чиноначалие (*hierarchia*); III. церковное чиноположение (*hierargia*); IV. церковное домостроительство (*oeconomia ecclesiastica*) и V. церковное судопроизводство (*juridica ecclesiastica*).

Комиссией духовных училищ в 1814 г. академическому Правлению предложено было, составить по этому предмету краткую систему, в которой собрать коренные правила церковного постановления, с доказательством оных из Слова Божия, правил св. апостолов, соборов и отцов, с прибавлением Духовного регламента¹⁹⁷. Но как эта наука до последнего времени соединяема была с догматикой, где она составляла часть учения о Церкви: то и системы права не было составлено. Уже в 1842 г. она получила значение самостоятельной науки, с поручением ее особому наставнику. Бывший профессор этого класса, доктор богословия, архим. Иоанн (Соколов), составил Опыт курса церковного законоведения, в котором после общего введения или предварительных понятий о каноническом праве изъяснил исторические основания церковного права – правила вселенских и поместных соборов, принимаемых православной восточной Церковью, и отеческие, вошедшие в состав Кормчей книги.

1) Философия

В первое время учебной книгой по философии была философия Карпе. Но недостатки ее очень заметны, и потому она не могла надолго упрочить за собой это значение. Действительно, впоследствии, она заменяема была опять не один раз Философией Винклера. И. Я. Ветринский, Т. О. Никольский, И. М. Певницкий, А. Красносельский и Д. С. Вершинский преподавали философию по данному руководству.

О. О. Сидонский, определенный в 1829 году бакалавром философии, из студентов академии, составил и издал собственное Введение в науку философии. Спб. 1833 г. Сочинение это не есть учебная книга, хотя автор ее и касается некоторых научных вопросов, как-то: об основании и цели философии, о ее пространстве и о прикосновении частей между собой, о приличнейшем способе философствования, об отношении философии к прочим наукам, и так далее. Цель сочинителя состояла в том, чтобы объяснить достойным образом всю важность философских задач, обнадежить в возможности их решения и, наконец, опровергнуть недоразумения и вкоренившиеся предрассудки насчет философии.

Профессор В. И. Карпов, занявший кафедру философии после Сидонского, также издал Введение в философию (Спб. 1840 г.), в котором изложил свой взгляд на эту науку, определил ее предмет, метод, цель и привел в систему ее основные вопросы. В 1856 г. профессор Карпов издал Систематическое изложение логики, и поместил в Журн. мин. нар. просв. статью, под названием: Взгляд на движение философии в мире христианском и на причины различных ее направлений.

Философское воззрение профессора С.-Петербургского университета А. А. Фишера, преподававшего философию в здешней академии с 1843 по 1853 г., опирается на начала Якоби. Этот взгляд выражен им, по преимуществу, в Гносеологии или учении о предлежательной достоверности человеческих познаний, составляющем его собственный труд. По другим частям философии он избрал руководством сочинения Эрлиха, именно по метафизике: *Methaphysik und Rational-Ontologie*, и по нравственной философии: *Die Lehre von der Bestimmung des Menschen*; по опытной психологии сочинение Бунде, профессора Трирской епископской семинарии, под заглавием: *Versuch einer systematischen Behandlung der empirischen Psychologie*, 1831, Trier, в трех книгах.

Экстраординарный профессор, И. А. Чистович, поместил в Журнале мин. нар. просв. за 1856 г. рассуждение О значении философии в мире языческом и христианском.

2) История философии

Пространная история философии Бруккера по-прежнему оставалась руководством для наставников, а малая – учебной книгой для студентов. На долю этого автора выпала редкая честь – он был руководителем в большей части учебных заведений Германии и Франции, в продолжение почти целого столетия. Причина этого успеха заключается частью в том, что история философии Бруккера очень долго была единственной в ученом мире, частью в том, что недостатки школы в ней не столько заметны, как в других сочинениях того же рода.

Чрезвычайные успехи философии в течение последнего полстолетия, давшие ей совершенно новое направление, имели влияние и на историю философии. Задача и пределы этой науки точно определены и трудно уже, не подвергаясь опасности показаться несовременным, ввести в нее философов вроде Сковороды. Местные и национальные философии приобрели каждая своих историков. Лучшие философские сочинения шотландских, испанских и итальянских философов сделались доступными для всех, в переводах на более известные европейские языки. Литература истории философии обогатилась прекрасными историко-критическими исследованиями Дюгальда Стюарта, Фихте сына, Гегеля, Халибеуса, Бидерманна, Мэкинтоша, Зигварта и многих других. Все это, вместе, благотворно подействовало на историю философии, оживило ее преподавание и сделало из механического подбора сведений о жизни и сочинениях философов и такого же механического извлечения и перевода отрывков из их учения – живую науку, органическое целое. В таком виде находится ныне преподавание истории философии в здешней академии. Но, с переменами систем и руководств, не изменяются направление и главная цель, которым подчинено преподавание философии в духовно-учебных заведениях. Цель эта состоит в дознании слабости и бессилия человеческого разума – открыть истину собственными средствами, без высшего света Откровения.

Из частных распоряжений, насчет преподавания отдельных философских наук, были следующие: 1) в 1851 г. введены в академический курс опытная психология и логика, как такие предметы, которые необходимо знать с надлежащей полнотой и основательностью будущим наставникам семинарии: преподавание первой из этих наук возложено на преподавателя философии, последней – на преподавателя истории философии; 2) в 1853 г. отменено преподавание нравственной философии, как предмета излишнего при обширном и подробном изложении правил нравственности, предлагаемом в деятельном богословии.

Класс словесных наук

1) Общая словесность. При начале второго учебного курса здешней академии Комиссия духовных училищ отменила Эстетику Бутервека, которая в некоторых отношениях оказалась несоответствующей цели академического учения, предписав Правлению: 1) заменить ее другой, более приспособленной к воспитанию духовного юношества, и 2) преподавать в системе прикладную часть эстетики, или практические правила словесности, а теорию, по частно, предлагать там, где ею нужно подтвердить и объяснить правила, и где она сама в большем свете может явиться в совокупности и соответствии с практикой¹⁹⁸.

Сообразно с предположенной целью, по классу общей словесности, утверждена следующая программа, которую мы представляем в сокращении: А. Краткая теория изящной словесности: 1) понятие о словесных науках; 2) о способности чувствовать впечатления, производимые в душе изящным, или вкусе; 3) о приложении его к изящным произведениям или критике; 4) о силе творящей изящное или гении; и 5) о предмете вкуса, критики и гения – изящном и высоком. Б. Практические наставления в словесности вообще, с приложением к образцам, преимущественно древним: 1) о слове человеческом вообще: аналитика слова; 2) о поэзии и различных ее видах: теория поэзии; 3) о красноречии и различных его родах: история красноречия.

Пособия при чтении словесности: Лагарп, Батте, Роллен и Мармонтель, писавшие полный курс словесности; Эшенбург, Мейнерс, Мейер, Ридер, Зюльцер, Эбергард, Шторх и Шотт, писатели теории словесных наук; для особых частей: Штеинбарт, Снелль, Жерар и Алисон для теории вкуса; Гом для критики; Жерар и Зюльцер для понятия о гении; Лонгин, Гердер и Бюрге для понятия высокого и изящного; Воссий и Енгель для поэзии; для красноречия – Воссий, Ернест, Левисан, Блер, Пристлей, Камбель, Готшед, Миллер, Маас, Филлеборн, Ломоносов и Рижский.

По этой программе профессор Иванов, преподававший словесность в 1817–1824 г., составил и издал в свет Опыт теории словесных наук (СПб. 1832); преемник его, Делекторский – две книжки Упражнений в пользу обучающихся словесности. – В настоящее время, кроме означенных частей словесности, преподается история русской литературы, по запискам профессора, К. И. Лучицкого.

1. Общая гражданская история

Метод и направление, которому следует преподавание гражданской истории в академии, указаны с обстоятельностью в программе этой науки, составленной бакалавром Кочетовым в начале второго курса. «Всеобщая история может быть рассматриваема в двояком отношении: или как воспоминание, или как суд. В первом отношении она предметом своим имеет, изложить различные судьбы народов и важнейшие события мира с надлежащей ясностью, в порядке, связи и соображении современностей. Во втором – она не столько повествует, сколько рассуждает о происшествиях; восходит к первоначальным их причинам, и замечает последствия, от оных зависящие. Первый метод учения истории приличен низшим училищам, где преподаются начальные сведения; а последний – академиям, куда поступать должны довольно уже сведущие в повествованиях исторических. Почему здесь надлежит обозреть важнейшие эпохи и кратко представить в синхронизме замечательнейшие происшествия, чтобы возобновить в памяти сделанные прежде впечатления оных; а потом уже и начинать эти впечатления из памяти возводить в рассудок, проходить философию истории.

Для этого должно избирать то, что есть в летописях мира важнейшего. Почему, от младенчества мира и темных начал гражданских обществ, должно поспешить к рассмотрению знаменитейших народов и царств и остановиться на их возвышении и падении, так как с этими двумя событиями обыкновенно сопряжено бывает все, что история имеет занимательного для ума и назидательного для сердца. При изыскании причин этих событий, по необходимости, должно обратить внимание на состояние религий рассматриваемых народов, на образ их правления со всеми его ветвями, на состояние просвещения и гражданской образованности, на дух и нравственные качества этих народов, на их связи и отношения к другим народам, на характеры мужей державных или сильных своим влиянием на дела общественные.

Впрочем, на общие и частные принадлежности царств и народов должно смотреть не так, как на верховные и единственные причины политического их существования и уничтожения; – ибо это значило бы основывать здание гражданских обществ на силе и мудрости человеческой – на зыбком песке; – но так, как на естественные орудия, которые Вседействующая Сила употребляет к совершению Своих намерений. И потому в превратностях судьбы народов и царств должно со всей внимательностью замечать премудрые пути Промысла Божия, который Един содержит цепь великих происшествий мира, полагая в одном веке начало важных перемен, имеющих совершиться в другом. Он производит великих государей и вождей для возвышения одного народа и уничтожения другого; посылает благоразумных законодателей и просветителей человечества, для удержания поползновений народных к беспорядкам и нечестью, и для возвышения нравственности. Вот дух, которым при обучении истории должно наполнять сердца воспитанников и особенно – предуготовляемых на служение Церкви и образование других.» Сообразно с предложенными мыслями руководством по этому классу избрана для древней истории – История Боссюэта, с таким ограничением, чтоб обилие сказаний ее, относящихся собственно к церковной истории, имеющей особую кафедру, сокращать в беглый рассказ, чтобы только не разрушить связи и порядка в целом сочинении; для новой – история Шрекке: потому что в двух томах продолжения истории Боссюэтовой много рассказов, но мало рассуждения, а порядка и разделений почти совсем нет; между тем как история Шрекке, хотя имеет много недостатков, но по крайней мере имеет хороший порядок.

С продолжением времени, в отвращение односторонностей, которым подверглась история в иностранных университетах, Комиссия дух. училищ вменила в обязанность преподавателям этой науки в академиях охранять учение истории:

а) от усиленного критицизма, который оружием односторонней логики покушается разрушить исторические памятники, и особенно древнюю историю думает начать неизвестностью и баснями, забывая, что достовернейшие начала истории рода человеческого и древних народов находятся в Свящ. Писании;

б) от произвольного систематизма, который, усиливаясь дать истории единство, по произволу, в известное историческое время, назначает какой-либо народ представителем рода человеческого, и какого-либо человека представителем своего времени, и воображает народ и его историю невольным развитием какой-нибудь роковой для него идеи;

в) от неосмотрительного политического направления, порождающего в незрелых умах наклонность мечтательно судить о том, что не должно подчиняться их суждениям.

Излагая события просто, кратко, верно с чистыми первоначальными источниками сведений, преподаватель должен обращать особенное внимание в истории на черты нравственные, на следы Провидения Божия в происшествиях общественных и приключениях частных, на связь и последовательность в судьбах народов нравственного улучшения и благоденствия, или, напротив, нравственного повреждения и упадка благосостояния.

Исторический класс до 1844 г. оставался экстраординарным или факультетским: воспитанники разделены были на два отделения, из которых одно занималось исключительно историческими науками, другое математическими; но с означенного времени положено преподавать историю всем студентам и класс этот сделан общим. В 1851 году преподавателю гражданской истории вменено в обязанность останавливаться преимущественно на событиях более важных и близких к нам по времени или по каким-либо замечательным обстоятельствам¹⁹⁹.

2) Общая церковная история

Начертание церковно-библейской истории, составленное из уроков первого академического курса, остается доселе руководством для наставников и учебной книгой для воспитанников академии.

Начертание церковной истории после времен библейских со II-го до XVIII-го века, которое служит продолжением предыдущего сочинения и составлено также для академических лекций первого курса, принято, как единственное сочинение по этому предмету, классической книгой в духовных училищах и, по той же самой причине, остается доселе незаменимой.

В преподавании церковной истории в 1851 г. св. Синодом предписано: ограничиваться, по возможности, сокращенным изложением собственно библейской ветхозаветной, которая с достаточной полнотой преподается в семинариях, а все остальное время употреблять на обстоятельное преподавание истории новозаветной, от первых дней христианства до настоящих, особенно обращая внимание на судьбы восточной православной Церкви.

3) Русская история гражданская и церковная

Чтобы усовершенствовать познания воспитанников академии в исторических науках, особенно в истории отечественной, в 1838 г. преподавание этой последней возложено на особого бакалавра, с производством ему жалованья из остаточных сумм академии²⁰⁰. В 1842 г. обучение русской истории сделано общим для всех студентов академии. История русской Церкви преподавалась в соединении частью с общей церковной, частью с русской гражданской историей; но в 1851 г., по предложению преосв. м. Никанора, утвержденному св. Синодом, она введена также в круг самостоятельных наук академического курса. Преподавание ее отнесено к высшему отделению и возложено на того же наставника, который в низшем отделении преподает русскую гражданскую историю.

Класс физико-математических наук

1) Физике и математике до 1844 г. обучались только некоторые студенты низшего отделения, по собственному желанию и выбору; но, по представлению ректора академии, епископа Афанасия, что физика необходима для уразумения тех истин философии, которые должны прояснять свойства и законы материального мира и сама по себе излагает такие познания, которые, по общему понятию, считаются необходимыми для всякого образованного человека, воспитывавшаяся не только в высших, но даже в средних учебных заведениях, св. Синод определил преподавание ее сделать общим для всех студентов.

2) При этом, чтобы привести преподавание физико-математических наук в соразмерность с прочими предметами академического курса, положено читать алгебру до уравнений 2-й степени включительно; к преподаванию элементарной геометрии присоединить прямолинейную тригонометрию и конические сведения; механику, которая доселе читалась с приложением дифференциального и интегрального исчисления, преподавать так, чтобы можно было понимать задачи ее, зная только математические науки вышепоименованные, и, кроме того, ограничиться изложением тех только предметов, которые необходимы для уяснения сведений, сообщаемых физикой²⁰¹.

3) Науки этого класса сначала преподавались двумя наставниками, которые и разделяли между собой труды по этому классу; с 1842 года – одним, а с 1849 опять двумя, из которых один преподавал физику, другой алгебру, геометрию и прямолинейную тригонометрию.

4) Сообразно с расписанием учебных часов в академии, до 1842 г. на преподавание физико-математических наук было отделено 8 часов в неделю; но с начала 1845 г. 4 1/2 часа, с 1849 – 6 часов.

5) В 1853 г. св. Синодом предписано академическому Правлению, чтобы преподавание математики в академии вполне согласовалось с тем направлением, которое дано этому предмету в семинариях, и чтобы для этой цели введено было в академии преподавание воспитанникам практической геометрии.

В первое время по вступлении на кафедру молодых наставников из воспитанников академии, по необходимости оставались учебники и руководства, составленные их предшественником (Гурьевым), но не приспособленные прямо к цели духовного образования и средствам и нуждам духовного звания. Но, с продолжением времени, Себржинский и Райковский, занявшие физико-математический класс, обработали собственные уроки так, что они могли быть изданы для классического употребления в духовных училищах. Конференция академии, поручившая рассмотрение их академикам Н. И. Фусу и В. К. Вишневному, получила лестные отзывы о их достоинстве. Фус писал об алгебре Себржинского, что «нужнейшие предметы первоначального учения алгебры изложены в одной подробно и основательно. Что касается до порядка, то автор следовал по большей части Эйлеру, что весьма похвально. О помещении же таких предметов, которых у Эйлера или вовсе нет, или которые иначе расположены, сочинитель дает, для оправдания своего порядка, по крайней мере отчасти довольно хорошие причины. Примеры, служащие к пояснению правил, равно как и частные вопросы для упражнения в решении уравнений разных степеней, избраны с рассудительностью. В полноте и пространстве, которыми различные предметы изложены, автор наблюдал, по большей части, надлежащую соразмерность.» По всем этим соображениям Фус одобрил издание ее, после некоторых поправок, для духовно-учебных заведений (6 июня 1819 г.). Вишневский, рассмотрев Геометрию Райковского, отвечал письменно, что она «заслуживает в полной мере быть удостоена внимания Комиссии дух. училищ; ибо расположена по хорошей системе; теоремы следуют одна за другой в надлежащем порядке, доказаны самым ясным и простейшим образом и все их достопримечательнейшие следствия выставлены на вид так, что ученики найдут в этом сочинении большое облегчение к изучению начальных оснований геометрии. Сверх того, пространство этого сочинения сообразно со временем, в которое проходится в дух. академиях и семинариях» (1826 г.).

По физике не издано академическими наставниками ни руководства, ни учебника; между тем успехи естественных наук в течение истекшего полувека были так велики и непрерывны, что всегда оставляли позади себя даже лучшие учебники и руководства, по этой части, отечественных и иностранных ученых; потому чтения физики происходят по собственным

запискам наставника и, кроме внутреннего их достоинства, получают еще новую занимательность от опытов, которыми всегда сопровождается чтение.

На экзамены по физике и математике приглашаем был, в первое время академии, член Конференции, академик Н. И. Фус, который поверял отметки учащихся и свидетельствовал о степени успехов воспитанников.

1) Еврейский язык

По классу еврейского языка Комиссией дух. училищ, в начале второго курса академии, одобрен следующий порядок чтений: «класс еврейского языка не должен ограничиваться знанием правил грамматики, но вмещать в себе риторику и поэзию еврейскую в различных ее видах. Порядок уроков может быть следующий: 1) первое время курса назначается для первых начал грамматики, которые должны быть предложены кратко, но ясно: в это время студенты приобщаются к чтению, сколько можно правильному и скорому, также письму; чтением утверждаются в памяти правила произношения и правописания; 2) в следующие месяцы продолжается чтение, с показанием грамматических, и особенно – этимологических правил; во время этого чтения подробнее излагаются и выводятся из начал языка самые правила грамматики; этим способом отвратится скука, которая сопряжена с бесплодным указанием правил, тогда как приложения и употребления их нет возможности видеть; при этом чтении можно уже показывать отступления от общих правил, исключения, неправильности, и проч.; для чтения этого рода можно избрать легчайшую историческую книгу, например книгу Бытия, и особенно историю Иосифа XXXVII–L; 3) затем начинаются правила еврейского словосочинения, которые не слишком многочисленны и потому могут быть изъяснены в довольно короткий срок; но, между прочим, продолжается чтение Библии, и правила объясняются из примеров; иногда назначаются переводы с русского на еврейский, чтобы видеть как отличен образ выражения восточный от нашего северного; 4) остальное время назначается для чтения стихотворных писателей еврейских: все они изложены на трудном и необыкновенном языке и требуют особенных наставлений для чтения их; здесь, после общих правил еврейского стихосложения, надлежит показать свойства языка пиитического, быстрого, возвышенного, изобилующего украшениями и фигурами, и различные виды поэзии: а) песни, в пример которых можно прочесть две песни Моисеевы, песнь Девворы и Варака, песнь Анны, матери Самуиловой и несколько псалмов; б) притчи: в пример языка приточного – несколько глав из притчей Соломоновых; в) пророческий язык: чтобы проникнуть в свойство его, надлежит прочесть из древних – отрывок Валаамова пророчества, благословение Иакова и Моисея; из поздних пророков – несколько глав из Исаии и Осии; г) книга Иова отличная от всех прочих по образу сочинения, по темноте языка, с особенным вниманием должна быть прочитана; при чтении этих отрывков еврейской поэзии, по необходимости, нужно будет объяснять смысл по отношению к диалектам еврейского языка – арабским, сирским, халдейским и с древними переводами.

По этой программе профессор еврейского языка, Г. П. Павский, составил, для классического употребления, Еврейскую хрестоматию, отметив для нее особенно важные места из Библии. Он же наблюдал и за печатанием ее в синодальной типографии.

Пособия для еврейского языка: 1) лучшие грамматики: *Institutiones ad fundamenta linguae hebraicae*, Schultensii 1743; *Institutiones etc.*, Schröderi 1766; 2) лексиконы: *Stockii, Clavis linguae sanctae*; Ioh. Coccei, *Lexicon sermon. hebraici*; Simonis, *Lexicon manuale hebraicum*; Buxtorfii, *Lexicon hebraicum*; для изложения различных родов свящ. поэзии: Ловта, *de Poesi sacra Hebraeorum*. Обучение еврейскому языку до 1841 года предоставлено было выбору студентов; но с этого времени сделано для всех обязательным.

2) Греческий язык

Класс греческого языка, по-прежнему, состоял из двух отделений – низшего и высшего: в первом преподаваемы были грамматические правила тем воспитанникам, которые не имели случая или охоты заняться этим языком в училище и семинариях, или же забыли то, чему научились; в последнем – студенты, под руководством профессора, занимались разбором греческих писателей, церковных и светских, с философскими наблюдениями особенностей их диалекта и стиля. До 1817 г. руководителем по этому классу оставался Грефе. Ряд его чтений начинался, обыкновенно, разбором Гомера, по тому основанию, что язык или речь его, как древнейшего писателя, имеет самую простую и, так сказать, первичную форму греческого языка; чтение прозаиков начиналось разбором простейших писателей: Лукиана, Аполлодора, Палефата, Диодора Сицилийского, Павзания, Арриана, Ксенофонта и позднейших историков и драматических писателей: Эсхила, Софокла и Еврипида; наконец он переходил к ораторам светским: Демосфену, Исократу и – церковным.

При чтении грамматических правил греческого языка руководственными книгами были: грамматики Буттмана, Маттея, Веллера и Фишера; далее – сочинения Германа, *Liber de emendanda ratione graecae grammaticae*; Гогевалья, *De particulis graecis*; Бозия, *Ellipses linguae graecae* и Вейския, *Pleonasmi linguae graecae*; из словарей – Шнейдеров Греко-немецкий; менее рекомендован Гедериков Греко-латинский; не рекомендован Шревеллиев.

3) Латинский язык

Поначалу не был введен в академический курс, в том предположении что для воспитанников достаточно тех сведений в этом языке, какие они получают в низших училищах и семинариях, и что продолжение образования в нем может совершаться практическим образом, через слушание лекций, которые преподавались на этом языке. Но в 1847 г., по предложению обозревавших академию, преосв. м. Антония и архиепископа Курского Илиодора, латинский язык введен в круг предметов низшего отделения академии, с назначением для него двух уроков в неделю. Обучение этому языку происходит через переводы латинских классиков на русский язык, с филологическими и риторическими замечаниями и объяснениями, и русских статей на латинский язык, и через упражнения воспитанников в сочинениях на латинском языке. Для переводов назначены творения Лактанция и, из светских классиков, Цицерон, Тит-Ливий, Тацит, Virgiliy и Гораций.

4) Английский язык

Введен в академию в 1817 г., по предложению преосв. Филарета, епископа Ревельского, ректора академии; он же озаботился приисканием наставника по этому классу из посторонних ученых. Впоследствии – до 1857 г. – преподавание английского языка поручаемо было одному из наличных наставников академии, а обучение ему предоставлено собственному желанию студентов.

Грамматика этого языка излагалась по руководству Линдля Мюррэ (Lindley Murray); пособием для изучения языка – Критический лексикон для произношения или истолкователь английского языка, составленный Вокером (A critical pronouncing dictionary and exposition of the English Language by John Walker). Для перевода: The English Reader, designed particularly for the use of schools.

5) Французский и немецкий языки

Занятие этими языками, сначала предоставленное произволу воспитанников, впоследствии обращено в непременную обязанность. Преподавателем немецкого языка до 1819 г. оставался Грефе. После него этот класс занимался бывшими курсовыми воспитанниками. Бакалавр французского языка, иностранец Лекок де Вюстен, уволен в начале второго курса. О конспекте, составленном им, по требованию Комиссии, в 1814 году, Конференция академии заметила, что в оном излагается метода обучения более детская, нежели академическая, и на будущее время преподавателю этого языка поставила в виду следующие правила: «1) не задерживать долго студентов на бесплодном упражнении в чтении и произношении, в чем постепенно можно совершенствоваться при разборе какого-либо автора; 2) не заниматься исследованием определений каждой части речи и подобными начатками грамматическими, с которыми студенты давно знакомы; 3) обратить более внимания на синтаксис французский; 4) вести студентов к основательному познанию французской словесности через грамматический и филологический разбор избранных мест писателей французских.» После Лекока класс этот замещен был также здешними воспитанниками. Но в 1843 г., в видах основательного образования академических воспитанников в этих языках, чтобы, по окончании своего образования, они могли свободно, чисто и правильно изъясняться на них, а также и вести переписку в случае надобности, Высочайше повелено, для достижения этой цели, поручить преподавание этих языков в С.-Петербургской Духовной Академии и здешней семинарии благонамеренным наставникам из природных иностранцев. Бакалавр Е. А. Бенескриптов, бывший преподавателем немецкого языка, составил в руководство для воспитанников грамматику, изданную в 1847 году, СПб.

При м. Амвросии конспекты наук представляемы были ему при начале каждого полугодия. В последнее время своего пребывания в С.-Петербурге и за четыре месяца до смерти, благословляя наставников на труды первой половины 1818 года, он написал, января 10, на их конспектах: «в похвалу и честь наставников дай Бог, чтобы изображенный порядок во всех классах так начертан был в умах и сердцах слушателей.» После него этот обычай прекратился.

Успехам в преподавании наук способствовало 1) дозволение преподавать богословские и философские уроки на русском языке, вместо латинского, на котором они преподавались прежде. Относительно наук богословских это дозволение последовало еще в 1819 г., в таком виде, что уроки по этим предметам могут быть преподаваемы на латинском и на русском языках, по усмотрению ректора²⁰². Перемена эта имеет ту выгоду, что а) наставник, излагая урок на русском, родном языке, пользуется большей свободой слова, чем в том случае, когда он читает по-латыни: самое короткое знакомство с языком чужеземным не заменит той близости, того родства мысли с ее выражением, в каком они находятся при передаче мыслей на родном языке; б) наставник, изъясняющийся на родном языке, понятен всем своим слушателям без большого напряжения для внимания и памяти с их стороны, чего нельзя сказать о нем, когда он читает по-латыни, и когда мысль слушателей двоится между сообщаемыми им понятиями и их слововыражением; в) внимание воспитанников, при повторении уроков и во время классических ответов, не принуждено бывает двоиться между наблюдением внутренней связи и течения мыслей и приисканием соответственных им выражений; не говорим уже о том, что это весьма много содействовало усовершенствованию знания родного языка и обработке богословской и философской терминологии.

2) Самостоятельной обработке наук и успехам преподавания способствовало много обстоятельство другого рода, именно назначение особых наставников для всех важнейших наук и притом так, что каждый наставник занимается исключительно одним предметом. В первое время академии все богословские науки преподавал один профессор – ректор академии; потом преподавание этих наук разделено было между ректором и двумя бакалаврами: ректор преподавал догматическое богословие, один из бакалавров – большей частью инспектор академии – нравственное богословие, а другой – все прочие науки: большей частью это выпадало на долю младшего бакалавра богословских наук; если он оставался при академии и делался инспектором, то переходил со своего курса на предмет нравственного богословия, а его место занимал новый наставник, на тех же основаниях. Неудобство этой системы, в распределении и преподавании наук, весьма понятны: переходя от предмета к предмету,

наставник не имел времени заняться каждым особенно и потому, по необходимости, ограничивался самыми общими сведениями. В настоящее время это неудобство устранено, и богословские науки преподаются шестью наставниками, философские – двумя, словесные – также двумя (общая и церковная словесность), исторические – тремя (общая церковная и общая гражданская история и русская церковная и гражданская история), физико-математические науки – двумя (алгебра с геометрией и физика); наконец, для еврейского, греческого, английского и французского языков – особенные наставники; только латинский и немецкий возложены на профессоров других классов.

Изменения в числе классов и учебных часов

Предписание бывшей Комиссии дух. училищ, с назначением для уроков по три класса в день, употребляя на каждый класс по два часа – утром 9, 10, 11 и 12 и, после полудня, 3 и 4, оставалось во всей силе до 1842 года; но в этом году, по случаю введения в академии некоторых новых предметов, число классов, по определению св. Синода, увеличено, а продолжение учебных часов для каждого класса, в виде опыта, уменьшено: именно положено по четыре класса в день и на каждый класс вместо 2 по 1 1/2 часа. В 1855 г., по тем же побуждениям, число классов увеличено еще одним, а продолжение учебных часов еще уменьшено: вместо 1 1/2 часов положено употреблять, на 5 классов в день, по 1 часу в следующем порядке: 9-й час первая перемена, 1/4 10 – 1/4 11 – вторая; 1/2 11 – 1/2 12 – третья; 3/4 12 – 3/4 1 – четвертая; 4-й час, после полудня, пятая.

Особые ученые труды академических наставников

Сочинения и переводы, относящиеся к православному учению и богослужению

1) В 1815 г., по распоряжению св. Синода, напечатаны составленные ректором академии, архим. Филаретом – Разговоры между испытующим и уверенным о православии восточной Греко-российской Церкви; а в 1826 г., архим. Иннокентием, переведены на Польский язык.

2) В 1831 г., по распоряжению св. Синода, бакалавр академии, священник И. Д. Колоколов, перевел на русский язык Православное исповедание веры католической и апостольской Церкви восточной, которое сочинено, за двести лет перед этим, митрополитом Киевским Петром Могилей и утверждено вселенскими патриархами, как заключающее в себе чистое учение веры. Св. Синод снабдил им, немедленно после напечатания, все церкви, для употребления причта и назидания прихожан; а в 1838 г. предложил академич. и семинарск. наставникам принять его в руководство по части богословия²⁰³.

3) Еще в тридцатых годах, наставниками здешней академии сделан был опыт перевода некоторых Церковных песней и Канонов на русский язык. В Христианском чтении помещен перевод: Великого канона св. Андрея, архиеп. Критского (1836, I); канонов св. Космы, епископа Маиумского: на Воздвижение креста (1835, III); на Рождество Христово (1831, XLIV); на Богоявление Господне (1832, XLV); на Сретение (1837, I); в Цветоносную неделю (1834, II); в Великий Четверток (1835, I); Трипеснец в Великий Пятток (1836, I) и канон на Успение Божией Матери (1836, III); преп. Иоанна Дамаскина: на Рождество Христово (1831, XLIV); на Богоявление Господне (1832 XLV); на Успение пресвятой Богородицы (1836, III); на св. Пасху (1831, XLII) и на Преображение Господне (1841, III); блаж. Феофана и Иоанна Дамаскина: на Благовещение пресв. Богородицы (1833, I); Кассии, Марка и Космы в Великую Субботу (1836, I) и – пр. Иоанна Дамаскина: Стихи из песней степеней в 25 антифонах²⁰⁴. В недавнее время, по желанию покойного преосв. м. Никанора, профессором здешней академии, Е. И. Ловягиным, сделан новый перевод Канонов на Господские и Богородичные праздники и на четыредесятницу, по сличению славянского текста с вариантами греческого подлинника, и издан в трех книгах. К русскому переводу присовокуплены тексты греческий и церковно-славянский, расположенные параллельно с ним, и предисловия к канонам каждого праздника, объясняющие как внутреннее содержание, так и внешний состав их в греческом подлиннике.

Изъяснение свящ. писания и библейская археология

Профессор академии М. А. Голубев приготовил к изданию Обзорение посланий св. ап. Павла к Коринфянам. Отрывок из этого сочинения: О христианской любви к ближним – изъяснение XII-й гл. 1-го послания св. ап. Павла к Кор. – напечатан в Христианском чтении за 1856 г. В этом же издании помещены исследования Голубева: О книге св. пророка Наума (1852 г.), О Новозаветных событиях, предугазанных в истории пророка Ионы (1853) и О жилищах древних Евреев – археологический опыт (1849).

Учение о вероисповеданиях

По этой весьма важной части в системе православного богословия, духовная литература в недавнее и непродолжительное время, приобрела два сочинения: разумею труды здешних наставников, именно следующие:

а) Учение об источниках Христианской Религии, сравнительно с учением лютеран об этом предмете, соч. бывшего бакалавра, свящ. Е. А. Бенескриптова.

б) Разбор Римского ученья о видимом главенстве в Церкви, сделанный на основании Свящ. Писания и предания первых веков христианства, до 1-го вселенского собора, соч. бакалавра, соборн. иеромонаха Никанора. Выпуск 1-й. Спб. 1856 г.

Поучения, беседы и вообще духовно-нравственные сочинения

Одни из относящихся сюда сочинений составлены для церковной кафедры и были произносимы с оной в разные времена; другие назначены для домашнего чтения, применительно к различным духовным потребностям жизни.

1) Первые церковные поучения знаменитого современного иерарха, преосв. Филарета, митрополита Московского, принадлежат ко времени служения его в С.-Петербургской Духовной Академии. К постоянным случаям, всегда вызывающим проповедника на беседу, именно церковным и отечественным праздникам, в начале текущего столетия, присоединялись особенные обстоятельства, которым, к несчастью, суждено было повториться в наше время, – возбуждение народного духа борьбой с врагом сильным и, до нашествия на Россию, победоносным, скорби и опасности этой борьбы и радость победы, за ней последовавшей. Все эти обстоятельства представляли нашему знаменитому Витии повод ко многим поучениям, сохраняющим свое высокое значение и после того, когда миновались эти обстоятельства. Исчислим в хронологическом порядке проповеди преосв. Филарета, относящиеся к этому времени: 1) Слово в день св. Пасхи, произнесенное в Александро-Невской лавре иером. Филаретом, в 1811 г.; 2) Слово в день Пятидесятницы, там же, в 1811 г.; 3) в неделю 4-ю по Пятидесятнице, там же в 1811 г.; 4) в день освящения Казанского собора, произнесенное архим. Филаретом 15-го сент. 1811 г.; 5) по освящении в Казанском соборе второго придела, в том же году; 6) в неделю 24-ю по Пятидесятнице, по случаю поминовения графа А. С. Строганова, в Александро-Невской лавре, в 1811 г.; 7) на Рождество Христово, – там же, в 1811 г.; 8) при отпевании тела д. т. с. графа П. В. Завадовского, 17 янв. 1812 г.; 9) во св. Великий Пятток, в придворной церкви, в 1812 г.; 10) на освящение храма во имя св. Живоначальной Троицы, в доме князя А. Н. Голицына, 1-го октября 1812 г.; 11) на Рождество Христово, в третий день этого праздника, в домовой церкви кн. А. Н. Голицына, в 1812 г.; 12) в Великий Пятток, в Александро-Невской лавре, 1813 г.; 13) О гласе вопиющего в пустыни, в домовой церкви князя А. Н. Голицына, 18 янв. 1814 г.; 14) Беседа о молитве Господней, в той же церкви, 23 октяб. 1814 г.; 15) Слово, говоренное в присутствии Их Императорских Высочеств, Великих Князей Николая Павловича и Михаила Павловича, при гробе генерал – фельдмаршала Голенищева-Кутузова-Смоленского, в Казанском соборе, в 1814 г.; 16) в день Вознесения Господня, в домовой церкви князя А. Н. Голицына, 7 мая 1814 г.; 17) на день Сошествия св. Духа, в той же церкви, 17 мая 1814 г.; 18) в день торжественного венчания на царство и священного миропомазания Императора Александра Павловича, в 1814 г.; 19) Беседа из псалма 88-го, по освящении храма пресвят. Богородицы в память явления Казанской Ее иконы, устроенного в доме графа В. П. Кочубя, 13 ноября 1814 г.; 20) в день Введения во храм пресв. Богородицы, в домовой церкви князя А. И. Голицына, 21 ноября 1814 г.; 21) на второй день праздника Рождества Христова, в придворной церкви, в 1814 г.; 22) Беседа в Великий Пятток, из слов Пророка Исаии (LVII, 1), в Александро-Невской лавре, в 1815 г.; 23) Слово в Великий Пятток, там же, в 1816 г.; 24) в Великий Пятток, там же, в 1817 г.

Из поучений последующих академических начальников и наставников, некоторые изданы отдельными книжками, другие вошли в собрания слов и бесед того или другого проповедника, или напечатаны в повременном духовном издании при академии. В Собрании слов и бесед преосв. Григория, архиеп. Казанского, напечатано несколько слов, произнесенных им в бытность наставником и ректором академии, между прочим – Слово по освящении церкви в доме С.-Петербургской Дух. Академии и – перед погребением тела преосв. м. Михаила. – В 1838 г. вышло полное собрание слов архим. Климента, произнесенных в разные времена в С.-Петербурге. В 1847 г., – собрание поучений архим. Макария (ныне епископа Винницкого). В это последнее собрание не вошли слова, сказанные после его издания и помещенные в Христ. чтении: надгробные – при погребении митрополитов Антония, Никанора, Ионы и архиепископов Игнатия Воронежского и Иакова Нижегородского.

2) Преосвященный Евсевий (ныне епископ Иркутский) издал для домашнего чтения несколько назидательных размышлений, под общим заглавием: Утешение в скорби и болезни.

3) В 1856 г. архимандрит Кирилл издал собрание размышлений о разных предметах Веры и благочестия, под названием: Минуты уединенных размышлений христианина (СПб. 1856 г.).

Духовная история

В 1826 – 1830 годах повременное духовное издание академии – Христианское чтение украшалось сочинениями преосв. Иннокентия Борисова, бывшего инспектором академии. Всем известны, в высшей степени назидательные, статьи: Последние дни земной жизни Иисуса Христа и Жизнь Св. Апостола Павла. В первой из этих статей преосв. Иннокентий совокупил и расположил в порядке времени, разрозненные у Евангелистов, сказания о последних днях земной жизни Иисуса Христа; в последней изложил жизнь св. Апостола Павла, на основании книги деяний Апостольских и посланий этого Апостола, снесши их с показаниями современных писателей языческого мира. Оба сочинения вышли и отдельными книжками. Наконец из-под того же искусного пера вышло Описание жизни одного древнего священномученика и Отца Церкви, Киприана, епископа Карфагенского, помещенное в Христианском чтении за 1825 год.

История и древности российские

1) Исследования, относящиеся к истории отечественного просвещения и русской Церкви, ректора академии Макария, епископа Винницкого, известны всякому образованному читателю. Важнейшие из них: 1) История Киевской академии (Спб. 1853 г.) – первый опыт его на этом поприще; 2) История Христианства в России до основания русской Церкви – труд новый по предмету и заслуживший справедливое одобрение от лучших ценителей учености; 3) История русской Церкви в период до татарский, в сокращенном виде, и потом 4) Пространное изложение Истории русской Церкви, которой первые три тома вышли в 1857 г. Кроме общеизвестных и всем доступных памятников древности, сочинитель, при составлении этой истории, пользуется таким обилием материалов, малоизвестных и не для всех доступных, какого не имело еще ни одно частное лицо, за исключением разве Карамзина. Императорская Публичная библиотека и Румянцовский музей, Новгородская Софийская библиотека и здешней дух. академии, не говоря о собственной библиотеке преосв. Макария, доставили ему такие любопытные и разнообразные материалы, которые делают его исследования важнейшим и незаменимым приобретением для науки отечественной истории. 5) История русского раскола, известного под именем старообрядства. 6) Изданные преосв. Макарием Три древние памятника духовной литературы (Христ. чтен. 1849 г. № № 11 и 12) встречены были общим участием со стороны любителей отечественной истории, и послужили поводом ко многим важным и любопытным исследованиям в области древней письменности. Продолжая изыскания об этих памятниках, преосв. Макарий напечатал новые статьи в Известиях 2-го отделения Императорской Академии Наук, под заглавиями: Еще об Иакове мнихе²⁰⁵ и о Феодосии, писателе жития Володимерова²⁰⁶. В этом же последнем издании помещены ученые статьи его, под названием: Преп. Феодосий Печерский, как писатель²⁰⁷, и Обзор редакций Киевопечерского Патерика, преимущественно древних²⁰⁸. В Ученых записках 2-го отделения за 1856 г. напечатаны, приготовленные к изданию преосв. Макарием, Сочинения преп. Феодосия Печерского²⁰⁹.

2) В 1851 году, когда св. Синод вменил в обязанность епархиальным начальствам, сделать распоряжение о составлении исторических и статистических описаний епархий, по данной от Синода программе, при С.-Петербургской Дух. Консистории составлен особый Комитет, для описания здешней епархии, и, по предложению ее, о назначении в состав этого Комитета по одному из наставников академий и семинарий, со стороны академии избран И. А. Чистович. Труд его по этой части составляет описание здешней епархии по первым трем пунктам утвержденной св. Синодом программы. Но кроме этого, в связи с занятиями по Комитету, составлена и издана им История православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к С.-Петербургской епархии. Спб. 1856 г.

Его же труд составляют статьи, помещенные: 1) в Христ. чтении 1853 г.: Древнейшие русские святцы при Остромировом Евангелии; 1857 г.: Сведения о бывшей типографии Александроневского монастыря и о напечатанных в ней книгах; и 2) – в 22-й кн. Временника, издаваемого Московским Обществом истории и древностей российских: Процесс по делу об учреждении типографии при Киевской митрополии; – в 24-й кн.: Проект издания Российских летописей в 1734 г. (перепечатан в Журн. мин. нар. просв. 1857 г. кн. 1) и – Показание игумена Симона о приездах инокини Елены (бывшей царицы Евдокии Феодоровны, ур. Лопухиной) в Кузмин монастырь, Владимирской губернии.

3) В 1853 г., по предложению преосв. м. Никанора, архим. Кирилл составил описание Жизни св. Благоверного Князя Александра Невского (Спб. 1853 г.) и Акафист ему, на церковно-славянском языке (Спб. 1853 г.).

В 1856 г. академия, вместе с С.-Петербургской паствой, оплакала смерть этого незабвенного Архипастыря, усердного покровителя духовной учености. Архим. Кирилл, в кратком «Очерке жизни» почившего Святителя, изобразил прекрасные свойства его кроткой и любящей души.

Философские науки

Наставниками по классу философских наук, в разные времена, изданы следующие сочинения и переводы:

1) Профессор Д. С. Вершинский перевел на русский язык: 1) Обзорение истории философии, Аста (Спб. 1831 г.); 2) Обзорение пифагорейской философии, Риттера (Спб. 1832 г.) и 3) Систему логики, Бахмана. Спб. 1833.

2) Священник Ф. Ф. Сидонский перевел на русский язык Психическую антропологию, Шульце (Спб. 1824 г.), и прекрасное рассуждение Ансильйона, Об отношении между общим и частным, помещенное в Журнале мин. нар. просв. за 1844 г.

3) Профессор В. Н. Карпов взял на себя великий труд усвоить русской литературе творения славного мужа древности Платона. «Великие гении на поприще науки, – говорит переводчик в предисловии – это свойственники не народа, а целого человечества; их произведения это достояние всех веков. Поэтому русской литературе было бы стыдно перед веками и человечеством не усвоить себе того, что справедливо почитается лучшим украшением каждой литературы.» Изданные до настоящего времени семь разговоров Платона²¹⁰ показали, что великий мыслитель Греции имеет у нас достойного толкователя его мудрости. Профессор Карпов соединяет все условия, необходимые для этого труда, – классическую ученость, не весьма обыкновенную в наше время, отличное теоретическое и практическое знание русского языка и верный такт в понимании идей и направления Платоновых разговоров в целом и частях. Перевод изданных разговоров снабжен филологическими, историческими и философическими примечаниями, облегчающими понимание творений Платона, чрезвычайно отдаленных от нас по времени и обычаям. Кроме того, проф. Карпов перевел на русский язык первый том Истории Философии Риттера, и поместил несколько статей, оригинальных и переводных, в Журн. мин. нар. просвещения.

Переводы и издания книг на иностранных языках

В 40-х годах, по Высочайшему соизволению, сделан и издан немецкий перевод Пространного правосл. катехизиса. Пересмотр и исправление его, предшествовавшие изданию в свет, поручены были св. Синодом, особо для этого учрежденному, комитету, в трудах которого, по распоряжению начальства, принимал участие профессор здешней академии В. А. Левисон, за что объявлено ему благословение св. Синода.

Для ближайшего ознакомления новообращенных из евреев с свящ. обрядами православного христианского богослужения, с разрешения св. Синода, проф. В. А. Левисон предпринял перевод Чина Божественной литургии св. Иоанна Златоуста на еврейский язык (1847 г.). Труд этот окончен и удостоен Всемилощивейшего одобрения блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича.

Перевод Нового Завета на еврейский язык был издавна в намерении духовного правительства. В 1822 г. некто Исаак Пропер, родом еврей, предлагал сделать этот перевод при содействии свящ. Г. П. Павского. Опыт перевода сделан был переложением на древний еврейский язык Откровения Иоанна Богослова²¹¹: но труд этот не имел продолжения. Заботливость духовн. правительства о пользах Церкви возобновила его в недавнее время, поручив профессору еврейского языка при здешней духовной академии, В. А. Левисону, пересмотреть и исправить, по данному наставлению, перевод Нового Завета на еврейский язык, изданный лондонским библейским обществом в 1813, 1817 и 1835 годах. В настоящее время исправления, сделанные В. А. Левисоном, находятся на рассмотрении особо-учрежденного комитета из духовных лиц, известных своей ученостью: ректора Казанской Академии, архим. Иоанна, профессора академии В. И. Карпова и свящ. Ф. Ф. Сидонского.

Повременное духовное издание при академии

В 1821 г., по предложению ректора архим. Григория, с утверждения Комиссии дух. училищ, академия начала издание духовного журнала, под названием: Христианское чтение. По первоначальной программе в состав его входили:

1) Писания св. Отцов, в переводе на русское наречие. Насчет выбора статей из отеческих писаний положено было, чтобы избираемы были простые сочинения или отрывки, по содержанию своему способные питать не только ум, но в то же время и преимущественно сердце. 2) Изыскания и рассуждения касательно христианской религии: о ее существе, благотворности, божественности и основании, т. е. книгах Ветхого и Нового Завета, во всех отношениях. 3) Христианское учение или изъяснение предметов православного вероучения и правил христианской жизни. 4) Церковное красноречие. 5) Духовная история. 6) Назидательные размышления и 7) Христианская библиография, отечественная и внешняя.

Не в каждой книжке представляемы были все означенные здесь предметы и не всегда в показанном порядке; однако же принято было за правило, чтобы каждая книжка начиналась статьей из писаний св. Отцов.

В нашем отечестве весьма редко приходят в известность особенные благодатные действия св. Духа на сердца человеческие. Поэтому, при объявлении об этом издании, редакция приглашала всех любителей христианства, и наипаче людей духовного звания, о таковых действиях обстоятельно извещать издателей, чтобы сделать их явными к славе Божией.

В 1847 г. в программе издания сделана перемена, сообразно с изменением обстоятельств. В уважение того, что читатели, ознакомившиеся с сочинениями некоторых Отцов в непрерывном порядке, через издание отеческих творений при Московской Дух. Академии, уже менее удовлетворительным, чем прежде, находят чтение отеческих писаний в отрывках, и что и общая польза духовного просвещения внушает желание скорее видеть творения святых Отцов переведенными на русский язык не в отрывках, но в целых сочинениях или книгах, положено – впредь переводить отеческие сочинения в непрерывном порядке, не исключая и прежде переведенных и напечатанных мест, и начать этот перевод творениями св. Иоанна Златоустого. Св. Синод, утвердив эту перемену, в то же время повелел образовать в журнале особенное отделение, для перевода на русский язык, церковных историков, начиная с Евсевия Памфила²¹². Таким образом с 1848 года переводятся в непрерывном порядке Беседы св. Иоанна Златоустого к антиохийскому народу и до настоящего времени переведены: отдельные беседы, говоренные в Антиохии, Беседы на книгу Бытия и на Евангелие св. Иоанна Богослова. В отделении церковных историков переведены исторические сочинения Евсевия Памфила, Сократа, Созомена, Феодорита, Евагрия, Феодора чтеца и Филосторгия.

После историков, посвящавших свое перо изложению собственно церковных событий, для второй части журнала избраны писания Отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. В первом томе этого издания помещены – св. Дионисия Ареопагита книга О церковной иерархии, Софрония, патриарха Иерусалимского, Отрывок из слова о божественном священнодействии, Максима исповедника, Тайноводство церковное и – переводятся сочинения блж. Симеона, архиеп. Фессалоникийского.

В третьей части журнала помещаются слова и речи современных пастырей, исследования о предметах христ. Веры и Церкви, статьи духовно-нравственного содержания, сочинения академических наставников и посторонних лиц из образованного духовенства.

По желанию публики некоторые из прежних годов этого издания, давно распроданные без остатка, напечатаны были вновь и пущены в продажу.

1. Библиотека

Библиотека, в течение последних сорока лет, получила значительное приращение – через пожертвования от Монарших щедрот, приношениями от ученых обществ, русских и иностранных, присылавших в дар академии свои издания, от частных лиц – любителей духовного просвещения, передачей книг в академическую библиотеку из других книгохранилищ и наконец покупкой. Упомянем о важнейших приобретениях библиотеки.

Приращения библиотеки:

а) от щедрот Монарших

В 1836 году библиотека получила от щедрот блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича собрание Византийских Писателей, в 25 томах.

Ее Императорское Величество, Государыня Императрица Мария Федоровна, прислала в академическую библиотеку сочинение: *Russland und das Russische Reich, von Moritz*.

В 1843–1844 годах, с Высочайшего разрешения Его Императорского Величества, пожертвовано для духовно-учебных заведений, из дублетов Императорской публичной библиотеки, 6080 названий книг, относящихся к духовному просвещению, на греческом, латинском и еврейском языках: из них для библиотеки здешней академии выбрано 476 названий, а остальные разделены между Казанской академией и семинариями, которых библиотеки, по новости учреждения, или по ограниченности средств, имеют особенную нужду в пополнении.

В 1845 г. в библиотеку здешней академии, вместе с прочими, поступило по экземпляру, доставленного по Высочайшему повелению Государственным канцлером, еврейского Талмуда, переведенного на немецкий язык доктором Пиннером.

б) доставкой книг по распоряжениям начальства

Высочайшими указами от 2 сент. 1810 г. и 8 мая 1811 г. повелено было высылать в здешнюю академическую библиотеку по одному экземпляру всех книг, выходящих в России с одобрения светской цензуры при Министерстве народного просвещения и – военной при Министерстве военных и морских сил.

В 1813 г., по распоряжению члена Комиссии дух. училищ, князя А. И. Голицына, передано из Московской синодальной Типографской библиотеки в академическую 23 номера книг, найденных полезными для академии.

В 1815 г. 26 марта Комиссия дух. училищ сделала распоряжение о доставке в академию из духовно-цензурных комитетов, находящихся при Московской и С.-Петербургской академиях, всех книг, выходящих с их дозволения, как новых, так и издаваемых другими тиснениями, по одному экземпляру. В следующем году 19 апр. св. Синод сделал такое же распоряжение о доставке в здешнюю академическую библиотеку по одному экземпляру книг, печатаемых с разрешения духовной цензуры в синодальной, Киево-печерской, Кишиневской и Черниговской типографиях. В 1827 г., по распоряжению св. Синода, отдана в ведение здешних академий и семинарий библиотека бывшего Библейского общества, находившаяся в доме этого общества: самую большую часть книг этой библиотеки составляли полные Библии или отдельные книги Св. Писания на разных языках и разных изданий. В 1820 сюда же передана библиотека бывшего Могилевского архиеп. Варлаама. В 1843 г., по распоряжению начальства, передано в академическую библиотеку старопечатное Евангелие (изд. 1575 г. Вильно), присланное в Синод преосв. Арсением, архиеп. Варшавским.

в) От ученых обществ

Императорское Вольное Экономическое Общество снабжает академию, безвозмездно, всеми сочинениями, издаваемыми иждивением или при пособии общества. В 1843 г. Копенгагенское королевское Общество Северных Антиквариов прислало в дар здешней академии, наряду с прочими, свои повременные сочинения. В том же году Азиатский департамент Министерства иностранных дел прислал в здешнюю академию каталог книг, рукописей и карт, на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящихся в библиотеке того департамента.

г) Пожертвованиями частных лиц

Из пожертвований частных лиц: от преосв. митр. Михаила – Беседы его сочинения; преосв. митр. Амвросия около 50 №№ рукописных и печатных книг; колл. сов. Осипа Кир. Каменецкого – *BibliasacraSebastianiCastellionis*; ректора академии, архим. Григория – 35 №№ книг на немецком, французском и английском языках; ректора архим. Иоанна – несколько №№; покойного обер-священника Н. В. Музовского – несколько учебных книг; государственного канцлера, графа И. П. Румянцева – Собрание государственных грамот и договоров и сочинения Льва диакона; бывшего обер-прокурора св. Синода, князя П. С. Мещерского – девять названий книг богословского содержания, на английском языке; в 1832 году от архим. Петра – четырнадцать разного содержания книг, на китайском и маньчжурском языках, собранных им во время пребывания в Пекинской духовной миссии; в 1845 г. от капеллана, состоящего в Кронштадте при английской компании, Блакмона – два экземпляра изданной им в Оксфорде, на английском языке, книги «Учение российской Церкви», в которой содержатся, в переводе, сокращенный и пространый православные катехизисы и книга о должностях приходских священников; от англиканского дьякона, доктора Пальмера – собрание его сочинений; в 1853–1855 гг. от преосв. Никанора – собрание рисунков, изображающих внешний вид и внутреннее расположение Софийского храма в Константинополе: *Aya Sofia Constantinople as recently restored by order of H. H. the Sultan Abdul Medjid. Caspard Fossati*; и рисунки к исследованию древностей южной России и берегов Черного моря, изд. гр. Уваровым; от бывшего наместника Александроневской лавры архим. Вениамина Морачевича – 7 №№ книг на китайском и маньчжурском языках, литографированные оттиски китайских монет, изданные З. Ф. Леонтьевским, и рукопись, называемую раскольниками: Меч духовный; от архим. Павла Доброхотова, ректора Рижской (ныне Екатеринославской) семинарии, в признательность за воспитание, принесены в дар академии (в 1853 г.) редкие первопечатные славянские книги: 1) Триодъ постная – Краковского Фиолева издания, 1492–1499 года и 2) Апостол – Львовского издания Ивана Федорова, 1573–1574 года.

д) Покупкой

Наконец, академия, по мере своих средств, не упускала случаев покупкой приобретать для библиотеки редкие издания по части богословской литературы и по другим частям.

Важнейшее приобретение ее, сделанное этим способом, составляет библиотека покойного протоиерея Г. Т. Меглицкого, находившегося при российском Императорском посольстве в Вене, состоящая более нежели из 1000 разных сочинений и в 1846 г. купленная академией у наследников покойного протоиерея за 4000 руб. сер. – Но, и прежде и после, академия приобрела много редких изданий отдельной покупкой их: так в 1815 г. она приобрела экземпляр Берленбургской библии (1826 г.) на немецком языке, с дополнениями многих апокрифических книг и примечаниями на все канонические и апокрифические книги, в 8 книгах, за 200 рубл.; другие поименуем в перечне замечательных книг нашей библиотеки.

Общую численность академической библиотеки представляет следующая таблица:

Количество книг	Богословие		Философия		Словесность		Исторические науки		Атлась
	Экземпляров	Переплетов	Экземпл.	Перепл.	Экземпл.	Перепл.	Экземпл.	Перепл.	Экземп.
На древних языках	1329	1935	336	470	430	523	690	1108	2
На русском языке	546	739	277	369	520	813	869	1495	20
На французском языке	151	368	95	179	113	266	187	688	6
На немецком языке	280	452	165	242	79	131	283	477	3
На английском языке	89	112	5	5	3	7	19	41	–
На польском языке	38	46	24	28	40	55	66	77	–
На итальянском языке	29	44	6	7	26	28	36	51	–
На малоизвестных языках	323	344	2	2	2	2	12	13	–
Рукописей	202	208	19	19	15	15	112	116	–
В учебной библ. на разн. язык.	577	615	138	224	313	399	498	950	–
В новой библ. на разн. язык.	902	1832	340	576	249	676	599	1212	–
Периодических изданий	„	„	„	„	„	„	„	„	„
Итого	4466	6695	1407	2121	1790	2915	3371	6228	31

В этом числе, кроме поименованных уже нами книг, находится еще много редких и дорогих изданий. Академия имеет лучшие издания почти всех отеческих сочинений: между ними – творения блаж. Иеронима изд. 1719 г.; лучшие издания философов и греческих и римских классиков; два издания византийских историков – венецианское 1729 г. и новое 1830 г.; Acta sanctorum, полное издание Балландистов в 52 томах; Acta eruditorum, Lipsiae; Supplementa actorum; Nova acta и Supplementa ad nova acta – с 1682 по 1757 г., с указателями, около 60 томов; Комментарии и акты здешней Академии Наук с 1727 по 1791 г.; Новый Завет на голландском и славянском языках, в 2-х книгах, 1717 г.; Biblia Sacra arabica cum latina, planeque noua translatione, Romae, 1671: известны только два экземпляра этого издания, один здесь, другой в Парижской

королевской библиотеке; Quatuor Evangelia arabice cum latino textu interlinensi, Roma, 1591; (editio criticis ignota); творения Фомы Аквината, изд. при папе Урбане IV. – Из Маттеевой библиотеки: Quatuor Evangelia Graeca cum variis lectionibus codd. MSS. Bibliothecae Vaticanae, Barberianae, Laurentianae, Vindobonensis, Escorialensis, Hauniensis Regiae, quibus accedunt lectiones versionum Syrarum, veteris Philoxenianae et Hierosolimitanae, Hauniae, 1788. (Exemplum candidissimum et rarissimum. Plaeraque exempla hujus editionis perierunt in incendio Hauniensi, anno 1795 Nota Mathaei). Novum Testamentum graeco-latinum, ex edit. Erasmi. Basileae, 1522. (Haec editio inter omnes Erasmi editiones et praestantissima et rarissima habetur a viris doctis). Quatuor Evangeliorum versiones perantiquae duae, gothica et anglosaxonica. Amsterd. 1684. (Uterque liber rarissimus). Novum Testamentum latinum cum expositione Nicolai de Lyra, Norimbergae 1493. (Liber rarissimus. Nota Mathaei). Novum Testamentum graecum, Basileae. 1536. (Editio valde rara). Theocritus, Cato, Theognis et c.ed. Aldina, Venet. 1495. (Opus rarissimum). Orationes Andacidis, Danarchi, Lycurgi, Gorgiae, Lesbonactis et Herodis; ed. Aldina, Venet. 1513. (Opus rarissimum). Homeri opera cum commentariis Eustaphii, Romae. 1542–1550. (Opus longe rarissimum). – Долго было бы перечислять все издания классиков Маттеевой библиотеки, с пометками его руки: opus rarissimum, valde rarissimum и проч. – Из библиотеки Меглицкого: Antiphontis 17 кн.; Schillers Sämmtliche Werke, 37 Theile in 19 Bänden; Wieland's – in 33 Bänden, Supplemente in 6 B.; Göthe's – in 53 B.; Klopstock's – in 7 B.; Oeuvres complètes de Voltaire, en 78 volumes; de Rousseau, avec les notes et tous les commentateurs, en 25 vol.

В свою очередь академия делилась избытками с другими беднейшими семинариями: так в 1825 г., по составлении каталогов академической библиотеки, 300 томов, оказавшихся излишними для академии, с разрешения Комиссии дух. училищ, отделены в С.-Петербургскую семинарскую библиотеку; в 1847 г. отделено, по распоряжению св. Синода, для вновь учрежденной Кавказской семинарии, 190 названий книг, в 421 томах, из дублетов академической библиотеки. По несколько книг отделено также для библиотек Казанской академии и Рижской семинарии. – Некоторыми довольно редкими изданиями академия имела случай служить пользе науки даже вне академии: так в 1815 г., по отношению г. Густава Розенкампа, отсылаемы были в Комиссию составления законов, для некоторых соображений по ее делам, следующие книги: Marguardi Freheri, de jure Gasco-Romano и Leunclavii, Jus Gracco-latinum, которых не оказалось ни в библиотеке Комиссии, ни в Императорской. Степенной книгой, летописями и некоторыми другими историческими сочинениями пользуется Археографическая Комиссия.

Библиотека рукописей

Библиотека рукописей включает 442 №№ различного содержания: несколько старинных учебников, сочинения истолковательные на Свящ. Писание, летописи и другие памятники, относящиеся к отечественной истории, несколько автографов наших иерархов и другие. Между ними есть рукописи редкие и замечательные в разных отношениях: например – Степенная книга обширнейшей редакции, писанная в царствование Алексея Михайловича, – единственный известный экземпляр; несколько летописных списков, хронографов частных историй, прологов, житий святых, родословцов, сборников; списки Просветителя пр. Иосифа, Стоглавника и проч.; разные неизданные сочинения и переводы: Иакинфа Карпинского, Иоанникия Голятовского, Досифея, митрополита Сочавского, Досифея, ученика преп. Иосифа Волоколамского, Лихудов, Стефана Прибыловича, Андрея Савиновича, Феофилакта Горского, Гавриила Домецкого, Евгения Булгара, м. Гавриила (Петрова), протоиерея И. Красовского, князя Антиоха Кантемира – сатиры первой редакции, имеющие в тексте и примечаниях много особенностей против печатного издания; из иностранных: – Нила Кавасилы, Евфимия Зигабена, Георгия Писида, Димитрия Кодони, Гезихия пресвитера. На иностранных языках – древние: 1) Греческое Евангелие, на пергаменте, XI или даже X столетия; 2) Творения Феодора Студита, на греческом языке, очень древнего письма, на пергаменте; 3) Молитвенник на латинском языке, с 21 изображением Святых, на весьма чистом пергаменте, отличного письма; – новейшие: Новый Завет на еврейском языке; филологические сочинения Маттея – несколько книг. – Автографы: 1) проповедь преосв. Тихона, еп. Воронежского и Елецкого, по случаю заключения мира с Оттоманской Портой; 2) письмо иеромонаха Нектария (бывшего потом Иерусалимским патриархом) к иером. Герману (впоследствии м. Нисскому), 1660 года: обнародовано Маттеем. – Учебники: Георгия Конисского – философия, на латинском языке, преподанная в Киевской академии; Сильвестра Кулябки – Учебники богословия и философии, на латинском; Феофана Прокоповича Аристотелико-схоластическая философия на латинском языке; неизвестного автора – *Compendium philosophiae*; – Церковная история Ветхого и Нового Завета, читанная в Казанской академии; *Istitutiones artis rethoricae* и *Praecepta rethorices*; остояцкая грамматика Кротова и еврейская Мироносицкого (для воспитанников старой Казанской академии).

Студенческая библиотека

Кроме общей академической библиотеки, в виде особого отделения, есть еще студенческая. Она помещается в одной из жилых студенческих комнат и находится под присмотром одного из довереннейших студентов. Основание ей положено пожертвованиями в пользу студентов нужнейших книг из частных библиотек академич. начальников и наставников. Но главное назначение ее состоит в хранении дорогих или многотомных изданий из общей академ. библиотеки в то время, когда они находятся в обращении у студентов.

Академической библиотекой заведывали преемственно бакалавры: архим. Леонид Зарецкий (1809–1812 г.); архим. Иннокентий Смирнов (1812–1814 г.); иером. Григорий Постников (1814–1816 г.); иером. Моисей Платонов (1816–1817 г.); И. Филаретов; иером. Иоанн Доброзраков (1819–1821 г.); игумен Игнатий (1821 – 1824 г.); игумен Никодим (1830 г.); иером. Платон Городецкий (1830–1831 г.); Д. Соснин (1831–1834 г.); проф. В. Н. Карпов (1834–1854 г.) и проф. В. И. Долоцкий (с 1854 года).

Физический кабинет

Физический кабинет до 1838 г. был весьма недостаточен, и мало соответствовал своей цели: в нем было менее 60 №№ и между ними очень мало годных к употреблению. В означенном году, с разрешения бывшей Комиссии дух. училищ академия приобрела у физико-механика Роспини на 6690 руб, 90 №№ инструментов, относящихся к учению об общих свойствах тел, тяжести, о гидростатике, гидродинамике, воздухе и теплотворе: но почти вовсе не было приборов для учения о свете, электричестве, магнетизме, электро-магнетизме, магнито-электричестве и для механики и мало для акустики и химических опытов. В 1845 г. кабинет значительно пополнен и по этим частям, приобретением у того же механика инструментов на 1791 руб. 46 коп. сер. В настоящее время всех приборов 304, именно: математических пособий 18 №№; физических инструментов – для общих свойств тел 17 №№; для статики 8 №№; динамики 4 №№; силы тяжести 3 №№; гидростатики и гидравлики 21 №№; атмосферного воздуха 47 №№; звука 16 №№; газов 18 №№; теплотвора 32 №№; света 41 №; электричества 41 №№; гальванизма 18 №№; магнетизма 13 №№; электро-магнетизма и магнито-электричества 7 №№.

Говоря об устройстве и приращении физического кабинета С.-Петербургской Дух. Академии, нельзя не назвать с признательностью имени бывшего профессора физики, Д. И. Ростиславова, заботливости которого академия обязана устройством этой части.

1) Высшее управление

Со времени преобразования духовных училищ, главное начальство и высшее управление академией принадлежало Комиссии духовных училищ, образовавшейся в 1808 г. из временного Комитета, Высочайше учрежденного для начертания общего плана воспитания духовного юношества, и составлявшей отдельную от св. Синода, хотя и подчиненную ему, правительственную власть. Но с 1839 г., когда, после упразднения Комиссии дух. училищ, высшее заведование духовно-учебной частью сосредоточено в св. Синоде, С.-Петербургская Духовная Академия, наряду с прочими, подлежит высшему управлению св. Синода²¹³.

2) – Внешнее

Академии, также как по Министерству народного просвещения университеты, поставлены во главу учебных округов: таким образом С.-Петербургская Дух. Академия находится во главе С.-Петербургского учебного округа.

Состав округа

В 1808 году к здешнему округу приписаны шесть семинарий: 1) Новгородская, 2) С.-Петербургская, 3) Псковская, 4) Тверская, 5) Могилевская и 6) Архангельская. Смоленская семинария, приписанная сначала к Киевскому округу, отнесена потом к здешнему. Грекоунитские семинарии, Белорусская и Литовская, хотя образованы были по уставам, изданным для православных дух. училищ, и сходствовали с ними в главных основаниях своего управления, подлежат с 1836 года ведению Комиссии дух. училищ, не были однако же введены в общий состав учебных округов; только в видах пригготовительных к этому мер курсы учения, расположенные в них по курсам округа Московского, в 1839 г. были сравнены с курсами ближайших округов С.-Петербургского и Киевского²¹⁴. В 1840 г., вследствие Высочайшей воли о соединении Белорусской епархии с Полоцкой, и состоящая в Полоцке семинария, именовавшаяся доселе Белорусской, переименована в Полоцкую²¹⁵; а с 1843 г., по закрытии Белорусско-Литовской Дух. Коллегии, в ведомстве которой находились обе семинарии, они причислены, по Высочайшему повелению, к С.-Петербургскому духовно-учебному округу²¹⁶, с подчинением С.-Петербургской Дух. Академии. С преобразованием Рижского викариатства в самостоятельную епархию, учрежденное в 1846 году в Риге духовное училище, для детей тамошнего православного духовенства и туземцев, готовящихся к занятию священнослужительских мест, переименовано в 1850 г., по Высочайше утвержденному докладу св. Синода, Рижской семинарией, с причислением к С.-Петербургскому духовно-учебному округу²¹⁷. Итак, в настоящее время состав С.-Петербургского духовно-учебного округа образуют 11 семинарий, и при них 43 уездных училища.

Управление округа сосредоточено во Внешнем академическом правлении, которое составляется: 1) из ректора Академии,

2) из двух членов Внутреннего академического правления и

3) из двух членов Конференции.

Примечание. Эконом тогда только присутствует в Правлении по 3 отделению (Внешнем), когда бывает из профессоров, или имеет степень доктора или магистра: в противном случае на место его назначается другой из действительных членов Конференции.

Предметы его: наблюдать за ходом и направлением наук в семинариях и за успехами воспитанников; наблюдать за производством экзаменов и отряжать для оных членов академии; пещись о снабжении семинарских библиотек, кабинетов и прочих заведений училища; ходатайствовать у епархиальных архиереев об определении докторов, магистров и кандидатов на соответствующие этим степеням и личным качествам имеющих эти степени места; хранить послужные списки ректоров, профессоров и смотрителей округа и проч.

3) Внутреннее управление академии принадлежит Внутреннему академическому правлению, которое составляют: 1) ректор академии, 2) один из профессоров академии, именно инспектор академии и 3) эконом, если он имеет ученую степень.

Ректоры академии

Доктор богословия, архим. Филарет Дроздов, в звании ректора, продолжал благоустройство академии в течение второго и третьего учебных курсов, исполняя в то же время различные поручения от Комиссии дух. училищ и Главного правления народных училищ и участвуя в трудах Императорской Российской Академии и Совета Императорского человеколюбивого общества, в которых с Высочайшего утверждения был членом. Служение и полезные труды его отличены были особенной Монаршей милостью: в 1815 г. он пожалован панагией; в 1817 г. 23 июля возведен в сан епископа, с наименованием Ревельского, викария С.-Петербургской митрополии и с оставлением в должности ректора академии; в 1818 г. сопричислен к ордену св. Анны 1 степени; в 1819 г. марта 13 пожалован архиепископом Тверским и вскоре за тем – августа 18 – наименован членом св. Синода. Конференция С.-Петербургской Духовной Академии выразила свою признательность преосв. Филарету избранием его в свои почетные и действительные члены.

4) Доктор богословия, архим. Григорий Постников, преемствовал преосв. Филарету в звании ректора Академии и продолжал благоустройство академии, начатое предшественниками. Свидетельством его трудов служат отличия и награды, полученные им в бытность ректором академии: в 1819 г., находясь в звании настоятеля второклассного Иосифо-Волоколамского монастыря, он наименован был первым архимандритом после первоклассных, из уважения к отличным училищным должностям, им занимаемым; в том же году 23 сент. сопричислен к ордену св. Владимира 3-й степени; в 1821 г. августа 21 Высочайше утвержден членом Комиссии дух. училищ, и получил в награждение наперсный бриллиантовый крест; в 1822 г. 7 мая утвержден епископом Ревельским, викарием С.-Петербургской митрополии, с оставлением за ним должности ректора академии, а в следующем году ноября 17 сопричислен к ордену св. Владимира 2-й степени; в 1826 г. переведен на епископскую кафедру в Калугу.

5) Доктор богословия, архим. Иоанн Доброзраков, из ректоров С.-Петербургской семинарии, с 30-го янв. 1826 г.; в августе сопричислен к ордену св. Анны 2-й степени; 14 янв. 1829 г. определен настоятелем Пинского богоявленского (Минской епархии) первоклассного монастыря и сопричислен к ордену св. Владимира 3-й ст. В августе 1830 г. утвержден епископом Пензенским.

6) Магистр, архим. Смарагд Крыжановский, из ректоров Киевской академии, с 27 августа 1830 г.; в декабре того же года определен настоятелем первоклассного Пинского монастыря. В ноябре 1831 года посвящен во епископа Ревельского, викария С.-Петербургской митрополии.

7) Магистр, архим. Венедикт Григорович, из ректоров Вифанской семинарии, с 4 ноября 1831 г. ректор академии и настоятель Боровского Пафнутиевского первоклассного монастыря. В 1833 г. 8 июня утвержден епископом Ревельским, викарием С.-Петербургским. Скончался Олонецким архиепископом в декабре 1850 года.

8) Магистр, архим. Виталий Щепетев, из ректоров Московской семинарии, с 8 июня 1833 г. и тогда же определен настоятелем Боровского монастыря; в 1834 г. февр. 27 пожалован орденом св. равноап. кн. Владимира 3 ст. В июне 1837 г. утвержден епископом Дмитровским, викарием Московским.

9) Магистр, архим. Николай Доброхотов, из ректоров Ярославской семинарии, определен 5 июля 1837 г. исправляющим должность ректора С.-Петербургской академии; 20 декабря утвержден ректором. В 1841 г. 12 апреля назначен епископом Тамбовским, но оставался при академии до конца учебного года.

10) Магистр, архим. Афанасий Дроздов, из ректоров Херсонской семинарии, с 21 апр. 1841 г.; в 1842 г. 8 августа, по всеподданнейшему докладу св. Синода, Высочайше назначен епископом Винницким, викарием Подольской епархии, с оставлением в звании ректора академии, в 1844 г. марта 24, в возмездие ревностных и вполне успешных трудов в назидание вверенного ему духовного юношества, совершаемом в строгом смысле истинного учения Православной Церкви, Всемиловнейше сопричислен к ордену св. Анны 1-й степени. В 1847 г. 13 января Высочайше назначен епископом Саратовским.

11) Магистр, архим. Евсевий Орлинский, из ректоров Московской академии; перемещен в здешнюю академию 17 янв. 1847 г., с назначением в епископа Винницкого; в 1849 г. 3 апр., в возмездие заслуг его по управлению преемственно двумя духовными академиями и

приготовлению образуемого в них юношества к достойному прохождению священного сана, Всемилоостивейше сопричислен к ордену св. Анны 1 степени. В декабре 1850 года назначен епископом в новооткрытую Самарскую епархию.

12) Доктор богословия, Макарий Булгаков, епископ Винницкий, по воспитанию не принадлежит здешней академии, но вполне принадлежит ей, как ее наставник и потом начальник, посвятивший ей пятнадцать лет деятельного и истинно-полезного служения. Об ученых трудах его и распорядительности по званию ректора мы имели случай много раз говорить в нашей истории, и притом думаем, что первые без указаний известны всем любителям отечественного просвещения. Заслуги его отличены особенной милостью Монаршей и высшего духовного начальства: в 1850 г. дек. 20, вместе с определением его ректором академии, он пожалован лично настоятелем первоклассного монастыря; в 1851 г. янв. 20-го назначен и 28 рукоположен в епископа Винницкого, викария Подольского, с оставлением при академии; в 1853 г. апр. 19, во уважение отличного служения и особенно-полезных трудов для высшего образования духовного юношества, Всемилоостивейше сопричислен к ордену св. Анны 1-й степени; в 1857 году апр. 7 Всемилоостивейше пожалован знаками этого ордена, украшенными императорской короной. За отличные познания и услуги, оказанные отечественной истории и словесности, Императорское общество истории и древностей при Московском университете и Второе отделение Императорской Академии Наук избрали его своим действительным членом, а Императорское археологическое общество, Императорский Московский университет, по случаю празднования своего столетнего юбилея, и Императорский Харьковский университет избрали его почетным членом.

Сверх прямых обязанностей по званию ректора академии, лица, состоящие в этой должности, имеют частью постоянные, частью временные обязанности по поручениям от высшего начальства: таковы –

Постоянное и временное участие ректоров

в трудах 1) бывшей Комиссии духовных училищ

В 1814 г., перед окончанием первого учебного курса в здешней академии и открытием Московского округа, Комиссия дух. училищ, намереваясь сделать дополнения и изъятия в проекте училищных уставов, и истребовав, по этому предмету, мнения от здешнего академического Правления, Цензурного комитета и начальств новоустроенных училищ, для рассмотрения которых пригласила временно в свое собрание, вместе с архиепископами Минским Серафимом и Черниговским Михаилом, ректора академии, архим. Филарета, исходатайствовав предварительно Высочайшее утверждение этой меры²¹⁸: но в августе того же года, вследствие именного Высочайшего указа, Комиссия приняла его в свои постоянные члены и, при рассуждениях, пользовалась его личными наблюдениями над состоянием учебной и хозяйственной части в здешней и Московской академиях и во многих семинариях подведомственных им округов. Преемник его по званию ректора, архим. Григорий, с 21-го авг. 1821 г. также участвовал в трудах Комиссии, со званием члена оной.

2) – Главного правления училищ

Ректоры архим. Филарет и архим. Григорий, с Высочайшего утверждения, были членами Главного правления училищ и принимали участие в трудах его во время усиленных мер к устройению народного образования на прочных основаниях, выясненных предшествовавшими полувековыми опытами²¹⁹. В настоящее время, с распространением круга деятельности и прав Главного правления училищ, Высочайше утвержден членом которого Макарий, епископ Винницкий, ректор академии.

3) Наблюдение за преподаванием закона Божия в учебных заведениях столицы и окрестностей

В 1844 г. Высочайшим именным указом повелено было, для надлежащего единства в направлении преподавания закона Божия в учебных и воспитательных заведениях всех ведомств в здешней столице и окрестностях оной, избрать к наблюдению за этим предметом надежного и опытного духовного сановника, которому и подчинить, в этом отношении, всех законоучителей помянутых заведений: исполнение этого поручено было митрополиту Антонию. По распоряжению митр. Антония эта должность возложена, 6 мая того же года, на ректора академии Афанасия, епископа Винницкого. В 1847 г., за отбытием его на Саратовскую епархиальную кафедру, главное наблюдение за преподаванием закона Божия во всех здешних заведениях возложено на преемника его по ректорскому званию, епископа Винницкого Евсевия²²⁰, а после него, с 1851 г., на преосв. Макария. – Ректору академии усвоятся права и название главного наблюдателя за преподаванием закона Божия в учебных заведениях столицы и ее окрестностей: но в помощь ему, для той же цели, назначаются образованнейшие и почетнейшие лица из монашествующего и белого духовенства столицы, для ближайшего наблюдения за преподаванием закона Божия по разным учебным ведомствам – военному, министерства народного просвещения и воспитательным учреждениям. – В 1850 г., независимо от главного наблюдателя и его помощников, с разрешения Минист. народного просвещения, назначен еще особый визитатор по закону Божию для всех гимназий и казенных училищ столицы²²¹. – После возложения на законоучителей преподавания логики и психологии, эти предметы также вошли в круг надзора означенных наблюдателей.

Инспекторы:

- 5) Магистр, иером. Афанасий Протопопов, с 13 авг. 1814 г.; в 1816 г. марта 18 переведен в Казань ректором академии. Скончался Тобольским архиепископом.
- 6) Доктор богословия, иером. Григорий Постников, с 19-го марта 1816 г.; в 1817 г. 29 июня произведен в архимандрита; в 1819 г. определен ректором академии.
- 7) Магистр, иером. Нафанаил Павловский, с 7 мая 1819 года; в 1821 г. июля 26 определен ректором Ярославской семинарии. Скончался Псковским архиепископом.
- 8) Магистр, соборн. иером. Иоанн Доброзраков, с 26 июля 1821 г.; 16 августа произведен в архимандрита Юрьева-Польского Архангельского монастыря Владимирской губернии; в 1823 г. сент. 5 присвоена ему лично степень второклассного Антония Римлянина монастыря, с сохранением старшинства перед тамошним настоятелем; в 1824 г. ноября 14 определен ректором С.-Петербургской дух. семинарии.
- 9) Магистр, иером. и потом архим. Гавриил, из бакалавров Московской Дух. Академии, с 26 ноября 1824 г. по 2 сент. 1825 г.
- 10) Доктор богословия, архим. Иннокентий Борисов, бакалавр здешней академии, с 2 сент. 1825 г.; в 1827 г. янв. 29, за обозрение семинарий Новгородской и Тверской, Всемиловейше пожалован наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями; в 1830 г. 27 авг. определен ректором Киевской Дух. Академии. Ныне архиепископ Херсонский.
- 11) Магистр, иером. Иосиф Позднышев, из инспекторов Тверской семинарии, с 6 сент. 1830 г.; в следующем году 30 сент. переведен ректором в Астраханскую семинарию.
- 12) Магистр, архим. Платон Городецкий, с 6 ноября 1831 г.; в 1837 г. 20 декаб. определен ректором Костромской семинарии. Ныне архиепископ Рижский.
- 13) Магистр, иером. и потом архим. Филофей Успенский, в 1838 г. авг. 18 определен исправляющим должность инспектора; в 1839 г. 24 октяб. утвержден в этой должности; в 1842 г. 1 июля определен ректором Харьковской семинарии. Ныне епископ Тверской.
- 14) Магистр, иером. Иоасаф Покровский, из ректоров Тамбовской семинарии, с 28 сент. 1842 г.; в 1844 г. 24 авг. определен ректором Подольской семинарии.
- 15) Доктор богословия, архим. Макарий Булгаков, с 13 дек. 1844 г.; в 1850 г. определен ректором академии.
- 16) Доктор богословия, архим. Иоанн Соколов, с 8 янв. 1851 г.; в январь 1855 г. определен ректором С.-Петербургской семинарии. Ныне ректор Казанской академии.
- 17) Доктор богословия; архим. Кирилл Наумов, ординарный профессор здешней академии, с 16 янв. 1855 г.

Профессоры и бакалавры богословия

Доктор богословия, архим. Филарет Дроздов, ординарный профессор.

Доктор богословия, иером. Григорий Постников, в 1814 г. 13 авг. определен бакалавром; в 1817 г. марта 29 возведен в степень доктора богословия; 18 июля произведен в архимандрита; 1 окт. наименован экстраординарным, а в следующем году 10 сент. ординар. профессором: преподавал все богословские науки – одни в полном составе, другие по частям.

Магистр, соборн. иером. Нафанаил Павловский, бакалавр с 18 июля 1817 г., преподавал свящ. герменевтику и обличительное богословие.

Магистр, А. И. Окунев, бакалавр с 18 июля 1817 г., преподавал учение о Свящ. Писании, преимущественно Нового Завета; в 1819 г. определен священником и законоучителем во 2-й кадетский корпус. Ныне протоиерей кафедрального Петропавловского собора в С.-Петербурге.

Магистр, иером. Зосима Смирягин, из профессоров Рязанской семинарии с 1818 г.; в том же году переведен ректором в Псковскую семинарию, где и скончался в 1821 г.

Магистр, иером. Смарагд Крыжановский, бакалавр с 14 авг. 1819 г.; в июне 1821 г. определен инспектором Киевской академии.

Магистр и потом доктор богословия, Иоанн Доброзраков, переведен с кафедры церковного красноречия на богословский класс бакалавром 21 июля 1821 г.; с 17 окт. 1822 г. экстраорд.; с 14 нояб. 1826 г. орд. профессор.

Магистр, игумен Игнатий Семенов, перемещен с греческого языка на класс богословских наук 26 июля 1821 г.; в следующем году 8 нояб. произведен в сан архимандрита; в августе 1823 г. определен ректором Новгородской семинарии. Скончался в 1849 г., в сане архиепископа Воронежского и Задонского, в бытность в С.-Петербурге на чреде присутствия в св. Синоде.

Магистр, соборн. иером. Серафим, из воспитанников Московской академии, бакалавр по чтению Св. Писания Нового Завета, с 17 авг. 1822 г.; в следующем году произведен в сан архимандрита. Скончался 9 июня 1824 г.

Магистр, иером. Гавриил, из бакалавров Московской академии перемещен в здешнюю 18 октября 1824 г.; в 1825 г. 31 мая произведен в сан архимандрита; 2 сент. определен ректором Орловской семинарии. (Автор «Истории философии», изданной в Казани).

Магистр, соборн. иером. Арсений, с 4 авг. 1823 г. бакалавр; изъяснял учение о Св. Писании Ветхого Завета и нравственное Богословие. Ныне архиепископ Варшавский.

Магистр, соборн. иером. Иннокентий Борисов, из воспитанников Киевской академии, определен 23 сентябр. 1823 года инспектором С.-Петербургской семинарии; в 1824 г. декабря 13 перемещен в академию бакалавром; в 1826 г. января 7 наименован экстраорд. профессором: преподавал обличительное богословие.

Магистр, иером. Исидор Никольский, из воспитанников С.-Петербургской академии, с 28 авг. 1825г., преподавал нравственное богословие, библейскую герменевтику и изъяснял Св. Писание Нового Завета; в 1829 г. авг. 24 определен ректором Орловской семинарии. Ныне митрополит, экзарх Грузии.

Магистр, иером. Афанасий Соколов, бакалавр с 1825 года; в 1826 г. янв. 30 переведен инспектором в Псковскую семинарию. Ныне архиепископ Казанский.

Иером. Иеремия Соловьев, по окончании курса в здешней академии определен законоучителем во 2-й кадетский корпус; в 1829 г. 7 сент. перемещен в академию бакалавром на класс богословских наук; в 1830 г. сент. 6 определен инспектором Киевской Дух. Академии. Ныне архиепископ Нижегородский.

Магистр, иером. Иосиф Позднышев, бакалавр по чтению Св. Писания Ветхого Завета, с 15 сент. 1827 г.; в декабря 1828 г. определен инспектором Тверской семинарии.

Магистр, игумен Никодим, из инспекторов Костромской семинарии, бакалавр с 26 сент. 1829 г.: преподавал св. герменевтику и изъяснял Св. Писание Ветхого Завета; в августе следующего года определен ректором новоучрежденной Саратовской семинарии.

Магистр, архим. Смарагд Крыжановский, с 27 авг. 1830 г. ректор академии и ординарный профессор: объяснял Св. Писание Нового Завета.

Иером. Иосиф Позднышев – в другой раз, с 6 сент. 1830 г.: преподавал догматическое богословие.

Магистр, иером. Платон Городецкий, бакалавр с 17 мая 1830 г.: преподавал нравственное и обличительное богословие.

Магистр, иером. Мартирий, из профессоров Киевской семинарии, бакалавр с 15 февр. 1831 г.: преподавал учение о Церкви и св. герменевтику; в ноябре того же года переведен в Пермь ректором семинарии.

Магистр, архим. Венедикт Григорович, орд. профессор, с 4 ноября 1831 г.: преподавал догматическое богословие.

Магистр, иером. Климент Мажаров, с 2 окт. 1831 г. бакалавр и потом экстраорд. профессор: преподавал свящ. герменевтику, учение о Церкви, нравственное и обличительное богословие.

Магистр, иером. Анастасий Любомудров, бакалавр с 30 сент. 1831 г. по февраль 1835 г.: изъяснял Св. Писание.

Магистр, архим. Виталий Щепетев с 8 июня 1833 г. орд. профессор: преподавал догматическое богословие.

Магистр, иером. Иоасаф Покровский, бакалавр с 15 окт. 1835 г.: преподавал введение в книги Св. Писания Нового Завета и нравственное богословие; в 1841 г. 20 июня переведен в Тамбов ректором семинарии.

Магистр, иером. Евсей Ильянский, перемещен с класса словесных наук 12 марта 1838 г. Ныне епископ Подольский.

Магистр, архим. Николай Доброхотов, ректор академии и орд. профессор с июля 1837 г.

Магистр, иером. и потом архим. Филофей Успенский, с 18 авг. 1838 г. бакалавр, с 24 мая 1842 г. орд. профессор: преподавал нравственное и пастырское богословие.

Магистр, А. Кречетов, из воспитанников Киевской академии, определен бакалавром 20 окт. 1839 года. Скончался 12 апр. 1841 г.

Магистр, М. И. Богословский, протоиерей и законоучитель Императорского училища правоведения, переведен с греческого класса 7 февр. 1840 г.

Магистр, Афанасий Дроздов, епископ Винницкий, орд. профессор с 21 апр. 1841 г.; в 1842 г. определением св. Синода от 7 марта, на основании 14 § Проекта устава дух. академий, от должности профессора уволен.

Магистр, В. И. Долоцкий, с 18 авг. 1832 г. бакалавр, с 25 сент. 1851 г. экстраорд., с 19 дек. 1852 г. орд. профессор: преподает учение о Богослужении.

Доктор богословия, Макарий Булгаков, епископ Винницкий, с 26 июля 1842 г. бакалавр, с 31 дек. 1843 г. экстраорд., с 13 дек. 1844 г. орд. профессор: преподает догматическое богословие.

Магистр, Е. А. Бенескриптов, в 1842 г. 24 авг. перемещен с класса немецкого языка на богословский и преподавал обличительное богословие; в 1849 г. определен священником к церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости.

Магистр, К. Каневский, из профессоров Псковской семинарии, с 31 авг. 1842 г. бакалавр: преподавал учение о вероисповеданиях.

Магистр, архим. Иоасаф Покровский, с 28 сент. 1842 г. ординарный профессор.

Магистр, П. А. Сперанский, из здешних воспитанников с 31 окт. 1843 г. в течение одной трети преподавал учение о Св. Писании; в апреле 1844 г. определен священником к православной церкви при вновь учрежденной миссии нашей в Неаполе.

Магистр, священник И. Д. Колоколов, перемещен на класс богословских наук 26 июня 1844 г. и преподавал, впрочем, недолго, учение о Св. Писании. Ныне протоиерей Морского Богоявленского собора в С.-Петербурге.

Доктор богословия, архим. Иоанн Соколов, из бакалавров Московской академии, с 12 декабря 1844 г. бакалавр, с 26 сент. 1851 г. экстраординарный, с 19 дек. 1852 г. орд. профессор: преподавал церковное законоведение.

Магистр, соборн. иером. Феофан Говоров, из профессоров Новгородской семинарии, бакалавр нравственного и пастырского богословия с 13 дек. 1844 г.; в 1847 г., с разрешения св. Синода, отправился в Иерусалим для поклонения св. местам и исполнения возложенных на него особых поручений.

Магистр, И. И. Лобовиков, бакалавр патристики с 4 сент. 1841 г. Скончался в 1848 г.

Магистр, свящ. С. С. Тапильский, с 31 янв. 1845 г. бакалавр по классу чтения Св. Писания; в 1847 г. 27 авг. вышел из академии. Ныне священник Покровской церкви, что в Коломне.

Доктор богословия, архим. Кирилл Наумов, с 31 окт. 1847 г. бакалавр, с 26 сент. 1851 г. экстраорд., с 12 апр. 1855 г. орд. профессор нравственного и пастырского богословия.

Магистр, М. А. Голубев, с 31 окт. 1847 г. бакалавр, с 25 ноября 1853 г. экстраорд., с 8 апр. 1857 г. орд. профессор: преподает свящ. герменевтику, с историческим и истолковательным обозрением книг Св. Писания.

Магистр Н. Е. Колоссовский, преподавал патристику с 1848–1853 г., с званием исправляющего должность бакалавра. Ныне священник и законоучитель при Царскосельском училище девиц духовного звания.

Магистр, соборн. иером. Никанор Бровкович, бакалавр обличительного богословия с 29 сент. 1851 г. С 1856 г. архимандрит и ректор Рижской семинарии.

Магистр, соборн. иером. Асигкрит Верещагин, бакалавр патристики с 28 окт. 1853 г. Ныне архимандрит, инспектор Олонецкой семинарии.

Магистр, архим. Феофан Говоров, в другой раз бакалавр с 12 апр. 1855 г.: преподавал церковное законоведение; в сентябре 1855 г. определен ректором Олонецкой семинарии. Ныне настоятель посольской русской церкви в Константинополе.

Магистр, соборн. иером. Валериан Орлов, с 6 ноября 1855 года, бакалавр церковного законоведения.

Магистр, П. И. Шалфеев, бакалавр патристики, с 6 ноября 1855 года.

Магистр, М. О. Коялович, с 12 мая 1856 г., бакалавр обличительного богословия.

Профессоры и бакалавры философии

Магистр, надв. сов. И. Я. Ветринский, с 13 авг. 1814 г. бакалавр, с 10 сент. 1818 г. орд. профессор: преподавал в 1814–1822 г. историю философии; в 1823–1826 г. философию; в 1826 г. авг. 4 определен цензором Главного цензурного комитета. После (с 21 мая 1834 г.) был директором Могилевской гимназии.

Магистр, Т. Ф. Никольский, с 13 авг. 1814 г. бакалавр: преподавал философию. Скончался в 1848 г. протоиереем Казанского собора в С.-Петербурге.

Магистр, И. М. Певницкий, с 26 июля 1821 г. бакалавр: преподавал философию; в сентябре 1823 г. поступил в Стутгард к православной церкви при гробе Великой Княгини Екатерины Павловны. Ныне протоиерей при церкви Зимнего дворца.

Магистр, А. Красносельский, из здешних воспитанников, с 28 сент. 1823 г. бакалавр, с 17 ноября 1828 г. орд. профессор: преподавал историю философии. Скончался в 1830 г.

Магистр, Д. С. Вершинский, с 16 ноября 1816 г. бакалавр; с 20 марта 1830 г. орд. профессор: преподавал философию и историю философии; в 1835 г. определен протоиереем к посольской церкви в Париже.

Магистр, свящ. Ф. Ф. Сидонский, бакалавр с 20 марта 1830 г. по 19 окт. 1833 г.: преподавал сначала, несколько времени, историю философии, а с 1831 г. – философию.

Ст. сов. и кавалер ордена св. Анны 2-й ст., магистр, В. Н. Карпов, из бакалавров Киевской академии, 19 окт. 1833 г.; в 1835 г. 15 окт. возведен в звание орд. профессора: преподавал до 1844 г. философию. В настоящее время преподает историю философии и логику.

Магистр, А. И. Знаменский, преподавал историю философии с 15 окт. 1835 г. по 8 мая 1836 г. Ныне протоиерей при церкви Семеновского гвардейского полка.

Магистр, В. Мелиоранский, из профессоров Тверской семинарии переведен в 1836 г. и преподавал историю философии; в следующем году скончался.

Магистр, К. К. Крупский, преподавал историю философии с 1 сентября 1837 по 25 февр. 1842 г. Ныне священник и законоучитель школы Гвардейских подпрапорщиков в Спб.

Д. ст. сов. А. А. Фишер, доктор философии, орд. профессор Императорского С.-Петербургского университета и кавалер орденов св. Владимира 3-й ст., св. Анны и св. Станислава 2-х степеней, с званием орд. профессора преподавал философию в здешней академии с 21 декабря 1843 г. по 31 окт. 1853 г.

Магистр, экстраорд. профессор И. А. Чистович, с 31 окт. 1853 г.: преподает опытную психологию и философию.

Профессоры и бакалавры словесности

1) Общей

Магистр, В. Разумовский, с 12 авг. 1814 г.; в 1817 г. определен священником к православной церкви, состоящей при швейцарской миссии. Скончался священником Владимирской церкви в С.-Петербурге.

Магистр, И. Иванов, с 18 июля 1817 г.

Магистр, К. И. Делекторский, с 11 февр. 1824 г.; в 1828 г. рукоположен во священника.

Магистр, Д. Ф. Вознесенский, с 17 окт. 1835 г.

Ст. сов. и кавалер ордена св. Станислава 2-й ст., магистр, К. И. Лучицкий, с 27 сент. 1839 г. бакалавр, с 27 сентября 1851 г. экстраординарный, с 19 декабря следующего года ординарный профессор.

2) Церковной

Магистр, иером. Моисей Платонов, с 13 авг. 1814 г. бакалавр; в июле 1817 г. переведен ректором в Киевскую семинарию.

Магистр, И. Филаретов с 18 июля 1817 г. по 31 июля 1819 г. бакалавр; выбыл в Тверскую епархию. Скончался в 1835 г.

Магистр, М. Доброзраков, переведен из профессоров Черниговской семинарии в 1819 г. и, вскоре за тем, пострижен в монашество и наименован Иоанном; в 1821 г. перемещен на богословский класс.

Магистр, соборн. иером. Павел Марков, с 7 сент. 1821 г.; в 1824 г. определен ректором Волынской семинарии.

Магистр, протоиерей И. Иванов, с 10 февр. 1824 г.; в 1828 г. сент. 4 возведен в звание ординарного профессора.

Магистр, иером. Евсевий Ильинский, из Киевских воспитанников, с 15 окт. 1835 г. переведен на класс богословских наук.

Ст. сов., магистр, Д. Ф. Вознесенский, переведен с класса общей словесности 12 марта 1838 г.; с 27 июля того же года экстраординарный, – с 2 окт. 1839 г. ординарный профессор; сконч. 4 авг. 1852 года.

Магистр, А. П. Соколов, из воспитанников Казанской Дух. Академии, с 11 нояб. 1852 г.: через год перемещен в здешнюю семинарию на класс общей гражд. истории и соединенных предметов. Ныне священник при православной миссионерской церкви в Стокгольме.

Магистр, П. В. Лебедев с 28 окт. 1853 г. Ныне священник Успенской церкви, что на Сенной, в С.-Петербурге.

Профессоры и бакалавры истории

1) Общей гражданской

И. С. Кочетов, с 13 авг. 1814 г.: переведен на класс общей церковной истории.

Магистр, А. Рождественский, с 17 июля 1817 г. в августе 1819 г. перемещен в здешнюю семинарию на класс истории и французского языка. Ныне протоиерей Троицкого собора в С.-Петербурге.

Магистр, В. В. Оржевский, с 14 авг. 1819 г. Ныне тайный сов., бывший директор Департамента исполнительной полиции Министерства внутр. дел.

Магистр, А. И. Райковский, с 1 авг. 1821 г. Ныне протоиерей Казанского собора в С.-Петербурге.

Магистр, С. И. Красноцветов, с 25 сент. 1829 г.; в июле 1830 года определен священником к православной церкви в Швейцарии. Ныне протоиерей Успенской церкви, что на Сенной, в С.-Петербурге.

Магистр, Д. Соснин, из учителей Ярославской семинарии, с 22 сент. 1830 г. Скончался 13 окт. 1833 г.

Магистр, П. Никитский, с 21 окт. 1833 г. бакалавр.

Магистр, священник А. Ф. Орлов, с 7 марта 1838 г. Ныне законоучитель 1-й С.-Петерб. гимназии.

Магистр, И. Н. Делицын, с 29 сент. 1851 г.; в 1855 г. определен священником к приходской Благовещенской церкви, что на Васильевском острове, в С.-Петербурге.

Магистр, А. И. Предтеченский, из здешних воспитанников, с 6 ноября 1855 г.

2) Общей церковной

Магистр, иером. Кирилл Платонов, с 13 авг. 1814 г.; в 1817 г. определен ректором Полтавской семинарии. Скончался архиепископом Подольским.

Доктор богословия, И. С. Кочетов, протоиерей кафедрального Петропавловского собора в С.-Петербурге, Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности ординарный академик, профессор богословских и философских наук в Императорском Александровском лицее, член копенгагенского королевского общества изыскателей северных древностей и орденов св. Анны 2-й ст. с Императорской Коронай и св. равноап. кн. Владимира 3-й ст. кавалер, преподавал церковную историю с 1817 г. по 1851 г., сперва в звании бакалавра, а с 10 сент. 1818 г. ординарного профессора. Скончался в 1854 г. 16 марта.

Магистр, И. В. Чельцов, с 24 сентября 1851 г. бакалавр.

3) Русской гражданской

Магистр, с 1842 г. священник К. И. Боголюбов, из профессоров здешней семинарии, с 18 августа 1838 года.

4) Русской – гражданской и церковной

Магистр, И. А. Чистович, член-соревнователь Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, с 24 сентября 1851 г. бакалавр; в 1853 г. перемещен на класс философии.

Магистр, С. В. Михайловский, с 28 окт. 1853 г.

Профессоры и бакалавры физики и математики

Кол. сов. и кав. ордена св. кн. Владимира 4-й ст., магистр, В. И. Себржинский, с 13 авг. 1814 г. бакалавр; с 10 сент. 1818 г. орд. профессор. Скончался 30 июня 1833 г.

Надв. сов., кандидат, С. И. Райковский, с 13 авг. 1814 г. бакалавр: с 1826 г. экстраорд., а с октября 1833 г. орд. профессор.

Ст. сов., магистр, Д. И. Ростиславов, с 19 окт. 1833 г. бакалавр, а с 27 июля 1838 г. орд. профессор.

Магистр Д. Ф. Гусев, из воспитанников Московской академии, с 20 авг. 1836 г. бакалавр; в 1842 г. 20 июля перемещен в новооткрытую Казанскую академию профессором по классу физико-математических наук.

Магистр, И. А. Сергиевский, с 9 ноября 1849 г. по 27 сент. 1850 г.; выбыл в Московскую академию.

Магистр, И. Л. Янышев, с 9 окт. 1850 г. бакалавр; в 1851 г. определен священником к правосл. церкви в Висбадене.

Магистр, Н. И. Глориантов, с 28 окт. 1853 г.

Магистр, экстр. профессор Е. И. Ловягин, с 31 окт. 1853 г.

Профессоры и бакалавры греческого языка

1) в высшем отделении

Христиан Фридр. Грефе, по 21 авг. 1819 г.

Магистр, иером. Зосима Смирягин, из профессоров Рязанской семинарии, бакалавр с 18 авг. 1818 г.

Магистр, Г. Т. Меглицкий, с 9 авг. 1819 г.

Магистр, с 1830 г. священник, И. Д. Колоколов, с 11 февр. 1824 г. бакалавр; в 1841 г. вместе с И. Лобовиковым преподавал патристику, а, по поручении патристики одному Лобовикову, занимал оба греческие класса с начала 1843 г. по июнь 1844 г.

2) В низшем отделении

Магистр, М. И. Леонтович, с 13 авг. 1814 г.; в 1817 г. переведен инспектором в Киевскую семинарию. Впоследствии Мелетий, ректор Киевской академии и, наконец, архиепископ Харьковский.

Магистр, А. Рябчиков с 18 июля по 4 авг. 1819 г.

Магистр, И. М. Певницкий, с 9 авг. 1819 г.; в 1826 г. перемещен на класс философских наук.

Игумен Игнатий Семенов, по окончании курса в Архангельской семинарии, в 1812 г. определен в высшее отделение Архангельского уездного училища учителем греческого языка, свящ. и всеобщей истории; в 1814 г. сделан инспектором училища; в 1816 г. переведен в тамошнюю семинарию учителем греческого и французского языков; в 1820 г. июля 25 пострижен в монашество и, в следующем году 3 февр., произведен в игумена Никольского Корельского монастыря; в марте 1821 г. переведен в здешнюю академию бакалавром греческого языка по низшему отделению; июля 13 бывшей Комиссией дух. училищ, по представлению Конференции, возведен на степень магистра богословия и перемещен на класс богословских наук.

Магистр, И. Д. Колоколов, с 28 июля 1821 г. бакалавр; в 1823 г. переведен в высшее отделение на греческий же класс.

Магистр, К. И. Делекторский, из профессоров С.-Петербур. Дух. Семинарии с 28 сент. 1823 г, в следующем году 11 февр. перемещен на класс общей словесности.

Магистр, Н. Соколов, с 11 февр. 1824 г. по 10 сент. 1825 г.

Магистр, Д. С. Вершинский, с 17 дек. 1825 г.; в 1826 г. перемещен на класс философских наук.

Магистр, Н. Шангин, с 17 дек. 1825 г. по 17 ноябр. 1826 г. Скончался священником приходской Рождественской церкви, что на Песках в Спб.

Магистр, И. Чупровский, с 15 сент. 1827 г.; в 1829 г. перемещен в Псковскую семинарию профессором математики.

Магистр, И. Городецкий, из профессоров Орловской семинарии, с 29 сент. 1829 г.; в мае следующего года пострижен в монашество и наименован Платоном; в сентябре 1830 г. перемещен на класс богословских наук.

Магистр, М. И. Богословский, с 7 ноябр. 1831 г.; в 1840 г. перемещен на класс богословских наук.

Магистр, Д. Ф. Гусев, с 12 апр. по 2 сент. 1841 г.

Магистр, И. И. Лобовиков, с 24 авг. 1841 г. по 1 сент. 1843 г.

В обоих отделениях:

Грек Дмитрий Паппадопуло, состоявший чиновником при Министерстве нар. просв. с 9 классом, определен преподавателем с 10 авг. 1844 г.; в 1845 г. выбыл из академии.

Магистр, Т. Ф. Серединский, с 1845 г. Ныне священник православной церкви в Неаполе.

Магистр, Е. И. Ловягин, с 31 окт. 1847 г. бакалавр; в 1853 г. перемещен на класс математики.

Магистр, И. А. Вознесенский, с 28 окт. 1853 г.; в 1857 г. определен священником к православной церкви при русской миссии в Копенгагене.

Греческий архидиакон, Григорий Веглерис, с 28 янв. 1857 г.

Профессоры и бакалавры

Немецкого языка:

Надв. сов. Хр. Фр. Грефе, ординарный профессор, по 20 авг. 1819 г.

Магистр, И. М. Певницкий, с 9 авг. 1819 г.

Магистр, С. К. Сабинин, с 28 июля 1821 г.; в 1823 г. 10 сент. определен священником к миссионерской церкви в Копенгаген. Ныне протоиерей в Стутгардте.

Магистр, В. Б. Бажанов, с 1 авг. 1823 г.; в 1826 г. произведен в священника к Александроневской церкви 2-го кадетского корпуса; в 1827 г. июня 28 перемещен в С.-Петерб. университет законоучителем: но оставался при академии до 1829 г.

Магистр, Я. Я. Предтеченский, с 25 сент. 1829 г. Ныне протоиерей Вознесенской церкви в Спб.

Магистр, Е. А. Бенескриптов, с 15 окт. 1835 г.; в 1842 г. перемещен на класс богословских наук.

Ординарный профессор В. А. Левисон, с 10 авг. 1842 г.

Французского языка:

Магистр, иером. Кирилл Богословский-Платонов, временно занимал класс франц. языка, с 16 авг. 1815 г. до 1816 г., после увольнения бывшего наставника Ле-Кока.

В. И. Себржинский, с 8 янв. 1816 г.

Ф. Ф. Сидонский, с 12 окт. 1833 г. по 4 сент. 1835 г.

Магистр, А. Ф. Орлов, с 15 окт. 1835 г.

Магистр, В. И. Долоцкий, с 7 марта 1838 г. В 1839 г. ему поручено преподавание литургии, с оставлением за ним класса французского языка.

Тит. сов. Алье, с 13 сент. 1843 г. по 24 марта 1844 года.

Ст. сов. и кавалер ордена св. Анны 2-й ст. Адольф Кресиде-Шамиллон, с 24 марта 1844 г.

Английского языка:

Грей, наставник при Библ. обществе, вольный преподаватель, с 24 окт. 1817 г.

Магистр, Г. Т. Меглицкий, с 9 авг. 1819 г.; в 1822 г. определен священником к Венской миссии.

Магистр, Н. Соколов, с 1 авг. 1823 г.; в 1825 г. ноября 1 произведен в священника в Горный корпус; но оставался бакалавром до 19 ноября 1828 г.

Магистр, И. И. Протопопов, занимал класс английского языка с 12 янв. 1829 г.; в июле того же года произведен священником церкви 2-го кадетского корпуса и законоучителем средних кадетских классов и Дворянского полка 2 батальона. Ныне протоиерей Воскресенского Всех Учебных Заведений собора в С.-Петербурге.

Бакалавр Ф. Ф. Сидонский, с 25 сент. 1829 г. по август 1831 г.; перемещен на класс философских наук.

Профессор церковной словесности, ст. сов. Д. Ф. Вознесенский, с 7 ноября 1831 г. Скончался в 1852 г.

Экстраордин. профессор по чтению Св. Писания М. А. Голубев, с 11 авг. 1852 г. по 31 дек. 1856 г.

Г. Д. Бишоп, с 31 дек. 1856 г.

Еврейского языка:

Доктор богословия, Г. П. Павский, протоиерей, орденов св. Анны 2-й ст. с алмазными знаками и св. равноапост. князя Владимира 3-й ст. кавалер, преподавал еврейский язык и словесность, с 13 авг. 1814 г. по 1835 г., разделяя свои труды между обязанностями профессора академии и законоучителя, сперва в лицее (1816 – 1817 г.), потом в университете (1819 – 1827 г.), члена академ. Конференции и цензора при здешнем Комитете в продолжение трех сроков (1818 – 1827 г.); с 1826 г. имел счастье быть законоучителем Е. И. Высочества, Наследника Престола (царствующего ныне Государя Императора) и Великой Княгини Марии Николаевны; в феврале 1835 г., с Высочайшего соизволения, уволен от службы при академии.

Протоиерей И. Иванов, с 5 марта 1835 г., исправлял должность профессора, а 15 октября утвержден в звании профессора.

В настоящее время еврейскому языку обучает, с званием профессора, доктор Моисеева закона, раввин, принявший православную веру, В. А. Левисон. Он обучался сперва в иудейском университете в Франкфурте и потом в христианских – в Геттингене и Вирцбурге; после окончания курса выдержал экзамен в науках иуд. богословия, и от общества раввинов в Ленгефельде объявлен способным к званию раввина при всякой иудейской церкви, с правом о предметах иудейской религии произносить решительный суд: вследствие чего позволено ему называться великим раввином и доктором Моисеева богословия (1829 г.); в 1839 г. из Веймара, где был проповедником, прибыл в С.-Петербург и, по принятии православной веры, в сент. 1840 г. определен в академию преподавателем еврейского языка, с званием экстраордин. профессора, а в ноябре того же года наименован и ординарным профессором. В 1842 г. ему же поручено преподавание немецкого языка.

Хозяйственная часть академии

Мы представили выше штат С.-Петербургской Духовной Академии, Высочайше утвержденный, по докладу бывшего Комитета о усовершенствовании дух. училищ, в 26-й день июня 1808 г. Так как он составлен был применительно к тогдашним обстоятельствам: то, с переменой их, вследствие распространения учебной части и возвышения цен на жизненные потребности, сделались необходимыми изменения в нем, также как в штате прочих духовно-учебных заведений. Комиссия духовных училищ ограничивалась первоначально частными дополнениями штатов; но в 1820 г., составив новые училищные штаты, сообразно с своими внутренними способами, исходатайствовала на них Высочайшее утверждение Государя Императора, которое последовало в 22-й день мая 1820 года. В 1836 году, с увеличением потребностей, при оказавшемся решительном несоответствии в жалованье духовных наставников с светскими, произведен снова пересмотр духовно-училищных штатов; при чем положено было: 1) оклады жалованья повысить вообще на половину против прежнего, с небольшими изменениями, по ближайшему приспособлению к обстоятельствам мест и должностей; 2) оклады ректорам академий и семинарий, вновь определенные, производить вполне, если они не пользуются жалованьем или доходами от управляемых монастырей; а когда будут им поручаемы в управление монастыри, тогда от одной трети до половины ректорского оклада, по усмотрению и с утверждения Комиссии духовных училищ, обращать в экономию училища: на предположения Комиссии духовных училищ последовало Высочайшее утверждение 23 мая 1836 года.

Представим в таблице первоначальный штат с изменениями его в 1820 и 1836 годах:

	По окладу		На серебро		
	1808 г.	1820 г.	1836 г.	руб.	коп.
На жалованье	руб.	руб.	руб.	руб.	коп.
Ректору	500	2000	3000	858	—
Профессорам, каждому	1500	2000	3000	858	—
Бакалаврам, каждому	700	1000	1500	429	—
Инспектору	400	700	1000	286	—
Эконому	500	1000	1000	286	—
Лекарю	500	700	800	228	80
Секретарю	400	500	700	200	20
Библиотекарю	400	500	700	200	20
Помощнику его	200	300	450	128	70
Письмоводителям, каждому	200	300	450	128	70
На содерж. студент. каждого по	150	450	450 ²²²	128	56
	— всех—	—	—	54000	1542720
На библиотеку и кабинеты физический и натуральный	1350	2000	2000	571	40
На журналы и периодич. издания	—	250	250	71	40
-проезд ревизоров		2500	2500	714	20
-канцелярские расходы		700	700	200	—
-содержание больницы и на медикаменты	600	1000	2000	571	40
На содержание строений, на отопление, освещение, прислугу и пр.	13250	20000	20000	5714	20
Итого	—	111350	126900	3626850	

Последующие частные изменения состоят в следующем: ректору положено прибавочных столовых денег 1000 р. сер.: но, согласно с штатами 1836 г., удерживается одна треть оклада за монастырь²²³; в 1839 г. на академическую больницу положено производить, вдобавок к 4000 р. штатной суммы, еще 2000 р. асс. из экономической суммы и особо по 450 р. на содержание при ней фельдшера; — в 1842 г. прибавлено на завтрак и полдник студентам 1752 р. в год; — в 1847 г. окт. 27 св. Синод разрешил подавать студентам С.-Петербургской академии ежедневно на завтрак, вместо сбитня с булкой, чай с сахаром и булками: на прислугу, по случаю студенческого завтрака, прибавлено 48 р.

Образование остаточных сумм и, высочайше утвержденный, проект поощрительного капитала на счет этих сумм

В течение семи лет (1812–1818), от ежегодно получаемого штатного оклада на академию – 67,000 р., за удовлетворением ежегодных обыкновенных и разновременных чрезвычайных потребностей, составилась остаток в деньгах и материалах, простиравшийся до восьмидесяти пяти тысяч руб. Из этой суммы 35,000 р. предположено было оставить в обыкновенном академическом хозяйстве, для удобства в благовременном заготовлении материалов, на потребности чрезвычайные, по причине возрастающей дороговизны и по причине обширности нового академического дома; прочим же 50,000 руб. предположено дать особенное назначение, следующее:

1) Сумма эта, 50,000 руб., должна быть хранима в Государственном заемном банке и оставаться неприкосновенной: а употреблять предположено только проценты ее, которые исчислены в 2,500 р. на год.

2) Процентная сумма, по 2,500 р. в год, разделена на пять равных частей, которые между собой не смешиваются:

3) первая часть (500 р.) назначается на содержание академической церкви потребностями священнослужения, а остатки от этого на возобновление церковной утвари: так как в штате академическом, на этот предмет, ничего не положено;

4) вторая часть (500 р.) – на способствование изданию книг, назидательных и служащих к распространению духовного просвещения;

5) сумма эта не выдается издателям, через что она легко терялась бы, и никогда бы не возвращалась: но употребляется на самые издания;

6) остатки и деньги от продажи печатаемых книг употребляются на приращение той же суммы;

7) в поощрение сочинителей и переводчиков, выдается им от двенадцатой до десятой части всего количества экземпляров печатаемых книг;

8) третья часть (500 р.) назначается в поощрение тому из учащихся в академии, который, в течение учебного года, отличится полезной деятельностью по ученой части;

9) четвертая часть (500 р.) назначается в дополнение к жалованью одного из учащихся в академии, который долее прочих, с достоинством, занимает одну из важнейших кафедр;

10) пятая часть (500 р.) назначается в пособие тому из духовных или светских чиновников академии, который, при достойном прохождении должности, по каким-либо обстоятельствам, паче прочих, имеет нужду в пособии.

11) Цель, которую должно иметь в виду, при назначении этих поощрительных и вспомогательных выдач служащим при академии, состоит в том, чтобы по возможности обеспечить состояние полезнейших членов ее, чтобы они могли употреблять для нее полную свою деятельность и не были принуждены, по ограниченности академических окладов, неблагоприятно переходить в другую службу, или искать себе пособия посторонними трудами; так как их посторонние выгоды более или менее соединены бывают с уроном для главной их должности.

12) Прилежание к должности и доброе поведение суть всеобщие условия для получения права на одну из вспомогательных и поощрительных выдач.

13) Для назначения вознаграждения за отличную деятельность приемлются в рассуждение: обработка целого или части классического сочинения, преимущественные по какому-либо классу успехи студентов, усмотренные на испытании, наконец важность и трудность учебного предмета и отчасти количество учебных часов по одному предмету.

14) Ни в каком случае из трех вышеозначенных выдач не могут быть назначены две одному лицу в одно время.

15) Ни одна из трех выдач не назначается на несколько лет, но назначение возобновляется ежегодно по рассмотрению.

16) Назначение это делается по окончании учебного года и годовичных испытаний.

17) Если бы случилось, что в какой-либо год которая-нибудь из выдач, по уважительным причинам, осталась без назначения: в таком случае академическое Правление имеет право об

употреблении оставшейся суммы, на что усмотрит нужным и полезным, представить свое мнение.

Комиссия дух. училищ, найдя сколько удобным к исполнению, столько же и соответствующим пользе академии, проект вспомогательного и поощрительного учреждения на счет процентов с 50,000 рублей, отделенных из остаточной суммы академии, довела об этом до сведения Государя Императора. Его Императорское Величество Высочайше соизволил утвердить означенный проект и, с тем вместе, изъявил благоволение Свое преосв. архиепископу Филарету, за столь полезное предположение. Проект начал иметь силу с 7 авг. 1819 г.²²⁴. К 1828 г. общая сложность экономической суммы возросла до 227,000 руб.: из них 77,462 руб. отосланы в 1830 г. в Комиссию дух. училищ, по ее требованию.

Составившаяся таким образом сумма, образовав вспомогательный капитал академического хозяйства, употребляется согласно с назначением: 1) на содержание церкви; 2) на издание назидательных книг, по усмотрению академической Конференции; 3) на награды чиновникам, служащим при академии. Но из этой же самой суммы, с образованием новых при академии должностей и возвышением жалованья некоторых наставников, производятся оклады жалованья: наставнику немецкого языка, по 429 р. в год; наставнику латинского языка, по 300 р. в год; наставнику французского языка, по 143 р. в год; наставнику английского языка, по 286 р. в год; наставнику русской истории, по 429 р. в год; помощнику секретаря академ. Правления, по 200 р. в год; помощнику эконома, по 200 р. в год; помощнику академического врача, по 172 р. в год.

В 1856 г. окт. 27 Государь Император, по всеподданнейшему докладу Его Величеству о предположениях св. Синода, относительно увеличения числа наставников духовных академий, Высочайше повелеть соизволил: для доставления всем духовным академиям средств к успешному действию по предмету как общего, так и специального образования духовных воспитанников, определять в оные, сверх положенного числа наставников, еще до двух ординарных профессоров и до четырех бакалавров, с окладами жалованья и правами службы равными тем, какими пользуются прочие академические наставники, с отнесением содержания их на счет сумм академии, а в случае недостатка оных – на счет духовно-учебных капиталов.

Пожертвование. В 1847 году игумен Владимир отказал, по завещанию, в С.-Петербургскую Дух. Академию билет Государственного банка в 1250 рубл. ассигн., в благодарность за свое воспитание в академии.

Казенные служители. Со времени учреждения академия более двадцати лет пользовалась казенными служителями из нижних военных чинов: но в 1830 году, вследствие усмотренного недостатка нижних чинов в отдельном корпусе внутренней стражи, отпуск казенных служителей прекращен Высочайшим указом.

Экономией академии заведывали:

- 1) Лаврский иеромонах Павел, с 19 марта 1812 г. по 14 апр. 1820 г.: за участие в трудах Строительного комитета возведен в сан архимандрита.
  - 2) Лаврский иером. Евграф, с 14 апр. 1820 г. по 12 ноября того же года.
  - 3) Бакалавр, Г. Т. Меглицкий, с 20 ноября 1820 г. по 27 авг. 1823 года.
  - 4) Троицкой Сергиевой пустыни, что на Петергофской дороге, иером. Сергей, с 27 авг. 1823 по 20 марта 1826 г.
  - 5) Той же пустыни иером. Аркадий, из вдовых протоиереев г. Балахны, Нижегород. епархии, с 20 марта 1826 по 4 авгус. 1828 г.
  - 6) Лаврский иером. Геннадий, с 4 дек. 1828 г. по 29 сент. 1834 г. Ныне Зеленецкий архимандрит.
- Бакалавры: 7) Д. И. Ростиславов, с 29 сент. 1835 г.
- 8) К. И. Лучицкий, с 28 окт. 1846 г. по 9 мар. 1848 г.
  - 9) П. Е. Колоссовский, с 9 марта 1848 г.
  - 10) М. А. Голубев, с 30 марта 1850 г. по 1856 г.
  - 11) И. В. Чельцов, с 1856 г.

Воспитанники

Состав академических курсов образуется из лучших семинарских воспитанников, присылаемых для высшего духовного образования, по выбору местного начальства. Самая большая часть воспитанников поступает из семинарий – преимущественно С.-Петербургского округа; остальные из прочих учебных округов, исключая отдаленные семинарии. Сверх этого, по распоряжению высшей власти, допускаются к слушанию академических уроков единовверные иностранцы из греков и южных славян: так с 1822 г. обучался в низшем отделении академии Константин Пуговин, бессарабский дворянин, по происхождению грек из Эпира. – В 1825 г. Черногорский митрополит Петр Петрович Негош, предназначая племянника своего Георгия Петровича в преемники архипастырского своего престола, прислал его в С.-Петербург для образования и усовершенствования в основаниях православной Веры в одном из дух. училищ: Государь Император Александр Павлович, по докладу об этом г. управляющего министерством иностранных дел, Высочайше повелел принять его в С.-Петербургскую Дух. Академию для обучения, с выдачей ему на содержание 2000 руб. в год из Государств. казначейства; но когда оказалось, что он не знает никаких предварительных наук, не знает даже никакого языка систематическим образом: то, для основательнейшего наставления его в истинах Веры, признано необходимым обучить его предварительно, сколько можно, кратко, но достаточно, русс. грамматике, географии, математике, риторике, логике, метафизике, и потом уже наставлять в истинах христианской правосл. Веры и церковной истории. Труд этот разделен был между двумя академ. бакалаврами и продолжался до 1829 г.; но в этом году, по нежеланию Георгия Петровича оставаться в дух. звании, он, к прискорбию дяди, лишен права на звание наследника Черногорского владыки: вместе с этим и обучение его в академии окончилось. – В 1845 г., по просьбе Валахского митрополита Неофита, блаженной памяти Государь Император Николай Павлович Высочайше соизволил, разрешить ему прислать в наши дух. училища семерых священнических детей, из валахов, для приготовления их к занятию профессорских кафедр в предполагаемом высшем Валахском дух. училище: по незнанию русского языка, они приняты были предварительно в Кишиневское приходское училище; потом четверо поступили в С.-Петербургскую дух. семинарию, а из нее в здешнюю дух. академию; но двое, за болезнью, выбыли из академии до окончания курса, а остальные двое выслушали полный академический курс и выпущены – один с степенью кандидата, а другой семинарского студента. – В 1849–1851 годах слушал богословский курс грек, Дмитрий Гумалик, родом из Буюкдере, и удостоен степени кандидата богословия. – В 1851–1853 годах слушали богословские уроки два греческих воспитанника, окончившие курс в Ризариевской семинарии, Панагийот Ромботис и Алексийос Паппадакис, и болгар, священнический сын, Стефан Изворский: по окончании курса, первые два удостоены степени магистра богословия, а последний оставлен с званием семинарского студента. – В 1856 г. поступил в высший курс, обучавшийся прежде в Киевской академии, грек Темистокл Вимбос.

Надзор за воспитанниками в продолжение акад. курса принадлежит ближайшим образом инспектору академии; но для усиления этого надзора, в 1839 г., определением св. Синода от 15 сент., дозволено академическому Правлению определить двух помощников инспектору академии из здешних бакалавров: должность их состоит в надзоре за воспитанниками в жилых комнатах, спальнях, столовой за обедом и ужином и в церкви за каждым богослужением²²⁵.

Выпуск студентов из академии и пособие на первоначальное обзаведение

Комиссия дух. училищ имела правилом, чтобы воспитанники, окончив курс в академии, определяемы были на места наставнические не прежде, как получив ученые степени, чему всегда предшествует рассмотрение их сочинений; но так как это имело свое неудобство в том отношении, что наставники редко прибывали в место своего назначения к началу учебных курсов, а между тем вакантные должности временно распределялись между наличными преподавателями: то это правило в 1836 г. было отменено, и на его место постановлено новое, чтобы воспитанники назначались на вакансии наставников немедленно после выпуска своего, по представляемому от Конференции списку; а рассмотрение их сочинений и производство в ученые степени предоставляется последующему времени²²⁶.

Кончившим курс воспитанникам академии, при определении на места, выдавалось на первоначальное обзаведение, до 1843 г., по 28 р. сер.; а с 14 июня 1843 года положено выдавать по 50 руб. сер.; впрочем, право на получение этого пособия не простирается на воспитанников, поступающих в епархиальное ведомство и определяющихся в гражданскую службу.

Размещение воспитанников и их последующая судьба

В 1818 г., при окончании III учебного курса, ректор академии, архим. Григорий, говорил к собранию Конференции: «Державная воля благочестивейшего Императора нашего, распространить и усовершенствовать образование рожденного от служителей церкви и приготавливаемого к ее служению юношества, была, подобно другим Его начинаниям, свыше благословенная воля. Первое общество юношей, созданное сюда для принятия образования по сей Державной воле, при всех препятствиях в ходе его образования, столько удовлетворило еще сомнительным тогда ожиданиям Церкви, что все почти члены его непосредственно поставлены были руководителями, а некоторым из них предоставлено было наставление самих руководителей духовного юношества, как в древней столице, так и в этом самом месте их образования. За этим преемственно составилось другое подобное общество и образовалось в столь желанных расположениях ума и сердца, что ни один из юных членов его, при всей свободе к избранию других состояний, не пожелал никакого другого служения общественного, кроме служения воспитавшей его Матери; а многие из них, подобно как и из предшественников их, решительно пожертвовали любви небесной мудрости и выгодами общежития: потому многим из них, кроме умственного, вверено нравственное образование духовного юношества; и все они доселе проходят служение это с желанным успехом. Члены этих двух, образованных в одинаковом духе мудрости и благочестия, обществ, рассыпаны теперь по всем почти местам обширнейшего отечества нашего и везде готовят служителей церкви Господа нашего в одинаковом духе. Наконец и третье общество, образовавшееся в том же духе просвещения и благочестия, готово изыти на дело... Хотя за приставлением этих новых делателей все еще можно сказать: жатвы много, а делателей мало: но мы, по крайней мере ныне, имеем утешение, что скоро не будет ни одной из обширных нив на великом поле Господа нашего в нашем отечестве, которая бы не имела своего особого делателя, в одинаковом духе ревности к благочестию образованного²²⁷.»

Эти желания и ожидания оправдываются в полной мере. Господь, благословивший первые плоды академического образования, и даровавший первым академическим начальникам и наставникам утешение – видеть в своих воспитанниках просвещенных пастырей Церкви, верных сынов отечества, благонадежных наставников и воспитателей юношества, – и преемникам их даровал и дарует то же утешение. Во всех пределах империи – от Варшавы до Петропавловского порта, от Архангельска до отдаленных южных пределов государства, академические воспитанники проходят свое служение на разных путях и степенях общественной жизни, но с одинаковой ревностью о благочестии и усердием к св. Церкви и отечеству. Даже и за пределами отечества не малое число воспитанников академии, в монашеском чине и в священническом сане, совершают служение при наших православных миссиях, готовые на помощь всем православным соотечественникам и прочим единоверцам, как постоянно живущим, так и временно пребывающим в местах их служения.

Поименуем более замечательные лица, получившие высшее образование в здешней дух. академии, с показанием их сана или места и рода служения, ученых трудов и заслуг для духовного или общенародного образования:

1. Преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы

С.-Петербургская Духовная Академия имеет утешение видеть многих своих воспитанников в сане святительском. Одни из них уже совершили свой земной путь, другие продолжают свое служение, поучая верных словом и примером жизни. Мы поименуем их в порядке академических курсов.

Преосв. Григорий Постников первый из воспитанников здешней академии посвящен в сан епископа, викария С.-Петербургской митрополии, с оставлением в звании ректора академии; потом Калуга, Рязань, Тверь и Казань были местами его архипастырского служения; в 1856 г. преосв. Григорий, еще бывши архипастырем Казани, возведен в сан митрополита и вскоре затем перемещен на кафедру Новгородской и С.-Петербургской митрополии. – Всем известны многочисленные и разнообразные – разумею только письменные – труды этого архипастыря, изменявшиеся с переменою мест его служения и обстоятельств его пастырской деятельности, но неизменно проникнутые духом высокой ревности о благе Церкви, непоколебимой твердостью и силой христианского убеждения, простотой и, как бы, осязательностью мысли и искренностью слова, и являющие нам в лице его великого пастыря отечественной Церкви.

Преосв. Афанасий Протопопов начал свое служебное поприще в здешней дух. академии – месте своего образования, продолжал в разных местах и званиях, и в 1842 г. совершил в Тобольске, скончавшись на 60-м году от рождения, украшаясь 19 лет саном святительства. Еще до поступления в академию он был уже человеком зрелых понятий и в местной семинарии (Ярославской), где получил первоначальное образование и был потом учителем риторики, пользовался особым доверием начальства и любовью воспитанников. Лица, знавшие его или только имевшие случай беседовать с ним, отдают отличную честь его обширной учености и любообщительности, которые еще более получали цены от его искусства упрощать самые запутанные вещи и сообщать приятность рассказу, и от счастливого дара произношения, которым он был наделен от природы. Тверская и Тобольская семинарии считают его в числе своих благотворителей; потому что он пожертвовал в тамошние библиотеки и кабинеты много собственных книг и минеральных собраний.

Имя преосв. Кирилла Богословского-Платонова, архиепископа Подольского и Брацлавского, воспоминается с любовью бывшими его товарищами по воспитанию, которые не находят похвал этой кроткой, братолюбивой и боголюбивой душе и сердцу младенчески непорочному, – слушателями его уроков, проникнутых участием души, – подчиненными, которые за любовь не знали перед ним страха, – священнослужителями в тех паствах, где он проходил святительское служение, и – всеми, кто только имел счастье находиться с ним в каких-либо отношениях. Путь его служения Церкви и обществу начался в месте его воспитания, где он был три года в звании наставника; отсюда в 1817 г. переведен был в Полтавскую семинарию ректором, из которой – в Московскую академию; потом произведен в епископа Дмитровского, викария Московской митрополии. Речи и поучения, которые он произносил при каждом священнослужении и при ежегодных посещениях паствы, проникнуты тем благодатным помазанием, которое сообщает простому слову силу и духовную сладость и всех питает, по мере их духовного возраста и разумения. Преосв. Кирилл скончался в 1841 г. в Великий пяток и погребен в Александроневской лавре в Феодоровской церкви, где он не один раз совершал богослужение, когда был наставником академии²²⁸.

Преосв. Моисей Платонов, из воспитанников 1-го курса, бакалавр здешней академии, потом профессор и ректор Киевской академии, доктор богословия, с 1823 г. епископ Старорусский, викарий Новгородской митрополии, с 1827 г. Вологодский, с 1828 Саратовский, с 1832 г. архиепископ, экзарх Грузии; скончался в 1834 г.

Преосв. Мелетий Леонтович, воспитанник 1-го курса здешней академии; проходил служение в разных местах, повсюду украшаясь христианскими доблестями; скончался в 1840 году Харьковским архиепископом.

Преосв. Гавриил Городков, воспитанник 1-го курса здешней академии, с 1828 г. епископ Калужский, с 1831 г. Могилевский; в 1834 г. возведен в сан архиепископа; в 1837 г. переведен в Рязанскую епархию.

Преосв. Венедикт Григорович, дважды прошел полный курс акад. учения в старой и новой академии; в 1814 г. прямо по окончании курса определен ректором Могилевской семинарии;

после был ректором С.-Петербург. Дух. Академии, епископом Ревельским, викарием С.-Петербургской митрополии и наконец Олонецким архиепископом и членом св. Синода; скончался в 1850 году.

Преосв. Павел Подлипский (1-го курса), с 1830 г. епископ Костромской, с 1836 г. Черниговский; в 1839 г. пожалован архиепископом.

Преосв. Нафанаил Павловский (2-го курса), из ректоров С.-Петербургской семинарии, епископ Полтавский; скончался Псковским архиепископом в 1849 году.

Преосв. Иоанн Доброзраков (2-го курса), с 1830 г. епископ Пензенский, с 1832 г. Нижегородский, с 1847 г. архиепископ Донской и Новочеркасский.

Преосв. Иринарх Попов (2-го курса), с 1836 г. епископ Старицкий, викарий Тверской архиепископии и в том же году переведен в Ригу, викарием Псковской епархии; в 1841 г. переведен в Острогжск викарием к Воронежскому архиепископу; с 1842 г. Вологодский, с 1844 г. Кишиневский; в 1845 г. пожалован архиепископом.

Преосв. Иоанний Образцов (2-го курса), из ректоров Тобольской семинарии, с 1832 г. епископ Вятский, с 1835 Оренбургский, с 1849 Кавказский и Черноморский.

Преосв. Иннокентий Александров (3-го курса), с 1832 г. епископ Харьковский, с 1835 г. Иркутский, с 1838 г. Екатеринославский; в 1853 г. уволен на покой.

Преосв. Смарагд Крыжановский (3-го курса), из ректоров С.-Петербург. Дух. Академии, в 1831 г. посвящен в епископа Ревельского, викария С.-Петербургской митрополии; в 1833 переведен в Полоцк, в 1836 г. пожалован архиепископом; в 1837 г. переведен в Могилев, в 1840 г. в Харьков, в 1841 г. в Астрахань, в 1844 г. в Орел.

Преосв. Иаков Вечерков (3-го курса), проходил служение в разных местах, везде украшаясь кротости и незлобием, в поучениях теплотой христианского чувства и безыскусственностью слова; скончался Нижегородским архиепископом, быв на чреде присутствования в св. Синоде, в С.-Петербурге, в 1850 году.

Преосв. Христофор Еммаусский (3-го курса), из ректоров С.-Петербургской дух. семинарии, в 1850 г. пожалован епископом Ревельским, викарием С.-Петербургской митрополии; в 1856 г. переведен в Вологду.

Преосв. Виталий Щепетев (5-го курса), из ректоров С.-Петербургской академии, в 1837 г. рукоположен в епископа Дмитровского, викария Московской митрополии, в 1842 г. переведен на епархию в Кострому, где и скончался на покое в 1846 году.

Преосв. Арсений Москвин (5-го курса), с 1832 г. епископ Тамбовский, с 1841 г. архиепископ Подольский, с 1848 г. Варшавский, управляющий и Волынской епархией.

Преосв. Феодотий Озеров (5-го курса), в 1837 г., из ректоров Рязанской семинарии, назначен епископом Старорусским, викарием Новгородской митрополии; в 1852 г. переведен в Симбирскую епархию; в 1856 г. пожалован архиепископом.

Преосв. Евгений Добротворский (6-го курса), скончался епископом Винницким, викарием Подольским, в 1841 г.

Преосв. Исидор Никольский (6-го курса), из ректоров Московской семинарии, с 1834 г. епископ Дмитровский, викарий Московской митрополии, с 1837 г. епископ Полоцкий, с 1840 г. Могилевский; в 1841 г. возведен в сан архиепископа. В настоящее время митрополит Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член св. Синода и председательствующий Грузино-Имеретинской синодальной канторы.

Преосв. Афанасий Соколов (6-го курса), из ректоров С.-Петербургской семинарии, с 1841 г. епископ Томский, с 1853 г. архиепископ Иркутский, с 1856 г. Казанский.

Преосв. Елпидифор Бенедиктов (6-го курса), из ректоров Воронежской семинарии, с 1842 г. епископ Острогжский, викарий Воронежской епархии, с 1-го марта по 6 ноября 1848 г. Харьковский, потом Подольский, с 1851 г. Вятский.

Преосв. Нил Исакович (6-го курса), с 1835 г. епископ Вятский, с 1838 г. Иркутский; в 1840 г. пожалован архиепископом; в 1853 г. переведен в Ярославль.

Преосв. Феогност Лебедев (7-го курса), из ректоров С.-Петербургской семинарии, с 1848 г. епископ Острогжский, викарий Воронежской епархии, с 1852 г. Вологодский, с 1856 г. Тобольский и Сибирский.

Преосв. Платон Городецкий (7-го курса), из настоятелей Виленского Свято-Духова монастыря, в 1843 г. рукоположен в епископа Ковенского, с званием викария Литовской епархии; в 1848 г. переведен в Ригу; в 1850 г. пожалован архиепископом.

Преосв. Леонид Зарецкий (7-го курса), из ректоров Могилевской семинарии, в 1842 г. рукоположен в епископа Старорусского, викария Новгородской митрополии; в 1850 г. переведен в Кострому, в 1853 г. – в Екатеринославль.

Преосв. Иеремия Соловьев (7-го курса), из ректоров Киевской академии, в 1841 г. рукоположен в епископа Чигиринского, викария Киевской митрополии; в 1843 г. переведен в Кавказскую епархию, в 1849 г. в Полтавскую и, наконец, в 1850 г., в Нижегородскую.

Преосв. Антоний Павлинский (9 курса), из ректоров Новгородской семинарии, в 1852 г. назначен епископом Острожским, викарием Воронежской епархии; отсюда в 1853 г. переведен в Новгород викарием же; с 1854 г. епископ архангельский.

Преосв. Феофил Надеждин (10 курса), в 1857 г., из ректоров Нижегородской семинарии, посвящен в епископа Самарского и Ставропольского.

Преосв. Иоанникий Горский, по окончании академич. (12-го) курса, проходил служение в Киевской академии и семинариях Ярославской и С.-Петербургской; в 1854 г. назначен епископом Старорусским, викарием Новгородской митрополии; ныне епископ Саратовский.

Итак, из 50 иерархов, управляющих в настоящее время епархиями Русской Церкви, 20 епископов получили высшее образование в С.-Петербургской Духовной Академии.

2) Обер-священники:

В. Б. Бажанов, доктор богословия, из бакалавров академии священник и законоучитель Императорского С.-Петербургского университета; с 1836 года имел счастье быть наставником в законе Божиим Наследника Престола, ныне царствующего Государя Императора; в 1844 г. принят в число почетных членов Императорской Российской Академии. В настоящее время протопресвитер Придв. и Москов. Благовещ. соборов, духовник Их Императорских Величеств, член св. Синода и обер-священник Главного штаба и гвардейских и гренадерского корпусов.

В. И. Кутневич, с 1814 г. по 1824 г. преподавал в Московской академии, с званием профессора, сперва математику и немецкий язык, потом философию; между тем в июле 1818 г. рукоположен во священника и тогда же – «за особенное просвещение, благонравие и ревность к образованию юношества» – наименован протоиереем Московского кафедрального Архангельского собора; в 1832 г. пожалован обер-священником армии и флотов, в 1833 г. присутствующим, а в 1848 г. членом св. Синода, с присвоением звания протопресвитера.

3) Протоиереи и священники, известные учеными трудами и даром проповедничества:

Г. П. Павский, протоиерей, доктор богословия, занимал более 20 лет кафедру еврейского языка в здешней академии и, в виде руководства к изучению его, составил Еврейскую грамматику (Спб. 1822 г.) которая доселе остается учебником в дух. академиях и семинариях; наконец он перенес свои обширные лингвистические сведения и свою любознательность на изучение отечественного слова: плодом этих занятий явились его Филологические наблюдения над составом русского языка (Спб. 1841, 1842 и 1850), которые приняты с особенным уважением в русской филологической литературе. Кроме этих важнейших сочинений, много небольших рассуждений по разным отраслям учености, напечатано в Христианском чтении (о религии – 1821 г., о таинственной вечери Иисуса Христа у христиан при Апостолах и после Апостолов во II, III и IV веках, – в 1830 г., и прочие) и в изданиях 2-го отделения Императорской Академии Наук.

И. С. Кочетов, протоиерей, доктор богословия, соединял ясный, твердый и проницательный ум с многосторонней ученостью. Изданные им сочинения: Черты деятельного учения веры (Спб. 1824–1825) и Начертание христианских обязанностей по учению православной Церкви, суть плоды не многих досугов, остававшихся от его разнообразных служебных обязанностей. По особенно счастливому расположению характера, тихого и ровного, он был, для всех доступным, мужем совета, основанного на глубоком знании человеческого сердца. Любовь ко всему родному, и в особенности к родному слову, была источником тех возвышенных мыслей, которые он выразил в своей вступительной речи, явившись в первый раз пред собрание Российской Академии, избравшей его своим членом. Академия Наук почтила его труды и добрые качества души лестным некрологом²²⁹.

Т. Ф. Никольский, издал несколько сочинений о разных предметах духовной учености (О Богопознании и Богопочитании Спб. 1822; О молитве за умерших, Спб. 1825.) и весьма много потрудился по званию члена Конференции здешней академии и Цензурного комитета; скончался в 1848 году.

А. И. Малов, протоиерей, приобрел известность церковными поучениями, за которые был избран в почетные члены Императорской Российской Академии; скончался в 1856 году.

И. Н. Григорович, поступил в академию, в состав 2-го учебного курса, из учителей Гомельского дух. училища и состоял на содержании покойного государственного канцлера, графа Н. И. Румянцова; по окончании курса, с степенью кандидата богословских наук, вступил в дух. звание и проходил служение в разных местах; скончался в 1852 г. протоиереем собственного дворца Его Императорского Величества в С.-Петербурге. Исчислим ученые труды его в порядке их издания в свет: 1) Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских из древних русских летописей (1821 г.); 2) Белорусский архив древних грамот и дополнение к истории Российской иерархии в отношении к Белорусскому краю (1824 г.); 3) Сведение о жизни св. Митрофана, Воронежского чудотворца (1832 г.); 4) Переписка пан с Российскими Государями в XVI веке, найденная между рукописями, в Римской Барбериниевой библиотеке, 1834 г. (за этот труд автор удостоился подарка от блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича, милостивого рескрипта от В. Кн. Михаила Павловича и вслед за этим сопричислен к ордену св. Анны 2-й ст.); 5) Собрание сочинений Георгия Конисского, архиеп. Белорусского, с описанием жизни его (1835 г.). По определении его членом Археографической комиссии, он был редактором I, II и IV томов Актов Исторических, пяти томов Актов, относящихся к Истории западной России и тома Дополнений к актам на иностранных языках; сверх этого, по приглашению 2-го отделения Императорской Академии Наук, принимал участие в составлении Словаря западно-русского наречия: но смерть прекратила этот новый его труд в самом начале.

4) Законоучители в учебных заведениях министерства народного просвещения, военного и других:

В 1817–1820 г., когда по представлению министра народного просвещения кн. А. Н. Голицына, открыта особая кафедра богословия в русских университетах, в Московском университете первый занял ее священник, магистр А. Левитский, из воспитанников 1-го курса здешней академии; в 1823 г. в торжественном собрании университета он говорил на русском языке Слово о свойствах дух. просвещения и нравственных качествах ищущих оно; но в следующем году оставил университетскую кафедру.

В С.-Петербургском университете, при самом основании его в 1819 г., богословскую кафедру занял Г. П. Павский и оставался при университете до 1827 г., бывши в то же время членом совета при Учительском институте: с этого времени доктор богословия, протоиерей Павский посвятил все время и труды воспитанию Наследника Престола, к которому имел счастье быть призванным в 1826 г. Преемником его по университету был В. Б. Бажанов, впоследствии, по Высочайшей воле, заступивший его место при Наследнике Престола. Последующие законоучители университета А. И. Райковский и, занявший его место в 1856 году, И. Л. Янышев – оба также из здешних воспитанников.

В университете св. Владимира орд. проф. богословия, логики и психологии, доктор богословия, протоиерей Н. М. Скворцов – из воспитанников 2-го курса здешней академии.

В Дерптском университете профессор богословия и философии для студентов православного исповедания, магистр П. Алексеев – из воспитанников С.-Петербургской Дух. Академии.

В Императорском Александровском лицее, после Г. П. Павского и И. С. Кочетова, преподает закон Божий, логику и психологию А. Н. Строкин – из здешних воспитанников.

Бывший законоучителем Демидовского лицея, протоиерей П. Соколов, составил и издал: Первоначальное практическое пособие для проповедников, или Евангельские чтения на литургиях (Яросл. 1844–1845 г.).

П. Ф. Солярский, протоиерей, ордин. профессор закона Божия, логики и психологии при Главном педагогическом институте, напечатал в 1844 г. рассуждение: О христианском православном богослужении и присутствии в церкви во время богослужения.

М. И. Богословский, протоиерей и законоучитель Императорского училища Правоведения, издал в 1853 г. собрание поучений под названием: Приготовление к исповеди и благоговейному причащению св. Христовых Тайн; в 1857 г. – Свящ. историю Ветх. Зав. и в разные годы поместил в Христианском чтении след. оригинальные статьи: о принадлежности богослужебных действий: наружные движения молящегося (1839, I) и крестное знамение (1839, I); – праздниках: Воскресение Лазаря, Вход во Иерусалим, События в страстную неделю (1839, I), Воскресение Господне, неделя Антипасхи, Преполовление пятидесятницы, Вознесение Господне и Пятидесятница (1839, II); – сведение о жизни и писаниях священномуч. Мефодия, еп. Патарского (1837, II) и – несколько переводных: из Климента Александрийского, Мефодия Патарского, Григория Богослова и Иеронима Стридонского (письмо Непоциану об обязанностях клириков, 1836, II и др.).

Законоучители Пажеского корпуса А. И. Окунев, И. И. Полиевктов и К. Я. Никольский – все из здешних воспитанников.

Первый и Второй кадетские корпуса и Дворянский полк, ныне Константиновский институт, с любовью сохраняют память о бывших наставниках закона Божия: И. Ф. Раевском, И. И. Протопопове и И. В. Рождественском. Первый посвятил воспитанию благородного юношества, в св. правилах веры и жизни, 25 лет священнического служения и своими трудами и опытностью приобрел право, по званию наблюдателя, руководствовать других в этом важном деле; в 1857 г. смерть прекратила его полезное служение. – И. И. Протопопов также 25 лет обучал воспитанников 2-го кадетского корпуса закону Божию. – И. В. Рождественский, бывший законоучителем Дворянского полка, от одних трудов призван к другим, столько же высоким и полезным, как первые, именно к наставлению в законе Божиим юных отраслей Императорского Дома, князей Романовских. В 1850 г. напечатано собрание речей его, говоренных при выпуске в офицеры воспитанников Дворянского полка. – Законоучители кадетских корпусов: Павловского,

протоиерей И. А. Спасский, Морского – прот. В. Д. Березин, Школы гвардейских подпрапорщиков – прот. К. К. Крупский, Инженерного училища – прот. Г. И. Розов – все из здешних воспитанников.

Священник и законоучитель института Горных инженеров, А. П. Рудаков, составил: Свящ. историю Нового Завета (Спб. 1854 г.), которая принята в учебное употребление в институте корпуса Горных инженеров, гимназиях С.-Петербургского округа и сельских училищах министерства Государственных имуществ; – Географию Палестины и Историю православной Церкви – продолжение Священной Истории (С.-Петербург 1856 г.).

Законоучители Медико-хирургической академии, И. Г. Помяловский, И. Полотебнов (скон. 1847 г.) и И. П. Черепнин – все из здешних воспитанников.

Протоиерей и законоучитель С.-Петербургского Коммерческого училища, Г. С. Дебольский, издал след. сочинения: 1) Дни богослужения прав. кафол. вост. Церкви; 2) Необходимость и важность христ. поведения и послушания прав. Церкви. Спб. 1849 г.; 3) Краткое обозрение богослужения прав. Церкви. Спб. 1850.; 4) О говении по уставу прав. Церкви. Спб. 1850 и 5) Попечение прав. Церкви о спасении мира. Спб. 1847 – 1850. 2 ч.

Законоучитель 3-й С.-Петербургской гимназии, свящ. Г. П. Добронравин, составил Утешение в смерти близких сердцу. Спб. 1854.

В. В. Гречулевич, священник и законоучитель Императорского С.-Петербургского Николаевского сиротского института, издал след. сочинения: Размышление о кресте Господнем, Спб. 1848 г.; Поучения и речи, Спб. 1856 г.; Указатель церковных чтений из св. книг, Спб. 1854 г.; и Евангельскую историю. Спб. 1857 г.

В Императорском Воспитательном обществе благородных девиц, после протоиереев И. Н. Смирнова, И. Ф. Недешева и С. И. Красноцветова, преподает Закон Божий протоиерей И. К. Яхонтов. Из сочинений Красноцветова пользуется известностью: О богослужении православной церкви; Яхонтова: Катехизические беседы (в трех выпусках) и Краткое описание св. земли, для пособия детям при изучении св. истории.

В С.-Петербургском училище ордена св. Екатерины, после И. М. Наумова, обучает закону Божию протоиерей Д. Максимов – оба из здешних воспитанников. Протоиерей В. Полянский издал Краткую свящ. историю (Спб. 1827 г.), в пользу благородных воспитанниц женского Патриотического общества, при котором был Законоучителем.

Мы поименовали только немногих: но надо сказать вообще, что места наставников закона Божия в учебных заведениях столицы и окрестностей занимают исключительно духовными лицами, имеющими академическую степень.

Определение законоучителей в учебные заведения Министерства народного просвещения и военного ведомства зависит от преосвященного С.-Петербургского митрополита, по сношению его с главным наблюдателем за преподаванием закона Божия в этих учебных заведениях – ректором академии. До 1830 года места эти занимаемы были предпочтительно учеными из монашеского духовенства; а с этого времени, вследствие Высочайшего повеления, занимаются лицами белого духовенства. В 1844 г., по Высочайшему повелению, священнические места в военно-учебных заведениях предоставлены исключительно лицам, имеющим ученые степени от академии, с таким, впрочем, ограничением, чтоб определять на них священников, прослуживших четыре или не менее трех лет в приходах²³⁰; но в 1850 г. последовало Высочайшее разрешение, назначать на эти места священников и диаконов, хотя и не прослуживших четырех лет в приходских церквях, но имеющих все необходимые для того познания и качества, а особенно в священники – имеющих ученые академические степени, в диаконы же – окончивших курс семинарский, и даже прямо по выходе их из академий и семинарий и по рукоположении²³¹. В том же году на законоучителей в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения, сверх их прежних обязанностей, по Высочайшему повелению, возложено преподавание логики и психологии²³².

5) Служение при церковных миссиях:

1) Внутри России

Святейший Синод, предположив в 1828 г., с соизволения блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича, учредить особую миссию в Тобольской епархии (имевшей тогда в составе своем и нынешнюю Томскую), для проповеди слова Божия сибирским инородцам, употребил к этому архимандрита Макария Глухарева, окончившего высший курс наук в здешней духовной академии и, до назначения к миссии, проходившего наставническое и начальническое служение в семинариях Екатеринославской и Костромской. В 1829 г. новоизбранный миссионер отправился к месту своего служения, и 30 августа 1830 г. преосвященным Евгением, бывшим Тобольским архиепископом, введен в действительное служение при открытой в то же время Алтайской миссии. Действуя кротким убеждением и стараясь не столько о многочисленном, сколько об основательном просвещении душ, он привел к христианской Церкви из идолопоклонников более 200 человек. Св. Синод, благословив труды его, подкрепил его новыми сотрудниками, и испросил ему в награду золотой крест, украшенный драгоценными камнями. Но болезни, истощившие слабое здоровье Макария в климате, неблагоприятном для его сложения, заставили его просить другого назначения, сообразного с его званием и расположениями, в стране более благоприятной для его здоровья: поэтому в 1843 г. Св. Синод назначил его настоятелем в Волховский Троицкий Оптин монастырь Орловской епархии. В 1854 г. напечатано несколько поучений его.

2) В иностранных государствах.

Архимандриты и священники, находящиеся при наших иностранных миссиях и посольствах, почти все из воспитанников С.-Петербургской Дух. Академии. Некоторые из них приобрели известность с самой хорошей стороны своими пастырскими трудами, сношениями с образованнейшими лицами иностранного духовенства и светскими, по предметам учености, переводом и изданием книг о православной русской Церкви на иностранных языках и, наконец, личными качествами ума и сердца. Между тем от времени до времени они сообщают духовному правительству свои наблюдения над состоянием учебной части и народного просвещения в иностранных государствах, направлением и движением религиозных идей и всем, что заслуживает наблюдения.

С. К. Сабинин, протоиерей придворной церкви дворца Ее Императорского Высочества, В. Кн. Марии Павловны в Веймаре, известен своими трудами по разным отраслям учености и, в особенности, изысканиями по части отечественных древностей.

Находившиеся при Венской миссии, протоиерей Г. Т. Меглицкий, перевел на русский язык первую часть Славянских древностей, изданных Шаффариком на чешском языке, за что от Императорской Российской Академии, по поручению которой занимался этим делом, награжден 1100 руб. сер. и сопричислен к ее почетным членам²³³.

Протоиереи: посольской церкви в Лондоне, Е. И. Попов; посольской церкви в Париже, И. В. Васильев. Из литературных трудов последнего в Журн. Мин. нар. просв. напечатана статья: Аббатство и Библиотека св. Женевьевы в Париже. Предместник Васильева в Париже, протоиерей Д. С. Вершинский, пользовался иностранными библиотеками для своего церковно-исторического исследования, которое, в 1856 г., издал в свет под заглавием: Месяцослов православно-кафолической восточной Церкви. Спб. 1856.

М. Ф. Раевский, протоиерей посольской церкви в Вене, перевел на французский язык Великий канон св. Андрея, архиепископа Критского, и на немецкий – Чин свящ. венчания и помазания на царство российских Государей.

Дорим. В. Соколов, бывший священником посольской церкви в Берлине, перевел на русский язык Всемирную историю Беккера и духовные беседы, известные под названием: Глас пастыря или беседы священника со своими прихожанами. Спб. 1840 г.

И. М. Певницкий, бывший протоиереем при церкви дворца Ее Императорского Высочества, В. Кн. Ольги Николаевны, в Стутгардте, собрал и доставил сведения О состоянии учебной части в Виртембергском королевстве (Журн. Мин. нар. просв. за 1836 год) и издал сочинение: О необходимости добрых дел ко спасению. Спб. 1840 г.

И. И. Базаров в апреле 1852 года напущивал св. тайнами нашего славного поэта Вас. Андр. Жуковского и находился при его последних минутах, которые описал в письме к редактору Журн. Мин. нар. просв. Этот же почтенный протоиерей, по случаю смерти блаженной памяти Государя Николая Павловича, перевел на немецкий язык православную панихиду с объяснениями, которая принята была в Германии с благодарностью.

Т. Ф. Серединский, свящ. правосл. церкви в Неаполе, описал богослужение западной Церкви и издал под названием: О Богослужении западной Церкви, в 4-х книгах.

И. Л. Янышев, бывший священником при русской миссии в Франкфурте на М., перевел на немецкий язык, известные своей высокой назидательностью, Беседы об отношении церкви к христианам, соч. Я. К. Амфитеатрова (Ueber das Verhältniss der Kirche zu den Christen. Wiesbaden. 1855). В Северной Пчеле за 1855 г. напечатано его Слово, говоренное при освящении православного храма во имя св. праведной Елисаветы, устроенного в Висбадене, над гробом блаженной памяти В. Кн. Елисаветы Михайловны.

В. М. Войтковский свящ. при церкви, устроенной над гробом В. К. Александры Павловны в Венгрии, перевел на русский язык с чешского Взгляд на древность и судьбу глагольской письменности, соч. П. Шаффарика: напечатан в Жур. Мин. нар. просв. 1855 г. №№ 7 и 8.

Архим. Порфирий Успенский, по окончании академического курса в 1829 г. определен законоучителем во 2-й кадетский корпус в С.-Петербурге; отсюда в 1831 г. 2 сент. переведен законоучителем в Одесский Ришельевский лицей; в 1838 году июля 8 дня определен ректором и профессором богосл. наук Херсонской дух. семинарии; в ноябре 1840 года назначен, по ведомству Министерства иностранных дел, к православной русской миссии в Вену, а в 1847 году

июля 31 определен настоятелем нашей дух. миссии в Иерусалиме. Сочинения его: 1) Путешествие по Египту и в монастыри св. Антония Великого и преп. Павла Фивейского. Спб. 1856 г.; 2 и 3) первое и второе Путешествия в Синайский монастырь. Спб. 1856; 4) Вероучение, богослужение, чиноположение и правила церковного благочиния Египетских христиан (Коптов). Спб. 1856; 5) Письмена Киней Манафы на синайских утесах. Спб. 1857. Ко всем этим сочинениям принадлежат изданные им иллюминированные виды, под названием: Восток христианский, Египет и Синай. Спб. 1857. – В Журнале Министерства народного просвещения: за 1847 г. напечатаны его же: а) Обзорение Афонских монастырей; б) Указатель актов, хранящихся в этих монастырях (переведен на немецкий язык в Австрии и Германии и там напечатан в разных книгах); в) Состояние сирийской правосл. церкви в 1843 г.

Русская миссия в Пекине существует, как известно, с начала XVIII столетия. В состав ее, в прежние времена, назначались воспитанники Московской академии, также Казанской и Тамбовской семинарий²³⁴, а с открытием С.-Петербургской академии – по большей части здешние воспитанники.

Миссия состоит из архимандрита – начальника миссии, двух иеромонахов, иеродиакона, причетника и четырех студентов. Общую и главную цель ее составляют: богослужение, проповедание Евангелия, обращение и утверждение в вере малых останков албазинских христиан, перевод нашей литургии, молитв, употребляемых при совершении других таинств, и катехизиса на китайский или манчжурский языки и воспитание при миссии нескольких мальчиков албазинского рода, дабы эти полудикие ныне младенцы могли соделаться рассадником православной веры в Китае и служили нам хорошими переводчиками или даже учителями для новых миссий. Но, кроме этих общих упражнений, каждому из членов вменено в обязанность заниматься исключительно каким-либо одним предметом, относительно древнего и нынешнего состояния Китая, именно – начальнику миссии предоставлено изучение одного китайского или манчжурского языка; священники или иеромонахи, получив достаточное в этих языках познание, обязаны заниматься исследованием веры Фоевой и веры Лоудзья, переводами книг, в которых изъясняются правила этих вер и приготовлением нужных на оное возражений; иеродиакону препоручено в особенности перевести катехизис и преподавать его албазинцам; семинарист, исправляющий должность причетника, обязан, вместо китайского языка, учиться тибетскому или индийскому; предметы его занятий: изыскания о вере браминов и перевод лучшей индийской истории. Общая и главная цель трудов студентов есть изучение языков китайского и манчжурского; частные занятия разделены согласно с их предварительными занятиями, желанием и способностями; они обязаны: первый, взятый из медицинского факультета, – изучать медицину и натуральную историю Китая; другой – состояние математических наук в этом крае, китайскую литературу и философию и, в особенности, систему Конфуция; третий – посвятить себя изучению истории, географии, статистики и юриспруденции китайского государства; наконец четвертый собирает сведения о сельском хозяйстве китайцев, домашней жизни, земледелии, мастерствах и художествах.

Из здешней академии в разное время поступили в состав пекинской миссии след. лица: в 1819 г. – иеромонах Вениамин Морачевич, впоследствии архимандрит; скончался в 1854 г.; в 1828 г. начальником миссии архим. Вениамин Морачевич, иеромонах Аввакум Честной, иером. Феофилакт Киселевский и иеродиак. Поликарп Тугаринов; – в 1839 г. начальником миссии архим. Поликарп Тугаринов, иером. Гурий Карпов, иером. Иннокентий Немиров и иерод. Палладий Каваров; студенты: Г. Гошкевич и В. Горский. Горский, молодой человек, подававший прекрасные надежды, скончался в Пекине. По возвращении из Китая, архим. Поликарп избрал для жительства Ростовский Яковлевский монастырь; Гурий и Иннокентий посвящены в архимандриты и определены – первый ректором Александроневского училища в С.-Петербурге, последний – настоятелем Зеленецкого монастыря; Гошкевич – чиновником особых поручений VIII класса при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел; – в 1848 г. начальником новой миссии назначен иеродиакон Палладий Кафаров, возведенный в сан архимандрита, с предоставлением ему степени настоятеля первоклассного монастыря; на иеромонашескую и иеродиаконскую вакансии поступили из студентов здешней академии свящ. Петр, по пострижении иером. Павел Цветков, иером. Евлампий Иванов и иерод. Иларион Оводов; светскими членами, студенты же, Н. Успенский и М. Храповицкий. Покойный монах Иакинф, знаменитый синолог, живший и скончавшийся в Александроневской лавре, и архим. Аввакум сообщили членам миссии, перед отправлением их в Китай, первоначальные сведения в китайском и манчжурском языках;

пособием служили для них частью китайская библиотека Азиатского департамента, частью собственные – монаха Иакинфа и архим. Вениамина. В настоящее время (1856 г.), при образовании новой миссии, в состав ее поступили здешние воспитанники – иером. Александр Кульчицкий, иером. Исаия Поликин, И. Мраморнов (XXII к.) и А. Попов (XX к.); начальником миссии – архим. Гурий Карпов.

Благодаря трудам членов китайской миссии, история и внутреннее состояние Китайской империи сделались довольно известными. Некоторые имена наших синологов стоят наряду с европейскими, а известия о Китае, сообщенные ими, отличаются большей правдивостью и знанием дела, чем прежние известия католических миссионеров; потому что они заимствованы из подлинных китайских источников или же собраны на месте самым тщательным и добросовестным образом. Самая большая часть этих трудов принадлежит Иакинфу.

Прочие члены, изучавшие Китай – одни в течение одного, а некоторые в продолжение двух миссионерских сроков, представили собранные ими сведения в Азиатский департамент, который издал их под названием: Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Этот сборник статей, в трех томах, состоит из исследований различного содержания: В. Горский, посвятивший свои изыскания истории манчжурского народа, из которого происходит ныне царствующая Китайская династия, изложил в двух статьях начало и первые дела манчжурского Дома и исследования о происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Манчжу; – архим. Палладий, бывший настоятель миссии, и архим. Гурий представили плоды изучения китайского буддизма: первый составил жизнеописание Будды и исторический очерк древнего буддизма; второй описал обеты буддинов и обряд возложения их у китайцев; нынешний иеродиакон миссии, Иларион Оводов, составил по китайским источникам Историю сношений Китая с Тибетом, начавшихся в половине VII христ. века; Гошкевич открывает секреты китайцев в способе приготовления туши, румян и белил, в чем они достигли высокого совершенства.

Священнослужителям из белого и монашествующего духовенства, определяемым в иностранные государства к русским миссиям и посольствам, для приличия по сану их, с 1820 г. выдается из Кабинета Его Величества золотой наперсный крест, чем с одной стороны прежнее обыкновение, о присвоении этого креста только некоторым священнослужителям, приведено к единообразию, с другой – с правом носить крест соединена награда священнослужителям за их служение.

6) Духовно-училищная служба

Первые наставники Московской и Киевской академий, после их преобразования, взяты были из воспитанников здешней академии. Наставников Московской академии мы поименовали выше; в Киевскую академию, при открытии ее в 1819 г., определены: ректором и профессором богословского класса – архим. Моисей Платонов, бывший здешний воспитанник 1 курса; инспектором – магистр, иером. Мелетий Леонтович, из здешних бакалавров; на философский класс – магистр И. М. Скворцов, ныне доктор богословия, ордин. профессор академии и университета св. Владимира и кафедральный протоиерей в Киеве; на общую словесность – магистр П. Соколов, из воспитанников III курса; на общую историю – кандидат Г. Огиевский, бывший здешний воспитанник 1-го курса, из бакалавров Московской академии; на математику – С. Колеров, III курса; скончался протоиереем и ректором училищ в Кашине (Тверской епархии); на еврейский язык – А. Максимович, II курса. С началом второго курса, на убылые наставнические места опять определены четыре воспитанника здешней академии: двое из кончивших курс в 1821 г. и двое из прежних III курса, именно: магистр Я. Крышинский, на класс общей словесности и французского языка: скончался орд. профессором в 1836 г.; маг. С. Гуляев, на класс математики и еврейского языка: с 1828 г. орд. профессор; маг. А. Пушнов, на класс церковного красноречия и греческого языка: с 1828 г. орд. профессор по классу языков; маг. И. Орлов, на класс общей гражд. истории: впоследствии был орд. профессором Церковной истории. В 1825 г. из воспитанников С.-Петербургской академии определен на класс греческого языка – маг. А. Колоколов. Наконец из восьми ректоров Киевской академии, со времени ее преобразования до настоящего времени, четыре получили высшее образование в С.-Петербургской Дух. Академии, именно: Моисей Платонов, Мелетий Леонтович, Смарагд Крыжановский, и Иеремия Соловьев; из одиннадцати инспекторов семь – бывшие воспитанники С.-Петербургской академии: Мелетий Леонтович, Смарагд Крыжановский, Нил Исакович, Иеремия Соловьев, Иоанникий Горский, Даниил Мусатов (скончался ректором Екатеринославской семинарии) и Леонтий Лебединский (ныне ректор Владимирской семинарии).

В Московскую Дух. Академию, в разные годы, поступили из здешней академии: И. Загорский (ныне протоиерей в Москве), Е. В. Амфитеатров, ныне ордин. профессор по классу общей словесности и секретарь академич. Конференции; П. А. Сергиевский, в 1851 г. на класс математики (ныне священник в Москве). В числе первых ректоров Московской академии были, также из воспитанников С.-Петербургской Дух. Академии, архим.: Кирилл Богословский-Платонов и архим. Поликарп Гойтанников, с 1824 г., – прежде бывший ректором С.-Петерб. Дух. Семинарии, доктор богословия и член Императорской Российской Академии: скончался настоятелем Московского Новоспасского монастыря в 1837 г.

При открытии Казанской академии, в 1842 г., перемещен в нее профессором на класс физики и математики, бывший бакалавр здешней академии, Д. Ф. Гусев. В 1855 г. определен бакалавром Казанской акад. иером. Диодор Ильдомский, из здешних воспитанников.

Но самая большая часть воспитанников проходят службу в звании наставников духовных семинарий и училищ, принося пользу не столь заметную для внешнего наблюдателя, но весьма важную для будущности руководимых ими воспитанников. Академии только довершают образование, начатое в училищах и семинариях. Некоторые из семинарских наставников приобрели известность и в ученом мире, например: Ф. С. Надежин, бывший учителем Нижегородской семинарии, автор Опыта науки философии (С.-Петерб. 1845 г.) и Очерка истории философии, Рейнгольда (СПб. 1837 г.); – П. И. Саввантов, профессор С.-Петербургской семинарии, член Общества истории и древностей при Московском университете и Археологического, составил и издал в свет: Православное учение о способе толкования Свящ. Писания (СПб. 1857 г.) и Зырянскую грамматику СПб. 1850 г.; – И. А. Кедров, бывший профессором Ярославской семинарии, издал Опыт философии природы и Психологию; Л. И. Карашевич – Очерк истории православной Церкви на Волыни (СПб. 1855 г.) – И. Е. Флеров – О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI – XVIII столетиях. СПб. 1857 г.

7) Поступление в учебные заведения министерства народного просвещения и военного

Некоторые из бывших воспитанников здешней академии проходят с честью наставнические должности в Императорских университетах, при Главном педагогическом институте, гимназиях и военно-учебных заведениях.

1) В 1828 г., по предложению М. М. Сперанского, посланы были из здешней и Московской академии, по три воспитанника, во 2-е отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, для образования в российском законоведении. Они помещены были в здешнем университете и слушали преподаваемые там науки; но кроме того для них учрежден был еще специальный курс юридических наук. Наставниками их, по этой части, были старшие чиновники 2-го отделения канцелярии Его Величества, – из преждебывших профессоров в университетах и Главном педагогическом институте – трудившиеся в составлении собрания и свода Российских законов, д. с. советники: А. П. Куницын, В. Е. Клоков, М. Г. Плисов и К. И. Арсеньев. Ближайший надзор за их образованием, под руководством М. М. Сперанского, имел статс-секретарь, тайн. сов. М. А. Балугьянский. По окончании уроков и после испытания, которое сделано им лично М. М. Сперанским, они были отправлены в Берлинский университет для дальнейшего образования, преимущественно в юридических науках, а на место их вызваны для той же цели новые воспитанники, по три из двух академий. «Так как посланные в прошлом (1828) году студенты оправдали в полной мере выбор их и назначение, как нравственным поведением, так и успехами, – писал М. М. Сперанский к митрополиту Серафиму; – то Государь Император, приняв с благоволением таковой выбор и приказав отправить этих студентов, для окончательного образования, в Берлинский университет, вместе с тем Высочайше повелеть соизволил, отнестись к митрополитам Московскому и С.-Петербургскому, о избрании из Московской и С.-Петербургской академии по три новых студента для той же цели.» Вновь избранные студенты, после приготовления и испытаний, также отправлены были в Берлинский университет в 1831 году, где и продолжали свое образование под надзором посланника Российского двора и под непосредственным, по учебной части, руководством знаменитого профессора Савиньи; но некоторые из них не вынесли трудов обширного приготовления. Прочие, по возвращении в отечество, находились несколько времени под ведением Канцелярии Его Величества и, после испытаний на ученые степени, определены профессорами в русские университеты, где и поныне состоят: ст. сов., доктор прав, Н. И. Крылов – ординарным профессором Римского права при Московском университете; с. с., доктор прав, С. П. Орнатский – орд. профессором энциклопедии законоведения и российских государственных законов при том же университете; с. с. А. А. Федотов-Чеховский – орд. проф. гражданских законов и С. О. Богородский – уголовных законов при университете св. Владимира; с. с. А. В. Куницын – орд. профессором гражданских законов и деканом юридического факультета при Харьковском университете.

2) Из студентов здешней академии X курса, В. А. Сбоев поступил в Казанский университет адъюнктом по классу русской словесности, получив, после предварительного испытания, степень магистра русской и славянской словесности. В ученых записках Казанского университета помещена его статья: Гносис и Гностики; – в 1856 г., после смерти сочинителя, напечатаны Исследования его об инородцах Казанской губернии. (Каз. 1856).

3) В 1852 г. определен адъюнкт-профессором греческой словесности в Главный педагогический институт, бывший здешний воспитанник, природный грек, Д. Х. Гумалик.

8) Переход в гражданскую службу

Выгодный переход в гражданскую службу обеспечен для воспитанников духовных академий, как первоначально присвоенными им гражданскими правами, наравне с оканчивающими курс в университетах, так и сделанными к ним впоследствии дополнениями и объяснениями:

1) Наставникам дух. училищ, уволенным из духовного ведомства, для продолжения службы по гражданской части, Высочайше повелено (в 1849 г.) зачитать в действительную службу все время, проведенное ими в наставнических должностях до увольнения из духовного звания, и, при производстве в чины, отдавать старшинство со дня их поступления в упомянутые должности²³⁵.

2) Другим Высочайшим повелением предоставлено кандидатам духовных академий пользоваться в гражданской службе одинаковым с университетскими кандидатами правом утверждения в чине 10-го класса, не распространяя, впрочем, этого на состоящих уже в службе и переименованных в чины²³⁶.

Впрочем, число выбывших из духовного звания в гражданскую службу вообще не велико: например, в двадцать пять лет – с 1825 по 1850 год – оно простирается только до 53 человек, включая сюда пять человек, перешедших в другие учебные заведения еще до окончания академического курса, двадцать одного выбывшего в гражданскую службу также до окончания курса: следовательно, из кончивших курс поступили в гражданскую службу только двадцать семь человек. Но в этот счет не входят те из кончивших курс академических воспитанников, которые сначала занимали учительские места в духовных академиях, семинариях и училищах и впоследствии переменили службу.

По недостатку сведений о месте их службы, нельзя с точностью определить их числа. Известнейших назовем по состоянию их гражданских чинов: тайн. сов. В. В. Оржевский; д. ст. сов. Д. Алексеев, Е. Лебедев, А. К. Ключарев, К. Ф. Кораллов, А. А. Максимович, Н. П. Турчанинов, М. П. Дмитриевский; ст. сов.: П. И. Розанов, М. Я. Флеров, А. И. Смоленский, Н. В. Оржевский, П. И. Иосселиан, И. М. Синицын, Я. Н. Алфеевский, Е. П. Орнатский, П. Никитский, А. Благовидов, М. А. Воскресенский; в чине коллежских советников: П. Ф. Туберовский, Ф. А. Злотковский, Ф. Аменицкий, И. В. Щуцкий, М. Архидьяконский, П. И. Черепнин, М. Г. Верещагин, П. Копосов, И. И. Семеновский, И. А. Самчевский, И. А. Осеченский, П. А. Пантовский, Н. И. Тырыданов и А. А. Кандидов.

Конференция академии

Избрание действительных и почетных членов Конференции происходило на точном основании проекта устава дух. академий. При первоначальном образовании Конференции, Комиссия предоставила себе выбор и назначение действительных и почетных членов; но в последующее время избрание производилось самой Конференцией, с общего согласия или по большинству голосов, и представляемо было на утверждение в Комиссию, а после закрытия ее – в св. Синод.

Инспектор академии, иером. Афанасий Протопопов, 1814 г.
 Бакалавры: иером. Григорий Постников, 1814 г.
 Иером. Моисей Платонов, 1814 г.
 Иером. Кирилл Богословский-Платонов, 1814 г.
 Г. П. Павский, 1814–1835 г.
 И. Я. Ветринский, 1814 г.
 В. Себржинский, 1814 г.
 Архим. Иннокентий Смирнов, ректор С.-Петербургской семинарии, 1817–1819 г.
 Бакалавр, иером. Нафанаил Павловский, 1817–1821 г.
 Архим. Поликарп Гойтанников, инспектор С.-Петербургской семинарии, 1817–1824 г.
 Священник И. С. Кочетов, 1818 г.
 Протоиерей И. И. Бедринский, 1818–1831 г.
 Преосв. Филарет Дроздов, архиепископ Тверской, 1819 г.
 Иером. Зосима Смирягин, инспектор С.-Петербургской семинарии, 1819 г.
 Бакалавры: иером. Иоанн Доброзраков, 1820 г.
 Игумен Игнатий Семенов, 1821–1823 г.
 Протоиерей С. Я. Платонов, 1823–1831 г.
 Бакалавры: архим. Серафим, 1823 г.
 Иером. Гавриил. 1824–1825 г.
 Иером. Иннокентий Борисов, инспектор академии, 1825–1830 г.
 Находившийся экономом при покойном патриархе Константинопольском Григории, Константин Икономос, по Высочайшему повелению Его Императорского Величества блаженной памяти Государя Николая Павловича, 1825 г., с жалованьем по 2000 р. из Государственного казначейства.
 Преосв. Никанор, епископ Ревельский, викарий С.-Петербургской митрополии 1827–1831 г.
 Архим. Антоний, ректор С.-Петербургской семинарии, 1827 г.
 Протоиереи: Т. А. Вещезеров, 1827 г.
 И. А. Грацианский, 1827–1829 г.
 Бакалавры: священник И. Иванов, 1827–1848 г.
 Иером. Исидор Никольский, 1827–1830 г.
 Архим. Нафанаил Павловский, ректор С.-Петербургской семинарии, 1827–1830 г.
 Архимандриты: Владимир, инспектор С.-Петербургской семинарии, 1829–1830 г.
 Макарий, ректор С.-Петербургской семинарии, 1830–1838 г.
 Иером. Иосиф Позднышев, инспектор академии, 1830 г.
 Экстраорд. профессор академии С. И. Райковский, 1830 г.
 Бакалавр, иером. Платон Городецкий, 1830 г.
 Священник Н. Д. Колоколов, 1831 г.
 Иером. Николай, инспектор семинарии, 1830–1831 г.
 Преосв. Смарагд, епископ Ревельский, викарий С.-Петербургской митрополии, 1833 г.
 Протоиереи: И. С. Добронравин, 1833–1838 г.
 В. Б. Бажанов, 1833 г.
 Преосв. Венедикт, епископ Ревельский, викарий С.-Петербургской митрополии, 1834 г.
 Обер-священник армии и флотов В. Н. Кутневич, 1834 г.
 Бакалавр, иером. Климент Мажаров, 1835–1839 г.
 Архим. Афанасий Соколов, ректор С.-Петербургской семинарии, 1838 г.
 Бакалавры: иером. Иоасаф Покровский, 1838 г.
 Иером. Евсевий Ильинский, 1838–1839 г.
 Архим. Филофей Успенский, инспектор академии, 1839–1842.
 Священники: А. И. Райковский, 1839 г.
 К. Делекторский, 1839–1842 г.
 М. Н. Богословский, 1839 г.
 А. И. Окунев, 1841–1851 г.
 Архимандриты: Феогност Лебедев, ректор С.-Петербургской семинарии, 1841–1848 г.

Аввакум Честной, 1842 г.
Бакалавр иером. Иоанн Соколов, 1848 г.
Архим. Христофор Еммаусский, ректор С.-Петербургской семинарии, 1848–1850 г.
Протоиереи: Г. С. Дебольский, 1848 г.
И. В. Рождественский, 1848 г.
Архим. Иоанникий Горский, ректор С.-Петербургской семинарии, 1850 г.
Протоиереи: Н. Ф. Раевский, 1855–1857 г.
И. К. Яхонтов, 1855 г.

Почетные члены:

Число почетных членов Конференции проектом устава дух. академий положено неопределенное. В это звание избираются особы, включением которых в свое сословие Конференция надеется или украсить себя высокими примерами христианского благочестия или приобрести сподвижников в распространении и поощрении просвещения в духовенстве. Особы, духовного и светского звания, удостоившие почтить это сословие вступлением в число членов его, при первом образовании Конференции поименованы в предыдущем отделе; впоследствии времени благоволили принять это звание следующие лица:

Преосв. Серапион Александровский, митрополит Киевский, 1814г.

Преосв. Мефодий Смирнов, архиепископ Тверской, 1814 г.

Преосв. Евгений Болховитинов, епископ Калужский, 1814 г.

Преосв. Амвросий Протасов, епископ Тульский 1814 г.

И. И. Фус, д. с. сов. и ординарный академик Императорской Академии Наук, 1817 г.

Преосв. Филарет Дроздов, архиепископ Тверской, 1819 г.²³⁸

Преосв. Сергей Крылов, архиепископ Рязанский, 1819 г.

Преосв. Симеон Крылов, архиепископ Черниговский, 1819 г.

Князь П. С. Мещерский, д. с. сов., св. Синода обер-прокурор, 1819 г.

Преосв. Филарет Амфитеатров, архиепископ Рязанский, 1827 г.

Преосв. Григорий Постников, епископ Калужский, 1827 г.

Корреспонденты академии:

Академическим уставом дозволено Конференциям, кроме действительных и почетных членов, иметь еще корреспондентов из духовного и светского звания, на тот конец, чтобы получать через них полезные сведения о всех открытиях, относящихся к духовной учености. В это звание академической Конференцией избираемы были священники, находившиеся при наших миссиях и посольских церквях за границей, известные духовной ученостью и желанием быть для нее полезными; именно:

Протоиерей посольск. церкви в Лондоне Я. Смирнов, 1823 г.;

Протоиерей посольск. церкви в Вене Г. Т. Меглицкий, 1823 г.;

Протоиерей при церкви Виртембергской миссии И. М. Певницкий, 1823 г.;

Священник при церкви Копенгагенской миссии С. К. Сабинин, 1823 г.;

Священник при церкви Швейцарской миссии С. И. Красноцветов, 1830 г.

Все они были бакалаврами академии и избраны Конференцией в корреспонденты в том уважении, что, как ученые люди, могут содействовать своими сведениями пользам духовного просвещения. Корреспондент, священник Сабинин, которого многие исследования, относящиеся к богословию и церковной истории, напечатаны в Христианском чтении²³⁹, оправдал сделанное ему доверие в такой мере, что Конференция, в благодарность за особенное усердие его к пользе духовного просвещения, в 1843 году исходатайствовала ему от высшего духовного начальства награждение саном протоиерея.

Действия конференции:

1) Производство в ученые степени – а) доктора богословия

Со времени преобразования С.-Петербургской Дух. Академии, кроме выше (стр. 234–235) поименованных особ, возведенных в степень доктора богословия, при самом ее учреждении, удостоены оной, в разные времена, следующие лица:

Бакалавр, иером. Григорий Постников, 1817 г., за сочинение: <i>Commentatio de Prophetis in genere</i> . (Отзывы преосв. Михаила, архиепископа Черниговского и преосв. Серафима, архиепископа Тверского).	По чьему предложению избраны: Амвросия, митрополита Новгородского и С.-Петербур. Филарета,
Профессор академии и законоучитель Императорского С.-Петербургского университета, протоиерей Г. П. Павский, 1821 г., за труды по переводу священных книг на русское наречие и за основательные уроки богословия – в С.-Петербургском университете и еврейского языка – в академии.	архиеп. Московского и епископа Ревельского
Архим. Моисей Платонов, ректор Киевской академии, 1822 г., за преподаваемые им уроки по классу Св. Писания в течение первого учебного курса Киевской академии. (Отзыв преосв. Григория, епископа Ревельского – ректора академии).	
Архим. Кирилл Богословский-Платонов, ректор Московской академии, 1822 г., за Опыт изъяснения послания св. Апостола Павла к евреям. (Отзыв протоиерея Г. П. Павского)	Комиссии духовных училищ
Архим. Поликарп Гойтанников, ректор С.-Петербургской Дух. Семинарии, 1822 г., за основательные сведения его во всех существенных частях христианского богословия, показанные частью при переводе священных книг на русское наречие, частью в богословских уроках, преподаваемых в здешней семинарии, частью во многих весьма полезных переводах его из писаний св. Отцов, помещенных в Христианском чтении, и частью в напечатанных им Словах, говоренных в разные времена, которые большей частью суть собственно богословского содержания.	
Профессор академии, протоиерей И. С. Кочетов, 1823 г., за сочинение под названием: Черты деятельного учения веры. (Отзывы преосв. Григория, архимандрита Поликарпа и протоиерея Г. П. Павского).	Григория, епископа Ревельского, ректора академии. Докторов богословия,
Архим. Иоанн Доброзраков, ректор С.-Петербургской семинарии, 1825 г., за сочинение: <i>Delineatio hermeneuticae sacrae</i> . (Отзывы архим. Поликарпа и протоиереев Г. П. Павского и И. С. Кочетова.)	арх. Поликарпа и протоиереев: Павского и Кочетова. Докторов
Архим. Иннокентий Борисов, 1828 г., за богословские уроки и напечатанные в Христианском чтении сочинения: 1) Жизнь св. священномученика Киприана, епископа Карфагенского; 2) Жизнь св. Апостола Павла и 3) Последние дни земной жизни Иисуса Христа	богословия, арх. Иоанна и протоиереев: Г. П. Павского и И. С. Кочетова. Серафима, м.
Протоиерей В. Б. Бажанов, 1837 г., за изданные им поучительные Слова и Речи за обширные и основательные сведения в предметах христианского богословия.	Новгор. и С.-Петербургского.
Архим. Макарий Булгаков, инспектор академии, 1847 г., за обширные сведения в предметах богословия и за ученые труды – в особенности – за составленное им Введение в православное богословие.	Антония, м. Новг. и С.-Петербур. и

Архим. Иоанн Соколов, инспектор академии, 1853 г., за сочинение: Опыт курса церковного законоведения.

Иннокентия,
архиеп.
Херсонск.
Макария,
епископа
Винницкого,
ректора
академии.

Архим. Кирилл Наумов, инспектор академии, 1856 г., за сочинение: Пастырское богословие.

Список почетных докторов богословия, получивших это звание за особенную любовь их к духовному просвещению и содействие успехам его, в 1854 г., украсился именем преосв. Никанора, митрополита Новгородского и С.-Петербургского. Конференция С.-Петербургской Духовной Академии, с утверждения и одобрения св. Синода, выразила этим свою признательность его высокопреосвященству, за покровительство духовному просвещению, при справедливом уважении к обширным познаниям архипастыря в предметах духовной учености.

б) Окончательные испытания студентов. Обзор академии и производство в ученые степени магистра и кандидата академии

Перед окончанием курса Конференция производит решительное испытание студентов для возведения в ученые степени, соответствующие их познаниям. Высшее духовное начальство, для получения сведений о состоянии академии, поручает при этом случае одному из духовных сановников, преимущественно С.-Петербургскому митрополиту, как главному начальнику академии, ближайший надзор за испытаниями, а Конференция назначает со своей стороны одного или двух депутатов, в качестве ассистентов по каждому классу наук. Таким образом 1) – в 1819, 1821 и 1823 гг., при окончании третьего, четвертого и пятого учебных курсов, испытание по богословскому и философскому классам наблюдал, в качестве депутата, действ. член Конференции, преосв. архиепископ Филарет, ныне митрополит Московский. В то же время на испытание по математическому классу приглашаем был действ. член Конференции, академик, И. Н. Фус; 2) – в 1827, 1829 и 1831 годах, при окончании седьмого, восьмого и девятого учебных курсов, за испытанием по богословскому классу наблюдал преосв. Никанор, епископ Ревельский, викарий С.-Петербургской митрополии; 3) – в 1833 г., при окончании десятого учебного курса, по поручению Комиссии дух. училищ, обозревал академию член св. Синода, обер-священник армии и флотов, В. И. Кутневич, и после обозрения донес, что учебная часть в академии находится вообще в благоустроенном состоянии: наставники, частью по назначенным классическим книгам, частью по собственным запискам, преподавали назначенные им предметы с надлежащей полнотой и основательностью; воспитанники академии во всех, преподаваемых им предметах, равно как и в языках, оказали успехи очень хорошие, что можно было видеть как из устных их ответов, так и письменных сочинений; 4) – в 1835 г., при окончании одиннадцатого учебного курса, обозревал академию преосв. м. Серафим, которому в помощь назначен был викарий его, преосв. Венедикт, епископ Ревельский; 5) – в 1837 г., обозревал академию преосв. м. Серафим и доносил Комиссии дух. училищ, что академия найдена им в благоустройстве, преподавание в соответственном уставу порядке и обширности, и успехи воспитанников оказались для своей цели удовлетворительными²⁴⁰; 6) – в 1839 г., при окончании тринадцатого учебного курса, за болезнью преосв. м. Серафима, обозревал академию, по поручению св. Синода, преосв. Владимир, архиеп. Казанский, с викарием здешней митрополии, преосв. Венедиктом²⁴¹; 7) – в 1841 г., при окончании четырнадцатого учебного курса, по тому же обстоятельству, – преосв. Гавриил, архиепископ Рязанский; 8) – в 1843 г., преосв. м. Антоний, при содействии присутствовавшего в св. Синоде, преосв. Гедеона, еп. Полтавского. Преосв. митрополит донес св. Синоду, что нашел в воспитанниках по догматической части твердое православное направление, в изучении Отцев Церкви полноту и ясность, а хозяйственную часть академии – в весьма хорошем состоянии²⁴²; 9) – в 1845 и 1847 годах, при окончании шестнадцатого и семнадцатого учебных курсов, обозревал академию он же, преосв. митрополит, при содействии преосв. Илиодора, архиепископа Курского и Белградского. Академия найдена в оба раза в отличном порядке и должном устройстве, успехи воспитанников – вполне соответствующими цели этого дух. заведения, поведение их – благонравным и направление учения – твердым, в духе чистого древнего православия²⁴³; 10) – в 1849, 1851, 1853 и 1855 годах, при окончании восемнадцатого, девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого учебных курсов, обозревал академию преосв. митрополит Никанор. В 1851 году его высокопреосвященство доносил св. Синоду, что науки преподаются в академии основательно и правильно, с неуклонным направлением к образованию ума и сердца по законам деятельного христианства, и, между прочим, богословские – в истинном духе православного учения, с надлежащей полнотой; поведение воспитанников исполнено благоговения к вере, скромности и уважения к начальству²⁴⁴.

Для получения степени магистра и кандидата, кроме устных ответов на предварительном и решительном испытаниях, требуется от студента академии или стороннего соискателя сочинение на тему богословского содержания. Насчет выбора и назначения предметов для этих сочинений, равно и рассмотрения их, Комиссия дух. училищ в 1833 году постановила следующие правила: чтобы предметы для сочинений избираемы были с осмотрительностью; чтобы студенты, недовольно твердые в познаниях, и в способе соображения, упражняемы были в сочинениях меньшего пространства, а к сочинениям более обширным, приступали бы те, которые довольно утвердились в познаниях, и могут многосложный состав пространного сочинения обнимать

соображением в целом и в частях и наблюдать правильное отношение всех подробностей к главному предмету и цели сочинения; чтобы сочинения, писанные студентами, на основании § 148 академического устава, рассматриваемы были наставниками; чтобы при этом рассмотрении погрешительные места на самой тетради сочинителя были исправляемы, а где это по роду погрешностей неудобно, там противу погрешительных мест сочинения на поле делаемы были замечания, из которых бы сочинитель знал, в чем он погрешил; чтобы по рассмотрении всего сочинения рассматривавший подписывал под оным общий отзыв о его достоинстве и недостатках и чтобы этот отзыв скреплен был именем рассматривавшего.

До настоящего времени совершился в С.-Петербургской Дух. Академии двадцать один учебный курс. Из числа окончивших полный курс учения 1023 человек, в ученые богословские степени магистра и кандидата возведено 1009 человек: в степень магистра 335, в степень кандидата, с правом на получение степени магистра за новое удовлетворительное сочинение, или без оно, через два года одобрительной службы – 187; в степень кандидата – 474; выпущены с степенью семинарского студента 14; – именно:

	Год	Магис-Старших	Канди-Сту-	Всех
	выпускатров	кандидатов	дентов	
В первый год	1814	26	11	41 – 78
-второй-	1817	17	5	15 – 37
-третий-	1819	15	7	11 5 38
-четвертый-	1821	14	4	16 – 34
-пятый-	1823	25	–	16 – 41
-шестой-	1825	²⁴⁵ 28	25	– 53
-седьмой-	1827	10	9	28 3 50
-восьмой-	1829	12	5	13 – 30
-девятый-	1831	14	4	16 1 35
-десятый-	1833	13	7	27 1 48
-одиннадцатый-	1835	17	7	29 – 53
-двенадцатый-	1837	21	6	28 – 55
-тринадцатый-	1839	11	14	23 – 48
-четырнадцатый-	1841	18	–	29 – 47

Сверх показанного числа возведены были в степень магистра: 1) не учившиеся в академии по новому образованию, бакалавры: Семен Платонов за наставнические труды, без экзамена, в 1814 г. и игумен Игнатий Семенов, по экзамену в 1821 г.; последний испытываем был преимущественно в науках богословских, потом в исторических, а наконец предложены были ему некоторые философские вопросы: собрание, под председательством д. члена Конференции, преосв. Филарета, архиеп. Московского, единогласно признало испытуемого достойным степени магистра богословия²⁴⁶; 2) из старших кандидатов, по рассмотрении представленных ими сочинений и вследствие одобрительных отзывов о службе по духовно-учебному ведомству – 87 человек; 3) из кандидатов богословия по устному и письменному экзамену – 3, именно: иеромонах Арсений Васильев, бывший инспектором Новгородской семинарии, в 1816 г.; иером. Савва Ольхин, бывший инспектором С.-Петербургской семинарии, в 1825 г. и Филипп Лебедев, учитель Тверской семинарии в 1830 г.; 4) в 1849 г. возведен на степень кандидата богословия, за усердие к пользам дух. училищ, показанное в течение десятилетнего управления Оршанскими дух. училищами, смотритель которых, иеродиакон Арсений Теблючинский, окончивший курс наук в бывшем Виленском университете и имевший от оно, степень кандидата философии; 5) из студентов низшего отделения иерод. Гурий Карпов – в степень кандидата богословия, – Горский – в степень кандидата словесных наук, по вниманию к отличным успехам и по особенному испытанию, вследствие объявленного ими желания поступить в китайскую миссию, в 1848 г.; по тем же причинам, возведены в степень магистра два студента высшего отделения: Н. Успенский и М. Храповицкий; 6) в 1820 году исправляющий должность профессора физики и математики в Вологодской семинарии, свящ. М. Васильевский, из студентов семинарии, допущен был Конференцией к испытанию на звание семинарского профессора и удостоен этого звания.

2) Обзорение: а) академий

В 1815 г. Комиссия дух. училищ, желая иметь верные и обстоятельные сведения о состоянии училищ Московского округа, через год после его открытия, поручала члену своему, ректору С.-Петербургской академии, архим. Филарету, обозреть Московскую академию, с некоторыми семинариями ее округа. Архим. Филарет исполнил возложенное на него поручение в том же духе усердия и знания, который одушевлял его в участии, по делу Комиссии дух. училищ, о преобразовании их и исправлении устава, и успел в самое краткое время поставить на вид Комиссии состояние обозренных им училищ, как по части учебной и экономической, так равно и делопроизводной, в самой ясности и во всей желанной подробности. Приняв в особенное уважение труды и ревностнейшую попечительность архим. Филарета в исполнении этого ее поручения, Комиссия изъявила ему совершенную благодарность, а Государь Император, по ее представлению, Всемиловнейше пожаловал ему панагию²⁴⁷.

В 1818 г., при окончании первого курса в Московской академии, когда надобно было, по испытании, избрать профессоров и учителей для открываемого по новому образованию Казанского округа, Комиссия, с Высочайшего соизволения, поручала ему же, ректору академии – в то время епископу – Филарету присутствовать при этом испытании. Так как вместе с этим надлежало открыть Конференцию Московской Дух. Академии: то Комиссия, назначив в состав ее некоторых членов из тамошних наставников, для более полного состава ее, предоставила обозревающему, по предварительному сношению с Московским архиепископом, избрать внешних действительных членов²⁴⁸. За исполнение этого поручения преосв. Филарет пожалован орденом св. Анны 1-й степени.

В 1846 г. Высшему духовному начальству представилась необходимость собрать полные и ближайшие сведенья о состоянии Казанской академии, которая должна была явить первые плоды высшего образования духовного юношества. Св. Синод поручал обзорение ее, для этой цели, по всем частям управления, ректору С.-Петербургской Дух. Академии, Афанасию, епископу Винницкому.

б) – Семинарий

В 1815 г., когда в семинариях здешнего округа совершился первый курс образования по новому плану, ректор академии, архим. Филарет, обозревал ближайшие из них – С.-Петербургскую, Новгородскую и Тверскую и, в это же время, через год после открытия Московского округа, произвел обозрение семинарий того округа – Ярославской, Костромской, Владимирской, Спасо-Вифанской и Московской, вместе с находящимися при них и на пути между ними училищами; в 1818 г. обозревал в другой раз семинарии – Новгородскую, Тверскую, Вифанскую и Московскую. В последующее время обозрение окружных семинарий производимо было через ректора академии и прочих членов Конференции. Инспектор, архим. Иннокентий, обозревал в 1827 г. Новгородскую и Тверскую семинарии с ближайшими к ним училищами, в 1830 г. – Архангельскую. Профессор академии, протоиерей И. С. Кочетов, в 1842 г. – Архангельскую. Ректор, архим. Афанасий, в 1842 г. – Новгородскую и Псковскую, в 1844 г. (в сане епископа) – Полоцкую и Могилевскую. Ректор академии, епископ Евсевий, в 1849 г. – семинарии Псковскую, Могилевскую, Смоленскую и Тульскую. Инспектор, архим. Макарий, в 1848 г. – Тверскую, Тульскую и Орловскую семинарии, с принадлежащими к ним низшими дух. училищами; в 1849 г. – С.-Петербургскую. Инспектор, архим. Иоанн, в 1851 г. – Архангельскую, в 1855 (бывши уже ректором С.-Петербургской семинарии) – Тверскую. Инспектор, архим. Кирилл, в 1853 г. – Псковскую и Смоленскую, в 1855 г. – Олонецкую.

3) Пересмотры и исправления книг, вводимых в учебное употребление в качестве классических или вспомогательных

А) По богословским наукам

В 1848 г., по вопросу Комиссии дух. училищ о том, какое сочинение с большей пользой может быть употребляемо в качестве учебника по богословскому классу в дух. семинариях: Богословие преосв. Феофилакта, еп. Переяславского, или – Иринея, еп. Чигиринского, Конференция представила мнение в пользу первого сочинения, которое и было оставлено, по-прежнему, учебной книгой в дух. училищах.

В 1848 г. св. Синодом поручено было академической Конференции рассмотреть Догматическое богословие, составленное ректором Киевской семинарии, архим. Антонием. По важности предмета сочинения, рассмотрение его взял на себя ректор академии, преосв. Евсевий, и представил в пространном донесении, что сочинение соответствует своему названию и назначению, по содержанию и по изложению; но в то же время указал места, которые надлежало изменить, исправить, точнее определить или яснее выразить перед изданием этого сочинения в общее чтение, и тем более перед введением его в классическое употребление в дух. семинариях.

Б) По философским наукам

В 1821 г., по поручению бывшей Комиссии дух. училищ, проф. Ветринский рассматривал сочинение бакалавра Киевской Дух. Академии Скворцова: «О метафизическом начале философии» и представил, что для метафизических истин положено столь же чистое и твердое начало, сколь чист и непреложен ум Божественный, который один, по понятию сочинителя, есть и должен быть мерилom истины для человеческого разума. Сочинение одобрено к изданию в свет.

В) По церковной и гражданской истории и вспомогательным наукам

В 1820 г., по поручению Комиссии дух. училищ, пересмотрена и исправлена была к новому (второму) изданию Церковная история соч. архим. Иннокентия, введенная в классическое употребление в высших и средних духовно-учебных заведениях. Профессор, протоиерей Кочетов, занимавшийся этим делом, представлял потом, что он исправлял только те места, которые, по сверке с коренными источниками, найдены неверными или превратно изложенными; уничтожал то, что находил или неуместным или ненужным; прибавлял то, что почитал нужным для знания учащихся; что же касается до слога, сжатого, темного и крайне тяжелого, то его исправитель совсем не касался. – В 1844 г. Конференция, после рассмотрения, одобрила для классического употребления в дух. семинариях, Всеобщую историю Смарагова, вместо Истории Шрека, которая была до того времени учебной книгой.

В 1849 г., по поручению Духовно-учебного управления, Конференция рассматривала рукописное сочинение братьев Лихудов, истребованное из Новгородского Софийского собора, под названием Обличение на гаждателей библии 72 толковников: не признано ли будет полезным издание оно в свет? Но Конференция нашла, что дух этого сочинения не миролюбив и заносчив; отзывы о западной Церкви и о блаженных Иерониме и Августине часто обидны; места, приведенные из св. Отцов, и равно из историков и летописцев, приведены темно и невразумительно; ссылки, в обличение неправильностей Вульгаты, на книги, главы и стихи Св. Писания, расположены сбивчиво и не в порядке, а еврейские слова, какие следовало написать здесь, в целом составе сочинения совершенно пропущены. Конференция выразила сомнение, что это сочинение есть подлинник Лихудов, посвященный, как известно, от лица их четверем восточным патриархам: здесь нет этого посвящения даже и в копии; а между тем времена жаркой полемики, направленной здесь против римских и польских свящ. книг и лиц, уже миновались; обстоятельства обуревания российской Церкви от Латинян давно изменились ей во благо, и имена опасных в то время для православия, Вуйка, Брестия Будного и Чеховича преданы забвению; да и самая Вульгата в возводимых на нее погрешностях достаточно уже исправлена. В предисловии к рукописи помещен критический, не совсем одобрительный отзыв о ней, сделанный, по предложению Новгородского митроп. Иова, Юрьевским архимандритом Гавриилом Домецким, в котором критик, в вопросе о времени пресуществления хлеба и вина в литургии, держится римского католицизма.» Поэтому сочинение одобрено к изданию только как материал для церковной истории, если он никем, никогда и нигде не был еще издан.

В 1849 г. одобрено, в пособие при чтении св. истории в низших дух. училищах, сочинение священника Матфея Муретова, под названием: Труды пресвитера по долгу приходского учителя святой христианской Веры и св. христианской жизни. (Отзыв А. П. Окунева).

В 1839 г. Конференция одобрила для употребления в духовных училищах географию Зябловского. (Отзыв протоиерея Иванова). В 1843 г. две карты европейской России большую и малую, составл. подполковн. Медниковым. (Отзыв архим. Феогноста). В 1848 г. Географию Ободовского, в качестве учебника, вместо Географии Арсеньева. (Отзыв А. Н. Окунева).

Г) По общей и церковной словесности

В 1842 г. Конференция рассматривала первую часть Гомилетики профессора Киевской Дух. Академии, Я. К. Амфитеатрова, еще в рукописи, и показала главные ее достоинства: полноту и правильное расположение материалов, легкость, обилие и живость изложения; но заметила и некоторые недостатки в отношении к содержанию и изложению, которые по этим указаниям были исправлены сочинителем. В 1848 г., по выходе в свет вместе первой и второй части, Конференция рассматривала и эту последнюю и представила, что и эта часть, подобно первой, отличается полнотой материалов, порядком, живостью и обилием в изложении их, хотя и заметила, что это обилие претупает пределы, особенно в 3 отделении, где предложено весьма много более тонких, нежели удобных к исполнению, замечаний об управлении голосом и телесными членами при произношении проповеди. Поэтому уважению Гомилетика Амфитеатрова одобрена к употреблению в высших и средних духовно-учебных заведениях, как пособие для преподавателей и для воспитанников, приготавлиющихся к священному званию. (Отзыв проф. Д. Ф. Вознесенского). – В виде пособия, при чтении общей словесности, одобрены в 1844 г.: Основания всеобщей словесности и происхождение русского языка, соч. Готтеса (отзыв проф. Д. Ф. Вознесенского); в 1845 году – Правила высшего красноречия, соч. графа М. М. Сперанского. (Отзыв проф. К. И. Лучицкого).

Д) По арифметике, алгебре, геометрии и пасхалии

В 1830 г. Конференция одобрила к классическому употреблению в духовных училищах Арифметику Куминского, вместо употреблявшейся до того времени арифметики, изданной Главным правлением училищ. (Отзыв Себржинского). – В 1846 г., по отношению Духовно-учебного управления, Конференция поручила профессору Д. П. Ростиславову составить для семинарий новые руководства по алгебре и геометрии, с ближайшим применением их, как в пространстве, так и в образе изложения, к главному назначению семинарий, сообразно с постановленными в 1840 г. правилами о преобразовании учебной части в семинариях. Профессор Ростиславов составил руководство по алгебре, но, вместо геометрии, составил, краткое руководство к физике – которые были рассмотрены в Конференции и найдены годными для своей цели, но в свет еще не изданы. – В пособие по классу математики одобрены: в 1813 г. – Руководство к умственным вычислениям, соч. Леруа, перев. Шубяковым (отзыв проф. Д. И. Ростиславова).

В 1819 г. профессор В. Себржинский рассматривал составленное бакалавром Моск. Дух. Академии А. Тяжеловым – Руководство к пасхалии, исправив в ней некоторые выражения, не свойственные русскому языку, представил, что она с пользой может быть введена в духовные училища, тем более, что по этой науке вовсе не было классической книги.

Е) По языкознанию

В 1832 г. Конференция, по предписанию Комиссии дух. училищ, рассматривала Французскую хрестоматию, употребляемую в духовных училищах, и представила мнение об исключении из оной, при новом издании, статей, которые найдены несогласными с духом христианского учения, или заимствованы из писателей неблагомыслящих, или соблазнительных, и наконец таких, в которых не заключается ничего ни поучительного, ни даже занимательного.

В 1834 г., по поручению Комиссии духовных училищ, Конференция рассматривала Российскую хрестоматию для грузинских училищ, пополнив ее, по предметам духовным из лучших духовных писателей, а из писателей светских оставив те только статьи, которые, как по совершенству слога, так и по содержанию своему, могут занять место в подобной учебной книге; прочие же, исключив или заменив лучшими. Пересмотром Хрестоматии занимались ректор С.-Петербургской семинарии архим. Макарий и протоиерей И. Иванов.

В 1834 г., по поручению Конференции, прот. Г. П. Павский рассматривал Грамматику халдейского языка, составленную бакалавром Киевской Дух. Академии Соловьевым, и представил с отзывом, что она составлена очень хорошо: лишнего нет, а нужное все сказано. Притом же, взгляд на халдейский язык и на его отличие от еврейского облегчен тем, что Грамматика халдейского языка изложена в том же порядке, в каком еврейская, и с теми же техническими грамматическими терминами: вследствие этого она введена в духовные училища в качестве пособия при изучении еврейского языка.

В 1836 г. Конференция рассматривала Греческую грамматику Ляцевского, перед изготовлением нового запаса оной для дух. училищ, и представила, что признает ее из всех греческих грамматик на латинском и русском языках удовлетворительнейшей и способнейшей для классического употребления в семинариях. (Отзыв И. Д. Колоколова).

В 1838 г. Конференции поручено было рассмотреть Греческие лексиконы, вновь изданные в других государствах, и донести, нет ли между ними для наших духовных училищ более полезных и удобных, чем лексиконы Шревеллия и Гедерика, неудобных по их обширности, а более потому, что они греко-латинские. Выбор Конференции остановился на Лексиконе Гедерика, по тому уважению, что 1) из известных греческих словарей одни суть только частные, наприм. словари к Гомеру, Платону, к Новому Завету или к Ветхому LXX толковников; в других порядок слов расположен не по алфавиту, а по этимологии – что крайне затруднит для учеников приискание слов; а иные из них гораздо обширнее и Шревеллиева, и Гедерикова лексиконов. Да и вообще вновь издаваемые словари у иностранцев приспособляются более к чтению классических древних писателей, менее к чтению Отцов Церкви, и всего менее к уразумению церковных книг греческого богослужения. 2) Из лексиконов, употребляемых в дух. училищах, Шревеллиев действительно и обширен и вместе не полон, следовательно неудобен и нехорош. Нельзя сказать того же о лексиконе Гедерика, после рецензии Эрнеста. Судя по его содержанию, по источникам, из которых он заимствован, – по множеству замечаний, введенных в него из глоссариев, надо отдать ему справедливость, что он служит одним из прекрасных пособий для изучения греческого языка в наших дух. училищах. И если заключать по отличному изданию его в Лондоне, где он с новой рецензией и дополнениями вышел еще в 1821 году: надо думать, что по крайней мере великобританские ученые признают его в своем роде очень хорошим пособием: а классическое образование в Великобритании едва ли не лучше, чем где-нибудь в другом месте. Вследствие этого отзыва положено было лексикон Гедерика перевести на русский язык, последнюю часть его, синтетическую, вовсе опустив, а вторую – аналитическую, в сокращенном, по возможности, виде, соединив с первой частью и, наконец, приспособив оный к уразумению писаний св. Отцов и греческого богослужения, по тому примеру, как Шнейдер старался приспособить свой лексикон к уразумению слов, относящихся к философии, истории и искусствам. (Отзывы И. Д. Колоколова и М. И. Богословского).

В 1846г., по представлению Конференции введен, в качестве учебной книги в духовных семинариях, *Cours pratique de la langue française*, соч. Рюо. (Отзыв профессора В. И. Карпова).

В 1848 г. академическая Конференция рассматривала Латинскую хрестоматию, бывшую в употреблении в духовных училищах. Предположения ее об исправлении этой учебной книги, с назначением для высшего и низшего уездных классов, и об исключении из числа учебных книг, назначаемых для перевода, Корнелия Непота, утверждены св. Синодом к исполнению. (Отзывы

А. И. Окунева и А. И. Райковского). В 1849 г., одобрена к употреблению в низших духовных училищах, в виде пособия для изучения славянского языка, Славянская хрестоматия Пенинского. (Отзыв Е. А. Бенескриптова). – В 1843 г. введено в классическое руководство для гражданского чтения в приходских училищах сочинение инспектора С.-Петербургского учебного округа П. Максимовича, под названием: Друг детей, в малом издании, 1843 года.

4) Рассмотрение программ для преподавания Закона Божия в светских и военных учебных заведениях и – книг, вводимых в учебное употребление по этим заведениям

В 1844 г., по определению св. Синода, Конференция С.-Петербургской Дух. Академии и рассматривала проект программы преподавания закона Божия в военно-учебных заведениях, составленный протоиерем Н. Ф. Раевским и священником И. В. Рождественским и, по рассмотрении, признала полезным ввести ее в употребление, согласно ее назначению, по тому уважению, что она представляет по своему содержанию достаточную полноту предметов христианского учения, по расположению и постепенности в преподавании этих предметов – тщательное применение к возрастам и потребностям учащихся и, по внутреннему направлению и тону, сообразность с учением и постановлениями православной Церкви. – В 1851 г., Конференция составила программу по церковному законоведению, для учебных заведений Министерства народного просвещения. – В 1852 г. вследствие прошения законоучителя Императорского Александровского лицея, протоиерея И. С. Кочетова, о дозволении преподавать логику и психологию по его прежним урокам, академическая Конференция поручила профессору Фишеру рассмотреть представленные Кочетовым программы, которые и были одобрены для употребления. – В том же году Конференция имела поручение рассмотреть составленную законоучителем 1-го кадетского корпуса, протоиереем Н. Ф. Раевским, программу православного катехизиса, для включения оной в общую программу, установленную для экзамена поступающих в военную службу дворян и вольноопределяющихся. По замечаниям Конференции в ней сделаны изменения, после которых св. Синод одобрил ее, для предположенной цели. – В 1853 г. Конференция рассматривала и представила на утверждение св. Синода программу закона Божия, для экзамена молодых людей, поступающих в воспитанники Императорской Медицинской Академии, составленную законоучителем оной, свящ. И. Н. Черепниным. – В 1854 г. рассматривала программу преподавания закона Божия в Островском писарском и егерском училищах Министерства государственных имуществ и, после сделанных в ней исправлений, представила на утверждение св. Синоду. – В 1853 г. рассматривала и исправила программу учебной книги греческого языка для здешнего университета, составленную адъютантом онаго, Штейманом.

5) Рассмотрение сочинений, предназначенных к соисканию демидовских премий или иных наград

В 1839 г. профессор, протоиерей И. С. Кочетов, по поручению Императорской Академии Наук, через академическую Конференцию, рассматривал Свящ. историю, соч. Анны Зонтаге; в 1840 г. – Исторический словарь о Святых, прославленных российской Церковью. За рассмотрение первого сочинения Конференция Императорской Академии Наук присудила рецензенту малую золотую медаль. – Бакалавр, свящ. М. И. Богословский, рассматривал Дни богослужения православной Церкви, сочинение протоиерея Г. С. Дебольского, удостоенное по этой рецензии почетного отзыва Академии Наук. – В 1851 г. протоиерей Г. С. Дебольский – сочинение Г. Любимова, под заглавием: Историческое обозрение способов содержания Христианского духовенства, от времен апостольских до XVIII века, представленное к соисканию демидовской премии.

Кроме этого, профессор Кочетов рассматривал Историю русских ересей и расколов, соч. студента Моск. академии Руднева, писанное на румянцовскую премию, и присудил его к этой награде, указав только некоторые места для исправления при издании в свет.

6) Изыскание способов к успешному действованию на иноверцев и рассмотрение сочинений, написанных с этой целью

Вследствие сообщения г. министра Внутренних дел об изыскании способов распространения между евреями сочинений в православном-христианском духе, чтобы содействовать их обращению к св. вере, или, по крайней мере, ослабить фанатизм, отделяющий их от христиан, св. Синод поручал Конференции войти в рассмотрение этого предмета: предположения академической Конференции, по этому делу, в 1850 г. представлены св. Синоду.

В 1854 г., по определению св. Синода, Конференция рассматривала сочинение протоиерея Ремезова, под заглавием: Краткое извлечение из писем христианина к евреям об истинной вере, и, по рассмотрении, представила св. Синоду с отзывом, что оно, по отпечатании, может быть с пользой введено в заведениях военных кантонистов, для чтения между кантонистами еврейского исповедания, как средство к охлаждению их суеверной с малолетства приверженности к неосновательным талмудическим толкам.

7) Переводы с греческого на русский язык грамот и посланий –

По сношению святейшего правительствующего российского Синода с св. Синодом еллинской Церкви и предстоятелями православных церквей Востока.

Наконец назовем 8) Ученые труды внешнего члена Конференции, греческого священника (недавно скончавшагося) Константина Икономоса. В Христианском чтении за 1839 г. напечатано, под именем неизвестного проповедника, слово, произнесенное им при совершении годовичного поминовения по Константинопольском патриархе Григорие и восприявших с ним мученическую смерть митрополитах – Ефесском Дионисие, Никомидийском Афанасие и Анхиальском Евгение. В разные годы он издал несколько сочинений на греческом языке, которые поименуем здесь: 1) Опыт о ближайшем сродстве языка славяно-российского с греческим: за поднесение экземпляра этого сочинения королю Прусскому автор удостоился получить от Его Величества орден красного орла 3-й ст.; 2) Рассуждение о трех степенях священства; 3) Κτίσις τῆς τοῦ Μεγάλου Σπηλαίου Μονῆς (построение обители великой пещеры); 4) Τινὰ Ὑμνωδῶν Μονῆς (некоторые неизданные доселе сочинения песнопевцев); 5) Εἰς τὴν ἐκκλησίαν (в церковь) и 6) Воспоминательная речь о приснопамятных братьях Зосимах, сказанная по случаю поставления надгробного им памятника. Три последние сочинения присланы в Конференцию академии в 1842 г. «Эти лепты,» писал сочинитель, «смирненно приношу в сокровищницу духовной академии. Покорно прошу вас, пусть они займут последнее оставшееся место в библиотеке и простите меня за скудость приносимого... Надеюсь, что вы благосклонно воззрите на это приношение, если не за какое-нибудь другое его достоинство, по крайней мере за то, что оно посылается из Греции, и посылается как малый знак великой признательности приносящего. Афины 11 мая, 1842 г.»

Постоянный и временные комитеты при академии:

Духовно-цензурный комитет

По Высочайше утвержденному начертанию правил о образовании духовных училищ (§§ 109 и 104) цензура духовных книг поручена Конференциям духовных академий и для того установлены при каждой академии цензурные комитеты; равным образом остался на прежних основаниях Цензурный комитет при Московском Донском монастыре. Первоначальный состав и образ действия комитетов, учрежденных при академиях, определены были правилами Устава дух. академий. Но, поскольку Комитет Донского монастыря, завися непосредственно от Синода, не подходил под общее управление цензурными комитетами через академические Конференции, и с другой стороны правила духовной цензуры, предложенные в академическом уставе, не имели строгой определенности и по некоторым пунктам имели нужду в дополнениях: то в 1818 г., по предложению министра духовных дел и народного просвещения и последовавшему затем распоряжению св. Синода, поручено было Конференции С.-Петербургской Дух. Академии, составить проект устава духовной цензуры и штата цензурных комитетов, применительно к общей системе духовно-учебного управления. Проект удостоился Высочайшего утверждения 22 апреля 1828 года. Новым начертанием правил положено было духовную цензуру, существовавшую в Москве при Донском монастыре, закрыть, а в замен ее распространить круг деятельности комитетов при С.-Петербургской и Московской академиях. Им поручена цензура наибольшего числа сочинений и переводов, и притом важнейших и обширнейших. Прочие же цензурные комитеты при Киевской и Казанской академиях ограничены рассмотрением мелких сочинений, как то: небольших рассуждений, слов и программ, которые имеют поступать от лиц собственно их училищного ведомства.

С.-Петербургский Духовно-цензурный Комитет, сообразно Высочайше утвержденным постановлениям Духовной цензуры, до 1854 года состоял из трех членов академической Конференции, с жалованьем по 800 р. асс. в год каждому; но в этом году, по причине постоянно увеличивающегося числа рукописей и книг духовного содержания, ежегодно поступающих на рассмотрение Комитета от частных лиц и присылаемых из цензуры гражданской, с Высочайшего утверждения, открыто при Комитете штатное место для четвертого члена, с жалованьем по 228 руб. сер. из духовно-учебных капиталов. – Избрание членов возобновляется через три года, представлением от Конференции на место выбывшего члена двух кандидатов, из которых один утверждается в этом звании св. Синодом. По прошествии каждого месяца Цензурный комитет представляет академической Конференции, отчет: какие книги и когда вступили в Комитет и какие из них рассмотрены одним или всеми членами Комитета, какие из них одобрены к напечатанию или неодобрены; а в Конференции, по прошествии года, составляется из таковых отчетов общий и представляется в св. Синод.

В должности цензоров со времени учреждения Духовно-цензурного комитета, находились:
Архим.:

Анатолий Максимович (1809–1812) ректоры С.-Петербургской семинарии

Мефодий Пишнячевский (1812–1813)

Иннокентий Смирнов (1813–1819)

Поликарп Гойтанников (1819–1824)

Иоанн Доброзраков (1824–1827) инспекторы академии

Иннокентий Борисов (1827–1830)

Антоний (1827) ректоры Спб. семинарии

Нафанаил Павловский (1827–1830)

Соборный иеромонах Иосиф Позднышев, инспектор академии (1831).

Макарий, ректор С.-Петербург. семинарии (1831–1837).

Платон Городецкий, инспектор академии (1832 –1838).

Климент Мажаров, бакалавр академии (1837–1839).

Иоасаф Покровский (1839 –1840).

Евсевий Ильинский 1839.

Афанасий Соколов, ректор семинарии (1840–1841).

Филофей Успенский (1840–1842).

Феогност Лебедев, ректор С.-Петербургской семинарии (1842–1848).

Аввакум Честной (1845–1849).

Иоанникий-Горский, ректор С.-Петербургской семинарии (1850–1854).
Иоанн Соколов, бакалавр академии (1848–1857).
Кирилл Наумов, экстраорд. профессор академии, 1851.
Протоиереи и священники:
И. С. Данков (1809–1817).
И. Н. Голубов (1809–1810).
И. И. Бедринский (1811–1824).
При увольнении от Цензурного Комитета, протоиерей И. И. Бедринский Всемилоостивейше пожалован, за долговременную и усердную службу, алмазными знаками ордена св. Анны 2 ст.
Г. П. Павский (1817–1827).
За усердную девятилетнюю службу протоиерея Г. П. Павского в Цензурном Комитете изъявлена ему от лица Комиссии благодарность.
С. Я. Платонов (1825–1831).
И. Иванов (1831–1834).
И. Д. Колоколов (1835–1839).
К. Я. Делекторский (1841–1842).
А. И. Райковский (1841–1845).
Т. Ф. Никольский (1842–1848).
А. И. Окунев (1842–1851).
М. И. Богословский 1853.
Из светских: профессор академии В. Н. Карпов, с 1855 г.
По изданию Христианского чтения иногда назначаемы были, сверх трех штатных цензоров, временные члены из академических наставников:
Архим.: Иоасаф, инспектор академии (1843–1844).
Макарий, инспектор академии (1844–1848).
По уставу Цензурного комитета секретарь может быть из профессоров или бакалавров академии; с 1828 г. в этой должности были исключительно наставники академии, именно: Д. С. Вершинский (1818–1835), И. Никитский (1835–1838). К. К. Крупский (1838–1842), Е. А. Бенескриптов (1843–1850), В. И. Долоцкий (1850), И. А. Вознесенский (1854–1857), и И. А. Чистович (1857).

Временные комитеты:

1) Для составления дополнительных правил устава духовной цензуры

Комитет состоял из трех членов академической Конференции: ректора С.-Петербургской Дух. Семинарии, архимандрита Иннокентия (Смирнова), замещенного, по назначении его епископом в Пензу, архимандритом Поликарпом; протоиерея Иоанна Бедринского и священника Герасима Павского. Занятия его под непосредственным надзором и руководством митрополита Михаила, продолжались с 10 января 1819 г. по 20 янв. 1820 г.

2) Для рассмотрения вредных книг

В 1825 г., по указу св. правительствующего Синода, учрежден был при Конференции временный Комитет для рассмотрения некоторых книг, заключающих, под видом таинственного истолкования Свящ. Писания, развратные и возмутительные лжеучения, противные гражданскому благоустройству, догматам и преданиям нашей Церкви, и напечатанных в частных типографиях без разрешения св. Синода, каковы: Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению духа Христова, Таинство креста, разные сочинения Бема, Штиллинга, Эккартсгаузена, г-жи Гион, Дютуа и, периодическое издание, Сионский вестник²⁴⁹.

Состав Комитета образован был, под председательством ректора академии, преосв. Григория, епископа Ревельского, из образованнейших и довереннейших лиц здешнего духовенства, в числе 12 человек, в котором, по избранию академической Конференции, утверждены были м. Серафимом следующие лица: 1) ректор семинарии, арх. Иоанн; 2) Казанского собора свящ. Герасим Павский; 3) Владимирской церкви свящ. Семен Платонов; 4) инспектор академии архим. Гавриил; 5) свящ. Иоаким Кочетов; 6) Сергиевский протоиерей Иоанн Данков; 7) Спасосенновский протоиерей Тимофей Вещезеров; 8) Военно-сиротского дома протоиерей Иоанн Грацианский; 9) Пажеского корпуса свящ. Тимофей Никольский; 10) Воскресенский свящ. Иоанн Добронравин; 11) Никольского собора свящ. Михаил Малеин и 12) Благовещенской церкви свящ. Александр Рождественский. Производство дел поручено было ректору семинарии, архимандриту Иоанну.

В руководство членам Комитета дана инструкция, обнимающая все стороны их труда, ограждающая их занятия от вторжения любопытства, и устанавливающая правильное и беспрепятственное производство дел по Комитету.

В то же время по ведомствам св. Синода и Министерства народного просвещения сделано распоряжение, чтобы книги эти отобраны были из книгохранилищ всех учебных заведений, изъяты от всякого употребления и, запечатанные, хранились бы впредь до особого о них предписания.

Сверх рассмотрения книг, присланных из св. Синода, Комитету предписано было: 1) открывать и доносить о других книгах, вредных для православия и благонравия; 2) наблюдать – не вышла ли какая из вышеозначенных книг за одной подписью цензора двумя или несколькими изданиями, под одним годом и без упоминания о новом издании. В виде генерального отчета о своих делах, Комитету поручено было, при окончании занятий, составить систематическое обозрение того, каким образом вредное учение, содержащееся в рассмотренных им книгах, начиналось, постепенно распространялось, раскрывалось, проявлялось в своем изложении и какие принесло плоды. Действия Комитета продолжались более 15-ти лет, и личный состав его очень часто изменялся замещением одних членов, умерших или по новому назначению службы выбывших в другие места, новыми членами. –Кроме поименованных лиц, в действиях его принимали участие: с званием председательствующего: викарные епископы С.-Петербургской митрополии: преосв. Никанор, преосв. Смарагд и преосв. Венедикт; с званием управляющих производством дел – ректоры академии, архимандриты Иоанн, Виталий и Николай; с званием членов: архимандриты Иннокентий, Климент и Иоасаф, иером. Евсевий и протоиереи: А. И. Окунев, И. Д. Колоколов и А. Н. Райковский.

3) Для перевода канонических постановлений православной церкви на церковно-славянский язык

Св. Синод, вскоре после своего учреждения, предположил для себя труд, издать в свет первоначальные канонические постановления вселенской Церкви, по которым духовные дела получают свое решение. Преосв. Феофилакт, епископу Тверскому, поручено было сделать перевод этих правил на чистое и понятное церковно-славянское наречие. Но, по различным обстоятельствам, труд этот не был приведен к окончанию; однако же настоятельная потребность в этом, с продолжением времени, открывалась более и более. Последнее издание Кормчей, бывшее в 7161 (1653) году, сделалось весьма редким. Не только низшие правления, но и некоторые консистории по делам духовного управления встречали затруднения, не имея у себя книги правил: это же неудобство разделяли и светские правительственные места, в которых случалась потребность в голосе церковных законов. Поэтому в 1786 г. и сделано было новое издание Кормчей, после предварительного пересмотра которой Новгородским и С.-Петербургским митрополитом Гавриилом²⁵⁰; другое такое же издание сделано было в Москве в 1804 г., под ближайшим смотрением известных своей ученостью и заслугами митрополитов Платона и Амвросия; но исправления, произведенные при этих изданиях, были незначительны и заставляли желать более тщательного пересмотра Кормчей, сличения с вариантами греческого текста и древнейшими рукописями и печатными изданиями. Наконец полный и тщательный пересмотр и сличение оной с подлинником произведен уже в 1836 году, под ближайшим смотрением св. Синода, наставниками здешней академии, а в 1839 г. явился в свет, на греческом и церковно-русском языках, под заглавием: «Книга правил святых Апостол, св. соборов вселенских и поместных и св. Отец». – При этом 1) для проверки греческого текста, чтобы он издан был в возможной чистоте и неповрежденности, истребованы были из синодальной библиотеки, находящиеся в ней, древние греческие рукописи церковных правил, 2) для той же цели взят был в соображение текст церковных правил греческой Кормчей книги, изданной в 1800 году, по благословию Константинопольского патриарха; 3) при издании церковных правил на славяно-русском языке принят за основание существующий в св. Синоде рукописный перевод оных, который оказался к подлиннику близким, по славянскому наречию приличным предмету, и достойным уважения, как плод прежних попечений св. Синода об этом коренном пособии церковному управлению²⁵¹; 4) но так как этот перевод в некоторых выражениях ближе следовал латинскому переводу, нежели греческому подлиннику: то он приведен в возможно-точную сообразность с греческим подлинником; 5) некоторые слова и выражения этого перевода, недовольно точные в сличении с подлинником, или недовольно чистые и ясные в отношении к нынешнему словоупотреблению, заменены точными, чистыми и ясными, по возможности с сохранением древнего наречия, которое оставлено общим характером перевода²⁵².

Для производства этого дела св. Синод предполагал употребить Новоспасского ставропигиального монастыря архимандрита Поликарпа, как уже известного св. Синоду по сведениям в греческом языке и богословии, и преподавателя греческого языка в здешней духовной академии, священника Колоколова. Но за смертью архимандрита Поликарпа, последовавшей в январе следующего 1837 г., труд этот возложен был на инспектора здешней академии, архимандрита Платона, профессора, протоиерея Иванова и преподавателя греческого языка, священника Колоколова. Кроме этих лиц, за печатанием книги правил, по распоряжению св. Синода, имели наблюдение, находившиеся в С.-Петербурге на чреде священнослужения, архимандриты и ректоры семинарии Рязанской – Афанасий и Вологодской – Феогност, священник С.-Петербургской Смоленско-кладбищенской церкви Семен Красноцветов и протоиерей Ярославской епархии Павел Соколов. В 1839 г., к общей радости не только Российской, но и всей православной вселенской Церкви, явилось в свет на греческом и церковно-русском языках собрание коренных церковных постановлений под заглавием: «Книга правил св. Апостол, св. соборов вселенских и поместных и св. Отец». Государь Император, с благоволением приняв труд, совершенный на пользу Церкви, изволил собственноручно написать на докладе г. обер-прокурора св. Синода: «прекрасный труд, за который особенно благодарю»; а трудившихся в этом издании духовных лиц Всемиловейше удостоил приличных наградений²⁵³.

4) Для рассмотрения классических и вспомогательных книг по всем частям богословского учения

В 1837 г. Комиссия духовных училищ, имея рассуждение о том, чтобы, при возрастающем образовании и умножении способов его, преподавание богословских наук в духовных училищах возводимо было к большему совершенству, систематической правильности и единообразному порядку, с ближайшим приспособлением не только к догматам, но и к преданиям и чиноположениям православно-кафолической восточной Церкви, учредила при Конференции С.-Петербургской Духовной Академии особый Комитет из академических ректора и инспектора, члена Конференции, протоиерея Бажанова и двух находившихся в С.-Петербурге ректоров семинарий, под председательством преосв. Венедикта, епископа Ревельского. Комитету поручено было взять в рассмотрение все книги, употребляемые в богословском учении, в качестве классических и вспомогательных и могущие быть употребленными, и по рассмотрении определить, какие из прежних книг могут оставаться в классическом и вспомогательном употреблении, какие могут быть приняты вновь, какие требуют усовершенствования и по каким частям должно составить новые учебные книги. В то же время предложено было ректорам академий и семинарий прислать конспекты преподаваемого в них богословского учения, с показанием его состава и порядка, приложения частей его к частям времени всего курса, с означением книг классических и вспомогательных, и самого способа преподавания, в особенности же по предметам, для которых еще не имеется удовлетворительных пособий. Когда Комитет представил свое мнение о книгах, Комиссия взяла на себя рассмотрение всех предположений по этому важному предмету, от которого должны зависеть успехи православного образования в отечестве и твердость веры будущих поколений. Ближайшим следствием этого были некоторые частные распоряжения, постановленные Комиссией относительно порядка преподавания наук в духовных семинариях, соображения их с естественным и духовным возрастом учащихся и главнейшим назначением, т. е. приготовлением к должности священнослужителей. В частности, в среднее отделение семинарии введено преподавание церковно-библейской истории, в высшее, сверх церковной истории – историческое учение о св. Отцах и предварительные перед началом курса изъяснение и повторение, с строгим отчетом, Православного исповедания кафолической и апостольской Церкви восточной, Киевского митрополита Петра Могилы, и указаны в пособие к богословскому классу писания древних церковных учителей – Догматическое богословие св. Иоанна Дамаскина и огласительные поучения св. Кирилла Иерусалимского. Вследствие этих распоряжений академическим Конференциям предписано было, составить конспекты исторического учения об отцах Церкви и о церковных древностях, в замен употребляемого по этому предмету и неудобного по своей обширности сочинения Вениамина, бывшего архиепископа Нижегородского, под названием: Новая Скрижаль²⁵⁴.

5) Для рассмотрения конспектов по предметам семинарского учения

Не ограничившись этими распоряжениями, Комиссия дух. училищ в 1840 г. предприняла полное и решительное преобразование учебной части в дух. семинариях. Вследствие этого в круг семинарского образования введены некоторые новые предметы, полезные в общежитии, как-то: естественные науки, медицина и сельское хозяйство; некоторые из прежних предметов распространены в объеме или приспособлены к обязанностям сельского священника; открыт приготовительный класс для кандидатов священства; сделано новое расположение предметов учения по годам и введено преподавание всех наук на языке отечественном. Перемены эти требовали и нового определения способа преподавания, соответственно с указанной целью. Конференциям дух. академий поручено было составить новые конспекты для всех наук семинарского курса и вместе для языков греческого и латинского, которых изучение нуждалось в более единообразном и строгом методическом порядке. А для рассмотрения этих конспектов, в 1840 г. 9 сент., учрежден особый Комитет из двух находившихся здесь на чреде священнослужения и проповеди слова Божия архимандритов, бакалавра, иером. Иоасафа и, состоящего при училище Правоведения, священника Михаила Богословского²⁵⁵. В следующем году в устройстве Комитета произведена перемена назначением председателя в особе преосвященного Николая, епископа Тамбовского, и тогда же число членов его увеличено вновь прибывшим на чреду священнослужения ректором Казанской семинарии, архимандритом Стефаном и священником Министерства иностранных дел Ксенофонтом Делекторским. Впоследствии оно было увеличено еще новыми членами²⁵⁶. Кроме поименованных лиц в трудах этого комитета участвовали, с званием председателей, ректоры академии, преосвященные Афанасий и Евсевий; в звании членов – архимандрит Феогност, ректор С.-Петербургской семинарии, архимандрит Макарий, инспектор здешней академии и бакалавры, иеромонахи Феофан и Иоанн.

6) Для рассмотрения программ церковной истории, логики и психологии в руководство для светских и военных учебных заведений

В 1850 г. преподавание логики и психологии в учебных заведениях Министерства народного просвещения возложено на тамошних законоучителей. В то же время, для единообразного преподавания как этих наук, так и закона Божия в светских и военных учебных заведениях, св. Синод сделал распоряжение о составлении по этим наукам программ в трех духовных академиях, и для рассмотрения их образовал, при Конференции здешней академии, особый комитет под председательством присутствовавшего в то время в св. Синоде, преосв. Николая, епископа Тамбовского, назначив в состав его бакалавра академии, архимандрита Иоанна и членов Конференции, протоиереев Андрея Ив. Райковского, Андрея Ив. Окунева и Михаила Изм. Богословского. Наставники и Комитет исполнили возложенное на них поручение в том же 1850 году²⁵⁷.

7) Для издания кратких и дешевых книг духовно-нравственного содержания

Его Величество, Государь Император, в отеческой заботливости о духовно-нравственном назидании православного русского народа, признавая полезным, при распространяющейся грамотности, усилить издания кратких и дешевых книг, в которых предлагалось бы простолюдинам чтение, утверждающее сердца в вере, в преданности Престолу и в благих нравах, Высочайше повелел, независимо от других, принимаемых с этой целью мер, учредить в С.-Петербурге особый Комитет для издания таковых книг, под непосредственным руководством св. Синода. В исполнение Высочайшего повеления, св. Синод определением от 30 сентября 1855 г. постановил, учредить Комитет этот при С.-Петербургской Духовной Академии, назначив председателем его ректора академии, Макария, епископа Винницкого, помощником председателя – инспектора архим. Кирилла и членами – протоиереев И. В. Рождественского, С. И. Красноцветова, Н. Содальского и Г. С. Дебольского и священников И. К. Яхонтова и К. П. Добронравина.

Особенными правилами определены порядок занятий Комитета и образ действий его в выборе и составлении статей духовно-нравственного содержания, издание которых, согласно Высочайшей воле, св. Синодом отнесено на счет суммы духовного ведомства. Комитет начал свои собрания 10 октября 1855 года.

Помещение академии

До 1819 года академия помещалась в Александроневском монастыре. По распоряжению митр. Амвросия, для нее отделан был Феодоровский корпус. Но как в этом же корпусе и соседнем с ним нынешнем училищном, с 1809 г., кроме академии, помещались семинария и училище, и несколько покоев заняты были начальствующими и наставниками из всех этих заведений: то помещение для всех было тесно и неудобно. Поэтому, в 1811 году, преосв. м. Амвросий, представив на усмотрение Комиссии все эти неудобства, предложил построить для академии или семинарии особый каменный корпус, и представил примерное его описание. Комиссия, утвердив мнение преосв. Амвросия о построении особого каменного корпуса для академии, поручила его высокопреосвященству избрать искусного и опытного архитектора к составлению надлежащего плана и сметы²⁵⁸. Из нескольких планов, составленных архитекторами Штаубертом, Руско и Шарлемани, Высочайше утвержден был, 3 марта 1817 года, план Шарлемани, и в то же время Высочайше учрежден, под главным начальством м. Амвросия, Строительный комитет, в состав которого назначены члены академического Правления – ректор, архим. Филарет, инспектор, иеромонах Григорий, эконо́м лаврский, иеромонах Павел, казначей Московского Новоспасского монастыря, иеромонах Паисий и архитектор, ст. сов. Луиз Ив. Руско²⁵⁹. Закладка происходила 10 июля того же года, причем первый камень положен был преосв. м. Амвросием. Постройка зданий производилась под надзором означенного архитектора Руско и окончена в половине 1819 г. Августа 26, по предварительном приглашении членов св. Синода, Комиссии дух. училищ и академической Конференции, преосв. м. Михаилом освящена академическая церковь во имя Собора св. дванадцати Апостолов. Ректор академии, архим. Григорий, произнес, при освящении ее, назидательное слово, в котором, применительно к цели высшего образования духовного юношества, изъяснил, что сделали св. Апостолы для создания, распространения и укрепления Христовой Церкви и что должно делать для ее сохранения и распространения нам? А г. обер-прокурор св. Синода, кн. А. И. Голицын пожертвовал на благоуукрашение ее 500 рублей. Студенты третьего курса, движимые усердием к храму Божию, собрали сумму в 240 рублей, на которую, по желанию их, написана икона Спасителя, благословляющего своих учеников.

Здание академии находится близ Александроневского монастыря, на южной его стороне; фасадом обращено к Неве; правым или южным крылом примыкает к Обводному каналу, а левым или северным граничит с лаврой; – состоит, из одного большого корпуса в четыре этажа и двух одноэтажных флигелей. Большой корпус, обращенный фасадом на восток, простирается с этой стороны на 45 сажень; затем с южной и северной сторон имеет по одному крылу, каждое длиной в 13 сажень; весь же корпус вообще занимает 560 квадратных сажень. В нем находятся до 150 комнат: замечательные своей огромностью – церковь, зала для академических собраний и библиотека, из которых каждая в два света (в 3-м и 4-м этажах) и занимает площадь не менее 50 квадратных сажень.

В двух флигелях, находящихся на западе от большого корпуса, помещены – больница, баня, ледники и пр.; каждый из флигелей занимает 85 квадр. сажень. Они помещены на весьма обширном дворе, который, со включением места, занимаемого зданиями, имеет 3620 квадратных сажень. За флигелями, к западу, находится довольно обширный, хорошо устроенный и содержимый сад, занимающий более 8700 сажень. Большой корпус также с трех сторон, северной, восточной и южной, окружен палисадниками значительной величины. В 1819 г. перед фасадом большого корпуса устроена железная решетка, а в 1833 г., кругом всего двора и сада, каменная ограда. Употреблено на постройку: 1) большого корпуса и обоих флигелей – 779,382 руб. 41 коп.²⁶⁰; 2) железной решетки – 30,334 руб. 51 1/4 коп.²⁶¹; 3) каменной ограды – 50,280 руб. 86 1/2 коп. На все же – 859,997 руб. 78 3/4 коп. ассигн.

Со стороны удобств в местоположении академического здания, как учебного заведения, к нему можно вполне приложить правило духовного регламента: «место академии не в городе, но в стороне, на веселом месте удобное; где нет народного шума, ниже частые окказы, которые обычно мешают учению и находит на очи, что похищает мысли молодых человек и прилежать учением не попускает»²⁶².

Высочайшее посещение С.-Петербургской духовной академии

В 1838 г. 31 марта, в великий четверг, С.-Петербургская Дух. Академия осчастливлена Высочайшим посещением блаженной и вечной славы достойного Государя Императора, Николая Павловича. Его Величество в сопровождении г. обер-прокурора св. Синода, графа Н. А. Пратасова, изволил осматривать академическую церковь, классические залы, столовую и жилые покои воспитанников, и оставляя академию, в милостивых выражениях соизволил изъять Высочайшее благоволение за усмотренный в ней порядок.

Приложения

№1. Установления философические,

В Высочайшем присутствия Ее Священнейшего Величества, Всепресветлейшей и Самодержавнейшей Великой Государыни Елизаветы Петровны, Императрицы Всея России, с любезнейшим своим племянником и наследником, Его Императорским Высочеством, Великим Князем Петром Федоровичем, в Александро-Невской семинарии к словопрительному истязанию предложенная.

I. Из предглаголемых на всю философию

1) Есть в человецех философия, понеже есть подлинное и явственное вещей натуральных знание, из винословий чрез экскурс произведенное.

2) Философии творец просто есть сам Бог и оную влиял Адаму в начале его творения; творцы же по ничесому, т. е. возобновители суть остроумнейшие люди, которые в возобновление ее, времен обидою или паче человеческим небрежением и злобою почти угасшие, труждалися и ныне труждаются.

3) Конец философии есть тот, чтобы человеку получить натуральное блаженство, которое формально состоит в созерцании первой истины, си есть Бога, каково может быть в жизни сей; устроительне же в делании добродетелей нравоучительных и в философском о вторых правдах, то есть вещей сотворенных, рассуждении.

II. Из логики

1) Логика упражняется в правлении троих ума человеческого действий, из которых первое есть, когда вещь какую просто понимает, второе, когда о понятой уже вещи рассуждает, утверждая что о ней или отсекая, третье, когда из единого рассуждения вносит другое.

2) Логика зело есть полезна к сысканию наук прочих.

3) Из двоих прекословных и собственных предложений о будущем случайном, едино есть определительне истинное, а другое определительне ложное.

III. Из ефики

- 1) Не может воля любити зла, яко зла, и не может бегати добра, яко добра, пресецательне.
- 2) Честность человеческих действий состоит в сообразии с натурой разумной, яко первым правилом нравов.
- 3) Действие воли внешнее никакой не имеет доброты или худости особенной, разделенной естественне от той, которая есть въ действии внутреннем.

IV. Из физики

- 1) Всякое тело имеет свою форму существенную, чрез которую в известном виде поставляется и от прочих распознается.
- 2) Едина душа разумная, по разлучении от тела, не исчезает, но живет бессмертно.

V. Из метафизики

1) Есть Бог: и сия истина доказуема есть чрез творение; есть Бог то, что всех созданных вещей лучшее, большее и изящнейшее; что само ни от кого бытия не приемлет, а прочим всем дает бытие; что ни от кого не правимо и не движимо, а правит и движет вся.

2) Все твари от Бога зависят, как в бытии, так и в сохранении своем.

3) Ни едина тварь действовать или произвести что может, без непосредственного и действительного Божия пособия, к большей чести и славе Божией.

№2. Ода

поднесенная митрополиту Амвросию в день его тезоименитства, 7 декабря 1803 г., одним из воспитанников Александроновской академии.

.....²⁶³
И се видение прелестно! –
Сияет весь лазурный свод; –
По нем простерся путь чудесной;
С зенита как река течет –
След вихрей до земных селений;
Слетел, предстал небесный гений
Весь радугою окружен,
Из капель бисерных слиянной,
И тысящю цветов убранной,
Как солнце в тихий майский день.
В деснице маслична ветвь мира,
Венец – из розовой зари.
На рамах – звездная порфира.
Азийски пышные цари
Таким убранством не блистали;
И смертные не украшали
От века так своих богов,
Что в баснословии игривом
Представлены потомству дивом
Для изумления умов.
Идет – держа в руке зеркало,
Которо силой Божества
Судьбы предвечны представляло
Над всем, что в чине естества;
Порядком там стояли веки,
И в вечность все текли, как реки;
По быстрине их, как лады
Неслися всех творений роды,
Цари и царства и народы,
И покрывали все струи.
«В зеркале сем – вещал так гений –
«Чертеж судеб изображен.
«Ты видишь здесь ряды творений;
«Кто был, кто есть иль не рожден –
«Имеет путь предначертанный.
«Одни из них на то созданы
«Дабы последовать другим.
«Другие вечными судьбами
«Поставлены на свет, вождями
«Быть прочим сверстникам своим.
«Смотри как между звезд восходит
«В полночи кроткая луна!
«Не странника ль во мраке водит?
«Не для других ли создана?
«Бросая тихий луч отрадный
«Сквозь тучи, сквозь туманы хладны,
«В стремнинах кажет нам пути;
«Но лишь сокроется в ненастьи:
«Кто может верно без напасти
«По самым равнинам идти? –

«Приникни – там, в кругу творений,
«Толпой народа окружен,
«Стоит небесный некий гений
«В виссон и злато облечен,
«Увенчан митрою священной
«Из маргаритов съединенной;
«Прикрыты лентием плечи;
«Броней креста грудь укрепленна,
«Жезлом десница вооруженна....
«Он странным вождь! – Он свет в ночи!
Я зрю – не ангел ли небесный
Помощник слабым существам,
Облекшись в наш состав телесный,
Снисшел во утешенье нам?
Над ним с трубою слава вьется,
Вокруг песнь смертных раздается,
И, отражаясь средь зыбей,
В горах, долинах – постепенно,
Потом – от дольних стран вселенной
Несется прямо в Эмпирей.
Подобно как пещер далеких
Стрясенны громом глубины
Возносят звук до гор высоких,
И с гор до облачной страны;
Весь шум в гармонию слиянный,
В едино пенье сочтанный,
И выше звезд и под луной,
И там и здесь в благоговении,
Твердит одно воскликновенье,
Как бы единою трубой.
Я зрю в нем пастыря усердна
Во тьме блуждающим овцам;
Я зрю служителя в нем верна
Священным Божиим олтарям;
Защиту злобою гонимым,
Трапезу алчбою томимым
И одеяние нагим.
Едва порок лишь появится,
Смутится, сам себя стыдится,
Трепещет, кроется пред ним.
И кто ж сей пастырь несравненный?
В Ком видим мы сего Отца?
Кто вождь? Кто свет сей нам возженный?
Нам скажут наши то сердца...
Твоих щедрот млеко пьющим,
Твоими благостями живущим
Тебя ли, Пастырь, не узнать? –
Хотя и зреть тебя не станем,
Но никогда не перестанем
В сердцах твой образ сохранять.

№3. Благодарственная речь

Студента М. Суханова, произнесенная в собрании Александро-Невской академии, 8-го января 1803 г., после испытания на степень кандидата богословия, и при отпуске его в иркутскую семинарию, из которой он прислан был для образования к учительской должности.

Речь эта составляет заключение к читанному им историческому исследованию о соборах российской Церкви.

.....Но мне – по предопределению Провидения имеющему счастье быть в звании особенно посвященном Церкви; мне – по мудрому устройению святейшего правительствующего Синода, пользующемуся всеми способами, состоянию нашему предоставленными, к получению прав и преимуществ звания нашего, и под особенным покровительством оного воспитанному; мне – возможно ли умолчать о той благодарности, которой это святейшее Сословие имеет право от меня требовать? Если есть в уме моем сколько-нибудь познаний: то можно ли не признать, кому я оными обязан? Если есть какие-нибудь похвальные навыки: то можно ли не чувствовать, чьим учреждением воспитания приобрел я оные? Если самый язык мой, образованный для проповеди веры и добродетели, сколько-нибудь имеет способности изъяснить свои чувствования: то может ли прежде всего удержаться от славословия тех наставников благочестия, тех ангелов-хранителей Церкви, которым вверено главное кормило оных, и которые благодетельным учреждением училищ духовных образуют нас во славу веры и добродетели?

Нет, никогда – никогда не истребятся из памяти нашей эти священные обязательства, это приятное душе нашей воображение, эти сладкие самому сердцу нашему чувствования.

Но, ощущая во всей силе признательность к благодетельным для нас учреждениям святейшего правительствующего Синода, первые потом чувствования обращаю я к высокопреосвященнейшему Архипастырю нашему, под коего мудрым, особенным попечением удостоился я получить образование. Отеческое его снисхождение и милость, оказываемая всем воспитанникам муз, а особенно образованным под его покровом, суть неоспоримым правом на вечную их к нему благодарность, которой, смею уверять, никто меня не превзойдет.

Приношу чувствительнейшую мою благодарность и вам, высокопочтеннейшие наставники мои, споспешествовавшие образованию моему и отверзавшие мне врата к познаниям. Признательность и благодарность моя к вам продлится с моей жизнью, которой цену мне вы попечениями своими умножили и показали.

№4. Благодарственная речь

Его Величеству, блаженной памяти Государю Императору Александру Павловичу, по случаю Высочайшего указа 26-го июня 1808 г., произнесенная, от лица всей российской Церкви, первенствующим членом св. Синода, Амвросием, митрополитом Новгородским и С.-Петербургским 22-го июля 1808 г.

Всеавгустейший и Всемиловитвейший
Государь Император!

Между прочими милостями и щедротами, присно на служителей веры от престола Твоего изливаемыми, ныне Тобою возниспосланное благо в виде нового постановления о усовершенствовании духовных училищ – есть дар для самой Церкви, дар совершен, сошедый свыше от Отца светов. Ваше Величество, ведая Апостольски, что телесное обучение в мале, а благочестие на вся полезно есть, преподав правила и способы к распространению общенародного просвещения, не укоснили равно усилить вящими познаниями и духовенство, предположа достаточнейшие меры и для приобретения в оных желаемых успехов и для подкрепления всего сословия, служащего олтарю Господню, да послужит с радостью, а невоздыхающе.

Благочестивейший Государь!

Синод, сей толико для Церкви благотворный Твой Монарший подвиг понимая во всем пространстве и важности, долгом поставил торжественно принести, и приносить, Вашему Императорскому Величеству от лица всея Церкви признательнейшее благодарение; принося же сие, искренно удостоверяет, что со всею о Господе братиею выну пролием к Царю царствующих молитвы и моления, как о многолетном и нерушимом Вашего Императорского Величества здравии, так и о благословении свыше на уплодотворение новонасаждаемого Тобой спасительного вертограда, содействуя сему, по возможности, и своими силами.

№5. Ad Ambrosium Metropolitam Sancte reverendum

Da veniam, rursus si Te mea carmina quaerunt,
Sancte Pater, veniam, mente litare pia.
Ex quo Te vidi, Tua stat mihi candida forma
Ante oculos, coelo ceu mihi missa fiet;
Et Tua, quae tetigit, sentitur mentibus imis
Sancta manus, sanctis debita numinibus;
Et vox auditus, quam quis putet esse beatis,
Humano miscent si sua verba sono.
Sic vidi Te, mens sic Te percepit et auris:
Nulla sede in pleno pectore lingua fuit.
Nunc sero rediens ad Te sua dicere verba
Ceu mihi sis praesens, vox mihi tarda cupit.
Accipe, quas habeo, grates: me fronte serena
Vidisti, qui vix nomine notus eram.
Sique neges placido, quo spectas, lumine cuncta,
Lumine Te placido cuncta dedisse putem.
Fridericus Graefe. 1810.

Именной список

Студентов С.-Петербургской духовной академии, окончивших полный курс учения, с 1814 по 1855 г. (I-XXI курсов)

I-го курса	
Со степенью	
магистра:	
1. Герасим	20. Василий Разумовский.
Павский.	
Алексадр, в	
монашестве	Дмитрий Алексеев.
Афанасий,	
Протопопов.	
Егор, в мон.	
Григорий,	Егор, в мон. Гавриил, Городков.
Постников.	
Григорий	Козьма Органов.
Левицкий.	Арсений Тяжелов.
5. Матфей, в мон.	25. Яков, в мон. Иероним,
Моисей,	Малицкий.
Платонов.	
Иродион	Василий, в мон. Венедикт,
Ветринский.	Григорович.
Григорий	
Белогородский.	
Константин, в	
мон. Кирилл,	
Богословский-	
Платонов.	
Иоаким Кочетов.	Дмитрий Туношевский.
	Михаил Божанов.
	Митрофан Протопопов.
10. Иван Носов.	30. Егор Полотебнов.
Елпидифор, в	
мон. Евтихиан,	Иван Щелкунов.
Лестев.	
Василий	Михаил Малеин.
Себржинский.	
Василий	Павел Наумов.
Кутневич.	
Тимофей	Иван Базаров.
Никольский.	
15. Петр, в мон.	
Неофит,	35. Афанасий Скворцев.
Веселовский.	
Петр Розанов.	Алексей Малов.
Петр, в мон.	
Поликарп,	Павел Протопопов.
Гойтаников.	
Василий	
Херсонский.	
Михаил, в мон.	

С непосредственным правом на магистерство, когда пробудут один год в училищной службе с одобрением местного начальства²⁶⁴

Мелетий,
Леонтович.
– кандидата:
Иван Лавровский. 60. Степан Райковский.
Григорий
Огиевский. Алексей Ненарокомов.

Михаил Вревский.
Григорий Янчуковский.
Николай Щуцкий.

40. Иван Крыжановский. 65. Иван Дяконов.

Александр Богданович. Андрей Васильев.

Петр Туберовский. Иван Талызин.

Петр, в мон. Павел, Николай Грешищев.

Подлипский. Егор Лебедев. Андрей Тихвинский.

45. Алексей Ильинский. 70. Василий Ерофеев.

Иван Спасский. Василий Полянский.
Стефан Лошаков. Владимир Игнатьев.

Авксентий Мартынов. Гавриил Мошков.

Василий Белозерский. Мокий Тарасов.

50. Яков Гладкой. 75. Иван Невдачин.

Семен Красильников. Александр Кандорский.

Василий Дяконов. Константин Пузина.

Иван Данилов.

Иван Смирнов.

55. Владимир Назанский. 78. Яков Кизимовский.

Илья Левиков.

Виктор Венский.

Иван Санин.

Михаил Флеров.

II-го курса

Со степенью
магистра:

1. Иван Скворцев. 15. Алексей Ключарев.

Иван Филаретов. Иван Ловягин.

Иван Раменский. Матфей Борисов.

Стефан, в мон.

Антоний,
Домкинский.

Роман Кутузов.

Илья, в мон.
Никольский.

Иероним, С правом на получение степени магистра, за
исправное прохождение ученых должностей

5. Арсений Смоленский. 20. Василий Сипягин.

Александр Василий Бойков.

Рождественский.
 Аполлон Яков, в мон. Иринарх, Попов.
 Рябчиков.
 Василий, в мон.
 Нафанаил,
 Павловский.
 Андрей Окунев.
 10. Михаил, в
 мон. Макарий,
 Глухарев.
 Михаил, в мон.
 Иоанн,
 Доброзраков.
 Иван Иванов.
 Александр
 Максимович.
 Захар, в мон.
 Зосима,
 Смирягин.
 – кандидата:
 Василий Попов. 36. Василий Цветаев.
 Василий
 Подлитовский.
 25. Николай
 Бутягин.
 Кодрат Кораллов.
 Михаил Андреев.
 Платон
 Пантовский.
 Иван, в мон.
 Иоанникий,
 Образцев.
 30. Николай
 Елисеев.
 Гавриил Кустов.
 Василий
 Серебренников.
 Василий
 Добронравов.
 Иван Максимов.
 Степан Наумов.

III-го курса

Со степенью
 магистра:
 1. Иван 15. Иван Наумов.
 Певницкий.
 Гавриил
 Меглицкий.
 Аверкий Пушнов.
 Александр, в
 мон. Смарагд, Алексей Колоколов.
 Крыжановский.

Яков Бекаревич.

Иеромонах Виссарион Яшин.

Иван Соколов.

С правом на степень магистра без
повторения, экзамена

5. Степан20. Иосиф, в мон. Иаков,
 Колеров. Вечерков.
 Василий Иван Либский.
 Оржевский.
 Иван Михаил, в мон. Макарий,
 Николаевский. Добряков.
 Иоаким Орлов.
 Яков Саульский.
 10. Илья, в мон.
 Иннокентий,
 Александров .
 Михаил
 Понизовский.
 Павел Соколов.
 Дмитрий Попов.
 Александр, в
 мон. Анастасий,
 Юпашевский.
 – кандидата:
 Семен
 Вознесенский.
 Алексей
 Кунинский.
 25. Феодор, в
 мон. Христофор,30 Петр Соловьев.
 Эмаусский.
 Павел Виктор Протопопов.
 Знаменский.
 Иосиф Нечаев. Андрей Понятовский.
 Галактион Алексей Рождественский.
 Косухин.
 Иван Григорович.
 Оставлены в
 звании студента:
 Василий Кедров.
 35. Петр38. Семен Максимович.
 Веселовский.
 Петр Трескин.
 Сергей
 Протопопов.

IV-го курса

Со степенью
 магистра:
 1. Петр, в мон. 5. Василий Попов 1-й.
 Павел, Марков.
 Андрей Спиридон Гуляев.
 Райковский.
 Степан Сабинин. Козьма Успенский.
 Яков Иван Эльманович.
 Крышинский.
 Петр Литвицкий.
 10. Иван Колоколов.
 Иван Силевич.
 Алексей Воинов.
 Федор, в мон. Феодосий, Птицын.
 Павел Бродянский.

– кандидата:

15. Иван Молчановский. с правом на степень магистра по окончании одного учебного года, без повторения испытания, ежели будут одобрены местным училищным начальством

Яков Кораблинов. Александр Кустов.

Матфей Воскресенский. Виктор Пуришкевич.

Василий Попов 2-й. Арсений Драницын.

Фома Зубовский.

Василий Омлянский. 25. Петр Зосимович.

Николай Преображенский.

Дмитрий Кононов.

Иеродиакон Матфей.

30. Василий Логиневский.

Игнатий Пахаревский.

Василий Рубановский.

Августин Комарницкий.

34. Гавриил Лукашевич.

V-го курса

Со степенью
магистра:

1. Андрей Красносельский. 15. Филипп Злотковский.

Аврамий Назоров. Яков Охотин.

Арсений Полубенский. Егор Вишневский.

Михаил Стеженский. Василий, в мон. Варлаам, Исполатов.

Николай Архангельский.

5. Ксенофонт Делекторский. 20. Николай Суворов.

Василий, в мон.

Виталий, Щепетев. Фодор, в мон. Феодотий, Озеров.

Василий Бажанов. Петр Козловский.

Иеродиакон Арсений Москвин. Борис Крестников.

Степан Левитский. Иосиф Самчевский.

10. Феодор Волченский. 25. Николай Тырыданов.

Николай Соколов.

Козьма Чередеев.

Иеродиакон Иосиф.

Феодор Аменицкий.

– кандидата:

Иером.

Мельхиседек 35. Иван Никотин.

Золотинский.

Ефим

Николай Полиевктов.

Воскресенский.

Михаил

Иван Вязнин.

Головщиков.

Семен

Никита Владимирский.

Каменский.

Иван Песков.

Степан Ефиров.

30. Семен, в мон.

41. Иван Соловский.

Савва, Ольхин.

Иван Рубцов.

Федор

Гиляровский.

Дмитрий

Глухарев.

Константин

Видякин.

VI-го курса

Старшие

кандидаты:

1. Дмитрий 20. Александр, в мон. Амвросий,

Вершинский. Красовский.

Иером. Исидор

Павел Соколов.

Никольский.

Иван Шангин.

Матфей Руднев.

Иеродиакон

Григорий, в мон. Гавриил,

Евгений

Амалиев.

Добротворский.

Михаил Верещагин.

5. Иеродиакон

Варсонофий

25. Василий Попов.

Лебедев.

Иван Сеницын.

Александр Вельяминов.

Андрей, в мон.

Афанасий,

Николай, в мон. Нил, Исакович.

Соколов.

Максим Лебедев.

Иван

Массальский.

10. Алексей, в

мон. Елпидифор, 28. Александр Пальмин.²⁶⁵

Бенедиктов.

Николай

Раевский.

Иван Смирнов.

Иван Ивановский.

Николай

Турчанинов.

15. Николай

Оржевский.

Иван

Сиротинский.

С правом на получение степени магистра,
по выслуге двух лет.

Семен, в мон.
Стефан,
Зелятров.
Яков Морошкин.
Феодор Троицкий.

– кандидата:

Алексей
Никольский. 45. Иван Пельгорский.

Матфей Смирнов.
Михаил Попов.
Алексей Максимов.
Александр Светлов.

30. Зиновий
Орлов. 50. Иван Розов.

Никандр
Ласточкин. Яков Василевский.

Петр Постников. Егор Четыркин.

Александр
Лавров.

Григорий, в мон.

Гавриил,
Любомудров.

35. Иван 53. Федор Соколовский.

Покровский.

Александр

Горянский.

Александр

Стратилатов.

Александр

Дроздов.

Алексей

Драницын.

40. Федор

Колосов.

Михаил

Дмитревский.

Алексей

Садовский.

Федор Дарский.

Яков Надеждин.

VII-го курса

Со степенью

магистра:

1. Иван, в мон. 10. Николай, в мон. Платон,
Иосиф, Городецкий.

Позднышев.

Иван Чупровский.

Михаил

Архидиаконский.

Дмитрий Соснин.

5. Нил Трунев. Иван Протопопов – Тверский.

Иеродиакон

Иван Соколов.

Никодим.

Стефан, в мон. Василий Березин.

Софония,

Сокольский.

С правом на получение степени магистра,
по выслуге двух лет с одобрением по

должности и представлением сочинений по дух. учености.

Иван Протопопов
– Могилевский. Андрей Михайлов.

Андрей, в мон.
Феогност,
Лебедев.

15. Лавр Соколов.
Михаил Сборовский.
Николай Ладинский.
Иван Аристов.
Алексей Заборовский.

– кандидата:

20. Василий Богословский.
35. Александр Бельский.
Филипп Лебедев. Ефим Пашеозерский.

Николай Семенов. Николай Высокоостровский.

Василий Серебровский. Иван Гуляев.

Алексей Яснев. Василий, в мон. Николай, Троицкий.

25. Иван Титов. 40. Иеродиакон Палладий
Городков.

Яков Алфеевский. Иеродиакон Анастасий
Протопопов.

Арефа Силуанов. Зиновий Архангельский.

Григорий Добротворский. Борис Волотский.

Семен Орлинский. Иеромонах Вениамин Колоколов.

30. Александр, в мон. Леонид, 45. Павел Никольский.

Зарецкий. Михаил Галицкий.

Иван Солнцев. Тимофей Иван Волков.

Паозерский.
Павел Цветков.
Иван Беляев.

– студента:

Александр Дроздов.

Павел Федоров.

50. Александр, в мон. Герман,
Нарцисов.

51. Иеродиакон Иеремия
Соловьев.

VIII-го курса

Со степенью
магистра:

1. Семен Красноцветов. 10. Никанор Новиков.

Федор Сидонский. Доримедонт Соколов.

Яков Алексей Никольский.

С правом на получение, через один год, степени кандидата, с одобрением по должности и поведению.

Предтеченский.

Михаил Басов.

5. Алексей Андрей Лазарев

Дроздов.

Иеромонах

Гедеон

Виноградов.

Константин, в мон. Порфирий,
Успенский.

Петр

Гальковский.

С правом на получение степени магистра,
по прошествии одного года, с одобрением
епархиального начальства.

Александр

Удальцов.

Николай

Ильдомский.

15. Дмитрий, в мон. Аввакум,
Честной.

Павел Солярский.

Василий Тихонравов.

– кандидата:

Василий

Смердынский.

Александр

Ласточкин.

20. Антон Нечаев. 25. Петр Смирнов.

Николай Кушин. Петр Солярский.

Никифор

Левитский.

Иеродиакон Герман.

Иван Орлинский. Матфей Соколовский.

Михаил Волков. Алексей Соболев.

30. Виктор Соколов.

IX-го курса

Со степенью

магистра:

1. Михаил

Богословский.

Дмитрий

Вознесенский.

Иеромонах

Анастасий

Любомудров.

Петр Копосов.

10. Арсений Скворцов.

Михаил Воскресенский.

Павел Орнатов.

Василий Троицкий.

Иеромонах Антоний Павлинский.

5. Гавриил

Михайлов.

Петр, в мон.

Климент,

Мажаров.

Петр Черепнин.

Андрей

Беневоленский.

Павел Тяжелов.

– кандидата:

Петр Руднев.

15. Иван Жемчужин.

Петр Лебедев.

Гавриил Розов.

Федор Рождественский.

25. Василий Волков.

Андрей Мысов.

Иван Чупров.

С правом на получение степени магистра
через год с одобрением епархиального
начальства

Игнатий Спасский.
Никита Горбачевский.
20. Михаил 30. Владимир Полянский.
Щеглов.
Василий Шишов. Иван Смирнов.
Андрей Иван Орлов.
Гостунский.
Андрей Петр Львов.
Виноградов.
Иван Репьев. Николай Скорбященский.
– студента:
35. Иван
Остроумов.

Х-го курса

Со степенью
магистра:

1. Иван 10. Григорий Дебольский.
Загорский.
Павел Никитский. Тимофей Добронравов.
Дмитрий Андрей Павловский.
Ростиславов.
Петр Боголюбов. Иеромонах Платон Троицкий.
5. Иеромонах
Флавиав Михаил Сикорский.
Остроумов.
Василий
Пчелинский.
Сергей Галахов.

Василий Орлов.

Иеромонах
Феофил
Надеждин.

15. Василий Попов.
Василий Сбоев.
Петр Покровский.
Федор Надеждин.
Иван Воскресенский.
20. Иван Виноградов.

– кандидата:

Иван Комаров. 35. Алексей Розанов.
Венедикт Павел Весин.
Преображенский.
Иван Николай Яблонский.
Архангельский.
Григорий Николай Пятницкий.
Смирягин. Иван Святков.

25. Петр 40. Дмитрий Максимов.
Успенский.
Филипп Алексей Марсов.
Сперанский.
Петр Федор Аделфинский.
Сильванский.
Степан Чамов. Александр Одинарев.

С правом на степень магистра через два года одобрительной службы в епархиальном и училищном ведомствах.

Василий, в мон.
 Виталий, Иван Осеченский.
 Вертоградов.
 30. Иеромонах
 Евангел 45. Владимир Владимиров.
 Благовещенский.
 Яков Заозерский. Александр Вихров.
 Иван Магпицкий.
 Петр
 Богословский.
 Михаил
 Раевский.
 С званием
 семинарского
 студента:
 47. Георгий
 Сахаров.

XI-го курса
 Со степенью
 магистра:
 1. Аполлос 15. Яков Пряников.
 Знаменский.
 Иеродиакон
 Иоасаф Евгений Попов.
 Покровский.
 Михаил, в мон. Иван Слиборский.
 Модест, Малков.

Александр
 Орлов. Иосиф Сердцев.

Николай Соловьев.
 5. Дмитрий, в
 мон. Даниил, 20. Тимофей Скворцев.
 Мусатов.
 Иван Крылов. Иеродиакон Евграф Веселовский.
 Евграф Матфей Розанов.
 Бенескриптов.
 Ксенофонт Владимир Морев.
 Никольский.
 Лев Александр Благовидов.
 Доброхвалов.
 10. Иеродиакон
 Павел Бобров.
 Василий
 Миловидов.
 Константин
 Боголюбов.
 Иеромонах
 Митрофан
 Добронадеждин.
 Иван Ильинский.
 – кандидата:
 25. Алексей 45. Михаил Никольский.
 Пономарев.

С правом на получение степени магистра по
 выслуге двух лет в дух. училищном
 ведомстве, без повторения устного
 испытания, но с представлением сочинений.

Харлампий	Петр Победоносцев.
Романский.	
Иван Орлов.	Павел Налимов.
Игнатий	Иван Троицкий.
Формаковский.	
Михаил	Николай Гостинопольский.
Лонгинов.	

30. Иван	50. Платон Иосселиан.
----------	-----------------------

Покровский.	
Ефим	Ефим Хорошкевич.
Измайлович.	
Иван	Ильдефонс Говорский.
Ростиславов.	

Алексей	
Лавровский.	
Иеродиакон	
Дезидерий	
Любомиров.	

35. Иван Попов.	53. Феликс Лукашевич.
-----------------	-----------------------

Александр	
Камчатов.	
Сергий	
Всесвятский.	
Дмитрий Волков.	
Федор Иовлев.	

40. Иосиф	
-----------	--

Голосницкий.	
Алексей Соколов.	

Дмитрий	
Арефьев.	
Василий Урусов.	

Александр	
Благовещенский.	

XII-го курса

Со	степенью
магистра:	

1. Кирилл	15. Андрей Петровский.
Крупский.	

Амвросий	Александр Кандидов.
Добротворский.	

Иван	Василий Лисицын.
Рождественский.	

Федор Надеждин.	Павел Савваитов.
	Иван Веселовский.

5. Василий	20. Прокопий, в мон. Александр,
Долоцкий.	Доброхотов.

Евграф	Иеромонах Иоанникий Горский.
Орнатский.	

Сергей	
Говорович.	

Иеромонах	
Амвросий	
Добровольский.	

Иван Кедров.	<u>Александр Сулоцкий.</u>
--------------	----------------------------

С правом на получение степени магистра по
выслуге двух лет, с одобрением по
должности и поведению и по представлению

сочинения, свидетельствующего об
умножении их познаний.

	Сергей Соколов. Иеромонах Соловьевский.	Феофил
10. Иосиф	25. Аким Сахаров.	
Горачко.		
Николай	Егор, в мон. Нил, Незнаев.	
Содальский.		
Арсений	Иеромонах	Аристион
Овсянкин.	Вознесенский.	
Иван		
Симеоновский.		
Иван Скроботов.		
– кандидата:		
Викентий	40. Адриан Колоколов.	
Маньковский.		
Яков	Феофил Молдинский.	
Верняковский.	Иван Знаменский.	
	Петр Воронов.	
	Матфей Сижинский.	
30. Максим	45. Александр Тихомиров.	
Шуловский.		
Василий	Яков Яхонтов.	
Фортунов.		
Иван	Дмитрий Успенский.	
Цынкаловский.		
Василий Громов.	Павел Троицкий.	
Николай Краснов.	Андрей Кушевич.	
35. Иеромонах		
Нифонт	50. Стефан Виноградов.	
Мерцалов.		
Алексей	Александр Новинский.	
Воскресенский.		
Павел	Яков Крашановский.	
Глищинский.		
Николай Марков.	Василий Тронин.	
Андрей Охотин.	Петр Шидловский.	
	55. Яков Новоселов.	
	XIII-го курса	
Со степенью		
магистра:		
1. Кирилл	10. Александр Щапов.	
Лучицкий.		
Егор	Иеромонах Поликарп Тугаринов.	
Амфитеатров.		
Михаил	Петр Разумовский.	
Семашко.		
Иван	Петр Языков.	
Полотебнов.	Сильвестр Воскресенский.	
5. Иван Рубцев.	15. Иван Архангельский.	

С правом на получение степени магистра по
выслуге двух лет, с одобрением по
должности и поведению и с представлением
вновь своих сочинений.

Александр Органов. Иван Антизитров. Иван Маренин. Семен Дубинский.	Иван Шероцкий. Василий Стефанович. Ираклий Лепоринский. <u>Василий Протопопов.</u> 20. Александр Головкин. Феофан Жураховский. Павел Голинковский. Михаил Стефанович. Евтихий Вознесенский 25. Иеромонах Иларион Вознесенский.
– кандидата: Александр Спасский. Иосиф Гашкевич. Алексей Хергозерский. Алексей Недешев.	35. Александр Золотов. Лука Корытов. Григорий Рарский. Федор Кладкевич. Ефим Михайлов.
30. Василий Богородицкий. Александр Князев. Василий Орлов. Иеродиакон Иннокентий Немиров. Михаил Вертоградов.	40. Никанор Резухин. Николай Ястребов. Виталий Попов. Александр Кохомский. Андрей Кулаковский. 45. Никодим Шостаковский. Иван Беляев. Алексей Надеждин. Иван Белев. XIV-го курса
Со степенью магистра:	Умерли до утверждения в ученых степенях.
1. Александр Мишин. Василий Рязанов. Николай Адиасевич. Антоний Голубев.	10. Василий Нектарьевский. Иван Юркевич. Иван Меншагин. Павел Жданов. Тимофей Костров.
5. Михаил Херсонский. Даниил Клюковский. Антоний Машкевич. Петр Марипчельский. Николай Алексинский.	15. Конон Волков. Арсений Успенский. Александр Соколов. Иван Лобовиков.

Кандидата:

Петр
Приклонский. 30. Павел Дашкевич.

Алексей Морев.
Никита Соколов.
Василий Чекалкин.
Федор Исадский.

20. Вениамин, в
мон. Антоний, 35. Василий Помяловский.
Николаевский.

Ефим
Богоявленский. Федор Гусев.

Александр
Любенский. Косьма Космин.

Павел Покоев. Иван Жемчужин.
Василий
Белинский. Семен Леонтьев.

25. Павел
Арсеньевский. 40. Иван Сретенский.

Яков Ильинский. Филипп Другов.

Константин
Кладкевич. Сергей Бажанов.

Филипп
Саульский. Петр Цитов.

Иларион Слаута. Никита Голубев.
45. Иван Успенский.
Петр Леваковский.
Карл Томковид.

XV-го курса
Со степенью
магистра:

1. Петр
Сперанский. 15. Василий Орнатский.

Иван Кушин. Илья Денисов.

Иван Базаров.
Василий
Чубинский. Иван Бронницкий.

Александр Долоцкий.
Михаил Парнасский.

5. Иван Смирнов. 20. Николай Парийский.

Матфей
Глаголев. Киприян Жукович.

С правом на получение степени магистра,
если представят вновь свои сочинения и
заслужат одобрение от начальства по
должности и поведению.

Сила Тапильский. Иван, в мон. Иоасаф, Пашин.

Иван Терсинский. Стефан, в мон. Серафим,
Ильинский.

Иван Яхонтов. Александр, в мон. Анатолий,
Делекторский.

10. Андрей, в
мон. Александр, 25. Юлиан Сакович.
Добрынин.

Антон
Шеметилло. Алексей Орлов.

Василий Князев. Иван Гиляровский.
Иван
Петр Евдокимов.

Александровский.
 Арсений Судаков. Александр Пашкевич.
 – кандидата:
 30. Дмитрий 45. Александр Кедров.
 Куницын.
 Михаил Петр Горизонтов.
 Святославский.
 Павел Невзоров. Павел Приклонский.
 Гавриил Лилеин. Василий Спирихин.
 Федор Николай Войцеховский.
 Юцковский.
 35. Павел 50. Алексей Святков.
 Сулковский.
 Иван Владимир Ласточкин.
 Преображенский.
 Максимилиан
 Свидерский.
 Арсений Попов.
 Стефан
 Добротворский.
 40. Александр 52. Феодосий Петровский.
 Рутов.
 Дмитрий
 Верещагин.
 Порфирий
 Малевич.
 Александр
 Сретенский.
 Константин, в
 мон. Сергей,
 Крылов.
 XVI-го курса
 Со степенью
 магистра:

1. Иосиф 20. Александр Романов.
 Васильев.

Иеромонах
 Герасим Николай Добров.
 Добросердов.
 Константин Василий Бережковский.
 Добронравин.
 Александр Иеромонах Рафаил.
 Кудрявцев. Ксенофонт Бронзов.

5. Петр 25. Павел Добряков.
 Бенедиктов.

Константин Василий Гиляровский.
 Квятковский.
 Иеродиакон Иоасаф Шеметилло.

С правом на получение степени магистра, без повторения устного испытания и без представления вновь сочинения, если прослужат два года по дух.-училищному ведомству.

С правом на получение степени магистра, если, по выслуге двух лет в дух. училищном ведомстве, с одобрением по должности и поведению, представят вновь свои сочинения, свидетельствующие об усовершенствовании их познаний.

Антоний Говоров.
 Петр Ганкевич. Василий Розен.
 Константин Иван Пестовский.
 Дьяков.
 10. Павел 30. Иван Поталицын.
 Охотин.
 Александр
 Никольский.
 Иван Богомолов.
 Михаил
 Морошкин.
 Тарасий
 Серединский.
 15. Василий
 Барсов.
 Филитер
 Павловский.
 Иван Черепнин.
 Федор Беляев.
 Иван
 Баландович.
 – кандидата:
 Александр 45. Александр Снежницкий.
 Ростиславов.
 Федор Николай Органов.
 Войтковский.
 Лев Гавриил Любимов.
 Суходольский.
 Иван Сергей Пушнов.
 Корженевский. Климент Чехович.
 35. Лев 50. Дмитрий Грибоедов.
 Митропольский.
 Иван Сперанский. Николай Шавров.
 Иван Орнатский. Афанасий Базарянинов.
 Феофил Иван Другов.
 Малеванский.
 Владимир Вячеслав Вишневский.
 Эмаусский.
 40. Василий 55. Михаил Фалютинский.
 Судакевич.
 Иван Катаев.
 Михаил
 Боголюбов.
 Иван Зверев.
 Владимир
 Гостунский.
 56. Федор Кустов.
 XVII-го курса
 Со степенью
 магистра:
 1. Евграф 10. Иван Приклонский.
 Ловягин.
 Моисей Голубев. Павел Алексеев.
 Иеромонах
 Кирилл Наумов. Василий Никитин.

Петр Никитский.	Михаил Розанов.
	Николай Бенедиктов.
5. Иеромонах	
Леонтий	15. <u>Василий Дружинин.</u>
Лебединский.	
Павел	Семен Рубцов.
Колоссовский.	
Константин	Садоф Ставровский.
Опатович.	
Василий	Василий Смарагдов.
Гречулевич.	
Николай	Аркадий Лашкевич.
Ростиславов.	20. Глеб Лебедев.
– кандидата:	
	С правом на получение степени
	магистра по выслуге в дух.-
Семен Ширский.	училищном ведомстве двух лет, с40. Яков Громов.
	одобрением по должности и
	поведению.
Григорий	Алексей Вельдемановский.
Писаревский.	
Василий Вердиш.	Платон Колежинский.
Василий	Фома Яцкевич.
Парвицкий.	Николай Афанасьев.
25. Александр	45. Мелитон Фомин.
Моригеровский.	
	Яков Чичкевич.
	Николай Бровкович.
	Василий Флеров.
	В тех же правах, если по выслуге
	двух лет в дух. ведомстве, с
	одобрением по должности и
Александр	поведению, представят вновьПетр Благовещенский.
Вишняков.	каждый свое сочинение,
	относящееся до духовной
	учености.
Павел	
Никольский.	
Александр	
Покровский.	
Михаил	
Конопасевич.	
30. Иеромонах	
Андрей	50. Маркион Еллинский.
Слановский	
Иером. Никодим	Николай Лонгинов.
Алешковский.	
	Даниил, в мон. Доримедонт,
	Левитский.
	Иосиф Шостаковский.
	Гавриил Крылов.
Иван Попов.	55. Африкан Быстроумов.
Михаил	
Смоленский.	

Иван Гратинский
 35. Иосиф
 Демьянович.
 Иван Шахов.
 Павел
 Шпилевский.
 Павел Розанов.
 Евгений Шуйский.
 XVIII-го курса
 Со степенью
 магистра:
 1. Иван Янышев. 10. Николай Тихвинский.
 Николай
 Сергиевский. Василий Добронравов.
 Алексей Строкин. Герасим, в мон. Гавриил, Кикодзе.
 Василий
 Княжинский. Федор Никонов.
 Иван Цвинев.
 5. Владимир
 Добронравин. 15. Василий Протопопов.
 Адриан
 Пуриевич. Николай Певницкий.
 Василий
 Войтковский. Василий Серафимов.
 Александр
 Булгаков. Иван Соловьев.
 Алексей Соколов. Захарий Образцов.
 20. Владимир Новаковский.
 Петр Победоносцев.
 – кандидата:
 С правом на получение степени
 Александра
 Рудаков. магистра по выслуге двух лет в
 духовно-училищном ведомстве, с40. Иероним Домский.
 одобрением по должности и
 поведению.
 Никандр
 Брянецев. Иван Скоков.
 Иван
 Любомудров. Александр Евенхов.
 Александр Поповицкий.
 Афанасий Щипунов.
 25. Андрей
 Логиновский. 45. Аристовул Стратонович.
 Алексей
 Щелкунов. Иван Благовещенский.
 Михаил Анненков.
 Семен Лобовиков.
 С правом на получение степени
 Андрея Жудро. магистра, если по выслуге двух
 лет в дух.-училищном ведомстве сКонстантин Хорошавин.
 одобрением, представят вновь
 свои сочинения.
 Петр Сулковский.
 Андрей
 Курганович.
 30. Евлампий50. Алексей Руднев.

Резухин.
Константин
Никольский. Николай Востоков.
 Дмитрий Борисоглебский.

Владимир
 Славинский.
 Никита
 Горизонтов.
 Иеродиакон
 Вонифатий
 Корсунский.
 35. Евдоким
 Крещенский.
 Иван Полисадов.
 Никандр Беяев.
 Константин
 Стефанович.
 Николай
Малиновский.

– студента:

Петр
 Веселовзоров.
 54. Василий Няга.
 XIX-го курса
 Со степенью
 магистра:

1. Иеромонах
 Никанор 20. Михаил Прорвич.
 Бровкович.
 Иларион
 Чистович. Константин Туберозов.
 Николай
 Делицын. Михаил Преображенский.

Иван Чельцов. Павел Ганкевич.

Арсений Двукраев.

5. Михаил 25. Владимир Ловягин.
Архангельский.

Петр
Преображенский. Павел Абрамович.

Дмитрий
 Флоринский. Ефим Голинский.

Иеромонах
 Иосиф Дроздов.
 Григорий
 Слобцов. Иван Заркевич.

Петр Светлов.

10. Иван 30. Иеродиакон
 Сладкопевцев. Маевский.

Платон
 Карашевич. Иван Рождественский.

Антон Шумович. Николай Чередеев.

Николай Наумов.
 Иеромонах

С правом на получение степени магистра,
 по выслуге двух лет в духовно-училищном
 ведомстве, с одобрением по должности и
 поведению.

СерапионС тем же правом, но с представлением
 вновь своего сочинения.

Герман Осецкий.
 15. Платон
 Травлинский.
 Степан
 Корольков.
 Афанасий
 Петров.
 Иван Афонский.
 Александр
 Крылов.
 – кандидата:
 Григорий Романовский. 45. Николай Смирнов.
 Даниил Захаревич. Матфей Григо.
 Иван Головин.
 Алексей Белоруссов.
 Владимир Чечель.
 35. Иван 50. Иван Богоявленский.
 Пигулевский.
 Афанасий Архангельский. Дмитрий Гумалик.
 Сергей Верещагин. Григорий Трихинский.
 Матвей Красовицкий. Николай Голинский.
 Василий Шафрановский. Николай Веселовзоров.
 40. Василий 55. Емельян Прокопович.
 Предтеченский.
 Алексей Романов. Михаил Алексеев-Месхиев.
 Лев Стаховский. Александр Махатадзе.
 Иван Лебединский. Зураб Одишелидзе.
 Петр Никольский.
 XX-го курса
 Со степенью
 магистра:
 1. Самуил 15. Николай Охотин.
 Михайловский.
 Никандр Глориантов. Николай Любомудров.
 Иеромонах Асигкрит Николай Попов.
 Верещагин. Иван Цветков 1-й.
 Вознесенский.
 5. Павел 20. Иван Орфинский.
 Лебедев.
 Иеромонах Викторин Павел Цветков.
 Любимов. Николай Иван Лаговский.
 Думитрашков. Иеромонах Павел Владимир Левитский.

Лебедев.
 Павел Матвеевский. Панагийот Ромботи.
 10. Иеромонах Феогност 25. Алексей Паппадаки.
 Лебедев.
 Иеромонах Анатолий Станкевич.
 Алексей Добрадин.
 Иван Виноградов.
 Иеромонах Иустин Охотин.
 – кандидата:
 Иван Флеров. С правом на степень магистра, по
 выслуге одного года в училищном ведомстве, с одобрением.
 Павел Конокотин.
 Петр Соколов.
 Алексей Светлов.
 Василий Георгиевский.
 Иван Баженов. 45. Михаил Страхов.
 Михаил Деplorанский. Михаил Смирнов.
 Александр Преображенский. С тем же правом, по выслуге двух лет, с одобрением. Иван Цветков 2-й.
 Иван Соболев.
 Александр Соколов.
 30. Иеромонах Исаакий 50. Иустин Цветков.
 Положенский.
 Иеромонах Полиевкт Филимон Церетелли.
 Пясковский. Захарий Давыдов.
 Стефан Григорович.
 Евгений Лопушинский.
 Иван Знаменский. 55. Клементий Обух.
 Михаил Желоменский. С теми же правами по выслуге двух лет и с подачей сочинения. Дмитрий Преображенский.
 Петр Сладкопевцев. Павел Кибардин.
 Николай Протопопов.
 Александр Красовский.
 Михаил Щерба.
 35. Кирилл 61. Семен Соловьев.
 Альбов.
 Александр Шкляев.
 Алексей Щипунов.
 Василий Руженцов.
 Павел Кремлев.

XXI-го курса
Со степенью
магистра:

1. Иеродиакон 15. Иван Толмачев.
Валериан Орлов.

Андрей Василий Серебренников.
Предтеченский.
Петр Шалфеев. Николай Георгиевский.

Дмитрий Игумен Варлаам Чернявский.
Тихомиров. Иеромонах Киприан Весновский.

5. Иеромонах
Диодор 20. Дмитрий Соколов.
Ильдомский.

Михаил Иеромонах Аркадий Филонов.
Коялович.

Александр Дмитрий Васильев.
Гумилевский.

Георгий Лоенид Петров.
Полесский.

Лев Лаврентий Гурнов.
Богдановский.

10. Михаил
Орлов.

Петр
Спонаровский.

Василий
Ключарев.

Иеродиакон
Афанасий

Плавский.
Федор

Павлинский.
– кандидата:

25. Иван 35. Иван Сергиев.
Преображенский.

Иеромонах
Мемнон Григорий Городков.

Вишневский.
Николай

Большой. Иван Германеску.
Василий

Смирницкий.
Александр

Студенецкий. Гавриил Басхаров.
30. Николай 39. Петр Романеску.

Соболев.
Виктор

Никольский.
Василий Аристов.

Глеб Кочетов.
Александр

С правом на получение степени магистра по
выслуге в духовно-училищной службе, с
одобрением двух лет.

С правом на получение степени магистра,
если по выслуге в духовно-училищном
ведомстве двух лет с одобрением,
представят вновь свои сочинения,
свидетельствующие об усовершенствовании
их познаний.

С правами студента семинарии.

Забелин.

Примечания

¹ - «И многие писцы изыскав», сказано о нем в летописи, «и книги многи исписав, и многи утвердя учением своим». Далее в той же летописи есть известие, что Моисей оставил после себя много сочинений – «много писание оставив». (Полн. Собр. Лет. т III, стр 182).

² - Акт. Ист. т. I, стр. 147–148

³ - Стоглав, гл.25.

⁴ - Истор. росс. иерар. ч. I, стр. 416

⁵ - Полн. Собр. Зак. т. VI. 3718. Еписк. дела: пункты 9, 10. срав. VI. 4126.

⁶ - Полн. Собр. Зак. Сен. ук. 17 окт. 1723 г.

⁷ - Полн. Собр. Зак. т. VI, 4021

⁸ - Там же

⁹ - До открытия Александроневской типографии в С.-Петербурге уже были две типографии – первая на Петербургской стороне, помещавшаяся сначала в частной квартире, потом в образцовых казенных мозаиках; другая, гравировальная и тушевальная, устроенная в 1714 г. Из первой в 1719 г. взят один стан для типографии сенатской, а славянские буквы в 1720 г. отданы в типографию Александроневского монастыря. (Историческ. опис. С.-Петербурга В. Рубана. СПб. 1779 г. стр. 106–107).

¹⁰ - Опыт росс. библиографии Сопикова, ч. I №1123–1128.

¹¹ - Там же, №1108, 1111, 1112.

¹² - Там же, №905.

¹³ - Там же, №1239. – М. Евгения Слов. русск. дух. писат. ч. I, стр 79–80.

¹⁴ - Kohl. Introd. in hist. et rem litterar. Slav. Сопик., Опыт росс. библиогр ч. I, пред. XCI и №716.

¹⁵ - Сопик. Библиограф, ч. I, №111 и 719.

¹⁶ - М. Евгения Слов. дух. пис. II, 229. – Сопик. Библиограф. ч. I, №111, стр. 50. Из двух изданий Нового Завета выпущено в продажу то издание, которое напечатано было с содержанием глав и изображениями евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна и апостолов Петра и Павла; на конце присоединена Псалтирь с умильными по каждой кафизме тропарями и молитвами.

¹⁷ - Сопик. Библиограф, ч. I, пред CXVI, истр. 50, – №19. Истор. иерарх. ч. II, 937.

¹⁸ - С половины XVII столетия учебной грамматикой в школах была Слав. грамматика Мелетия Смотрицкого. (О составе ее см. М. Евгения Словарь духовных писателей, ч. II, стр. 33, 39 и 53 и Сахарова Библиогр., вып. IV, № 501. В 1721 г. она выпущена была в Москве новым, четвертым, изданием с некоторыми изменениями против издания 1648 г. и разослана по всем архиерейским домам. (Полн. Собр. Зак. т. VI, № 7021). Но в 1722 г. ученики и преемники Лихудов в новгородской архиерейской школе, церковные служители Иподиакон Феодор Максимов с клеветы, собрали из этой зело пространной грамматики, которой конец и через многое время с весьма немалым трудом совершенным познанием достигается, сокращенную, которая с одобрения св. Синода и напечатана в Александроневском монастыре в 1723 г., общей ради в великороссийском народе пользы. Дела арх. св. Синода 1723 г. № 7.

¹⁹ - Дела архива св. Синода, 1722 г. №625.

²⁰ - Каталог греческих рукописей московской патриаршей, ныне синодальной библиотеки, составленный Сядой, в первый раз напечатан на латинском и русском языках в 1723 г. в Москве в 50 экземплярах. Барон Гюйсен (Liber Baro von Huysen) отправил, один его экземпляр, к профессору лейпцигского университета Менкеннию, у которого взял Капп, другой профессор того же университета и в 1724 г. перепечатал в Лейпциге под названием: Arcana bibliothecae Synodalis и пр. После он был вновь напечатан Шерером в издании его: Nordische Nebenstunden, Francfurt und Leipzig. 1796, № 13, Каталог этот не чужд значительных недостатков и ошибок. При сличении его с каталогом Фр. Маттея (Accurata codicum graecorum S. Synodi notitia et recensio. Lipsiae 1805, in-8) оказывается, что Сяда произвольно и ошибочно определял время написания многих рукописей, принимал поздние пометки за первоначальное обозначение времени написания кодексов, и сборники, составленные из статей различного содержания и разных авторов, приписывал какому-нибудь одному сочинителю, статьей которого начинался тот или другой

сборник (сравн. рукоп., означен. годами 1022, 1224, 1290, 1492, 1606 первой части Сядина каталога, с описанием тех же кодексов у Маттея, в 1-м отделении, под №№ CLXIII, стр. 94, XXXIII, стр. 48, CXIV стр. 67, CLIX, 88 CCXXXV, стр. 153. См. еще Слов. светск. пис. М. Евгения, ч. 2, стр. 168). Притом каталог Сяды есть словесный перечень кодексов с самым общим обозначением их содержания, напр. *Variorum contra Latinos* (стр. 53), *Rhetorica incerti* (стр. 59) и под. На славяно-росс. рукописях синодальной библиотеки Сяда также делал пометки, обозначая время написания их, но еще с меньшей удачей, нежели при описании греческих рукописей. Калайдович, имевший возможность поверить некоторые его показания, говорит, что Сяда, не руководствуясь никакими правилами, единственно наугад означал столетия, в коих рукописи были написаны (см. Калайдович. Иоанн экзарх, стр. 27 и примеч. 64). Но, несмотря на все эти недостатки, труд Сяды заслуживает внимания, потому что он первый привел в известность богатства, какими владеет моск. синодальная библиотека. Недостатки своего труда видел и сам Сяда и не старался скрыть их.

²¹ - Дела архива св. Синода 1722 г. №624; 1724 г. №316 и архива Александроневской лавры 1740 г. №3767.

²² - Дела архива св. Синода 1745 г. №181.

²³ - Замечательнейшие из них: 1) О (церковной) российской иерархии (*de Rossorum hierarchia*) в 5 книгах; 2) *Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae siriptis illustrarunt, Revaliae, 1736 an.*, и 3) Историческое зеркало Государей российских. 1) В первой части первого сочинения заключаются общие сведения о церковной русской иерархии, а в прочих—частные по всем епархиям. Сочинение это не напечатано сочинителем, но впоследствии все вошло в состав разных изданий. Рубан в своем издании Любопытного месяцеслова на 1776 год пользовался им для статьи о митрополитах Киевских; иером. Амвросий Орнатский, префект Новгородской семинарии—при составлении общей истории российской иерархии. 2) Во втором небольшом сочинении (38 страниц in-16) Селлий исчислил по алфавиту, кроме безымянных, 164 авторов, писавших что-нибудь о России. Сочинение это переведено на русский язык и в 1815 г., с присовокуплением жизни сочинителя напечатано в Москве под названием: «Каталог писателей, сочинениями своими объяснивших гражданскую и церковную российскую историю». 3) Историческое зеркало российских Государей от Рюрика до Императрицы Елизаветы Петровны — составлено в пособие при изучении русской истории. Селлий написал его латинскими стихами для облегчения памяти учащихся, а Гавриил Кременецкий и Амвросий Каменский, бывшие после него учителями Невской семинарии, перевели его на русский язык, также стихами и от имени семинарии посвятили Императрице Елизавете Петровне. Оно напечатано в Древней росс. вивлиофике 1-го изд. в I ч. и 2-го изд. в XVI ч.

²⁴ - По спискам Киевской академии 1727 года, А. Каменский значится учеником философии.

²⁵ - Дела архива Александроневской лавры 1740 г. №3767.

²⁶ - Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга, соч. Г. Богдановым, дополненное и изданное В. Рубаном. Спб. 1779 г. стр. 359–365.

²⁷ - Полн. Собр. Зак. т. XXII, №№16046 и 16061.

²⁸ - Духовн. реглам. О семинарии. Пункты 5 и 7 в Полн. Собр. Зак. т. VI, №3718.

²⁹ - Г. Бантыш-Каменский: Жизнь преосв. Амвросия, архиепископа Московского и Калужского. Москва 1813 г., стр. 7.

³⁰ - Дела архива св. Синода 1743 г. №313

³¹ - Прилож. №1.

³² - Дела архива св. Синода 1746 г. №299.

³³ - Слово при торжестве второго приема благородных девиц в Воспитательном Обществе, говоренное ректором архим. Исаиею. Спб. 1767 г. Слово при третьем выпуске из Сухопутного кадетского корпуса кадетов 3-го возраста, говоримое ректором архим. Антонием. Спб. 1787 г.

³⁴ - В. Рубан, Историч. опис. С. Петербурга, стр. 363.

³⁵ - До этого времени было два издания Четых-Миней: первое в 1705 г. в Киевопечерской лавре, второе — в 1711–1718 г. там же.

³⁶ - Полн. Собр. Зак. т. VI, №3653.

³⁷ - Этим указом повелевалось: «накрепко со всяким опасным смотрением самому того монастыря архимандриту достоверно новопечатаемые книги свидетельствовать, дабы в них

никакой против великороссийских книг, паче же в богословских речениях погрешности отнюдь не было.

³⁸ - Указ св. Синода Киевопечерскому архимандриту с братией 1741 г. 10 июля.

³⁹ - Арх. Иоасафу к 300 р. ректорского жалования прибавлено еще 200, а иеродиакону Никодиму положено 300 р. в год.

⁴⁰ - Хранятся в синодск. архиве.

⁴¹ - Составлено синодским переводчиком, надв. сов. Григорием Полетикою.

⁴² - Дела архива св. Синода 1740 г., №18.

⁴³ - См. Предисловие к первой книге Четых-Миней Киевского издания.

⁴⁴ - См. Предисловие ко второй кн. Чет.-Мин. Киевского издания.

⁴⁵ - Соборн. иером. Вениамин, бывший правителем Киевопечерской типографии, в донесении своему архимандриту, по поводу означенного указа св. Синода, упоминает между прочим о Патерике, писанном рукой самого Нестора: «о нем же слово носится, что в Супрасльском Зарубежном монастыре и ныне содержится».

⁴⁶ - Дела архива св. Синода, 1740 г., №18. — Экземпляр Патерика, с заметками исправителей, находится в библиотеке С.-Петербур. Дух. Академии под №1564.

⁴⁷ - Дела архива Александроневской лавры 1737 г., №3436.

⁴⁸ - В Словаре м. Евгения о бывших в России писателях духовного чина (ч. 2, стр. 201) показано, что Сильвестр произведен в сан архимандрита в 1757 году. Ошибка произошла от того, что Сильвестр в этом году представлен был к сану архимандрита, с настоятельством Высокопетровского монастыря и св. Синодом утвержден в этом назначении, но не был посвящен за болезнью. Вместо него в Высокопетровский монастырь переведен был Заиконоспасский архимандрит Иоасаф Хотунцевский.

⁴⁹ - Дела архива св. Синода, 1782 г., №82

⁵⁰ - Так-то не красна была, уже на первой поре, жизнь этого достойного мужа и пастыря Церкви русской: «В болезни моей», писал он в прошении на Высочайшее имя, «глаз так повредился и в такую темноту пришел, что не только писать или читать что свободно им не могу, но даже самых письменных характеров удобно распознать. И уже как в первое прийти ему состояние отнюдь не имею надежды, так весьма опасаясь, чтобы более учився и другого не лишиться, и, лишившись, ни к селу-ни к городу не быть негодным. Сверх сего и то не мало препятствует охотному учению, что пребывая нижайший в оной семинарии чрез 8 лет, ни одежды, ни обуви из монастыря, кроме единой рядовой пищи, не получаю; но все то прежде от отца моего имел, ныне же от матери,—хотя она и весьма уже к такому меня содержанию, за недостатком своим не способна ныне,—все то не без нужды имею».

⁵¹ - Формулярный список о службе его при делах архива С.-Петербургской дух. семинарии 1791 года.

⁵² - Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских, 1848 г., №7.

⁵³ - Дела архива св. Синода. 1774 г. №434

⁵⁴ - Сопиков, Опыт росс. библиографии ч.4, №9879.

⁵⁵ - Дела архива св. Синода, 1747 г., №239.

⁵⁶ - М. Евгений, Словарь русских свет. писат. 1845 г., ч.2, стр. 205.

⁵⁷ - М. Евгений Словарь светских писателей, ч. I, стр. 310.

⁵⁸ - Дела архива Александроневской лавры 1741 г. №3841 и 1745 г. №4996.

⁵⁹ - Дух. реглам. о домах училищных §§ 16 и 26.

⁶⁰ - Дела архива св. Синода 1747 г., №240.

⁶¹ - Дела бывшей Комиссии дух. училищ, переданных из архива св. Синода, 1770 г. авг., 13. Разряд. 1. №64.

⁶² - Указ св. Синода 1770 г. 3 сентября. Разряд. 1, №64.

⁶³ - Дела архива С.-Петерб. консистории 1748 г., №3270.

⁶⁴ - Дела архива св. Синода 1748 г., №227.

⁶⁵ - М. Евгений, Словарь светск. писат. ч. 2, стр. 136–157.—И. И. Греч Опыт истории русс. литер. 412–413.

⁶⁶ - Дела архива св. Синода 1762 г., №245.

⁶⁷ - Дела архива св. Синода, передан. в Ком. дух. уч., 1783 г. 20 октября, Разряд I, № 77.

⁶⁸ - Поли. Собр. Зак. т. XXII, № 16342.

⁶⁹ - Дела бывшей Ком. дух. училищ передан. из архива св. Синода. Разр. 1, № 83.

⁷⁰ - Высочайшие указы 6 и 26 мая 1765 г.

⁷¹ - Любопытен этот план, как первый проект Дух. Ак., в качестве высшего учебного заведения в нашем отечестве. Вот некоторые из него черты: 1) К преподаваемым в академии наукам: богословию, философии, поэзии, краткой географии и истории и языкам еврейскому, латинскому, греческому и французскому положено было присоединить первый части математики, экспериментальную физику, историю гражданскую и натуральную, краткое руководство к медицине и ботанике, нужнейшие правила экономии гражданской и сельской и немецкий язык; к церковной истории присовокупить руководство об учреждениях первенствующей церкви и о соборах. 2) Студентов в академию принимать из каждой епархии чрез 6 лет по три человека таких, которые бы в семинариях окончили преподаваемое в них учение и как по успехам, так и по добронравию достойны были этого училища. И как всех епархий в великой и малой России оказалось в то время тридцать три: то штат воспитанников, определен в девяносто девять человек. Из академии положено определять их в учителя тех семинарий, откуда будут присланы и на другие знатнейшие места, оставляя только тех, которые потребны будут для определения в учителя в той академии. Поскольку студенты, из епархии присылаемые не будут иметь домов: то как для жительства, а наиболее чтобы дать им порядочное воспитание и больше расположить к благонравию, содержать их в той академии на коште казенном, для чего на каждого студента полагается по 60 рублей. 3) Учителями определить обучавшихся в чужих краях; и как их не довольное число для всех наук: то на первый случай, пока не будет своих, дополнять этот недостаток посторонними людьми, которых определять с строгим экзаменом директору, равно ректору и префекта—из учителей способнейших, с ведома св. Синода. Надзирание непосредственное над ними, в рассуждении прилежания и хранения установленного порядка и успехов, зависеть имеет от ректора и префекта, которые ежемесячные должны подавать репорты директору. Учителей, произведенных из студентов той академии, из класса в класс, кроме необходимой нужды, не переводить и быть им при своих классах навсегда, и по крайней мере не меньше десяти лет, кроме совершенного изнеможения: это умножит их способность и успехи учеников. Из посторонних же не трактовать меньше, как на четыре года. 4) Экзамен должен быть каждый год дважды в присутствии ректора и прочих учителей; однажды же в год, в день открытия этой академии, в присутствии директора или кому он в случае отсутствия быть поручит, пригласив к тому любителей учения, где диспутами, чтением речей и другими опытами должны быть доказаны успехи студентов. Весьма нужно отличивших себя успехами отличать наградами, которые имеют состоять в книгах и инструментах, нужных для наук. 5) Директором академии быть ныне преосв. Платону, Московскому архиепископу, а впредь директором, определять Синоду. Должность его состоит в том, чтобы установленный с утверждения Синода порядок в учении, в содержании учеников, в вызове их из епархии и отправлении в оные и впрочем храним был свято. Если ж обстоятельства востребуют, что прибавить или переменить, отрешить или определить учителя; это все делать с ведома Синода; также о успехах учителей и учеников, о расходе суммы ежегодно подавать в Синод ведомости. 6) При академии положено быть 5 профессорам с высшими окладами жалованья (от 400 до 700 р.), 5 учителям с низшими (350–300) и одному проповеднику с жалованьем по 400 р. в год. Всей суммы на академию ассигновано в проекте 14,020 рублей, причем к ее прежнему окладу—4,500 р., прибавлено 9,520 рублей.

⁷² - Подробнее о нем см. Биографический словарь профессоров и преподавателей в Императорском Московском университете. Москва, 1855г., ч.2, стр. 476 – 478.

⁷³ - Прибавл. к Дух. Реглам. статья о монахах, § 1 и 2

⁷⁴ - В Полн. Собр. Закон., под этим числом, 1738 года.

⁷⁵ - Высоч. Импер. указы 1744 г. 15 июля и 1745 г. 4 июня.

⁷⁶ - Дела архива Александрон. лавры 1747 г., №5421.

⁷⁷ - Высоч. указ 1762 г. ноября 22.

⁷⁸ - Полн. Собр. Зак. т. XXII, №15966.

⁷⁹ - Здание семинарии находилось за нынешним Стеклянным заводом по Шлиссельбургскому тракту и представляло деревянный одноэтажный дом с двумя флигелями, соединенными под одной крышей. В архиве здешней лавры есть план этого дома. Длина каменного фундамента показана в 22 саж., главного корпуса 11 саж. и 1 арш., флигелей по сторонам его 13 саж. 1 арш., поперечник каждого флигеля 4 саж. 2 арш. Семинария помещалась в нем до 1775 года. Дела архива Александроневской лавры 1739 года, № 3632.

⁸⁰ - Полн. Собр. Зак. т. XXII, №16421.

⁸¹ - Там же, №16691.

⁸² - Полн. Собр. Зак. т. XXII, №16659, §2–10.

⁸³ - Дела архива св. Синода, 1788, №17.

⁸⁴ - Сравн. Полн. Собр. Зак. т. XXII, №16421, §88.

⁸⁵ - Поименуем и другие его сочинения и переводы, изданные впоследствии в разные времена: 1) Ода Императору Павлу, по случаю переименования Александроневской семинарии академией Спб. 1797 г.; 2) Опыт о воспитании в первых его понятиях и правилах, Спб. 1821 г.; 3) Благоговейное занятие мыслящих Христиан, соч. Цолликофера, перев. с немецкого, Спб. 1799 г.; 4) Ciceronis de officiis с русскими примечаниями и Евтропий 1808 –1811.

⁸⁶ - Москвитянин, 1842 г., №1.

⁸⁷ - См. биографию его в Современнике 1856 г., кн. III стр. 10

⁸⁸ - Дела архива С. Петерб. дух. сем. и м. Евгения Словарь дух. писат. ч. I, стр. 202–203.

⁸⁹ - «Из студентов как моей, так и других семинарий, больше всех успел как в математическом, так и в философском классе Владимирской семинарии семинарист Михайла Сперанский, который для математического класса в Невской семинарии весьма нужен и к пользе семинаристов владимирских послужит. Чего ради св. правительствующий Синод покорно прошу помянутого Михаилу Сперанскому оставить в С.-Петербургской епархии и семинарии». (Донесение м. Гавриила св. Синоду. Дела архива св. Синода. 1792 г., № 384.

⁹⁰ - В делах архива здешней семинарии (1796 г., № 6) сохраняется прошение М. М. Сперанского об увольнении его из духовного звания с резолюцией м. Гавриила: «В Александроневской вашего высокопреосвященства семинарии нахожусь я с 1789 г., где обучаясь и обучая разным предметам, определением вашего высокопреосвященства, апреля 8 дня 1795 года данным, поставлен я семинарии префектом, философии и физики учителем и доселе должность мою проходил с возможной ревностью и радением. «Ныне же нахожу я сообразнейшим со склонностями и счастьем моим вступить в статскую службу. Того ради» и проч. Резолюция: «проситель от семинарии увольняется, дать аттестат. – 20 дек. 1796 г.»

⁹¹ - Жизнеописание Анастасия, приложенное к Собранию его сочинений, ч. 4, стр. VIII. Москва 1807 г.

⁹² - Сопикова Опыт росс. библиографии, ч. 4. №№ 10594.–98.–99. 10600. – 602,603,607,608.

⁹³ - При делах архива С.-Петербургской духовной семинарии (1792 г., № 6) хранится письмо преосвящ. Амвросия Серебrenикова, архиепископа Екатеринославского, писанное по этому поводу к м. Гавриилу: «Писание вашего высокопреосвященства от 15 апреля получил первых числ мая в Яссах, но в такое время, когда российской почты уже там не было. Прибыв оттуда в Дубоссары 15 мая нашел то же. По этим причинам умедлил доныне ответствовать. И теперь пишу про случай, не зная точно, когда буду иметь оный: но когда буду, чтоб не упустить. Приношу благодарность мою покорнейшую за принятие племянника Мартынова, когда угоден он вашему высокопреосвященству, с охотой отдаю. Илличевского прошу покорнейше приказать ко мне отправить. Стефановского просил у меня Х. П. Книпер. Если ваше высокопреосвященство рассудит его отдать ему: то оставляю вашему изволению. Если ж не угодно будет, то и его вместе с Илличевским прошу приказать отправить». (Дубоссары, июня 11, 1792 г.).

⁹⁴ - «Дневник чиновника». С. П. Ж-ва 1806 г. в Отечествен. Запис. 1855г. ч. IV, стр. 417.

⁹⁵ - Полн. Собр. Зак. т. XXII, №16695.

⁹⁶ - В. Рубана Историческое описание С.-Петербурга (Спб. 1779 г.), стр. 361–364.

⁹⁷ - Полн. Собр. Зак. №18,273.

⁹⁸ - Полн. Собр. Зак. №18726

⁹⁹ - Полн. Собр. Зак. т. XXV, №18,726.

¹⁰⁰ - О применении метода народных училищ к духовным академиям и семинариям указ св. Синода 1785 г. декабря 27 дня.

¹⁰¹ - Ср. Высочайше утвержденный план преподавания в народных училищах Российской Империи в Полн. Собр. Зак. т. XXII, №16,421.

¹⁰² - Для удобнейшего обучения новейшим языкам, в особенности немецкому и приучения к языку разговорному, сами воспитанники изобрели домашний, практический способ. Вот как они описали его в представлении к преосв. м. Амвросию: «Всякую науку, неприспособленную к практике, понимать трудно: то употребление языка надобно начать практически: 1) научить произносить окружающие нас вещи; а чтобы легче запомнить названия оных, прилепить на каждую вещь карточку, напр. к кровати: Bett des Schulers NN и проч.; 2) но не всякая вещь случается в камере: то для этого сделать табличку и переменять на ней слова каждый день приспособительно к обстоятельствам. Напр., в воскресенье студенты ходят в город: то на это слово и прибрать приличные имена существительные, прилагательные, глаголы и проч.; 3) чтобы понудить запомнить хотя главное слово в этой таблице, напр. город: то назвать его патрулем, т. е. кто не знает его, тот не нашей партии; 4) нечувствительно прибавлять глаголы к именам и произносить целые пункты; 5) каждый имение свое должен написать на таком языке, которому обучается. Этот реестр должен содержать не одни названия вещей, но и описание оных.» М. Амвросий на представление об этом академического правления написал: «выдумка похвальна, способ благонадежен, да благословит Бог успехом. 1807 г. 26 сентября». Профессору Шпехту поручено было руководствовать воспитанников в разговорном немецком языке по этому способу. На греческом языке повелено было преосв. м. Амвросием совершать в некоторые праздничные дни богослужение в академической церкви.

¹⁰³ - Журн. Ком. дух. учил. 27 февр. 1813 г.

¹⁰⁴ - Указ св. Синода 1798 г.

¹⁰⁵ - Высочайший указ 17 июля 1802 г. и синодский исполнительный 24 июля того же года.

¹⁰⁶ - Высочайший рескрипт м. Амвросию 17 июля 1802 года.

¹⁰⁷ - Дела канцелярии Новгор. и С.-Петербург. митрополита, 1802 г. №195.

¹⁰⁸ - Дела канцелярии Новгор. и С.-Петербург. митрополита, 1802 г. №175.

¹⁰⁹ - Биография м. Евгения в 1-й части Словаря светск. рос. писат. стр. 15.

¹¹⁰ - Подлинная рецензия, с примечаниями Евгения, находится в библиотеке здешней Дух. Академии.

¹¹¹ - Высочайше утвержденный 29 марта 1797 г. доклад Сената, в Полн. Собр. Зак. №17,895.

¹¹² - Дела архива св. Синода 1796 г. №48.

¹¹³ - В то же время поручено было преосв. Анастасию, архиепископу Могилевскому, вызванному в С.-Петербург для присутствия в св. Синоде, написать план для преобразования дух. училищ, за который сочинитель удостоился получить панагию, осыпанную бриллиантами. План этот принят был во внимание Комитетом об усовершенствовании дух. училищ, Высочайше утвержденным в 1807 г.

¹¹⁴ - Для любопытства помещаем одно подробное стихотворение в прилож. №2.

¹¹⁵ - В 1856 г. издано полное собрание его проповедей с кратким описанием его жизни, деяний и заслуг Спб. 1856 г.

¹¹⁶ - Постановя, при выпуске студентов богословия, делать им испытание и потом уже именовать их кандидатами оного и усмотря, что не все студенты к оному испытанию приготавливаются, а некоторые, нося почетное имя это, не соответствуют оному поведением и успехами, пренебрегая даже нужное из лекций учить на память, за полезное признаю впредь и студентами именовать по усмотрению хороших в учении и поведении качеств и не иначе, как по представлению академического правления и моему утверждению, чтобы на таковом основании писать их (т. е. студентов) во всех ведомостях и актах и сообразно этому давать, при выпуске, аттестаты.» Определение преосв. митрополита Амвросия 1804 г. 26 июня.

¹¹⁷ - Благодарственную речь Суханова сообщаем в прилож. №3.

¹¹⁸ - См. напр. Библ. Сопикова ч. III, №№ 3661–3665; Снегирева биографию преосв. Евгения в Словаре светских писателей.

¹¹⁹ - Дела архива семинар. правл. г. 1803.

¹²⁰ - Приведем подлинные слова Высочайшего рескрипта Императрицы Марии Федоровны м. Амвросию, данного по этому случаю: «Почетный опекун князь Шаховской вручит вам это письмо, которого предмет есть следствие неоднократных ваших Мне угождений и неограниченного Моего к вам доверия. Наставники, через содействие вашего преосвященства, для состоящих под Моим начальством заведений, приобретенные, столь совершенно соответствуют Моему желанию и ожиданию, что, при замещении подобных должностей, не могу не обращаться к вам с Моей просьбой, в таких случаях с отличным усердием и тщанием донныне всегда выполняемой: и при открывшейся ныне в Воспитательном доме надзирательской вакансии, Я препоручила князю Шаховскому, просить вас Моим именем, оказать этому заведению благотворение выбором надежного надзирателя из семинаристов» и проч. В Павловске, июля 5 дня, 1809 г.

¹²¹ - Дела канцелярии Новгородского и С.-Петербургского митрополита, 1809 г. №468.

¹²² - Дела канцелярии Новгородского и С.-Петербургского митрополита, 1804 г. №327.

¹²³ - Полн. Собр. Зак. т. XXIII, стр. 59.

¹²⁴ - Ук. Спб. дух. консист. 22 ноября 1804 г.

¹²⁵ - Ук. св. Синода 16 марта 1807 г.

¹²⁶ - Полн. Собр. Зак. т. XXV, №18,726.

¹²⁷ - Примеч. 1-е. Архим. Израиль, наместник лавры, предоставил свое жалованье в распоряжение академии; а протоиерей Налимов, Дьяконов, Вигилянский и Кораллов были приходскими священниками и со времени определения к этим должностям преподавали науки в академии безмездно, получая только временно награды.

¹²⁸ - Из Речи ректора академии, архимандрита Филарета, в собрании Конференции при окончании 1-го курса С.-Петербургской Духовной Академии.

¹²⁹ - В начале минувшего столетия общая система просвещения в Европе основана была на учености. Но в середине этого столетия понятия о просвещении начали колебаться. Пример некоторых славных писателей, дух новизны и общее расположение умов к переменам заставили искать новых путей. Лестно казалось лености и самолюбию, без труда и изысканий, блистать легкой словесностью и, вместо того, чтобы углубляться в одной какой-либо части, обнимать поверхностно множество предметов. Умы основательные и твердые, отделясь от этой толпы, удалились в путь изысканий математических и физических. Таким образом поле учености мало по малу пустело. При этой перемене общего мнения, Англия и некоторые университеты немецкие одни удержали прежние их установления. Может быть действительно полезно было, при настоящем расширении просвещения, отсечь ветви, слишком устаревшие, отнимавшие слишком много времени и для образования общего народного смысла почти бесполезные. Но при всем том, кажется, неоспоримо, что если ученость не может быть предметом общего народного просвещения, то должно, однако же, оставить ей в каждом народе некоторое твердое пристанище; в каждом народе должны быть установления, ее покровительствующие и особенно ей занимающиеся. Таким образом изящные науки (*belles lettres*), подкрепляясь ученостью, будут основательнее, а ученость, украшаясь изящными науками, будет полезнее. Известно, что в Англии, в Германии и в прежней Франции, духовенство имело нарочитую степень учености. В Оксфордском университете и ныне еще знание древних языков составляет главнейший предмет. Греческий и латинский язык, не только в университетах, но и в низших училищах, приемлется и поныне основанием словесности. Для чего бы и в России духовенству не дать в особенный удел эту часть просвещения? Греческий язык особенно должен занимать, между прочими познаниями, важное место. Все призывает духовенство наше к этому познанию – и начало нашей Церкви, и разумение свящ. книг, невозможное почти без знания греческого языка, с которого они не переведены, но так сказать сняты, и собственный наш язык, образованный совершенно по греческому – все делает изучение этого языка, для духовных наших, не только полезным, но совершенно необходимым и даже предпочтительным перед изучением языка латинского. Можно быть уверенным, что от этого и вообще система народного просвещения получила бы более твердости и силы. Словесность наша, ныне пресмыкающаяся, так сказать, по следам французских, и других иностранных писателей, может быть получила бы от этого собственный свой характер. Красоты самого обильнейшего и прекраснейшего языка в свете перешли бы сами собой в наш язык, древним родством и всеми отношениями уже с ним сопряженный. Самая трудность ученых изысканий лучше бы раскрыла в наших писателях мыслящие их силы, цепенеющие теперь в одном непрерывном подражании. Изыскания эти привели бы их к самым

тем источникам, из которых образцы их почерпали свои богатства, и от них тогда бы зависело не подражать им, но с ними поравняться. (Введение к плану о поправлении духовных училищ в Журналах Комитета об усоверш. дух. училищ, за 1807 и 1808 гг.).

¹³⁰ - Внеся первую часть академического устава в собрание Комиссии, М. М. Сперанский словесно предложил ей, что «сколь ни приятно было бы ему исполнить ее поручение и составить остальные части академического устава, о управлении внешнем, которого действие относится к семинариям, академии подчиненным, и о управлении общим, которого целью есть распространение духовного просвещения во всем учебном округе, равно уставы семинарии и уездных и приходских училищ: но он, к прискорбию своему, находит себя вынужденным отказаться от совершения этого дела, по уважению многих и разнообразных занятий и обязанностей, на него возложенных. Поэтому Комиссия окончание акад. устава и составление уставов для упомянутых училищ предложила архиепископу Калужскому Феофилакту. (Журн. Ком. дух. уч. 1809 г. февр. 9. ст. 8.)

¹³¹ - Журн. Ком. дух. училищ 9 февр. 1809 г., ст. 8.

¹³² - Полн. Собр. Зак. 1814 г., №25,673.

¹³³ - Журнал Комитета, учрежденного для рассмотрения плана о усовершенствовании дух. училищ, 31 дек. 1807 г.

¹³⁴ - Исключительное право это дано уже было церквам Государем Императором Петром Великим и изображено в определении св. Синода от 1721 года февраля 28-го дня, следующего содержания: «Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея великия и малыя и белыя России Самодержец, указал по именному своему Великому Государю указу, учинить от святейшего правительствующего духовного Синода всенародное объявление, чтобы, при каждой церкви, един был для продажи свеч приставник, поскольку многие бывают при церквах продающие сие, с получением не церкви, но себе прибытка, который не иному кому, но церковному имению приобщаться должен.... а продающим не от лица церкви свечи, но себе только от этих церковных вещей прибытки получающим, учинить наказ, чтобы они впредь этих свеч не продавали и в купечестве своем не содержали.» Но впоследствии времени, от некоторых разнообразных постановлений св. Синода, и в особенности от позволения крестьянам 4-ю статьей 10-й главы Таможенного Устава 1755 года, торговать мелочными товарами, в число которых включены и восковые свечи, пред образа ставимые, – сила вышеизъясненного указа изменилась и от хранилищ церковных отвращен был обильнейший источник их доходов. (Журн. Комитета, учрежденного для усовершенствования дух. училищ 6 февр. 1808 г., ст. 1). После образования Комиссии духовных училищ, 21 июля 1808 г., одной из первых ее забот было распоряжение лучшего устройства исключительного права продажи церковных свеч. Из двух проектов этого устройства, предложенных членами Комиссии, епископом Феофилактом, м. Амвросием и статс-секретарем М. М. Сперанским, первый – преосв. Феофилакту – имел своим основанием поставку и заключал следующие предположения: 1) повсеместное запрещение продажи церковных свеч в частные руки; 2) вызов желающих принять на себя поставку для целой епархии или некоторого числа ее уездов по контрактам на определенные сроки, и 3) соображения о назначении мест для этой поставки. Второй – м. Амвросия, его же преосв. Калужского и М.М.Сперанского – заключал в себе следующие постановления: 1) дозволить гуртовую продажу (весом, а не счетом) церковных свеч: а) при церквах, но единственно для употребления в других церквах; б) фабриках; в) в тех лавках, где единственно торгуют воском, и разными восковыми свечами; г) на городских и сельских ярмарках; 2) продажу церковных свеч в розницу и счетом предоставить единственно в пользу церкви, и притом она должна быть производима не иначе, как при церквах. Последний из этих проектов Комиссия признала удобным к приведению в действие, нежели постановления о поставке, и испросила на оный Высочайшее утверждение Государя Императора. (Журн. Комм. дух. уч. 11 авг. 1808 г., ст. 3).

¹³⁵ - Журн. упражнений Комитета, 6 февр. 1808 г.

¹³⁶ - Донесение м. Амвросия св. Синоду, от 29 июля 1808 г., за № 141. (Дела канцелярии Новгородского и С.-Петербургского митрополита, 1808 года, №428).

¹³⁷ - Прилож. №4.

¹³⁸ - Журн. Комм. дух. учил., 26 янв. 1809 г., ст.18

¹³⁹ - Журн. Комм. дух. учил. 27 августа и 27 октября 1808 г.

¹⁴⁰ - Журн. Ком. дух. учил. 22 дек. 1808 г., отдел. 3, ст.8.

¹⁴¹ - Преосвященный Платон, митрополит Московский, с неохотой отпускал от себя двух из названных учителей – Дроздова и Платонова, в особенности первого, и отправляя их в Санкт-Петербург, в донесении св. Синоду от 28 декабря 1808 г., просил возвратить их ему, определив на прежние места: «как они учителя, Дроздов и Платонов, изъявили свое нежелание отправиться в Петербург, и остаться по прежнему при Троицкой семинарии, каковое нежелание изъявляли пролитием слез: то я, особенно о иеродиаконе Филарете, усердно прошу св. правительствующий Синод, обратить его паки в Троицкую семинарию, где он, как сходственно с его желанием, может лучший успех оказать для общей пользы; и как я об нем особенное прилагал, в рассуждении его воспитания, отеческое старание: то сие много послужит к утешению моей старости; а его единого отбытие удобно может вознаграждено быть из других училищ». Но Промысл –судил иначе.

¹⁴² - Журн. Ком. дух. училищ. 1 дек. 1808 г.

¹⁴³ - Журн. Ком. дух. учил. 23 февр. 1809 г. ст. 15.

¹⁴⁴ - Журн. Ком. дух. учил. 23 февр. и 10 августа 1809 г. ст. 9.

¹⁴⁵ - Журн. Ком. дух. учил. 26 июня 1809 г.

¹⁴⁶ - Проект устава дух. академий §§ 124–129.

¹⁴⁷ - Там же § 122-с.

¹⁴⁸ - См. также Всеобщие учен. ведомости, 1810 г. 8 февр. №38-й и 27 и 28 февр. №№ 57-й и 58-й, где разбираются сочинения: Терезия или таинство жизни и любви, Бреславль 1807 г. и Алонзо, 1808 г.

¹⁴⁹ - Дела бывшей Комм. дух. учил. 1808 г., №10.

¹⁵⁰ - Высоч. именн. ук. тайн. советн. Сперанскому 22 июня 1810 г.

¹⁵¹ - Дела академ. арх. 1814 г. №20.

¹⁵² - Журн. Ком. дух. училищ 5 августа 1814 г. ст. 6. Впрочем Комиссия обратилась к этим руководствам только по неимению лучших.

¹⁵³ - «Praecipue secta phanatica eorum», писал Фон-Хорн в своем конспекте, qui systema Kantii sequuntur, postquam risui pariter ac contemptui exposita et argumentis invictis refutata fuit in Germania a viris doctis, et postquam principes Germaniae eam fere exstirparunt, efflorescere rursus incipit et vero initarescere in Ruthenia.»

¹⁵⁴ - Проект устава дух. академий, §§ 131–138.

¹⁵⁵ - Помощник его, иеромонах и потом архимандрит Леонид, преподававший эстетику под его руководством, держал свой порядок уроков, который и представляется здесь, как дополнение к программе профессора: Введение ко всеобщей теории изящного, где изъясняются различные положения касательно понятия о прекрасном; излагается постоянная точка для начал исследований об этом; эстетика отделяется от собственной философии; определение эстетики. План теории, где открывается ход разных эстетиков в изложении правил вкуса, – соединение изящного в природе с изящным в искусствах: назначение точнейшего плана для эстетического расположения. Первое отделение. I. Раздробление первоначальной потребности человеческого духа интересоваться чем-либо. Эстетический интерес троякий: физический, умственный и нравственный. Различие между интересом свободным и несвободным, теоретическим и практическим. II. Доказательства эстетического чувства. Оно отлично от вкуса. Мнения различных писателей о вкусе. Точка, с которой начинается чувство прекрасного, III. Определение прекрасного в отдаленнейшем смысле. Зависимость одного от законов естественного и разумного. Нарушение этих законов означает положительное безвкусие. Определение прекрасного в природе вообще. Всеобщая формула прекрасного невозможна и бесполезна для эстетики. IV. Отношение прекрасного к интересному. Об отвратительном и об эстетическом цинизме. V. Отношение чувства прекрасного к фантазии. VI. Различные между правильной и неправильной красотой. Умозрительная правильность не есть признак красоты; интересного не должно смешивать с неправильной красотой. VII. Правильная красота зависит от прекрасной формы, в соединении с полным выражением. Определение эстетической формы, выражения и пр. VIII. Прекрасная форма составляется из приятных эстетических, соразмерностей. Однако красота есть нечто высшее, нежели приятное. Различное знаменование приятного. Оно – отрицательное условие красоты. IX. Понятие о грации. Она только чувствуется. Грация древних Греков общежительная, искусственная (артистическая), чувственная,

нравственная, важная, шутливая. Красота – не то же, что грация и не всегда имеет в ней нужду. X. О красоте естественной и идеальной. Второе отделение. Введение. Взгляд на первоначальные изменения прекрасного: 1) о достоинстве эстетической формы вообще; 2) об изящности оптических форм и об эстетическом достоинстве цветов; 3) об изяществе форм пластических; 4) форм акустических; 5) об эстетической форме мыслей и характеров. Отделение третье. О высоком. 1) О высоком вообще; 2) различие высокого от потрясающего, страшного и ужасного; 3) высокое относительно пространства, меры и числа; 4) высокое в силах физических; 5) в нравственных склонностях; 6) в словесных творениях; 7) соединение с высоким удивительного, величественного, святого и благородного. Отделение четвертое. О комическом. 1) О комическом вообще; 2) особенное свойство красоты комической; 3) о низко-комическом (бурлеск); 4) о беспритворном и простосердечном (naïf); 5) о юмористическом; 6) свойство карикатуры. Практическая эстетика. 1) Начала красоты артистической, относительно ко всем изящным искусствам. 2) Происхождение и постепенные успехи поэзии. Отделение I. Характеристика поэзии. а) Понятие о поэзии; б) отделение ее от риторики или собственно красноречия; в) отношение пиитического к прекрасному вообще; г) о пиитическом языке; д) свойство пиитических фигур в сравнении с риторическим; е) об эстетическом достоинстве стоп и рифм и о стихосложении. Отделение II. Эстетическое разделение родов стихотворений на первоначальные формы. 1) Всеобщие начала поэзии лирической; 2) границы лирического восторга; 3) обозрение собственно лирических творений, известных под именем од; 4) разбор второстепенных лирических произведений; 5) романсов, кантат, сонет, элегий, героид и др. Отделение III. О дидактической поэзии. 1) Начала общие всем дидактическим произведениям; 2) собственно дидактическая поэма со всеми ее видами; 3) общие и частные ее правила; 4) дидактические сатиры и эпистолы. Отделение IV. О поэзии эпической. 1) Отличие пиитического повествования от сказки; 2) пределы повествования между поэзией и прозой; 3) о собственной эпосе и ее величии; 4) о единстве эпического действия и прочих его принадлежностях; 5) о характерах эпических, о чудесном и о слоге эпоса. Отделение V. О поэзии драматической. 1) Драматическая поэзия и театральное искусство; 2) начало драматического представления и связь его с лирическим; 3) нужно ли для нынешней драмы восстановление греческого хора? 4) об опере и ее изменениях; 5) всеобщие начала трагедии; 6) о трех единствах трагического действия; 7) характеры, свойственные трагедии; 8) о комедии и характерах, ей приличных. Отделение VI. 1) О пастушеской поэзии; 2) описательной поэзии; 3) сущность эпиграммы; 4) притчи и басни; 5) начало и цель романа. Прозаическая словесность. Вступление. Краткая история красноречия от его появления до наших времен. Греческое и особенно афинское красноречие. Ораторы от Пизистрата до реторов или софистов; от Иппократа до Демосфена и до упадка греческой словесности. Римское витийство от начала республики до Цицерона. Появление в Риме декламаторской школы. Об ораторских наставлениях, дошедших до нас от греков и римлян. Начало христианского витийства. Отцы западные и восточные; красноречие веков средних. Витийство после восстановления наук; итальянское, английское, французское, германское и российское. Отделение I. О слоге ораторском: а) черты слога пространного и краткого; б) о слоге сильном, слабом и сухом; в) чистом, приятном и изящном; г) правила слога простого; д) слог принужденный, быстрый и отрывистый. Отделение II. О различных родах красноречия. 1) Общие свойства красноречия; 2) о красноречии, употребительном при народных собраниях; 3) о красноречии судебном; 4) особенное свойство красноречия церковного; 5) о словах похвальных; 6) надгробных. Отделение III. О частях, составляющих речь ораторскую: 1) правила вступления; 2) о предложении, разделении и изъяснении; 3) часть доказывающая; 4) часть трогающая и заключение; 5) правила произношения и действия. Отделение IV. О различных изменениях прозаической словесности. 1) О сочинениях исторических; 2) о летописях и жизнеописаниях; 3) о слоге ученом и академическом; 4) о слоге письменном; 5) о языке разговорном; 6) о средствах к приобретению совершенства в красноречии. Заключение. Сравнение древних и новейших писателей. Примечание. Комиссией дух. училищ (Жур. 5 нояб. 1812 г., ст. 9; поручено было исправляющему должность профессора словесных наук, архим. Леониду, составить учебник по этому конспекту для академий и семинарий; но, за смертью профессора, этот труд не состоялся.

¹⁵⁶ - Журн. Комм. дух. учил. 1811 г. окт. 18, ст. 16.

¹⁵⁷ - Журн. Ком. дух. учил. 5 окт. 1809 г., ст. 23.

- 158 - Журн. Ком. дух. учил. 9 февр. 1809 г., ст. 11.
- 159 - Полн. Собр. Зак. т. XXX, № 23,122. Устав Комиссии дух. училищ.
- 160 - Дела арх. здешней академии 1814 года, №20.
- 161 - Донесение Акад. правл. м. Амвросию 2 окт. 1814 г.
- 162 - Журн. Ком. дух. учил. 11 октября 1813 года.
- 163 - Профессор Фесслер, которого мнение также принято было Комиссией духовных училищ в уважение, представил по этому поводу следующие наблюдения: «Я не думаю, чтобы университеты и академии были учреждены на тот конец, чтобы юноши, туда записанные, еще не приобывшие к трудным занятиям ума, наипаче от слушанья публичных уроков, выходили учеными; но я полагаю, что уроки преподаются с тем единственно намерением, чтобы принимающие их усматривали только путь к твердому учению и учености, и чтобы отсюда почерпали они материю для собственных своих размышлений... Мне неизвестно, что в немецких университетах часто случается, что юноши, когда жалеют издержек на свое содержание или когда предполагают ранее вступить в исправление публичных должностей, в течение двух, а много трех лет, учатся разом у тридцати профессоров и для того по десяти часов в день сидят в школах; но я не хочу умолчать, что не многих доселе находил там мужей основательно ученых, которые бы приписывали академическим упражнениям высшую степень учености, на которую впоследствии времени взошли с великим трудом, и которые бы не заявили потерянным все то время, которое употребили они на слушанье множества разных лекций, по причине отнятия у них досуга к размышлению.»
- 164 - Жур. Комм. дух. училищ 9 августа 1810 года, ст. 24.
- 165 - Жур. Комм. дух. училищ 1809 года октября 5 дня, ст. 34.
- 166 - Журн. Ком. дух. учил. 11 октября 1813 года.
- 167 - Журн. Ком. дух. учил. 18 января 1813 года, ст. 22.
- 168 - Журн. Ком. дух. учил. 5 августа 1813 года ст. 12.
- 169 - Журнал первого собрания Конференции Санкт-Петербургской Духовной Академии. Спб.
- 1814.
- 170 - Дела арх. св. Синода 1814 г. №671.
- 171 - Дела канцелярии Новгор. и С.-Петерб. митрополита. 1814 г. №722.
- 172 - Журн. Ком. дух. учил. 28 апр. 1814 г.
- 173 - Журн. Комм. дух. учил. 1811 г. 23 сент. ст. 14 и 3 дек. 1814 г. ст. 6.
- 174 - Журн. Комм. дух. учил. 22 июля 1809 г.
- 175 - Журн. Комм. дух. учил. 1811 г. 25 октября, ст. 9.
- 176 - Журн. Комм. дух. учил. 20 марта 1812 г.
- 177 - Журн. Комм. дух. учил. 1811 г. 29 ноября, ст. 48 и 1913 г. окт.11, ст. 19.
- 178 - Впоследствии был ректором Казанской дух. академии и законоучителем в Императорском Казанском университете.
- 179 - Журн. Комм. дух. учил. 23 февр. 1809 года, ст. 9.
- 180 - Журн. Комм. дух. учил. 12 янв. 1810 года, отд. IV, ст. 16.
- 181 - Профессорами этого класса постоянно были ректоры академии, а здесь поименованы только бывшие при них бакалавры.
- 182 - Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerschaft, v. Fessler. Breslau 1824.
- 183 - Журн. Комм. дух. учил. 18 октября 1811 года.
- 184 - Краткая биография его и перечень сочинений в Словаре светских русск. писателей м. Евгения, Ч. 1, стр. 155 М. 1845.
- 185 - Воспомин. об академике Фр. Грефе – Письмо президен. Имп. Акад. Наук, гр. С. С. Уварова, помещенное в Уч. Записках Имп. Ак. Н. т. I, стр. 4650.
- 186 - Указ св. Синода 15 июня 1814 г.
- 187 - Указ св. Синода от 28 октября 1814 г.
- 188 - Журн. Ком. дух. учил. 5 янв. 1815 г., ст. 2.
- 189 - Полн. Собр. Зак. т. XXX, № 23,122.
- 190 - Журн. Ком. дух. учил. 28 апр. 1814 г.

- 191 - На прочие академии ассигновано по 55,800 р. в год. На С.-Петербургскую прибавлено, сверх того, 11,200 р. по причине высоких цен и трудности содержания в С.-Петербурге.
- 192 - Полн. Собр. Зак. том. XLIII. Книга штатов, стр. 76 – 77.
- 193 - Журн. Ком. дух. учил. 26 янв. 1819 года, ст. 15.
- 194 - В определении Комиссии дух. училищ от 22 июня 1809 года сказано: «Комиссия, удовлетворяя достохвальному желанию преосв. Феофилакта, архиеп. Рязанского, жалованья ему не полагает.»
- 195 - Журн. Ком. дух. учил. 28 апр. 1814 г.
- 196 - Журн. Ком. дух. учил. 28 апреля 1814 года.
- 197 - Журн. Ком. дух. учил. 1814 г. апр. 28.
- 198 - Журн. Ком. дух. учил. 1814 г. апр. 28.
- 199 - Извлеч. из отчета г. обер-прокур. св. Синода, за 1851 г., стр. 68.
- 200 - Извлеч. из отчета г. обер-прокур. св. Синода, за 1838 г., стр. 56.
- 201 - Указ св. Синода от 24 февраля и 16 марта 1848 г.
- 202 - Предпис. Ком. дух. учил. 31 янв. 1819 г., № 796.
- 203 - Извлеч. из Отчета г. обер-прокур. св. Синода за 1838 г., стр. 52.
- 204 - Перевод канонів пасхального и на Преображение Господне, сделан – И. Д. Колоколовым; остальных всех – М. И. Богословским.
- 205 - Известия И. А. Н. по Отдел. русск. языка и слов. т. II, л. 10 и 11.
- 206 - Историч. чтения о языке и словесности, в засед. II Отдел. И. А. Н. 1853–1855 гг. стр. 154.
- 207 - В Историч. чтениях, стр. 232.
- 208 - Известия, т. V, стр. 129–167.
- 209 - Ученые записки 2-го Отд. И. А. Н. кн. 2, выпуск 2. стр. 193–224.
- 210 - Шесть – в особом издании Сочинений Платона (перев. с греч. ч.1 и 2. Спб. 1841) и седьмой, именно Федон в IV т. Пропилеев, издав. проф. Леонтьевым.
- 211 - Девятый отчет Комитета росс. библи. общества за 1821 г. стр. 41–42, и Прибавл. к нему стр. 25. Спб. 1822 г.
- 212 - Извлеч. из отчета г. обер-прокур. св. Синода за 1847 г. стр., 56.
- 213 - Извлеч. из отчета г. обер-прокур. св. Синода, за 1839 г., стр. 51–52.
- 214 - Извлеч. из отчета г. обер-прокур. св. Синода, за 1839 г., стр. 81.
- 215 - Извлеч. – за 1840 г. стр. 68.
- 216 - Извлеч. – за 1843 г., стр. 62.
- 217 - Извлеч. – за 1850 г., стр. 71, и за 1851, стр. 70–71.
- 218 - Журн. Ком. дух. учил. 23 апр. 1814 г.
- 219 - О трудах архим. Филарета: Историко-статистич. обозрение С.-Петербургского учебного округа, сост. А. Вороновым. ч. 1 стр. 131 и 148.
- 220 - Извлеч. из отчета г. обер-прокур. св. Синода за 1847 г., стр. 28.
- 221 - Историко-статистич. обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебн. округа, сост. А. Вороновым. Спб. 1854 г., ч. 2, стр. 147.
- 222 - При пересмотре и изменении штатов в 1836 г. оклады на содержание студентов, на библиотеку, классические книги и кабинеты, на журналы и период. сочинения, на проезд ревизоров и канцелярские расходы – оставлены в прежнем положении, впредь до усмотрения, по штату 1820 года.
- 223 -
- 224 - Предпис. Комиссии дух. училищ 7 авг. 1819 г. №669.
- 225 - Извлеч. из Отчета г. обер-прокур. св. Синода за 1839 г., стр. 73.
- 226 - Извлеч. из Отчета г. обер-прокур. св. Синода за 1836 г., стр. 55–56.
- 227 - Журн. собр. Конференции 9 авг. 1819 г. Спб. 1819 г.
- 228 - В Христианском чтении помещены: речь его при последнем священнослужении, перед отъездом в С.-Петербург, июля 14, 1840 г. (1841 г. кн. 5); Слово, произнесенное на его

погребении, архим. Николаем (в той же кн.), и Речь, сказанная, перед выносом тела его, свящ. А. И. Окуновым (1841 г. кн. 6).

²²⁹ - Известия Академии Наук, по отделению русского языка и словесности, т. III. стр. 225–234.

²³⁰ - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1844 г., стр. 54.

²³¹ - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1850 г., стр. 46.

²³² - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1850 г., стр. 56–57.

²³³ - Труды Императорской Росс. Академии, ч. I, стр. 77. Спб. 1840 г.

²³⁴ - История росс. иерарх. Москва 1850 г. ч. II. стр. 441. О начале греко-росс. церквей в Китае и заведений Пекинского монастыря.

²³⁵ - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1849 г., стр. 38.

²³⁶ - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1849 г., стр. 38.

²³⁷ - Здесь поименованы только те члены, которые состоят или состояли в этом звании по особенному избранию Конференции; но не поименованы ректоры и профессора академии, которые все, по своему званию, суть члены Конференции.

²³⁸ - Комиссия дух. училищ, утвердив представление академической Конференции об избрании преосв. Филарета в почетные члены, оставила его и действительным членом Конференции, по уважению отличных заслуг, оказанных им по ученой части.

²³⁹ - Именно: 1) Авраам и его потомки (1829 г. ч. XXV); 2) Пророчества: об Измаиле (1899 г. ч. XXXIII); 3) – об Иакове и Исаве (1829 г. ч. XXXVI); 4) – Иакова, касающиеся его сынов и, в особенности, Иуды (1830 г. ч. XXXIX); 5) – Валаама (1830 г. ч. XL); 6) – Моисея об Иудеях (1831 г. ч. XLI); 7) – Моисея о Пророке, подобном ему (1831 г. ч. XLII); 8) Ветхозаветные пророчества, касающиеся нынешнего состояния иудеев (1831 г. ч. XLII); 9) Исторический взгляд на ветхозаветные пророчества о Ниневии (1832 г. ч. XLVI); 10) Взгляд на пророчество о падении Вавилона (1832 г. ч. XLIII); 11) Историческое рассмотрение ветхозаветных пророчеств о Тире (1833 г. ч. I); 12) О состоянии иудеев в плену Вавилонском (1839 г. ч. III); 13) Изъяснение пророчества Ноева о судьбе потомства его (1839 г. ч. I); 14) Изъяснение пророчеств о Египте и подтверждение их историческими событиями (1840 г. ч. III) и 15) О пророчествах, относящихся к Моавитянам и Аммонитянам (1841 г. ч. I).

²⁴⁰ - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1837 г., стр. 54–60.

²⁴¹ - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1839 г., стр. 75.

²⁴² - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1843 г., стр. 71–72.

²⁴³ - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1845 г., стр. 70.

²⁴⁴ - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1851 г., стр. 67.

²⁴⁵ - Присвоение ученых степеней студентам академии, окончившим курс учения в 1825 году, последовало на особых основаниях, изъясненных в предложении Комиссии дух. училищ академической Конференции от 17 дек. 1825 г. за № 1692. Определение Комиссии состояло в следующем: 1) Студентам, предназначенным академической Конференцией к званию магистров и старших кандидатов, и определенным к училищным должностям, присвоить, на первый раз, звание кандидатов, с правом получить через два года магистерскую степень, если заслужат одобрение от местного начальства, за усердное прохождение должностей и доброе поведение и с произвождением им оклада, присвоенного степени кандидата. 2) Студентов, предназначенных к степени кандидатов и также получивших наставнические места, утвердить в оной на основании устава, с назначением того же оклада.

²⁴⁶ - Журн. Конфер. 12 июля 1821 года.

²⁴⁷ - Журн. Комиссии дух. училищ 21 авг. 1815 г.

²⁴⁸ - Журн. Комиссии дух. училищ 27 апр. 1818 г.

²⁴⁹ - Полн. Собр. Зак. т. XL, №30, 343.

²⁵⁰ - В этом издании Кормчей книги, против издания 7161 года, исключены: предисловие и в 1-й части сказание: чего ради вселенские патриархи Римских пап от Божественной восточной Церкви от обычного повиновения и любовного союза отвергоша; во 2-й – сочинение Никиты Мниха; – в чине о браках к старинным наименованиям сродства, по соображении их с греческим

оригиналом, присовокуплены объяснения сообразно с тем, как они называются на российском языке в настоящее время.

²⁵¹ - Перевод этот сделан был, по поручению св. Синода, синодскими переводчиками Василием Козловским (1734–1746 г.) и Григорием Полетикой (1746); в 1766 г. вновь пересмотрен и сличен с греч. подлинником архим. Варлаамом Ляцевским и иером. Софронием Младеновичем и в 1769 г. поручен на рассмотрение Троицкому архимандриту Платону Левшину: но возвращен от него с немногими поправлениями.

²⁵² - Указ св. Синода от 19 июля 1839 г.

²⁵³ - Извлеч. из Отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1836 г., стр. 40–41 и за 1839 г. стр. 45–46.

²⁵⁴ - Извлеч. из Отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1837 г., стр. 55–56 и 1838 г. стр. 49–53.

²⁵⁵ - Извлеч. из отчета г. обер-прокурора св. Синода, за 1840 г., стр. 58–61.

²⁵⁶ - Извлеч. – за 1843 г., стр. 62.

²⁵⁷ - Извлечение из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1850 г., стр. 57.

²⁵⁸ - Журнал Комиссии духовных училищ, 23 сентября 1811 года, ст. 23.

²⁵⁹ - Высочайший рескрипт на имя м. Амвросия, от 3 марта 1817 г., при делах канцелярии Новгородского и С.-Петербургского митрополита, 1817 г. №802.

²⁶⁰ - Журн. Строит. комитета, 22 янв. 1820 г.

²⁶¹ - Там же.

²⁶² - Полн. Союр. Зак. т. VI, №3718.

²⁶³ - Две первые строфы выпущены.

²⁶⁴ - Здесь и далее: подчеркнутая заметка относится к подчеркнутым фамилиям из соседнего столбца. (прим. ред.)

²⁶⁵ - Впоследствии все старшие кандидаты этого курса возведены в степень магистров.